П[illegible]НЦЫ

Рассказывают участники обороны Ленинграда

ЛЕНИЗДАТ 1975

9 (С) 27
061

Составитель Б. Е. Столпнер

$\frac{11202-176}{М\ 171\ (03)-75}$ 54 – 75

ПРЕДИСЛОВИЕ

Народное ополчение... Термин этот родился непроизвольно, повсеместно в первые же дни войны. Вернее, не родился, а всплыл из глубин народной памяти. Война 1812 года, бородатые партизаны, Денис Давыдов, Смоленск — все это было так далеко от войны 1941 года, но было ведь и то давнее, что-то все же передалось...

В коридоре перед комитетом комсомола Кировского завода стояла длинная очередь. Несколько суток со дня объявления войны очередь эта не убывала. В ней стояли молодые парни и даже девушки — активисты, комсорги, и никакие не активисты, и совсем пассивные, как их до этого считали, и вообще не комсомольцы. Тут же в коридоре на тетрадных листках писали заявления. Некоторые старались объяснить подробнее и как можно убедительнее, приписывая себе военные знания и способности, почему их в первую очередь надо отправить на фронт. А вскоре выяснилось, что необходимо еще доказать, что завод может без тебя обойтись, надо было получить разрешение от начальника цеха или отдела. Потому что завод работал на оборону, делал танки, и мы все были нужны, имели так называемую броню. А выше этажом то же самое творилось у дверей парткома завода. Добровольцам там приходилось еще труднее, потому что это были мастера, инженеры, конструкторы— цвет завода, его гвардия. Если бы отпустить всех, кто рвался тогда на передовую, в ополчение, завод, наверное, вынужден был бы остановиться.

Ах, эти страстные, возмущенные, умоляющие, прекрасные жалобы, и просьбы, и заявления! Изложенные с трогательной и наивной убежденностью, что мы немедленно разгромим, уничтожим врага, что мы, кировцы, путиловцы, имеем право первыми идти в ополчение.

И мы, комсорги и члены комитета комсомола, конечно, пользовались своим положением, чтобы пробиться без очереди. Ваня Соколов, Витя Шукстис, Степан Самряков, Ваня Первов, как они уламывали своих начальников, хлопотали, добивались!

За Нарвской заставой маршировали взводы, роты первых ополченцев. Старательно отбивали шаг, еще в штиблетах, ботинках, подпоясанных макинтошах. В одном строю шли рабочие разных цехов — прокатчики, монтеры, крановщики. Ночевали в клубе имени Газа и тут же утром в саду отрабатывали ружейные приемы, разбирали учебный пулемет. То и дело обнаруживалось, что этот работник планового отдела, а тот из отдела главного энергетика — участники гражданской войны, артиллеристы, саперы, что они не только пожилые люди, которые не могут быстро копать окопы и бегать со снарядными ящиками, но что они стреляли, воевали, командовали.

Нам, молодым, все это еще предстояло. Печальные июльские сводки не могли сбить нас с восторженного настроя. Нам выдали гимнастерки, шинели и синие шаровары. Мы ходили гордые по заводу, прощаясь и красуясь. Мы отправлялись, распевая: «За далекой за Нарвской заставой парень идет молодой...» Будни войны навалились сразу, за Лугой, за станцией Батецкая, с первой бомбежкой, первым страхом, первыми боями.

Конечно, ополчение была армия своеобразная. Да, плохо обученная, скудно, сравнительно с кадровыми частями, вооруженная, дисциплина отнюдь не военная, скорее производственная, кругом были заводские, свои. Командир роты — разметчик с турбинки, а взводным у него — старший инженер-механик, все сместилось, перемешалось, мы обращались к командирам по имени-отчеству, нужны были бои и бои, чтобы цеховые авторитеты заменились военными. Но зато у этой армии были свои преимущества: мы знали цену каждому орудию и знали досконально танки, потому что делали их сами.

Тяжелейшие испытания обрушились на только что сформированные дивизии. Трудно объяснить даже нам, участникам тех событий, каким образом могли выстоять и даже остановить, пусть на несколько дней, недель, эти наспех обученные, необстрелянные полки и батареи, — остановить фашистские колонны тяжелых тан-

ков, их кадровые механизированные дивизии, прошедшие всю Европу. Это было чудо чего? Нет, не отчаяния и не неведения. Вцепившись в землю, стояли насмерть оглохшие от бомбежек, прекрасно понимающие, что все сейчас зависит от них, рабочие Нарвской заставы— судостроители, резинщики, кировцы. Нарастал вой пикирующих бомбардировщиков, горела рожь, горели деревни. Жара и едкий дым, и кислые запахи взрывчатки, и повсюду треск немецких автоматов, и мы, еще никакие не солдаты, должны были отстреливаться и подпускать танки как можно ближе...

Было всякое. Но даже в первые дни дивизия не дрогнула, не побежала. Полки продолжали воевать, попадая в окружение и лесами пробиваясь к Ленинграду.

Город создавал все новые дивизии. 2-я Московского района, 3-я, 4-я собирали под свои знамена учителей, лаборантов, счетоводов, вагоновожатых, преподавателей университета. В ополчение шли известный артист Николай Черкасов и учитель Леонид Попов, профессор Огородников и заместитель парторга судостроительного завода Александр Ермолаев. Не было ни заслуженных, ни великих, никто не думал о том, как лучше использовать свои знания. Может быть, это было бесхозяйственным, безрассудным, но все же это было выше любых соображений о пользе — стать солдатом! В этом был высший смысл тех дней, это считали самым нужным.

Потери, ранения — ничто не останавливало добровольцев. Только бы хватило винтовок, только бы было из чего стрелять!

Город отдал в ополчение лучших своих коммунистов и комсомольцев. Ополчение стало великолепной школой мужества. История его полна подвигов легендарных, фигур героических, подобных Дмитрию Подрезову, начальнику политотдела Кировской дивизии, или Феодосию Смолячкову, знаменитому снайперу нашего фронта.

Отступая, ополчение все равно побеждало. Поражения все равно оборачивались победой, потому что дивизии ополченцев останавливали и задерживали немецкие армии.

Эпопея ленинградского ополчения преобразила город. Через ополченцев каждое предприятие было на прямую связано с армией и войной. После сентябрьских боев мы вошли, влились в кадровые дивизии Красной

Армии. Июльские, августовские бои превратили ополченцев в солдат. Война учит быстро и надежно.

...В блокадную зиму мы стояли под Пушкином, в мерзлых и мелких окопах. По ночам ходили заготавливать, собирать дрова и в заброшенных, разбитых домах встречались со своими соседями справа, соседями слева, с артиллеристами укрепрайона. При лунном неверном свете, уже изрядно отощавшие, мы все же узнавали своих ребят с механического и с прокатки — ополченцев, которых война неукоснительно разбрасывала по разным соединениям. И даже спустя два года где-нибудь на Прибалтийском бывшие ополченцы каким-то внутренним чутьем узнавали друг друга.

С темнотой становилось видно, как там, позади, за нами, горел Ленинград. Светлячки пожаров поедали темный, неосвещенный город. С рассветом черные столбы дыма вставали на близком горизонте. В белесой дали мы скорее угадывали, чем видели, контуры города с бледно очерченным профилем Исаакия и зачехленной иглой Адмиралтейства. Мы видели его внутренним зрением: наши разбитые дома, школы, родные улицы, Нарвские ворота-и рядом тот ресторан, где наспех сошлись, прощаясь, члены заводского комитета комсомола. Один уходил в летную часть, другой — в артдивизион, мы прощались легко и уверенно, не зная и даже не думая, кто из нас вернется.

Мы жили вестями с завода. В опустевших цехах, поросших инеем, работа не прекращалась, и был уже другой Кировский, эвакуированный в Челябинск, откуда вести доходили редко и случайно. Бывшие ополченцы писали прямо на свои цеха, на свои фабрики, потому что для многих это было единственное, что осталось от мирной жизни. Не было ни семьи, ни близких, погибло все, кроме своего завода. И на заводе-то, увезенном куда-то за Урал, уже почти все сменилось, но все равно это была последняя родня...

Трудно представить себе героическую оборону Ленинграда без народного ополчения. Написано о нем немало. Но это первая книга воспоминаний участников народного ополчения. Жаль, что она появилась поздно. Хорошо, что она все-таки появилась.

Даниил Гранин

Л. М. АНТЮФЕЕВ

ИДЕТ ВОЙНА НАРОДНАЯ

1

01 июня 1941 года закончился пленум горкома пар-
I. I тин, два дня обсуждавший вопрос о перестройке ленинградской промышленности после XVIII Всесоюзной партийной конференции.

Я заведовал оргинструкторским отделом горкома. Работники нашего и промышленного отделов очень тщательно готовили материалы к пленуму: изучали положение дел на предприятиях, в научно-исследовательских и проектных институтах. С особым вниманием мы знакомились с делами на предприятиях и в учреждениях оборонной промышленности. Ведь перестройка их работы проходила одновременно с реорганизацией и перевооружением Красной Армии. Надо было как можно скорее освоить серийный выпуск новых видов боевой техники и оснастить ими Красную Армию и Военно-Морской Флот.

Антюфеев Леонтий Макарович с 1939 по 1944 год заведовал оргинструкторским отделом Ленинградского горкома партии. С июля по сентябрь 1941 года являлся членом Военного совета Ленинградской армии народного ополчения. Б 1944 году был избран первым секретарем Псковского обкома и горкома партии.

В настоящее время Л. М. Антюфеев — персональный пенсионер.

После пленума мы, заведующие отделами, собрались в кабинете секретаря горкома партии Алексея Александровича Кузнецова.

— Из города не выезжайте, обстановка тревожная,— сказал Алексей Александрович. — Вы знаете, что в Финляндии находятся войска фашистской Германии. А вот и свежая новость — немецкие суда, прибывшие в ленинградский порт, не разгружаясь, повернули обратно.

Было над чем задуматься.

Около двух часов ночи меня разбудил телефонный звонок. Я взял трубку. Говорили из Смольного, просили срочно приехать.

В кабинете А. А. Кузнецова кроме работников горкома партии собрались секретари райкомов. Все сосредоточенны, молчат. Понятно, что в такой неурочный час нас не стали бы созывать, не будь на то чрезвычайных обстоятельств. Неужто война?!

Открыв совещание,_ А. А. Кузнецов сразу же приступил к делу. Он прочитал нам директиву, полученную штабом Ленинградского военного округа о приведении войск в боевую готовность. В ней говорилось, что 22—23 июня возможно нападение немецкой армии, которое, по всей вероятности, начнется с провокационных действий. Руководство Наркомата обороны, приказав привести в боевую готовность все части приграничных округов, в то же время потребовало не поддаваться ни на какие провокации, могущие вызвать крупные осложнения.

Только Алексей Александрович закончил чтение директивы, как его вызвали к аппарату прямой связи с Москвой. Пятнадцать — двадцать минут, пока его не было, показались нам очень долгими.

Но вот он вернулся. Лицо его было спокойным. Хотелось верить, что случилось не самое худшее... Однако Алексей Александрович сообщил, что немецко-фашистские войска вторглись на советскую землю, подвергли бомбардировке Киев, Минск, Севастополь, Мурманск.

Война!

А. А. Кузнецов предложил секретарям райкомов партии немедленно созвать директоров, секретарей парторганизаций предприятий, проинформировать их обо всем, дать нужные указания, а самим держать постоянную связь с горкомом партии и городским штабом МПВО.

Из ЦК партии нам сообщили, что в двенадцать часов дня ожидается официальное заявление Советского правительства.

Состоялось короткое деловое заседание членов бюро горкома партии. Председательствовал А. А. Кузнецов (секретаря ЦК ВКП(б), первого секретаря Ленинградского обкома, и горкома партии А. А. Жданова в городе не было). Было вынесено решение организовать на предприятиях коллективное слушание по радио официального заявления Советского правительства и провести митинги. 22 июня было воскресенье, день отдыха. Но некоторые крупные предприятия работали. Кроме того, люди, услыхав по радио весть о вероломном нападении фашистских орд на нашу страну, устремились на свои предприятия, в учреждения, учебные заведения.

Мне удалось побывать на митингах у скороходовцев и электросиловцев, другим работникам горкома партии— у кировцев, красновыборжцев, на «Большевике». Всюду трудящиеся Ленинграда горячо и взволнованно говорили о своей решимости дать отпор ненавистному врагу.

Я был в кабинете А. А. Кузнецова, когда туда вошел заведующий военным отделом горкома партии И. А. Верхоглаз. Он сообщил, что десятки тысяч людей требуют немедленно отправить их на фронт, но согласно Указу Президиума Верховного Совета СССР мобилизацию надлежит начать 23 июня. Алексей Александрович посоветовался с членами бюро горкома партии, затем позвонил в ЦК ВКП(б). Общее мнение сводилось к тому, чтобы начать в Ленинграде мобилизацию немедленно.

Вечером 22 июня работники большинства мобилизационных пунктов приступили к формированию команд и отправке их в стрелковые, артиллерийские, танковые, авиационные соединения, на боевые корабли и в части береговой обороны.

Секретари, заведующие отделами горкома партии, их заместители проверяли, как идет мобилизация военнообязанных в каждом районе. Я был на пунктах в Кировском и Московском районах. Громадный наплыв людей невольно заставил меня поинтересоваться, как удалось их так быстро оповестить. Военком Московского района И. В. Галковский сказал, что на призывные

пункты, не ожидая повесток, явилось более девяноста процентов всех военнообязанных.

Несмотря на большую загруженность, работники военкоматов четко и быстро оформляли документы. У них уже был опыт: в Ленинграде не раз проводились пробные мобилизации.

Когда мы ночью подводили итоги первого дня работы военкоматов, А. А. Кузнецов сказал, что их осаждают добровольцы — пожилые и молодые люди, не подлежащие по тем или иным причинам мобилизации в Красную Армию и Военно-Морской Флот.

— Надо отобрать добровольцев, — заключил Алексей Александрович, — в отряды для охраны предприятий, военных объектов, борьбы с вражескими лазутчиками и диверсантами.

Так в первые же дни войны Ленинградская парторганизация создала в городе и области 168 добровольческих истребительных батальонов, в которые вошло свыше 36 тысяч человек.

Но поток заявлений от добровольцев возрастал с каждым днем.

В первой половине дня 27 июня я составлял проект решения одного из ближайших заседаний бюро горкома партии, когда мне позвонил Александр Николаевич Кузнецов — помощник Андрея Александровича Жданова. Александр Николаевич слыл у нас в Смольном человеком необыкновенно чутким. Вот и сейчас, зная, что мне приходится работать днем и ночью, спать буквально урывками, он прежде всего осведомился о состоянии моего здоровья, а лишь потом сообщил, что совещание у Андрея Александровича, о котором мне известно, скоро начнется.

Когда я вошел в кабинет А. А. Жданова, там уже были секретари горкома партии, председатель исполкома Ленгорсовета, председатель областного совета Осоавиахима, работники аппарата горкома, обкома партии и несколько представителей штаба Северного фронта.

Сообщив о тяжелых боях, которые ведутся с врагом на Северо-Западном фронте, А. А. Жданов обратился к участникам совещания с просьбой вносить конкретные предложения по организации отпора врагу, если ему удастся вторгнуться на территорию Ленинградской области.

Поначалу речь шла о срочном возведении оборонительных сооружений на южных, юго-западных и западных подступах к Ленинграду, откуда могут угрожать войска группы армий «Север». Так как войска Северо-Западного фронта вели тяжелые оборонительные бои в Прибалтике, несли большие потери, а войска Северного фронта занимали оборону вдоль наших границ в Заполярье, Карелии, на Карельском перешейке, то встал вопрос о том, какие соединения и части могут защищать Ленинград на тех линиях, где будут возведены новые укрепленные районы. Еще до совещания у нас, работников горкома партии, родилась идея о создании добровольческой армии. О ней и шла сейчас речь. Предполагалось, что все стрелковые дивизии и специальные части будут комплектоваться по территориально-производственному принципу и станут резервом Северного фронта.

В Ставку был послан запрос о разрешении сформировать армию добровольцев.

Не теряя времени, мы, работники горкома партии, стали вести в районах подготовительную работу, чтобы, в случае утверждения Ставкой нашего плана, сразу четко и организованно сформировать добровольческие соединения и части, подобрать командный состав, выдать всем оружие, выделить помещения, организовать питание и т. д. И когда 29 июня пришло сообщение, что наш план утвержден, заведующий военным отделом горкома партии И. А. Верхоглаз и я могли доложить А. А. Жданову и А. А. Кузнецову, что в районах проделана большая подготовительная работа, потребуется только два-три дня, чтобы закончить ее.

В горком партии были приглашены секретари райкомов, которых ознакомили с решением Ставки. Они получили указание начать запись добровольцев и формирование добровольческих частей и соединений.

30 июня А. А. Жданов долго беседовал со мной. Сообщив, что я назначен членом Военного совета армии добровольцев Ленинграда, Андрей Александрович оказал:

— Фактически вы будете работать в тесном контакте с теми людьми, которых хорошо знаете по мирному времени.

Я поблагодарил за доверие и обещал приложить все усилия, чтобы оправдать его.

Андрей Александрович здесь же познакомил меня с командующим армией, помощником начальника штаба Северного фронта генерал-майором А. И. Субботиным.

Членом Военного совета кроме меня был назначен бригадный комиссар Н. И. Жмакин, начальником штаба— Н. Н. Никитин, начальником политотдела — И. А. Верхоглаз.

Во время этой встречи зашел разговор о точном наименовании армии. Ее называли и армией добровольцев, и народной, и особой, и добровольческо-коммунистической. Помнится, тогда ничего не было решено. Лишь спустя два-три дня я впервые услыхал от А. А. Жданова слова «народное ополчение». Он сказал, что необходимо поддерживать и развивать боевые традиции русского народа, который в Отечественную войну 1812 года создал народное ополчение, разгромившее вместе с армией войска Наполеона.

2

Военный совет- Ленинградской армии народного ополчения (ЛАНО), штаб, политотдел и редакция газеты «На защиту Ленинграда» разместились в бывшем Мариинском дворце па Исаакиевской площади, где в то время находились Ленинские курсы при ЦК ВКП(б). Кстати, многие слушатели курсов вступали в ряды народного ополчения. На первых порах они помогали нам вести партийно-политическую работу в формируемых частях и соединениях. Затем ушли в дивизии, полки и батальоны.

Запись добровольцев во всех пятнадцати районах города началась 29 июня.

В мои обязанности как члена Военного совета входил контроль за формированием армии и снабжением ее всем необходимым: вооружением, боеприпасами, транспортом, обмундированием, продовольствием и т. д. Бригадный комиссар Н. И. Жмакин, начальник политотдела И. А. Верхоглаз, его помощник по комсомолу С. В. Максимов были заняты организацией партийно-политической работы во вновь формируемых частях и соединениях.

В подборе командных кадров, налаживании работы штабов мне помогал горвоенком Ф. Ф. Расторгуев. По

существу он был помощником командующего нашей армией'по формированию.

В каждом районе райкомы и военкоматы создали комиссии по отбору добровольцев. Председателями их стали секретари райкомов партии, членами — заведующие военными отделами райкомов, райвоенкомы, секретари райкомов комсомола и уполномоченные райотделов НКВД. На предприятиях, в учебных институтах и учреждениях организовались комиссии для разбора заявлений добровольцев (директора, секретари партийных и комсомольских организаций, начальники отделов кадров и представители райвоенкоматов). Кроме того, были созданы пункты записи добровольцев. До подбора командных кадров обязанности штабных и строевых командиров выполняли работники райвоенкоматов.

Ежедневно я бывал почти во всех районах, беседовал с людьми, занимающимися разбором заявлений и формированием частей. Особенно подробный разговор приходилось вести с будущими командирами дивизий и полков: мне предстояло доложить о них членам Военных советов армии и фронта.

Обычно, когда я приезжал на предприятия или в райкомы партии, ко мне обращались десятки людей с жалобами на то, что их не зачисляют в ополчение. В Володароком райкоме партии я был свидетелем того, как члены районной комиссии уговаривали шестидесятилетнего рабочего А. А. Федорова смириться с решением заводской комиссии.

— Я еще крепок здоровьем, хочу бить фашистскую нечисть, — протестовал А. А. Федоров, — а мне говорят, что я заводу нужнее, чем фронту.

Таких примеров было очень много. Не только рабочие, но и инженеры, преподаватели, деятели науки и культуры не хотели мириться с отказом местных и районных комиссий. Известно, например, что выдающийся советский композитор Д. Д. Шостакович принимал самые энергичные меры, чтобы записаться добровольцем в ополчение. Получив везде отказ, он стал бойцом МПВО, тушил зажигательные бомбы на крыше консерватории. Выступая на одном из митингов, Дмитрий Дмитриевич Шостакович сказал: «Фашизм — это конец культуре, конец цивилизации. Спасти человечество можно только с оружием в руках%

В ополчение шли целыми семьями. Бывший парти* зан времен гражданской войны шестидесятипятилетний Николай Никифорович Бессонов подал заявление в военкомат Дзержинского района с просьбой отправить его на фронт вместе с шестью сыновьями и двумя дочерьми. Участник штурма Зимнего, член партии с 1920 года рабочий завода «Русский дизель» А. А. Тимофеев пришел записываться в ополчение вместе с сыном Борисом — комсомольцем. На другой пункт отбора добровольцев явились шестеро братьев Синегиных, И. Г. Самолетов с тремя сыновьями. Желающих вступить в ополчение было так много, что комиссиям, разбиравшим заявления, приходилось работать по восемнадцать — двадцать часов в сутки.

К Ю июля было отобрано ПО тысяч добровольцев. Более тридцати процентов из них — коммунисты.

Вспоминается первое заседание Военного совета армии. Оно происходило 2 июля. Решался вопрос о принципах формирования дивизий. После обмена мнениями решили: формировать их гю районам, каждую численностью десять тысяч человек; срок готовности — несколько дней; присвоить им порядковые номера. Обычно же дивизии носили наименование того района, где создавались.

З июля А. И. Субботина и меня вызвал командующий Северным фронтом генерал-лейтенант М. М. Попов. В его кабинете был в это время А. А. Жданов.

— Обстановка на фронте резко ухудшилась, — сказал командующий фронтом, — наши войска ведут тяжелые оборонительные бои на подступах к Пскову и Острову. Необходимо ускорить отправку ополченских дивизий на фронт.

— Как это сделать оперативнее и лучше? — спросил у нас А. А. Жданов.

Мы ответили, что надо отказаться от формирований по строго территориальному принципу, а брать сформированные полки из разных районов и сводить их в дивизии.

А. А. Жданов и М. М. Попов согласились с этим предложением. 4 июля мы вновь созвали Военный совет ЛАНО и вынесли решение: «Учитывая недостаточное количество личного состава для создания дивизий в пределах каждого района и необходимость ускорения формирования соединений, признать целесообразным

сведение полков разных районов в единые дивизии».

Во 2-й Московской дивизии народного ополчения уже были сформированы первый полк из добровольцев-электросиловцев, второй — преимущественно из скороходовцев. Военный совет ЛАНО влил в это соединение третий полк из добровольцев Ленинского района.

Объединить людей в воинские части и подразделения, сплотить их было делом нетрудным. Ведь все они до начала войны работали вместе не только на одном предприятии, но и в одном цехе, хорошо знали друг друга. Побывав в 1-й Кировской дивизии, я убедился, как велики здесь дружба и братство, столь необходимые в бою. Первый полк состоял в основном из добровольцев Кировского завода, второй — из добровольцев завода имени Жданова, третий — из добровольцев Дзержинского района. В батальонах и ротах — друзья и товарищи по цеху, участку. Все это хорошо, думал я, взаимовыручка и помощь в бою будут, но батальон все же не цех, здесь нужны воинские порядки и железная дисциплина. Нельзя, например, мириться с тем, что командир и подчиненный обращаются друг к другу по имени.

На Военном совете ЛАНО этот вопрос был предметом специального обсуждения. Всем командирам дивизий был отдан приказ с первых дней формирования ввести строгую дисциплину; кроме овладения оружием, приемами боя, проведения тактических занятий, политической подготовки сразу же приступить к изучению уставов и наставлений, искоренить все так называемые «штатские» порядки и привычки.

За короткий срок нам удалось сформировать три стрелковые ополченские дивизии. Кроме 1-й Кировской (командир — комбриг В. А. Малинников) и 2-й Московской (командир — Герой Советского Союза полковник Н. С. Угрюмов), о которых шла речь выше, была создана 3-я Фрунзенская (командир — Герой Советского Союза полковник В. Г. Нетреба). Спустя еще несколько дней начала готовиться к боям 4-я Дзержинская (командир — полковник П. И. Радыгин).

Мы смогли так быстро сформировать эти соединения благодаря энергичной помощи обкома й горкома партии, командования Северного фронта, лично А. А. Жданова, А. А. Кузнецова и райкомов партии во

главе с В. С. Ефремовым, Г. Ф. Бадаевым, Г. Т. Кедровым, П. А. Ивановым, И. М. Турко и другими.

Очень трудным делом оказалось снабжение дивизий машинами, тракторами, вооружением, боеприпасами, вещевым довольствием. Однако всегда нас выручали трудящиеся Ленинграда, которые буквально сутками не выходили из цехов, чтобы только в срок обеспечить ополчение всем необходимым. Рабочие Кировского района превращали учебные винтовки и пулеметы в боевые; Октябрьского и Московского — изготавливали обмундирование и обувь, рабочие завода «Красный выборжец» — котелки и ложки.

Перед отправкой первых формирований в действующую армию штаб Северного фронта выделил для ополчения двадцать пять тракторов-тягачей — десять были на ходу, а пятнадцать требовали большого ремонта. До передачи их одной из дивизий оставалось две ночи и один день. Я обратился за помощью к заведующему областным земельным управлением И. И. Таирову и директору Ленинградских машинно-тракторных мастерских А. И. Зуеву. Они в свою очередь —к рабочим мастерских. Те ответили:

— Трудно, очень трудно уложиться в такой короткий срок, но раз фронту нужно — сделаем!

И свое слово они сдержали. Кроме того, рабочие Ленинградских машинно-тракторных мастерских в июле — августе проверили и привели в готовность еще шестьдесят тракторов, которые тоже были переданы ополченцам.

Партийные и советские работники, хозяйственники и рабочие никогда ни в чем не отказывали нам. Был у нас, например, такой случай: из тысячи автомашин, имевшихся в распоряжении штаба ЛАНО, пятьсот бездействовали — не было покрышек. Штабы Северного фронта и КБФ дали тысячу покрышек. Где взять вторую тысячу? Позвонил директору Шинного завода В. П. Чеснокову, не надеясь на успех. Знал, что у них напряженный план, не хватает сырья, рабочих рук.

— Когда надо? — спросил Владимир Петрович.

— Через два дня.

— Изготовим и сами вам доставим, — заверил меня Чесноков. И не обманул.

Так было всюду. В связи с этим вспоминается еще один характерный эпизод. В штабе Северного фронта

многие начальники имели автоматы «ПОД». Я поначалу стеснялся выпрашивать, но потом осмелел и стал говорить:

— Вам автомат нужен от случая к случаю, когда на фронт выезжаете, а ополченцы скоро вступят в бой...

Эти слова действовали, как говорят, магически — начальники моментально оформляли передачу автоматов штабу ЛАНО. А я в свою очередь передавал их командирам дивизий с наказом вручить отличившимся в бою воинам.

3

Ополченцы занимались боевой подготовкой в садах и парках города. Здесь они учились ползать по-пластунски, делать перебежки, окапываться, стрелять, метать гранаты, поджигать и взрывать танки... К сожалению, у первых двух дивизий было для этого очень мало времени. 10 июля в связи с ухудшившимся положением на фронте мы провожали 1-ю Кировскую дивизию. Она отправлялась под Новгород, чтобы занять оборону на левом фланге в предполье Лужского оборонительного рубежа и вместе с кадровыми соединениями преградить путь противнику. Вскоре в сооруженных трудящимися Ленинграда укрепрайонах разместились четыре артиллерийско-пулеметных батальона. 13 июля выступила на фронт 2-я Московская дивизия. 14 июля она выгрузилась на станции Веймарн и с марша контратаковала врага.

В тот же день в зону боевых действий отбыли четыре ополченских истребительных полка особого назначения. А спустя два дня — еще два таких же полка. Все они должны были перейти линию фронта и выполнять особо важные задания командования.

В ночь с 14 на 15 июля походным маршем в район Красного Села выступила 3-я Фрунзенская дивизия. Она пробыла там недолго, второй и третий ее полки были переброшены под Олонец на защиту побережья Ладожского озера, а первый полк занял оборону на одном из участков Красногвардейского укрепрайона. 20 июля он был передислоцирован на Лужскнй рубеж.

21 июля отправилась в действующую армию 4-я Дзержинская дивизия. Она заняла оборону на одном ИЗ участков фронта недалеко от Кингисеппа. После

первых боев она была отведена на переформирование, а затем, снова вступив в бой, сумела отвоевать у противника важные позиции в районе Усть-Тосна.

За первую половину июля на фронт и за его линию, в тыл врага, ушло сражаться 56 500 ополченцев. Хотя время было тревожное, провожали их торжественно. Утром 10 июля полки 1-й Кировской дивизии: народного ополчения выстроились на широком плацу. На правом фланге развевалось знамя, врученное ополченцам коллективом Кировского завода. Секретарь райкома партии В. С. Ефремов, парторг ЦК партии на Кировском заводе М. Д. Козин выступили с напутственными речами, наказав ополченцам нещадно бить врагов, грудью защитить город Ленина, приумножить боевые и революционные традиции сынов и дочерей Нарвской заставы.

2-я Московская дивизия народного ополчения должна была отправиться на фронт ночью. За несколько дней до этого в зале Московского райкома партии был собран ее партийный актив. Мы, члены Военного совета ЛАНО, в своих выступлениях-не скрывали от ополченцев тяжелого положения на фронте, говорили им всю правду. Прошло много лет, но до сих пор не забыть тех взволнованных, страстных речей ополченцев-коммунистов, которые давали клятву быть первыми в бою, показывать пример отваги, стойкости и мужества* в боях за город Ленина — колыбель Великого Октября^

Запомнились мне и проводы 5-го Свердловского и 6-го Петроградского истребительных полков особого назначения. 15 июля, накануне отъезда в распоряжение штаба Северо-Западного фронта, полки собрались в Доме культуры имени С. М. Кирова. Перед бойцами выступили секретарь горкома партии А. А. Кузнецов, командир Петроградской дивизии Г. И. Шолев и я. От имени бойцов истребительных полков произнес клятву верности воинскому долгу командир 5-го полка К. Н. Волович. Я знал, что Константин Николаевич, работавший до войны начальником цеха на заводе «Электроаппарат», член партии с 1917 года, был партизаном в годы гражданской войны. Я слушал его идущие из глубины сердца слова и думал: «Он не подведет, он станет настоящим вожаком». Так оно и получилось. Полк «Деда Якова» (кодовое название) действовал в тылу врага более пяти месяцев, истреблял вражеские колонны, пускал под откосы поезда с боевой техникой,

разрушал дорогй, рвал Связь, карал предателей, вел агитационно-пропагандистскую работу среди советских людей в оккупированных районах.

Героически сражаясь с врагом, воины кадровых частей Красной Армии вместе с ополченцами остановили врага на Лужском рубеже протяженностью триста километров. В то критическое время, когда хорошо вооруженные пехотные и танковые дивизии группы армий «Север» рвались к Луге, чтобы развить наступление на Ленинград с юго-запада, это было нашим первым крупным успехом в битве за город Ленина.

Гитлер и другие главари фашистского рейха, начиная войну против советского народа, надеялись одним ударом разгромить нашу армию. В их планах были учтены и внезапность нападения, и период реорганизации и перевооружения Красной Армии, и еще многие другие благоприятные для них факторы. Не учтены были ими только потенциальные силы нашего народа, его беспредельная преданность матери-Родине, идеям ленинизма, Коммунистической партии, чья организаторская и вдохновляющая сила подняла массы на преодоление самых неимоверных трудностей, на священную народную войну против фашистских захватчиков.

Ополченцы, несмотря на большую нехватку оружия, героически дрались с отборными, вооруженными до зубов полчищами врагов. Вместе с кадровыми 191-й, 177-й стрелковыми дивизиями, горнострелковой бригадой, курсантами Ленинградского пехотного училища имени С. М. Кирова, Ленинградского стрелково-пулеметного училища, 24-й танковой дивизией, артиллерийской группой полковника Г. Ф. Одинцова 1-я Кировская и 2-я Московская дивизии народного ополчения, первый полк 3-й Фрунзенской дивизии отражали непрерывные атаки противника и сами контратаковали его.

Героическая оборона Лужского рубежа, длившаяся почти месяц, дала возможность подготовиться к отпору врага у стен великого города на Неве. Сотни тысяч ленинградцев в это время продолжали самоотверженно трудиться на строительстве Лужского и Красногвардейского (Гатчинского) укрепленных районов (в конце июля и начале августа здесь одновременно работало до полумиллиона человек). Штаб ЛАНО с помощью партийных организаций города развернул огромную работу по срочному формированию еще четырех дивизий.

4

11 июля в Ленинград прибыл маршал К. Е. Ворошилов, назначенный накануне постановлением Государственного Комитета Обороны главнокомандующим Северо-Западным направлением. Главком, ознакомившись с обстановкой на Северо-Западном и Северном фронтах, приказал скорее отправить в бой новые ополченские формирования.

18 июля Военный совет ЛАНО начал формировать две дивизии, 24 июля — третью дивизию и 27 июля — четвертую.

К. Е. Ворошилов и А. А. Жданов предложили назвать эти дивизии гвардейскими в честь добровольных отрядов питерской Красной гвардии, героически защищавших город Великого Октября от белогвардейских полчищ. Военный совет ЛАНО, политорганы армии и дивизий стремились воспитывать ополченцев на боевых и революционных традициях Красной гвардии.

1-я гвардейская дивизия создавалась в Куйбышевском районе. Но в ее состав были включены подразделения Дзержинского; Октябрьского, Володарского и других районов города. В дивизии насчитывалось 10 815 ополченцев. Треть из них — коммунисты и комсомольцы. Командный состав в основном пришел из резерва. Мы приложили немало усилий, чтобы кроме винтовок дать дивизии 270 пулеметов, 32 пушки и гаубицы, 78 минометов. По тому времени это было не так уж мало.

В связи с тяжелым положением на фронте отдельные части и подразделения 1-й гвардейской дивизии народного ополчения вскоре стали занимать оборону в Красногвардейском укрепрайоне. Пока позволяла обстановка, ополченцы в полевых условиях проходили боевую и политическую подготовку. А 11 августа дивизия была срочно передислоцирована в район Волосова, где сразу же вступила в бой с врагом.

2-я гвардейская дивизия народного ополчения формировалась главным образом из добровольцев Свердловского района, 3-я гвардейская — из трудящихся Петроградского района. Однако в эти дивизии, так же как и в первую, вливались уже созданные роты, батальоны из других районов города.

Все эти три дивизии, вступив в бой с врагом на ближних подступах к Ленинграду, сражались с исключительным героизмом. 4-ю гвардейскую дивизию народного ополчения мы создали из добровольцев Выборгской стороны и усиленно готовили ее к боям. Но К. Е. Ворошилов приказал нам сделать это соединение запасным и готовить здесь маршевые батальоны для пополнения действующих частей народного ополчения. Уже позже, через месяц, 4-ю гвардейскую преобразовали в 5-ю дивизию народного ополчения, которая во взаимодействии с артиллерией героически обороняла Пулковский рубеж, не сдав его врагу.

Во второй половине июля и первой половине августа мы отправили на фронт сорок тысяч ополченцев. А всего за два с половиной месяца более 200 тысяч добровольцев— цвет рабочего класса и трудовой интеллигенции Ленинграда — встали грудью на защиту колыбели Великого Октября.

5

Военный совет и политотдел ЛАНО работали очень дружно. А. И. Субботин, Н. И. Жмакин, Н. Н. Никитин, работники политотдела И. А. Верхоглаз, А. А. Булышкин, Ф. Ф. Конончук и автор этих строк с утра разъезжались по районам, предприятиям, пунктам отбора добровольцев, местам боевой учебы, связывали командование ополченских формирований с партийными, советскими руководителями, директорами предприятий, согласовывали сотни больших и малых дел — от ремонта орудий и оружия до снабжения бойцов портянками, выясняли запросы командиров всех степеней и рядовых ополченцев, старались оперативно решать возникавшие вопросы.

Исключительной энергией и мужеством отличался начальник политотдела ЛАНО И. А. Верхоглаз. В разгар боев на Лужеком рубеже он был направлен комиссаром 177-й стрелковой дивизии. Воины этого соединения длительное время сдерживали натиск превосходящих сил немецко-фашистских войск. Немалая заслуга в этом командира дивизии полковника А. Ф. Машошина и комиссара дивизии, бывшего заведующего военным отделом горкома партии, начальника политотдела ЛАНО. И. А. Верхоглаза, павшего смертью храбрых.

Очень большую помощь нам оказывали К. Е. Ворошилов и А, А. Жданов. Постоянно вникая в дела и нужды ополчения, они заботились о том, чтобы по возможности лучше оснащать дивизии вооружением, боеприпасами, обмундированием, продовольствием.

В перестройке промышленности города на военный лад Ленинградская партийная организация сыграла решающую роль.

Мне довелось часто общаться с секретарем горкома партии А. А. Кузнецовым. Можно было только восхищаться его организаторскими способностями, инициативой, прекрасным знанием промышленности и людей.

Всего Ленинград дал фронту десять дивизий народного ополчения, шестнадцать артпульбатов, семь истребительных полков и много отрядов особого назначения, большое число маршевых батальонов, истребительных батальонов.

В конце сентября воины кадровых и ополченских частей и соединений Ленинградского фронта и Краснознаменного Балтийского флота остановили врага.

Высокую оценку действий 5-й дивизии народного ополчения на Пулковском рубеже дал Маршал Советского Союза Г. К. Жуков, командовавший Ленинградским фронтом в грозные дни сентября — октября 1941 года: «5-я дивизия, сформированная из добровольцев Калининского и Выборгского районов, была заблаговременно развернута на рубеже Константиновна — Пулковские высоты. Командовал ополченцами опытный генерал, участник гражданской войны П. А. Зайцев. На этом рубеже советские войска проявили исключительный героизм и доблесть в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками. Пулковский рубеж оказался таким же неприступным для противника, как и в годы гражданской войны» [1].

Из десяти дивизий народного ополчения семь стали кадровыми, участвовали в разгроме вражеских войск у стен великого города на Неве, освобождали от немецко-фашистских захватчиков города и села нашей Родины и стран порабощенной Европы, покрыли свои знамена неувядаемой славой.

---

[1] Сб. «Операция „Искра“». Л., Лениздат, 1973, сур. 11—12.

6

В одном из новых районов Ленинграда именем Народного ополчения назван проспект. В иностранные порты Европы доставляет лес и другие грузы лесовоз «Ленинградский ополченец» (порт приписки — Ленинград). Есть во всем этом много знаменательного. Нашим детям даже дошкольного возраста, живущим на проспекте Народного ополчения, хорошо известно, цто такие ополченцы. А вот в Англии, ФРГ и других странах Европы советские моряки вынуждены были долго объяснять служащим портов, что означает слово «ополченец».

— Мы долго мучились, — рассказывает старший помощник капитана «Ленинградского ополченца» Григорий Васильевич Молодцов, — нас не понимали, пока не пришли в один из французских портов. Рабочие-грузчики обступили команду, и посыпались вопросы. Наши ответы были сразу поняты. «Это же волонтер! — сказал один портовый рабочий и добавил по-русски: — Доброволец!» С тех пор во всех портах мы переводим «ополченец» французским словом «волонтер». Оно понятно и английским докерам, и бельгийским, и голландским, и немецким портовым рабочим.

— Нас, моряков «Ленинградского ополченца»,— продолжал Г. В. Молодцов, — иностранные рабочие принимают очень приветливо. Иногда спрашивают: «Есть ли среди вас сыновья волонтеров?» И я отвечаю, что во время первого рейса нес вахту электрик-моторист Виктор Лунин. Его отец и мать — ленинградские волонтеры— познакомились в сорок первом году в боях за свой город, стали мужем и женой... Сын их Виктор служит сейчас в армии так же образцово, как сражались на фронте его отец и мать. А в нашей команде много детей тех, кто погиб на фронте: мой отец — рабочий, горновой— пал в боях, защищая Москву, отец начальника радиостанции Олега Васильевича Афанасьева — бухгалтер — погиб под Ленинградом в сорок третьем году... «А остались в Ленинграде живые волонтеры?» — часто спрашивают меня иностранные рабочие. И я отвечаю, что многие ветераны ополчения — наши друзья, мы с ними часто встречаемся. Как-то в Англии один докер сказал: «Мы все волонтеры в борьбе за мир и дружбу, с Советским Союзом».

...Я вспомнил одну радиопередачу в осажденном Ленинграде. В ней рассказывалось о судьбе испанца Эулохио Гонсалеса. Ему было двенадцать лет, когда он сражался вместе с отцом — шахтером из Астурии — против фашистов: подносил патроны. А когда отец погиб в бою, взял его карабин. В 1941 году Эулохио Гонсалесу было семнадцать лет, он добровольно вступил в нашу армию, сражался с фашизмом под Ленинградом и называл себя «бойцом международного ополчения».

— Советские воины помогали сражаться с фашизмом моему народу, — сказал астурийский юноша. — Я и мои испанские друзья, истребляя фашистов под Ленинградом, выполняем свой интернациональный долг.

Глубоко символичные слова! Силы мира и социализма непобедимы. Ярким примером тому была Великая Отечественная война. Когда Советскому Союзу угрожала опасность, весь наш народ, сплоченный вокруг Коммунистической партии, встал на защиту завоеваний Великого Октября. Священную войну советских людей против немецко-фашистских захватчиков поддержало все прогрессивное человечество, которое и сейчас вместе с нами ведет активную борьбу против черных сил реакции, против войны, за мир во всем мире.

К. С. УГРЮМОВ,
Герой Советского Союза

ТАК НАЧИНАЛИ

Спустя несколько дней после начала войны дивизию, в которой я служил заместителем командира, направили в район города Луги, на центральный участок Лужского оборонительного рубежа. Но выехать я не успел. Меня неожиданно вызвали в штаб Северного фронта. В отделе кадров сказали:

— Вы назначены командиром второй дивизии народного ополчения.

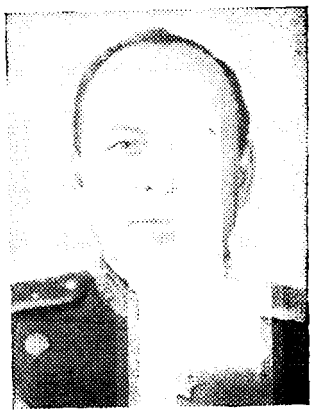
Я поинтересовался, что она собой представляет, где дислоцируется.

— Дивизии еще нет,— услышал в ответ, — вам придется ее формировать в Ленинграде, в Московском районе.

Начальник отдела кадров рассказал, что по решению горкома партии, одобренному Ставкой Верховного командования, в Ленинграде создается армия добровольцев. В заключение добавил:

Угрюмов Николай Степанович во время конфликта с Финляндией командовал батальоном. За умелое руководство подразделением при штурме линии Маннергейма удостоен звания Героя Советского Союза. В июле 1941 года назначен командиром 2-й дивизии народного ополчения. Позже командовал соединениями на других фронтах.

Н. С. Угрюмов — генерал-майор в отставке.



— Командовать армией будёт генерал-майор Субботин, у него можете узнать все подробности.

Тут же, в штабе, я разыскал генерала Субботина. Представился ему. Разговор был коротким.

— Отправляйтесь, — сказал командующий, — в Московский районный комитет партии, там решите все вопросы. Надо быстрее закончить организационные дела и заняться боевой подготовкой.

Секретарь Московского райкома Г, Ф, Бадаев возглавлял районную комиссию по формированию ополчения. Он быстро ввел меня в курс дела. На предприятиях полным ходом шла запись добровольцев. Уже принимались меры для вооружения и обмундирования частей, были намечены пункты сбора и размещения.

5 июля дивизия, насчитывавшая около девяти тысяч Человек, перешла на казарменное положение.

Формирование крупного воинского соединения — дело хлопотное. А тут еще времени в обрез. Приходилось срочно решать множество вопросов, связанных с комплектованием аппарата управления дивизией, экипировкой и вооружением бойцов, организацией питания. Побывать во всех частях не удалось. Но даже при беглом ознакомлении с подразделениями бросалась в глада подтянутость и дисциплинированность добровольцев, их высокий боевой дух. Роты и .батальоны состояли из рабочих и инженеров крупнейших предприятий Московского и Ленинского районов, работников научно-исследовательских институтов, студентов. Это был цвет трудового Ленинграда.

Тревожило лишь то, что 3894 рядовых бойца и 205 младших командиров были вовсе не обучены. Большинство среднего командного состава также не имело военного образования. К моменту отправки на фронт в дивизии насчитывалось всего шестнадцать кадровых командиров. Да и среди них мало кто имел опыт работы в строевых частях. Достаточно сказать, что одним полком командовал майор ветеринарной службы, другим— воентехник 1-го ранга, третьим — преподаватель военной кафедры института.

Неблагополучно было и с вооружением: не хватало Станковых пулеметов, полковой артиллерии.

12 июля меня вызвали в штаб армии.

— Знаю, — сказал генерал-майор Субботин, — что

дивизия еще недостаточно подготовлена к боям, но время не терпит — надо выступать...

Командующий коротко обрисовал обстановку. 5 июля противник занял Остров, 9 июля — Псков. 12 июля фа» шистские войска, наступавшие вдоль шоссе Пскова Луга, подошли к реке Плюссе.

—•Вам ставится задача, — продолжал Субботин,—» занять оборону на реке Луге у Кингисеппа. Всйдетр в состав Лужской оперативной группы. Командующий — генерал-лейтенант Пядышев,

Нам следовало отправиться к Кингисеппу в пятнадцать часов 13 июля. Однако подача вагонов задержалась. Лишь в ночь на 14 июля эшелон с первым, электросиловским полком отошел от станции.

Я с небольшой группой командиров штаба выехал к месту выгрузки на автомашине, чтобы своевременно получить боевую задачу от командующего Лужской оперативной группой генерал-лейтенанта К. П. Пядышева.

Только мы подъехали к станции Веймарц и вышли из машины, как попали под бомбежку фашистской авиации. Ближайшие к станции постройки были охвачены огнем, небо заволокло багровым дымом.

Работники штаба приступили к оборудованию командного пункта, а я направился к К. П. Пядышеву. Он ознакомил меня с положением на правом фланге Лужской линии обороны.

14 июля противник вышел к реке Луге, переправился через нее, захватил несколько населенных пунктов, в том числе большое село Ивановское. Фашистские войска наносили удар вдоль шоссейной дороги на Веймарн, стремясь овладеть железнодорожной и шоссейной магистралями Кингисепп — Красногвардейск (Гатчина).

Генерал-лейтенант Пядышев приказал форсированным маршем выдвинуть полки к реке. Первоочередной задачей командующий поставил ликвидацию плацдарма противника у Ивановского. Затем во взаимодействии с соседями — справа 191-й стрелковой дивизией, слева Пехотным училищем имени С. М. Кирова — нам следовало создать прочный оборонительный рубеж.

Утром в Веймарн прибыл эшелон с первым полком. Вражеская воздушная разведка, видимо, обнаружила его в пути. Во время выгрузки полка над станцией появились фашистские самолеты. Бомбы падали на путях, вздымая вверх землю, обломки шпал, Осколки сыпались

на открытые платформы, прошивали вагоны. Появились первые раненые и убитые. Грохот разрывов, горящие вагоны, стоны раненых — все это создавало картину, отнюдь не прибавлявшую бодрости бойцам, ни разу не нюхавшим пороху. Прошло некоторое время, прежде чем удалось собрать ополченцев, укрывшихся от воздушного налета.

Я имел небольшой боевой опыт: командовал батальоном, который участвовал в штурме линии Маннергейма. Но здесь были совсем иные условия. Мы вступали в бой с ходу, не зная, какими силами располагает противник, не имея времени произвести рекогносцировку местности. Пришлось по карте изучить подступы к селу Ивановскому.

Начальник штаба дивизии разложил на столе карту. Вызвали командира первого полка майора Добрякова. Обсудили план наступления.

— Ваша задача, — сказал я в заключение, — решительной атакой овладеть селом и сбросить противника в реку.

Только ушел Добряков, на КП дивизии появился командующий Северным фронтом генерал-лейтенант М. М. Попов. Я доложил о положении, в котором оказался первый эшелон дивизии, и о принятом решении немедленно атаковать Ивановское. Сказал и о потерях, понесенных полком еще до вступления в бой. Командующий стал расспрашивать о боеспособности подразделений, военной подготовке командиров.

— Это покажет бой,— отвечал я.— Не было у нас времени иначе проверить.

Подумав и взвесив все, М. М. Попов разрешил начинать атаку Ивановского, когда подойдут танки и займут огневые позиции два дивизиона нашего артиллерийского полка.

Не успели мы договориться о взаимодействии с танками и артиллерией, как из штаба генерала Пядышева сообщили, что противник, развивая наступление с Ивановского плацдарма, занял Среднее Село, находящееся в восьми километрах от Веймарна.

Ополченцы двинулись к Среднему. Высланный вперед взвод разведки столкнулся с группой фашистских автоматчиков. Завязалась перестрелка. Гитлеровцев было значительно больше, чем наших бойцов, но командир взвода сержант Ф. Узелков, бывший кронштадтский

плотник, умело организовал бой, и противник, понеся потери, отступил.

На ближних подступах к Среднему Селу сильный орудийный и минометный огонь прижал ополченцев к земле. Без поддержки артиллерии выбить гитлеровцев из населенного пункта не удавалось.

Политрук батареи П. Д. Бархатов, исполнявший обязанности командира, проявил смелость и инициативу — подтянул орудия вплотную к селу, чтобы можно было стрелять прямой наводкой. Сделал он это скрытно, под покровом ночи выкатив орудия на передний край стрелкового батальона. Противник обнаружил батарею лишь утром и бросил против нее несколько танков.

Артиллеристы действовали уверенно и умело. Подпустив танки поближе, они открыли меткую стрельбу. Четыре танка были выведены из строя, две танкетки, прорвавшиеся в расположение батареи, подбиты. Бойцы воспользовались этим. Роту, наступавшую с востока, поднял в атаку парторг полка В. Наумов. Северную окраину села атаковали ополченцы во главе с секретарем комсомольской организации полка М. Косорымовым. К исходу дня добровольцы очистили от противника Среднее Село, гитлеровцы откатились к Ивановскому. Ополченцы-электросиловцы успешно выдержали первый боевой экзамен.

Но главной нашей задачей оставалась ликвидация Ивановского плацдарма. Командир полка решил ждать рассвета. Я не возражал. Как потом выяснилось, это было ошибочное решение: мы дали возможность фашистам закрепиться и организовать оборону.

Утром, после короткой артиллерийской подготовки, вслед за танками ополченцы пошли в атаку на Ивановское, но, встреченные огнем из всех видов оружия, залегли недалеко от окраины села. Все попытки продвинуться вперед не удавались. Понеся значительные потери, полк вынужден был отойти к опушке леса.

Командующий фронтом, находившийся в расположении дивизии, видя, что первый полк без усиления артиллерийской поддержки вряд ли сможет в тот же день снова атаковать Ивановское, разрешил перейти к обороне. Но укрепить занятый рубеж мы не успели, и противник воспользовался этим.

Ночь прошла спокойно, а на рассвете майор Добряков сообщил, что вражеская пехота, поддерживаемая

танками, йачала Шступлениб. Я йёмедленно выехйЛ к Ивановскому, тревожась, сдержат ли натиск против« ника люди, только вчера взявшиеся за оружие. Беспокоило и то, что Добряков производил впечатление нерешительного и малоинициативного человека. Дурное предчувствие не обмануло меня. Подразделения первого полка оставили свои позиции.

Как выяснилось, гитлеровцы ударили с фланга. Кто-то крикнул! «Нас окружают!» Бойцы, накануне сражавшиеся с исключительным мужеством, сейчас дрогнули, стали отходить.

К счастью, артиллеристы поставили заградительный огонь и остановили противника. Это позволило быстро собрать ополченцев в лесу по дороге к Среднему Селу и восстановить порядок в подразделениях. Командование полком принял майор А. Соколов.

В это время в Среднее прибыл главнокомандующий Северо-Западным направлением Маршал Советского Союза К. Е. Ворошилов с группой командиров, отрядом пограничников и несколькими танками. В сопровождении командующего фронтом маршал подъехал к моему временному наблюдательному пункту. Здесь же выстроилась одна из рот, которая отходила особенно неорганизованно, разрозненными группами, Я доложил об обстановке, сложившейся на участке первого полка.

Главком подошел к строю. Бойцы стояли а виноватым видом, потупив головы.

Не могу сейчас точно воспроизвести слова, с которыми маршал обратился к бойцам. Но, помню, смысл их заключался в том, что надо остановить врага, рвущегося к Ленинграду, что командование возлагает большие надежды на ленинградских добровольцев — хранителей славных традиций питерского пролетариата.

— Вы ведь добровольцы, Красная гвардия, — с силой произнес в заключение Ворошилов, — и воевать должны бесстрашно, как красногвардейцы...

В этот момент мимо пронесли раненого. Ворошилов остановил санитаров, подошел к носилкам и стал расспрашивать бойца, получившего рану в первом бою за Ивановское. Превозмогая слабость, раненый старался бодро отвечать маршалу,

— Мы еще покажем врагу, — произнес он, — на что способны ленинградцы.

— И С такими бойцами вь! Кб Можетё хорошб воевать! — с упреком обратился ко мне Ворошилов.

Прибытие в дивизию вслед за командующим фронтом главнокомандующего Северо-Западным направлением еще раз подчеркивало, какое значение придавалось ликвидации Ивановского плацдарма противника, а мы поставленную задачу не выполнили. Я предвидел неприятную беседу с главкомом. И она состоялась. К. Е. Ворошилов резко выговаривал мне за плохую организацию боя. Он приказал одному из сопровождавших его командиров двинуть к Ивановскому танки. Вслед за ними бросились ополченцы и отбили часть оставленных позиций.

Но тут из-за первых домов Ивановского вышли вражеские танки, открыли огонь противотанковые орудия, укрытые на огородах. Не дойдя метров триста — пятьсот до села, наши танкисты повернули назад и отошли на исходные позиции. Бойцы под сильным пулеметно-минометным огнем залегли.

К. Е. Ворошилов подозвал меня, передал свой броневичок и приказал лично направиться на наблюдательный пункт полка. Майор Соколов сменил НП и, где он находится, сообщить не успел. Сказать об этом Ворошилову я не решился, сел в броневичок и приказал водителю ехать в направлении Ивановского.

Вскоре цепь вражеских автоматчиков, просочившихся в лес, преградила нам путь и попыталась обойти машину. *Мы отогнали их пулеметным огнем, но стало ясно, что вперед не пройти. Пришлось дать задний ход: на узенькой дороге броневик нельзя было развернуть. Фашисты открыли огонь из автоматов. Отстреливаясь, мы отошли назад.

Свернув влево, я вскоре добрался до НП полка. Побыв там с полчаса и уточнив с командиром задачу каждого батальона, отправился обратно. К. Е. Ворошилов собирался уезжать. Перед отъездом он еще раз приказал во что бы то ни стало взять Ивановское.

...На подступах к селу бой продолжался. Добиться успеха мы, однако, не смогли. Пришлось переходить к обороне. Я вернулся в Веймарн на свой командный пункт.

Туда подошли последние эшелоны дивизии. В течение 15 июля 2-я ДНО полностью сосредоточилась в указанном ей районе на реке Луге.

Выгрузился также дивизион кадрового гаубичного полка и танковый батальон бронетанковых курсов усовершенствования комсостава, в последующие дни взаимодействовавшие с нашей дивизией.

Начались боевые действия и на других участках. Противник предпринял наступление на флангах, пытаясь выйти в наш тыл. Захватив деревню Юрки, он легко мог это сделать.

Чтобы сорвать замысел гитлеровцев, второй полк под командованием В. С. Лифанова, выгрузившись из эшелона, совершил марш-бросок под Юрки и вступил в бой.

В деревне Забелье ополченцы натолкнулись на заслон автоматчиков. Опрокинув его, наши подразделения подошли к Юркам и стали обходить деревню с двух сторон.

Фашисты встретили атакующие роты ураганным огнем. Над позициями появилась вражеская авиация, заговорила артиллерия. На полпути к деревне ополченцы были остановлены. Но на помощь пришли наши артиллеристы. Поддерживаемые орудиями первого дивизиона, подразделения второго и третьего полков стремительной атакой освободили деревню Юрки.

Через несколько дней батальоны третьего полка под командованием майора П. И. Бедрицкого вступили в деревню Малые Пелеши, вышли на правый берег Луги до впадения в нее реки Вруды и установили связь с курсантами Пехотного училища имени С. М. Кирова, занимавшими позиции от Вруды до села Большой Сабек.

2-я дивизия народного ополчения, несмотря на неоднократные попытки гитлеровцев отбросить ополченцев и выйти на оперативный простор, закрепилась на достигнутых рубежах и прочно удерживала полосу обороны шириной по фронту более тридцати километров. На правом берегу реки в руках противника оставались лишь Ивановское и небольшой плацдарм в районе села Большой Сабек.

17 и 18 июля бои у Ивановского и на других участках дивизии не затихали. После того единственного раза, когда часть бойцов первого полка дрогнула и оставила позиции, ополченцы не отступали ни на шаг, мужественно отражали многочисленные атаки противника и показали беспримерную стойкость. За несколько

дней тяжелых боев недавние рабочие, студенты, инженеры стали солдатами.

Дорогой ценой дались эти первые успехи. Мы лишились многих бойцов и командиров. Особенно велики были потери среди политработников. Они первыми устремлялись в атаку, увлекая за собой ополченцев, и многие в эти дни погибли. В боях у Ивановского пали комиссар первого полка А. С. Константинов, парторг В. Г. Наумов, комсорг М. Косорымов. Выбыли из строя семь политработников дивизии.

Стойкость ополченцев Московской заставы, которые совместно с бойцами 191-й стрелковой дивизии, курсантами Пехотного училища имени С. М. Кирова и другими частями Красной Армии в течение июля и первой половины августа успешно отражали атаки противника на Лужском рубеже у Кингисеппа, имела большое значение для дальнейшей обороны Ленинграда. Враг, до того стремительно продвигавшийся вперед, был задержан на двадцать пять дней.

В последующих боях мне не довелось участвовать. В конце июля я был отозван в штаб фронта и получил новое назначение.

Воспоминания, связанные со 2-й дивизией народного ополчения Ленинграда, в рядах которой я провел первые бои на фронтах Великой Отечественной войны, навсегда остались в моей памяти.

5, 0. БЩЙИ

ТРЕТИЙ БАТАЛЬОН

1

Уже несколько дней шла война. А я еще не знал, что делать. Ждать мобилизации? Но по состоянию здоровья меня сняли с воинского учета. Может, попроситься добровольцем?

У Дома культуры имени Капранова я как-то встретил заведующего отделом пропаганды Московского райкома партии Владимира Константиновича Колобашкина, в прошлом скороходовца. От него узнал, что в городе создается народное ополчение. Все мои сомнения рассеялись. Я заторопился на фабрику.

— Пришел кстати, — заметила секретарь парткома Екатерина Константиновна Смирнова, едва я переступил порог ее кабинета. — Мы тут создали комиссию по отбору людей в народное ополчение. И тебя включили. Ты ведь у нас в двух лицах — заведуешь отделом кадров и редактор газеты.

Бардин Степан Михайлович работал на фабрике «Скороход» начальником отдела кадров. При формировании 2-й дивизии народного ополчения назначен комиссаром батальона. Позже был комиссаром и командиром полка, заместителем начальника политотдела дивизии, заместителем редактора армейской газеты. После войны окончил Высшую партийную школу, работал в аппарате ЦК. КПСС, в центральной печати.

В настоящее время С. М. Бардин работает в Госкомитете Совета Министров РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли.

Началось формирование ополченской дивизии. Нашей фабрике предстояло укомплектовать батальон. Задача была нетрудная: на «Скороходе» тогда насчитывалось пятнадцать тысяч рабочих и служащих. Добровольцев было значительно больше, чем требовалось.

Район дал не только людей. Обувные предприятия — «Скороход», «Пролетарская победа» № 1 и «Пролетарская победа» № 2— обули ополченцев. Текстильная фабрика выпустила сто тысяч метров миткаля для обмоток, полностью снабдила добровольцев портянками. Завод имени Егорова поставил несколько полевых кухонь. «Красный швейник» сшил тысячи походных сумок. Артель «Сатурн» изготовила алюминиевые котелки, ложки, вилки, Мясокомбинат имени С. М. Кирова — мясные концентраты. Заводские клубы и библиотеки оборудовали кинопередвижки и полковые библиотеки. Одним словом, от своего района ополченцы получили все, кроме оружия и боеприпасов.

Конечно, в эти дни я тоже записался в ополчение.

Вскоре меня вызвал третий секретарь райкома Андрей Борисович Тамаркин. Разговор был недолгим.

— Вы назначены комиссаром третьего батальона второго стрелкового полка, — сказал он мне и посоветовал разыскать комиссара полка Г. Е. Гродзенчика.

2 или 3 июля, точно не помню, во дворе «Скорохода» состоялся прощальный митинг. Нас, вступивших в ополчение, выстроили по четыре в ряд. В строй стали рабочие, мастера смен и участков, работники фабричного управления, начальники цехов. В гражданских костюмах, без оружия мы еще не были похожи на бойцов. Но каждый из нас уже ощущал себя защитником Родины. Слева от меня стоял хорошо известный среди ленинградских обувщиков перетяжчик Николай Чистяков с орденом Трудового Красного Знамени на груди. Справа — парторг цеха детской обуви Федор Андреевич Ковязин, рядом с ним Николай Владимирович Бергсон, тоже партийный активист. За ним — начальники цехов Сергей Александрович Корсуков, Артур Андреевич Луст, Иосиф Ефимович Сандлер, Аполлон Михайлович Шубин, инженер Илья Евсеевич Мирлин, заведующий личным столом Николай Филиппович Киреев, секретарь комитета комсомола Петр Лашков, журналист Валентин Мольво, комсомолки Вера Чертилова, Лида Савченко, Вера Сараева, Маша Большакова,,. Всего

отправлялось на фронт больше четырехсот скороходовцев.

Качался митинг. Из всего сказанного запомнились слова секретаря парткома Смирновой: «За всю историю нашего города по его улицам и площадям ни разу не ступал враг. Не ступит и теперь. Мы верим, что вы проявите мужество и отвагу, остановите вражеские войска!»

Ее слова потонули в аплодисментах. «Заверяем вас, — с горячностью выкрикнул Николай Чистяков,— что для защиты любимого города, родной страны не пощадим жизни! Враг не пройдет!»

2

Эшелон наш продвигался медленно. Часто останавливался, пропуская встречные поезда с ранеными. На первых остановках женщины протягивали нам букеты полевых цветов. Но чем ближе к фронту, тем меньше становилось торжественных встреч, цветов нам уже не дарили. На станциях полно было беженцев — женщин, детей в окружении мешков с домашним скарбом.

Прибыли на место под вечер, когда солнце уже повисло над горизонтом. Я взглянул на маленькое железнодорожное здание и прочел: «Веймарн». Значит, мы в ста тридцати четырех километрах от Ленинграда. Вокруг вокзала виднелись свежие воронки. На перроне распоряжались представители штаба и политотдела дивизии, торопя нас и указывая места сосредоточения.

Едва успели мы отойти от станции, как послышался гул самолетов. Вскоре с грохотом стали рваться бомбы. К счастью, батальон был уже вне опасности.

Место для командного пункта выбрали на опушке леса. Под невысокой березой соорудили на скорую руку шалаш. Мы с комбатом с самого утра в рот ничего не брали. Послали на кухню связных Бориса Андреева и Мишу Морозова — учащихся обувного техникума.

Только мы опорожнили котелки, как прибыл связной штаба полка и вручил комбату первый боевой приказ: к шести часам утра занять исходные позиции в деревне Белые Ключи. Был указан путь и порядок следования.

Мы готовились к этому, и все же , приказ взволновал нас. Задача излагалась кратко: к такому-то времени и в таком-то населенном пункте занять исходные позиции. Казалось, все ясно. Построй людей, подай команду «марш!». В действительности все оказалось сложнее. Прежде чем построить и сказать «марш», надо было многое предусмотреть.

Начали мы с комбатом с того, что разложили карту-пятиверстку и при свете карманных фонариков стали искать указанный в приказе маршрут и деревню. До Белых Ключей расстояние небольшое, всего пятнадцать километров, но преодолеть его без тренировки не так-то просто. Не располагали мы ни автотранспортом, ни лошадьми с повозками, в которые можно было бы уложить груз. Только повара находились в привилегированном положении. В их распоряжение выделили полуторку, к ней прицепили полевую кухню.

Батальон двигался к Белым Ключам в темноте, по лесной дороге. Люди то и дело цеплялись ногами за древесные корни, спотыкались и падали. Шли, опасаясь наскочить на засаду фашистов. Нас предупредили, что не исключена возможность заброски в тыл вражеских парашютистов. Часто останавливались и прислушивались к каждому шороху. Километров за пять до деревни сделали привал. Тут же, у дороги, бойцы легли и почти сразу уснули. Подложив под голову противогаз, прилег и я у большой сосны. И, конечно, тоже заснул. Проснулся от сильного озноба. Шел дождь. Промочил он всех до нитки. У меня промокли даже хромовые сапоги, изготовленные новым способом — методом горячей вулканизации. Их мне вручил перед отправкой на фронт начальник скороходовской лаборатории А. С. Шварц. «Даю для опытной носки,— сказал он,— и чтобы через полгода вернуть». Стянул я их с ног довольно легко, а снова надеть не смог. Мокрые, они не налезали. Уже была отдана команда на марш, а я все еще возился с экспериментальными сапогами. Хоть босиком иди!

Пришлось вместо портянок намотать на ноги носовые платки. Теперь сапоги налезли. Но радость была недолгой. Уже через километр платки сползли. Идти стало трудно. Почувствовал, что натираю ноги, а останавливаться нельзя: можно отстать. Спасли Белые Ключи. Здесь я зашел в первую попавшуюся избу и с трудом

стащил ещё не высохшие сапоги. На пятках и пальцах оказались здоровенные пузыри. Пришлось командировать связного на поиски обуви номером побольше. Но лишних сапог не нашлось. Отыскали ботинки с обмотками. Как тут было не вспомнить известную поговорку: «Сапожник без сапог»! Ведь батальон был скороходовский. Фабрика наша выпускала за сутки семьдесять пять тысяч пар обуви. А вот про запас мы не взяли ни одной!

Не успел я переобуться, как поступил новый приказ: прочесать лес, в котором, по предположению командования, (блуждают просочившиеся гитлеровские солдаты. Шутка ли, прочесать многокилометровый густой лес! Но делать нечего, пошли. Мне предстояло прошагать не один »километр с натертыми ногами.

¡Поход закончился неожиданно. Когда мы вышли из леса, кто-то из бойцов увидел, как на горе, во ржи замелькали человеческие фигуры. «Немцы!»— крикнул он, ш тут же -началась пальба из винтовок. Комбат не стал (выяснять, действительно ли во ржи противник, и отдал приказ: «Короткими перебежками атаковать врага». -Когда же ополченцы приблизились к предполагаемому «врагу», то оказалось, что в ржаном поле укрывается группа красноармейцев, накануне ведших бой за село Ивановское.

¡В тот же де́нь комбат был отстранен от командования. -На -смену ему прислали мастера спорта по фехтованию, -преподавателя Института физкультуры имени Лесгафта, добровольца из Ленинского района лейтенанта запаса М. В. Лукичева,

3

¡В день назначения Лукичева командиром был получен новый приказ, теперь уже по-настоящему боевой. На рассвете следующего дня мы должны были выбить противника из деревни Юрки.

Лукичев приказал начальнику штаба лейтенанту Чеботареву организовать разведку. Разведчики вернулись быстро — Юрки были в трех километрах от нас — и доложили, что деревня почти полностью сожжена, уцелел лишь один жилой дом в центре да сарай. Возвышенность, на которой -располагались Юрки, окружали балки, кустарник, переходящий в смешанный лес. Самым ценным в сообщении разведчиков было то, что

фашисты ведут себя беспечно — ходят открыто, играют на губных гармониках и даже не выставили боевого охранения. Выходит, не подозревают о нашем прибытии или игнорируют нас.

Комбат собрал командиров и политруков рот,

— Исходные позиции, — сказал он, — займем на восточной окраине Юрков ночью, под прикрытием темноты, а атаку начнем на рассвете.

Главная задача возлагалась на девятую роту, которой командовал лейтенант З. Б. Тамаркин, человек деятельный, предприимчивый и смелый. Правда, был ой еще *молодой, как говорится, безусый,* однако с характером и требовательный.

Под стать ему оказался и политрук — инженер со «Скорохода» С. Б. Амитин. Внешне они отличались друг от друга. Тамаркин выглядел подростком. Амитин был старше командира, опытнее, обладал выдержкой, имел более солидный вид. На фабрике он руководил коллективом цеха в несколько сот человек. Учитывая личные качества командира и политрука, девятую роту и выбрали для *атаки Юрков.*

Восьмая рота должна была занять исходные позиции правее девятой, но вступить в бой, только когда потребуется закрепить успех. Седьмая оставалась в Белых Ключах, в резерве.

На рубеж атаки батальон выдвинулся, едва стемнело. Шли цепочкой, по одному, кустарниками, вдоль проселочной дороги. Проводником нашим был пожилой колхозник, который прятался с семьей в лесу.

Белые *ленинградские ночи кончились еще в июне.* Но и теперь, в середине июля, они были короткими и светлыми. Мы смогли наблюдать, что происходит в деревне, в которой хозяйничали гитлеровцы.

Наблюдательный пункт устроили на пригорке, метрах в двухстах от Юрков. Расположились поудобнее, взялись за бинокли. Деревня спала. Никакого движения, только часовой маячил возле уцелевшего дома; видимо, охранял покой Какого-то начальника.

Бойцы притаились в кустарнике у восточной окраины деревни. Сюда же на руках подкатили полковую пушку из батареи, приданной роте. Орудийным расчетом командовал инженер-конструктор завода имени Егорова М. Е. Лапковский. Он должен был действовать только в случае появления вражеских танков.

И вот над Юрками взвилась ракета, выпущенная связным комбата Морозовым. В то же мгновение предутреннюю тишину нарушило дружное «ура» и винтовочные выстрелы. Это девятая рота ринулась в атаку. Мы с Лукичевым хорошо видели, как стремительно бежали ополченцы. Притормаживали они свой бег лишь при стрельбе. По деревне заметались фигуры вражеских солдат. Застрекотали мотоциклы, гитлеровцы вскакивали на них и удирали, отстреливаясь на ходу.

Враг, застигнутый врасплох, поспешно покинул деревню. Но, как позже выяснилось, ушел он недалеко. За деревней, по пути к селу Ивановскому, сразу за возвышенностью проходила балка. Там, в кустарнике, гитлеровцы остановились и вызвали на помощь танки.

А пока бой стих. Лишь где-то вдалеке шла орудийная стрельба. Ополченцы радовались: первый бой и первая победа. Тамаркин, окрыленный успехом, не стал преследовать противника, посчитав свою задачу выполненной. Никто даже не догадался выставить боевое охранение.

Праздновать, однако, победу было рано. Вскоре из-за кустарника появились автоматчики, открывшие бешеную стрельбу. Послышалось рычание танков.

Никто не ожидал такой быстрой контратаки. Мы с.Лукичевым тоже растерялись, комбат забеспокоился.

— Надо что-то предпринять, иначе сомнут. Что делать, комиссар? — спрашивал он меня.

А что я мог посоветовать? Бежать и поднимать бойцов девятой роты или немедленно пустить в ход восьмую, ожидавшую нашего сигнала? В это время нервы у бойцов девятой роты не выдержали, они начали пятиться. Кое-кто побежал. На их пути встали Тамаркин и Амитин. Они остановили бойцов.

Продвижение фашистов пока было медленным. Видимо, отпор ополченцев, которых снова повели в атаку Тамаркин и Амитин, заставил их проявлять осторожность. Когда же на западную окраину Юрков вышли танки, устремились вперед и автоматчики.

Бронированные машины были уже в ста метрах от наших артиллерийских позиций. И тут последовали резкие орудийные выстрелы. Это открыла огонь пушка Лапковского. Один танк вспыхнул, за ним загорелся другой. Теперь заметалась вражеская пехота. Повернули назад и танки.

Рота Тамаркина решительнее пошла в атаку. Обрели уверенность и мы с комбатом. В восьмую роту помчался связной с приказом атаковать отступающего противника во фланг.

Лукичев приказал девятой роте окопаться, а восьмой продолжать преследование врага. Но рота выполнила свою задачу лишь наполовину. В лесу гитлеровцы снова оказали сопротивление. После боя, длившегося весь день, боя, в котором участвовали и подошедшие подразделения третьего полка, пришлось закрепиться в километре от Юрков, вдоль широкой лесной просеки.

Назавтра, когда гитлеровцы отошли к Ивановскому, мы с Лукичевым решили осмотреть подбитые немецкие танки. Мы ведь впервые видели их! Они были одеты в легкопробиваемую броню. Из открытых люков еще тянулся дымок тлеющей резины. Из экипажей в живых никого не осталось.

В Юрках гитлеровцы оставили двенадцать трупов, два сожженных танка, несколько ручных пулеметов, мотоцикл, автоматы, гранаты и склад с продовольствием.

Понес потери и наш полк. Девять бойцов были ранены. Шестеро погибли, среди них стахановец «Скорохода» Николай Чистяков и заведующий личным столом Николай Филиппович Киреев. Жена его перед отправкой дивизии на фронт приходила в партком, просила оставить мужа на фабрике, — у него язва желудка, да и семья большая. Но коммунист Киреев заявил, что не сможет сидеть дома, когда страна в опасности.

Мысль о жене Киреева, о том, как сообщить ей о несчастье, долго не давала мне покоя.

4

Батальону был предоставлен короткий отдых. Возбужденные успешным боем, ополченцы сидели на брустверах своих окопов, подставив лица теплому южному ветерку, и делились впечатлениями о минувшем бое. Впереди золотилось ржаное поле, стояла тишина.

Наши связные Андреев и Морозов соорудили нечто похожее на землянку, кое-как прикрывающую от дождя и солнечных лучей. Мы с Лукичевым остались довольны: в деревне негде было разместиться.

День уже клонился к вечеру, когда явился адъютант Командира полка Леня Кругман, в прошлом закройщик «Скорохода». Его прислали, чтобы выяснить обстановку и сообщить о совещании в штабе полка, назначенном на 23.00.

— Почему так поздно? — удивился Лукичев.

Кругман ничего не мог сказать.

Около штаба полка встретил нас тот же Леня Кругман и повел по глубоким, в человеческий рост, извилистым траншеям в подземное помещение. Оно было довольно просторным. При тусклом свете коптилок, сделанных из гильз артиллерийских снарядов, я разглядел всех командиров и политработников батальонов, в том числе скороходовцев Ф. А. Ковязина, Н. В. Бергсона и С. А. Корсукова. Первые двое были в такой же роли, что и я, а Корсуков — секретарем партийного бюро полка.

Когда собрались все вызванные, адъютант отправился в боковой отвод землянки. Тотчас оттуда быстро вышел чисто выбритый, в новой гимнастерке, туго перетянутой широким ремнем, командир полка В. С. Лифанов. С ним были комиссар Г. Е. Гродзенчик и начальник, штаба. У всех троих лица озабоченные, серьезные.

Командир полка стал перечислять мероприятия, которые нам следовало незамедлительно выполнить. В моем маленьком блокноте, сохранившемся до сих пор, записано двадцать восемь пунктов. Среди них такие: «повысить ответственность комсостава за каждого бойца, его жизнь и боеспособность, наладить строгий учет потерь личного состава», «захоронения убитых производить с почестями, составляя акты с указанием места захоронения», «научить весь личный состав окапываться».

На обратном пути мы с Лукичевым разговорились, стали рассказывать о себе. Лукичев оказался холостяком. В Ленинграде у него осталась мать, за судьбу которой он очень беспокоился.

— А почему ты до сих пор не женат? — поинтересовался я.

Лукичев ответил не сразу.

— Слишком был увлечен спортом. Каждый вечер тренировки, соревнования. Кто согласится с таким жить?

Лукичев оказался хорошим командиром, но не очень-то разговорчивым человеком, пожалуй, замкну-

тым и даже мрачноватым. Особенно йаметнб мрачн&Я он, когда читал сводки Совинформбюро, не радовавшие тогда советских людей...

Придя в Юрки, мы с комбатом вызвали командиров рот и политруков, проинформировали об указаниях, полученных в штабе полка. Тут же условились созвать партийное собрание, чтобы поговорить о проведенном бое и задачах батальона.

На батальонное партийное собрание пришло свыше шестидесяти человек. Коммунисты прямо, без обиняков, говорили о недостатках, подсказывали, как их устранить. Речь шла прежде всего о повышении бдительности.

Коммунисты отмечали, что у некоторых бойцов от первого успеха закружилась голова, они стали бравировать своей храбростью, за что и поплатились' жизнью.

Собрание закончилось избранием секретаря партийного бюро батальона. Им стал политрук восьмой роты Федор Николаевич Клюшин, работник трампарка имени Коняшина.

Вернувшись в землянку, мы с Лукичевым, под впечатлением услышанного, стали обсуждать, как повысить боеспособность батальона, как организовать учебу в условиях активной обороны, что сделать, чтобы установилась подлинная воинская дисциплина и высокая бдительность.

После собрания Лукичев стал действовать более уверенно и решительно. На другой же день обошел все роты, придирчиво осмотрел окопы и приказал рыть глубокие ходы сообщения, выставить дозоры впереди линии обороны.

Неожиданно сообщили, что Лукичева освобождают от командования батальоном. Я пошел к Г, Е. Гродзенчику и начал доказывать, что Лукичев может командовать, что из него получится хороший комбат. Гродзенчик не стал меня обрывать, терпеливо выслушал и спокойно сказал:

— Произошла смена командования дивизии и полка. Командиром полка назначен майор Арсенов, начальником штаба капитан Лабутин. Заменяются и командиры батальонов опытными военными специалистами. Что же касается Лукичева, то он назначается адъютантом командира полка.

Тут же я узнал, что нашим третьим батальоном будет командовать капитан М. Г. Лупенков.

Я был огорчен. На фронте люди быстро сходятся. С Лукичевым мы провели первый бой, я успел привыкнуть к нему, проникнуться уважением. Жаль было расставаться. Казалось, что это навсегда. Но спустя полтора месяца, когда я стал комиссаром полка, а чуть позже — командиром, военные дороги снова свели нас...

5

Капитан Лупенков действительно оказался опытным командиром. Михаил Григорьевич командовал батальоном недолго — всего месяц. Но за это время его имя стало популярным в дивизии.

В план обороны батальона и боевой учебы, составленный Лукичевым, Лупенков ничего принципиально нового не внес. Только осуществлял его более грамотно. Особое внимание обратил на обучение взводов и отделений самостоятельным действиям. В условиях, когда линия обороны растянута, а местность — хуже не сыщешь: лес, болото, овраги, пригорки, — это имело особое значение. Мелкие подразделения, каждый боец в отдельности приучались действовать намного активнее, инициативнее.

Военная «струнка» сказывалась и на внешнем виде Лупенкова. Он всегда был подтянутым, чисто выбритым, каждое утро менял подворотничок. Доклады командиров и бойцов выслушивал только стоя.

— Терпеть не могу расхлябанности и своеволия,— часто повторял Лупенков.

В штабе батальона он не засиживался. Часто появлялся то в одной, то в другой роте, всегда придирчиво осматривал оборонительные сооружения. В обращении с людьми был ровным и выдержанным, но очень сердился, когда кто-либо проявлял беспечность, и совершенно не терпел трусости.

— Охваченный страхом человек, — говорил комбат,— подобен опасному микробу, который заражает окружающих.

Когда во время вражеской атаки начальник штаба батальона, которому было приказано заменить убитого командира восьмой роты, испугавшись массированного артиллерийского обстрела, вернулся на командный

пункт, Лупенков от возмущения побледнел и схватился за пистолет. Не знаю, чем бы закончился этот приступ гнева, если бы я не удержал руку комбата. Впервые тогда Лупенков повысил голос, назвал начальника штаба трусом и заставил отправиться в роту, оказавшуюся в критическом положении.

Еще до нашего вступления в бой гитлеровские войска захватили плацдарм на правом берегу Луги у села Ивановского. Кажется, на пятый день прихода в батальон Михаил Григорьевич, внимательно изучая карту, сказал:

— За Ивановское придется драться нам.

Водя по карте карандашом, комбат продолжал:

— Среднее Село, обороняемое первым полком, и наши Юрки находятся на одинаковом расстоянии от Ивановского — в трех километрах. Среднее стоит на шоссе, вдоль которого вырублен лес. Подобраться к позициям врага там труднее — все на виду. От Юрков же к Ивановскому проходит через лес узкая проселочная дорога. Наш батальон в более выгодном положении, мы можем вплотную подойти к позициям врага с фланга. Так что надо готовиться к активным действиям.

Помедлив немного, Лупенков добавил:

— Я уже план составил по дням, вперед на неделю.

Комбат протянул мне несколько листков.

В плане предусматривался порядок использования огневых средств, которыми располагал батальон, выдвижение на нейтральную полосу секретных дозоров, проведение разведки боем и многое другое. Устанавливалась очередность участия рот в этих операциях.

В тот же день мы с Михаилом Григорьевичем собрали командиров и политруков рот. Вместе с ними уточнили детали плана, затем согласовали его с командиром полка. На следующий день приступили к выполнению задуманного,

6

Намеченные комбатом действия оказались своевременными. Активность противника возрастала, вблизи батальона стали появляться мелкие группы фашистов. Пришлось ускорить создание секретных дозоров, выдвинутых вперед на двести — триста метров за линию обороны. Их комплектовали из числа наиболее смелых и

физически выносливых бойцов — по два-три человека в каждом.

Первый же дозор, возглавляемый кронштадтским комсомольцем Борисом Ионовым, обнаружил трех вражеских разведчиков. Ионов подпустил их на близкое расстояние и открыл огонь, сразив насмерть одного. Убитый оказался обер-ефрейтором. Среди фотографий, найденных в его карманах, находился снимок: обер-ефрейтор с женой и сыном на берегу моря. Внизу фотокарточки стояла дата «10 июня 1941 года». Выходит, сфотографировался он всего за две недели до вероломного нападения гитлеровской Германии на нашу страну.

Удачный дебют Ионова подстегнул и других ополченцев. Кое-кто стал предлагать свой план действий.

— Товарищ командир батальона, — обратился к Лупенкову бывший моряк, командир минометного взвода Петр Пьянков, — мои бойцы установили, что фашисты начинают обед ровно в два часа дня. В эго время к полуразрушенному зданию в селе подъезжает кухня и около нее выстраивается очередь. Разрешите мне угостить их по-флотски.

Пьянков уже проявил себя как смелый и умный командир взвода. Все же к предложению его комбат отнесся настороженно.

— У вас какие минометы?

— Ротные.

— Следовательно, чтобы поразить намеченную вами цель, надо стрелять с позиции, расположенной почти рядом с передним краем врага?

— Так точно, — быстро ответил Пьянков.

В его прищуренных глазах вспыхнул озорной огонек. Лупенков это заметил.

— А не очень ли рискованный ваш план, товарищ Пьянков?

— Рискованный. Но ведь без риска и канаву не перепрыгнешь.

— Это правильно, — согласился комбат, — и все же нужна осторожность.

— Сделаю так, что комар носа не подточит.

— Что же, действуйте. Только договоритесь со своим командиром роты, чтобы дал вам группу бойцов для прикрытия. Лихость без подстраховки может кончиться плохо.

— В драке, товарищ комбат, волос не жалеют,

— Осторожность не помешает, — настаивал Лупенков.

Пьянков выбрал для своих минометов несколько скрытых позиций. На ель посадил корректировщика.

Первый же выход Пьянкова увенчался успехом. Несколько мин угодило в группу фашистов, выстроившихся около кухни. Корректировщик подсчитал, что убитых было человек пятнадцать. Взлетела на воздух и кухня. Пока гитлеровцы соображали, откуда были выпущены мины, Пьянкова и след простыл.

За несколько дней Пьянков со своими минометчиками уничтожил более пятидесяти фашистов.

К великой нашей печали, 5 августа, во время боя, который вела восьмая рота за село Ивановское, Петр Иванович Пьянков погиб. Его заменил коммунист Сергей Мазуров, в прошлом краснофлотец, пришедший в ополчение из подсобного хозяйства Московского райсовета. Мазуров продолжал дерзкие налеты на фашистов.

На «охоту» ходили и другие ополченцы. Действиями храбрецов Лупенков искусно руководил, тщательно обсуждал итоги каждого выхода, указывал на просчеты, давал полезные советы.

Мы понимали, что наши минометные обстрелы подобны булавочным уколам. Но для более ощутимых ударов батальон не был подготовлен. Ополченцы располагали только винтовками. Станковых и ручных пулеметов насчитывалось по одному-два в роте. Да и минометы поступили лишь в конце июля...

Командование дивизии получило сведения о том, что гитлеровцы готовятся к наступлению. В район Ивановского и Поречья стягивались мотопехота, артиллерия и танки. Но сколько их, какие части и соединения, — мы не знали. Поэтому перед каждым подразделением была поставлена задача — во что бы то ни стало добыть «языка». И в нашем батальоне начался подбор людей для этой цели.

Руководителя группы разведчиков прислали из штаба дивизии. Им оказался бывший начальник цеха рантовой обуви «Скорохода» Аполлон Михайлович Шубин, уже ходивший в тыл врага.

Разведка — это бой особого рода, он не каждому по Плечу. Тут нужны отвага, хладнокровие, выносливость

и, безусловно, исключительная находчивость, быстрота реакции.

На фабрике Шубин не выделялся этими качествами. Его любили за общительность и душевность, но порой он казался медлительным и флегматичным. Война выявила в нем совсем иной характер.

Мы сидели с ним на поваленной сухой березе, беседовали о недавних, казавшихся уже далекими, мирных днях. Я не удержался, спросил:

— Нравится тебе быть разведчиком?

— Сначала побаивался, теперь привык, — ответил Шубин. Потом с жаром продолжал: — Увлекательное дело, все время находишься в напряжении. Очень интересно. А главное — нужно...

Прощаясь с Шубиным, я невольно подумал: «Вернется ли?» Аполлон Михайлович вернулся возбужденный, но и раздосадованный. «Языка» добыть не удалось.

Пленный был взят не нашим батальоном. Отличился военфельдшер Градусов, добровольно возглавивший группу разведчиков другого полка. «Язык» дал ценные показания. Это было за несколько дней до нового наступления фашистов на Ленинград.

7

Гость из Ленинграда — участник гражданской войны Николай Борисович Бойков приехал с делегацией в дивизию по поручению первого секретаря Московского райкома партии Г. Ф. Бадаева. Он уже успел кое с кем познакомиться и, когда я подошел к нему, о чем-то оживленно разговаривал с нашим телефонистом Андреевым. Бойков, хоть и был солидного возраста, выглядел бодро, и даже седоватая борода, которую он отпустил, по-видимому, чтобы не очень бросались в глаза следы оспы на лице, не старила его.

— Как воюете? С каким настроением?

— Воюем пока средне, — чистосердечно ответил я.— А вот настроение неплохое. Главное — драчливое.

— О, эго уже хорошо! Раз драчливое, можно вручить вам и подарки, — пошутил посланец райкома партии.

В блиндаже еще до моего прихода были разложены пакеты с пряниками, папиросы, бритвенные приборы и

письма, адресованные ополченцам. Некоторые из писем пришлось отложить в сторону. Бойков понизил голос:

— Адресаты погибли?

— Да, их уже нет...

Старый рабочий молча склонил голову... Затем протянул мне письмо секретаря райкома. В нем говорилось, что трудящиеся Московского района с чувством глубокой гордости узнали о нашей первой схватке с врагом, о храбрости и геройстве ополченцев, об их беспредельной преданности Родине.

Мы с Николаем Борисовичем отправились по ротам и там, в землянках, читали письмо ополченцам. Потом Бойкову приходилось отвечать на множество вопросов. Ополченцы расспрашивали, как живут семьи, что слышно у товарищей по работе. Мы сообща написали ответное письмо, под которым подписалось более ста ополченцев, заверивших райком, что «ни один фашист не переступит порог города. Ленинград был, есть и будет стоять гордым, а ленинградская земля станет для фашистов могилой».

На второй день, когда мы угощали гостя фронтовым завтраком, в блиндаж вошел юноша лет семнадцати. Гимнастерка свисала с его узких плеч, пилотка налезала на уши. Он лихо козырнул комбату:

— Товарищ капитан, по вашему вызову боец Бойков...

Лупенков, не дав бойцу договорить, подошел к нему и мягко сказал:

— Не надо, Юра, доклада.

Отец и сын бросились друг другу в объятия. Затем Бойков-старший отстранил сына и критически осмотрел его.

— Ишь ты, вояка!—только и сказал он.

Мы пригласили за стол к завтраку сына Бойкова.

— Николай Борисович, что же вы раньше не сказали, что у нас в батальоне воюет ваш сын? — осторожно спросил я.

— Сначала дело надо было сделать, а потом уж и с сыном свидеться. К тому же, он ушел на фронт тайком от меня и матери...

— Не надо, папа! — взмолился Юра.

А я подумал, что война пробудила не только ненависть к врагу и готовность выполнить долг перед

Родиной, но и романтическую тягу к подвигам. Особенно у таких вот подростков, как Юра Бойков.

Юноша помолчал, а потом сказал спокойно, серьезно, и мне даже показалось, будто он прочитал мои мысли:

— Не думайте, что я пошел в народное ополчение из-за какой-то романтики. Я такой же, как и все. Из нашей школы многие комсомольцы на фронт ушли сразу, как только началась война.

— Это правда, — подтвердил Бойков-старший, решивший, видимо, поддержать сына. — То, что он тайком сорвался, виновата мать. Не пускала добром.

Чтобы отец с сыном могли поговорить о своем, мы оставили их в землянке одних. Выйдя на воздух, Лупенков обернулся ко мне:

— Давай отпустим Юру домой. Он же еще мальчик.

— Не возражаю. Но полагаю, что и младший и старший Бойковы не пойдут на это. Скорее, и отец останется в батальоне.

Так оно и случилось.

Спустя несколько дней я встретил в седьмой роте Бойкова-старшего с санитарной сумкой за спиной. Он остался в батальоне с разрешения Лупенкова. Думаю, что не только из-за несовершеннолетнего сына. Он собственными глазами видел, как воюют ополченцы, понял, что врага молено остановить только общими усилиями, если каждый ленинградец возьмется за оружие.

Это был не единственный случай «семейственности»: в девятой роте служила молодая чета—А. А. Немиров и В. П. Кучкина, сыгравшие свадьбу всего за несколько дней до войны. Увы, молодоженам не суждено было счастье. В первых числах августа Немирова убили. Жена его, сандружинница, пришла на следующий день к комбату и попросила отпустить ее в другой батальон: ей невмочь было оставаться там, где погиб и похоронен муж. Лупенков пошел ей навстречу.

В кровопролитных боях 8—10 августа погибли и оба Бойковы...

8

В конце июля и начале августа гитлеровцы попытались провести идеологическую обработку ополченцев — стали сбрасывать над нашими позициями листовки.

Одна из них была якобы подписана сыном Сталина Яковом. Все понимали, что это гнусная фальшивка. Мы допускали, что Яков Джугашвили мог попасть в плен, но были уверены, что сын Сталина не поставит свою подпись под предательским письмом. (Я. И. Джугашвили был расстрелян гитлеровцами в 1944 году в лагере военнопленных.) Ополченцы смеялись над нелепыми выдумками фашистов. И все же, как ни горько вспоминать об этом, кое-кто дрогнул. Не знаю, то ли под воздействием листовки, то ли по другой причине, в те дни исчез из батальона некий Куперман. Но в целом морально-политическое состояние в батальоне было высоким, ни у кого не возникало и тени сомнения в нашей конечной победе. Однако, чтобы предупредить малейший упадок духа, политруки, коммунисты усилили политическую работу в подразделениях.

...Мы сидели с Лупенковым на скошенной, пахнущей полевыми цветами траве и обсуждали последние события в батальоне. Михаил Григорьевич спросил:

— Как ты думаешь, комиссар, мы выстоим?

По тону трудно было разобрать, что имел в виду комбат. Общее положение на советско-германском фронте или наш участок.

— Кто это мы?

— Наш батальон, полк, дивизия.,.

— Должны, — ответил я.

■— Ну, а если не хватит сил?

В его словах послышалась нотка неуверенности. Я невольно нахмурился. А Лупенков продолжал:

— Вооружены мы слабо, бойцы плохо обучены. Пойдут на нас танки да сверху начнут глушить самолеты, что будем делать?

Я промолчал, собираясь с мыслями.

Комбат взглянул на меня и усмехнулся:

— Ты не думай, в победе над фашизмом я не сомневаюсь, но вот здесь нам придется туго...

— Надо биться до последнего.

— Вот именно, — твердо сказал Лупенков. — И это следует внушить каждому бойцу. Задержим врага на неделю, на день, еще на час — значит поработаем на победу. Откровенно скажем бойцам, что от них требуется стоять насмерть...

На эту тему во взводах были проведены беседы.

С начала августа обстановка в полосе обороны дивизии с каждым днем все больше накалялась. Над позициями часто кружил вражеский разведчик — «костыль», усилился артиллерийский и минометный обстрел, затруднявший оборонительные работы.

Батальон в эти дни получил задачу провести разведку боем. На подготовку отвели одни сутки.

На рассвете два взвода под командованием лейтенанта Томина заняли исходные позиции. Здесь же мы с Лупенковым оборудовали наблюдательный пункт, протянув из Юрков телефонную связь.

Атака вражеских позиций должна была начаться с восходом солнца. План действий был таков: короткими перебежками, а затем смелым броском ворваться в окопы врага перед Ивановским, захватить двух-трех гитлеровцев и под прикрытием выдвинутых вперед двух станковых пулеметов вернуться назад.

На карте план разведки боем казался простым, и мы предвкушали легкую победу. На деле же все оказалось сложнее.

Противник засек приближение наших разведчиков и открыл сильный огонь, прижав их к земле. Томин несколько раз пытался атаковать вражеские позиции, но гитлеровцы не давали головы поднять. При сложившейся обстановке о захвате «языка» и думать было нечего. Следовало срочно выбираться из опасной зоны.

Лупенков вызвал на помощь минометчиков. Затем через начальника штаба полка связался с артполком и попросил подавить фашистские огневые точки, взяв на себя обязанности корректировщика. Только часам к двенадцати дня фашисты приутихли, и нам удалось отвести бойцов. В этом бою были ранены ополченцы Шереметьев, Аванесов, Резвов, Тихомиров, Белов, Тимофеев, Косяков, Абрамов и другие. Были и убитые.

Неудачу комбат сильно переживал, чувствуя свою ответственность.

— Прежде чем идти в бой, надо было тщательно разведать все подступы к вражеским позициям, а мы этого не сделали, — упрекал он себя. — И время для атаки выбрали позднее. Следовало начинать до рассвета.

Но командир полка Арсенов, прибывший к нам в тот же вечер, был настроен не так мрачно.

— Бой показал, — ^ключил он, — что враг готовится к наступлению. Значит, разведка достигла своей цели.

Хотя командование полка и дивизии не ставило нам в вину, по сути дела, невыполнение задачи, — и мне и Лупенкову не давала покоя мысль, что всякая неудача в бою, независимо от ее причин, чревата нежелательными и опасными последствиями, отрицательно сказывается на настроении, а значит, и на боеспособности подразделения. Кроме того, подобная неудача создает определенные преимущества противнику, который обычно старается сразу же закрепить или развить свой успех.

.Поэтому я счел необходимым на следующий же день собрать коммунистов седьмой роты, чтобы успокоить их и рассказать о том, что ожидает нас впереди. Честный, доверительный разговор с подчиненными не раз приносил пользу.

Собирались коммунисты роты в балке, на окраине Юрков, молча. Чувствовалось, что они жалеют погибших товарищей, находятся под впечатлением пережитого накануне.

— Как дела, товарищи? — спросил я, когда они уселись на землю.

— Плохо,— после небольшой паузы ответил за всех командир роты Томин. — Не можем прийти в себя после вчерашнего. Вот кое-кто и повесил голову.

— А это уже никуда не годится, — заметил я. — Нечего нос вешать. Надо готовиться к более серьезным боям.

Тут встал и попросил слова пожилой боец, санитар роты Шевяков.

— Нам, понятно, хвалиться нечем. Прав комроты, все мы вчерашнее приняли очень близко к сердцу. Но ведь на войне как бывает? Сегодня — неудача, завтра — успех. Попереживали и хватит. Надо взять себя в руки, настроиться на боевой лад. Это не первый и не последний бой!

Слова Шевякова вызвали оживление. В том же духе высказались и другие. У меня отлегло от сердца. А дальше уже пошел серьезный разговор о наших партийных делах, о задачах коммунистов в этот острый для нас период.

9

Шли двадцатые сутки нашего пребывания на Лужском рубеже. Нам казалось, что воюем уже давно. На фронте дни и ночи длиннее мирных. Ополченцы втянулись во фронтовую жизнь. То, что в первые дни представлялось невозможным, теперь стало обычным, будничным. Люди постепенно становились солдатами. Сложился свой фронтовой быт: просыпаясь, сначала выясняли обстановку, а уж потом умывались, брились, завтракали. Плохо было лишь с баней. В течение двадцати дней только раз удалось помыться, использовав уцелевшую баню в Белых Ключах.

Эти нелегкие фронтовые условия многих огорчали. Но настоящие испытания были впереди...

8 августа Лупенков вышел на рассвете из землянки. Дежурный боец Андреев поднялся ему навстречу.

— Как идет дежурство?

— Пока нормально. Только что-то подозрительно тихо.

— Да, именно подозрительно, — согласился Михаил Григорьевич.

Тут же он вернулся в землянку и стал звонить командирам рот:

— Усильте наблюдение. Будьте наготове.

Тревога оказалась не напрасной. Ровно в девять начался массированный артиллерийский обстрел, длившийся более двух часов. Повсюду вырастали черные столбы земли, точно фонтаны нефти. Казалось, после такого огненного шквала ничто не должно остаться в живых. Может, так бы и случилось, если бы оборонительные сооружения находились в Юрках. К счастью, они были выдвинуты метров на пятьсот вперед. В деревне, да и то на окраине, находился только штабной блиндаж.

Кончилась артиллерийская обработка. Лупенков взял телефонную трубку, но тут же бросил. Связь не действовала...

— Пошли, .комиссар, — сказал он, — здесь больше делать нечего.

Проселочную лесную дорогу, по которой мы с комбатом шли, пересекала линия обороны восьмой роты. На полпути стали появляться санитары с ранеными бойцами.

— Что там у вас? — спросил Лупенков санитара, ко* торый вел раненого с забинтованной головой.

— Товарищ капитан, — ответил он, стирая рукавом с лица пот, — в наши траншеи ворвались немцы.

В роте царила неразбериха. Командира не было. Его нашли потом убитым. Бойцы мелкими группами рассредоточились по уцелевшим окопам и действовали по своему усмотрению. Создалось критическое положение. Фашисты могли вклиниться в оборону батальона и ворваться в Юрки. Чтобы ликвидировать эту угрозу, надо было собрать бойцов и подготовиться к атаке. Это нам с Лупенковым удалось сделать. Одновременно был послан связной к командиру девятой роты с приказом ударить фашистам во фланг.

Не успели мы пойти в контратаку, как гитлеровцы возобновили артиллерийский обстрел. Теперь они стреляли уже не по Юркам, а по боевым порядкам восьмой роты. Вражеская артиллерия, подобно гигантскому трактору, прошлась по укреплениям. Глубокие воронки, вывороченные с корнем деревья, развороченные огневые точки, разбросанные тела убитых — так выглядели теперь позиции восьмой роты.

Казалось, что рота не способна больше сопротивляться. Но когда фашисты вновь показались, они были встречены меткими выстрелами. Стреляли бойцы, засевшие в старых воронках и оказавшиеся в относительной безопасности. Атака противника была сорвана и захлебнулась. На этом все и кончилось в тог день.

В течение ночи мы похоронили убитых и отправили В медсанбат раненых. Оставшихся в строю собрали в одну группу и снова организовали оборону, успев даже восстановить часть разрушенных огневых точек, приготовить к бою пулеметы, поднести боепри* пасы.

Убитого командира роты заменил политрук Клюшин. Выбор пал на него не случайно: мы давно хотели выдвинуть его на эту должность. Но Клюшин сопротивлялся новому назначению.

— Я привык не командовать, — доказывал он, — а беседовать...

Федор Николаевич скромничал. У него был богатый военный опыт, накопленный за годы службы в погра* ничных войсках.

Уходя на КП батальона, комбат спросил Клюшки а:

— Как будете действовать, если гитлеровцы возобновят атаки?

— Контратаковать. Биться до последнего...

Иного ответа от Федора Николаевича мы и не ожидали.

9 августа фашисты возобновили атаки, но не смогли опрокинуть восьмую роту. Был момент, когда им удалось приблизиться к окопам наших бойцов вплотную. Они даже начали забрасывать их гранатами. Одна из них попала в окоп политрука Клюшина. Но он не растерялся: мгновенно подхватил гранату и бросил обратно.

Немало вражеских солдат полегло на участке обороны третьего батальона. Поредели и наши ряды. Клюшин, переползая из окопа в окоп, старался подбодрить оставшихся в живых, организовать поднос боеприпасов. Но вот рядом с ним разорвалась мина. Батальон лишился отважного политрука.

Когда все попытки сокрушить оборону батальона оказались тщетными, гитлеровцы повели очередную атаку при поддержке танков. За бронированными машинами шла пехота. По ней же никто не вел огонь. Об этом доложил прибежавший на КП мокрый от пота командир пулеметного взвода седьмой роты. Выслушав сбивчивый доклад комвзвода, Лупенков первым долгом спросил:

— Где пулеметы?

— Разбиты.

Комбат не поверил.

— Немедленно возвращайтесь в роту и без пулеметов не показывайтесь!

Комвзвода стал объяснять комбату, что не может выполнить его приказ:

— Там уже фашисты!

— Если вы не добудете брошенное вами боевое оружие, я вас отдам под суд! —• пригрозил комбат.

Комвзвода поспешно вышел из землянки.

Перед Юрками немецкие танки показались к вечеру. Кроме Лупенкова, меня, двух наших связных и сандружинницы Соловьевой, никого у командного пункта батальона не было. Лупенков пытался связаться с командиром полка, но связь не работала.,

— Вот что, комиссар, — обратился он ко мне, — ты пробирайся в девятую роту, а я в восьмую. Под покровом ночи выведем людей в деревню Выползово и там организуем оборону.

10

С болью в сердце покидали мы деревню, которую отбили у противника и надежно защищали свыше двадцати дней. Пробравшись в овраг, разделились на две группы: я пошел со связным Андреевым, а Лупенков — с Морозовым и Леной Соловьевой, старшей сандружинницей, прибывшей в наш батальон из Кронштадта.

Нам удалось отыскать роты и вывести их в намеченный район. Правда, сделать это было нелегко. Кое-кто из бойцов оказался в окружении, и им пришлось выбираться самостоятельно. Не вышел тяжелораненый комсомолец Борис Ионов. Потом очевидцы рассказывали, что Борис отстреливался до последнего патрона. Не желая попасть в плен, он последнюю пулю пустил себе в сердце. Так же поступил боец Осипов.

Умело действовал скороходовец, командир взвода Лутс. Ему удалось вывести своих бойцов. Пробрался к своим раненый ополченец Либер.

Мужество и хладнокровие проявил политрук девятой роты С. Б. Амитин. Попав с группой бойцов в окружение, он организовал круговую оборону. Гитлеровцы предложили им сдаться в плен. В ответ ополченцы открыли по фашистам ураганный огонь, а с наступлением темноты прорвали вражеское кольцо. Нашел нас Амитин в деревне Выползово как раз в тот момент, когда мы готовились дать бой наседавшему врагу.

Батальон сильно поредел. В строю осталось не больше ста пятидесяти человек.

На новом рубеже, у деревни Выползово, мы сразу окопались. К общей радости, командование полком почыо прислало нам две 76-миллиметровые пушки с расчетами.

Не сошла еще с травы утренняя роса, как на пригорке показались гитлеровцы. Вперед пустили танки, за ними мелкими группами кралась пехота.

Когда фашисты приблизились, наши артиллеристы открыли огонь. Первыми же выстрелами были подбиты

два танка. Пехота бросилась назад и скрылась за возвышенностью.

В тот день противник больше не появлялся перед нашими позициями. Тем не менее положение батальона было тяжелым. Нарушилась связь со штабом полка и подразделениями, действовавшими на флангах. К тому же во взводах осталось по нескольку человек. Даже некому было отправлять в тыл раненых. Получил ранение в предплечье и Лупенков. Сандружинница Соловьева перевязала его. Ночью у комбата поднялась температура. Я попытался уговорить Михаила Григорьевича отправиться в медсанбат, где ему могли оказать помощь.

— Заживет и так, — сказал он.

Взвесив обстановку, мы решили до рассвета оставить деревню Выползово и отходить к Большим Корчанам.

Отступали с тяжелым сердцем. В таких случаях испытываешь горечь и какую-то беспомощность. Появляется такое чувство, будто скользишь по гладкому льду, на котором не за что зацепиться.

Отступление в трудных условиях сказывалось на моральном состоянии бойцов. Нашлись люди мнительные, легко поддающиеся панике. Когда мы стали отходить из Выползова, кто-то распустил слух, что батальон в ловушке, что справа и слева противник зашел далеко вперед. Некоторые стали говорить, что надо разбиться на маленькие группы и самостоятельно пробираться к своим. А где «свои», где полки и батальоны дивизии, никто не знал. Наконец Лупенков навел порядок, паникеры утихли.

Мы вышли к какой-то горящей деревне. Пожар тушила артиллерийская часть. Руководивший ею генерал приказал нам занять оборону.

Какой-либо информации о действиях других подразделений дивизии мы были лишены. Боеприпасов оставалось мало. Решили разыскать штаб полка. Отправились в соседнюю деревню с не соответствующим нашему положению названием — Утешенье. Жителей там не застали.

Мы уже больше суток не получали продовольствия, поэтому бросились в огороды и стали выкапывать и варить картошку. Но поесть не удалось. Прибежал связной из девятой роты, посланный Тамаркиным, и сооб-

щил, что перед деревней появились немецкие танки и солдаты.

Боя мы не приняли, обоймы винтовок у большинства бойцов оказались пустыми. Да и заранее было намечено занять оборону в Больших Корчанах, на магистрали, ведущей в Ленинград.

Отступали лесом, по труднопроходимой для танков местности. Гитлеровцы нас не преследовали.

Штаб полка отыскали только к вечеру вблизи Больших Корчан в березовой роще. Командир полка Арсенов и комиссар Гродзенчик были рады, что мы сами разыскали их. Наше предложение оседлать шоссе в районе Больших Корчан Арсенов одобрил и потребовал удерживать деревню во что бы то ни стало.

В течение первых двух суток нашего пребывания в Больших Корчанах гитлеровцы не вели наступательных боев. Видимо, еще не подошли основные силы. Между нашим батальоном и вражеским подразделением велась лишь перестрелка, в основном в дневные часы. Ночи проходили тихо.

Воспользовавшись временной передышкой, мы с Лупенковым решили собрать командно-политический состав и коммунистов, чтобы разъяснить создавшуюся обстановку и поставить перед каждым подразделением конкретную боевую задачу. Небольшой отдых и отсутствие атак со стороны противника немного успокоили людей.

— Товарищи, — начал комбат, как только все собрались. — Положение создалось чрезвычайное. Дальше отступать некуда. Там, — показал он на север, — Ленинград. Ленинградцы верят в нас, надеются на нас. Назад— ни шагу!

...День прошел спокойно. Мы даже сумели помыться в бане и сменить белье. Впервые за время отступления предоставилась возможность поговорить на «вольную тему». И все же разговор в основном вертелся вокруг того, сумеем ли отстоять Ленинград, уцелеем ли, гадали, что скажут о нас лет через двадцать — тридцать, как оценят наши дела дети и внуки.

Лупенков все больше молчал. Наконец коротко бросил:

— Об этом ли сейчас думать? Перед нами более близкая задача — отбить очередную атаку фашистов.

Комбат был прав. Утром появились немецкие бом=-бардировщики. Они зашли с востока, спикировали на позиции батальона, которые хорошо просматривались по свежевырытым окопам, и начали бомбить. С грохотом рвались бомбы. Мы с комбатом не успели добежать до траншеи и легли на открытом поле вниз лицом, чтобы не видеть падающие с воем бомбы. Одна разорвалась в нескольких метрах от нас. К счастью, осколки полетели выше, а взрывная волна задела лишь слегка. Острая боль в ушах за ночь прошла.

Когда кончилась бомбежка, пошли вражеские танки, за ними пехота. Мы с Лупенковым поспешили на наблюдательный пункт. Как и в Выползове, бойцы не торопились открывать огонь. Они старались подпустить врага, чтобы расстрелять его в упор. В этой тактике не было ничего нового, но она оказалась весьма эффективной.

С НП хорошо были видны действия противника. Танки, двигавшиеся медленно и осторожно, подходили все ближе. Мы с комбатом уже привыкли ко многому, перестали «кланяться» каждой пуле, но сейчас нам стало не по себе, волновались, выдержат ли у бойцов нервы.

Но и на этот раз никто раньше времени не открыл стрельбу. Когда танки и пехота подошли почти вплотную к нашему переднему краю, Лупенков приказал связному Мише Морозову выстрелить из ракетницы. Не успела еще погаснуть зеленая ракета, как возле танков взметнулось пламя. Это начал работать орудийный расчет Арсеньева. Стрелки ружейным и пулеметным огнем старались отсечь пехоту.

Вскоре Арсеньев метким выстрелом угодил в ведущий танк, который тут же остановился. От следующего выстрела он загорелся. Гитлеровцы, шедшие за танком, отскочили от него и попали в сектор обстрела наших пулеметчиков. Через несколько минут вспыхнул и второй танк.

Этого было достаточно, чтобы атака врага была отбита.

11

В боях у Больших Корчан наш батальон потерял ранеными и убитыми больше двадцати человек. Потери были сравнительно невелики, но они совсем ослабили

подразделение. Вывели нас на отдых в деревню Ратчино, где мы получили небольшое пополнение. В тот же день командир полка предоставил мне трехдневный отпуск в Ленинград. Лупенков проводил меня, вручил письмо семье. Прощаясь с комбатом, я не думал, что вижу его в последний раз. На второй день после моего отъезда батальон потерял своего замечательного командира.

Произошло это так. Рано утром, когда ополченцы еще отдыхали, неожиданно появились фашисты.

Лупенков немедленно объявил боевую тревогу и организовал оборону. Но деревню удержать не удалось. Пришлось отступить и закрепиться на новых позициях.

В это время почтальон принес газету «На защиту Ленинграда», издаваемую политотделом армии народного ополчения. В газете был помещен портрет Лупенкова и напечатан очерк о нем. Михаил Григорьевич аккуратно сложил газету и положил ее в полевую сумку.

— Прочитаю потом, — сказал он и стал готовить батальон к бою.

В середине дня пришло подкрепление — несколько танков. Командир дивизии приказал комбату самому возглавить атаку.

Капитан вскочил на танк и увлек за собой бойцов. Видя впереди с поднятой рукой своего командира, ополченцы смело бросились за ним и выбили из деревни Ратчино гитлеровцев.

Но эта победа стоила комбату жизни. В танк, на котором стоял Лупенков, угодил снаряд. Капитан упал на башню, бойцы подхватили его, подбежала санружинница, начала перевязывать раны. Но уже ничем нельзя было помочь Михаилу Григорьевичу. Не приходя в сознание, он умер.

Его похоронили в той же деревне. Когда тело комбата, завернутое в шинель, опустили в землю, бойцы сняли пилотки, каски и в минутном молчании склонили головы у свежей могилы...

Свой батальон я разыскал в маленькой деревушке Заболотье, неподалеку от Копорья. Начальник штаба полка капитан Лабутин ждал меня там, чтобы передать командование батальоном.

Первым делом мы написали письмо семье Лупенкова, рассказали о его подвиге. Вложили в конверт и газету «На защиту Ленинграда», которую перед роковым для него боем Михаил Григорьевич так и не успел прочесть.

...Третий батальон вел бои за Гостилицы, Ораниенбаум. Сражался с оккупантами, защищая свой родной город, все девятьсот дней его обороны. Он участвовал в разгроме гитлеровских войск под Ленинградом. Вместе с другими частями и подразделениями своей дивизии гнал врага до самой Курляндии, где и встретил долгожданный день Победы.

И. Г. КЛИНОВ

СТУДЕНЧЕСКИЙ ВЗВОД

Каждый год в начале лета, когда совсем потеплеет, четырнадцать ленинградцев — выпускников инженерно-строительного института, бывших ополченцев, а теперь известных в городе архитекторов, педагогов и инженеров, собираются на 2-й Красноармейской у здания института. Иногда к ним присоединяется кто-либо из товарищей, живущих ныне не в Ленинграде.

Автобус увозит их в Большой Сабек, совхозный поселок на берегу Луги. Перед железобетонным мостом машина осторожно съезжает с асфальта на полевую дорогу. Здесь, у сабских порогов, друзья студенческих и военных лет разбивают походный лагерь...

На заре, после ночи у костра, помолодевшие на тридцать лет, шагают они туда, где вдоль Луги тянется линия еще заметных окопов.

Клинов Игорь Григорьевич вступил во 2-ю дивизию народного ополчения, будучи студентом третьего курса Ленинградского инженерно-строительного института. В 1942 году после тяжелого ранения демобилизован, вернулся в институт и закончил его.

Ныне И. Г. Клинов — кандидат технических наук, доцент Ленинградского инженерно-строительного института.

Пройдя от начала до конца боевой рубеж и миновав насыпь разрушенного задолго до войны Лыченского моста, бывшие ополченцы достигают конечной цели своего похода. На сосне, растущей на краю леса, возле давным-давно сгнившего блиндажа, прибита заплывшая смолой металлическая пластинка:

Здесь в июле — августе 1941 года
защищали город Ленина солдаты 3-го взвода,
8-й роты 3-го стрелкового полка 2-й дивизии
народного ополчения, студенты Ленинградского
инженерно-строительного института.

Солдаты сорок первого года... Кто из них не помнит свой взвод? Товарищей, которые, отступая, не сомневались в победе. Воинов, защищавших, истекая кровью, первую на фронтовом пути безымянную высоту. Однополчан, с которыми ходил в первую атаку. В солдатской памяти всегда останутся молодыми те, кто умирал иод бомбежкой на первой в жизни переправе, кто шел с гранатами на танки, кто сражался до последнего патрона, оставив один для себя.

Пехотинцы знают, как короток на войне век стрелкового взвода. Едва познакомились солдаты за недолгий срок формирования, почувствовали плечо товарища на марше, и вот уже с первой атакой приходит время расставаний и утрат. Скоро тают в боях солдатские ряды. Приходят новые бойцы. Месяц-другой, и во взводе осталось только несколько ветеранов. Они память взвода, его опыт и традиции.

Стрелковый взвод! Сегодня он есть, а завтра поредевший в боях батальон сведут в одну роту, и ты уже служишь в другом взводе. Но рано или поздно поставят обескровленное соединение во второй эшелон или направят на переформирование, в тылу восстановят батальоны и роты и обязательно твой взвод, в котором не будет ни тебя, ни твоих боевых товарищей.

О самых первых бойцах моего взвода и пойдет рассказ.

В мае 1941 года я окончил третий курс строительного факультета. В начале июня уехал в Эстонскую ССР на практику. Здесь застала меня война.

4 июля я вернулся в Ленинград. Многие мои товарищи уже ушли в армию, в городе шла запись в ополчение.

Отец, старый коммунист, сказал:

— Ты должен идти вместе со всеми.

В институте я встретил своих товарищей Юру Лопина и Женю Черногубова. Юра записался в ополчение, он жил в казарме вместе с другими студентами. Я обрадовался, что буду с ним, но, взглянув на Черногубова, огорчился. Женя был в военной форме, через несколько часов он со своим подразделением уезжал из Ленинграда. «Ополченцы еще не скоро попадут на фронт, — подумал я, — ребята, ушедшие в действующую армию, окажутся там быстрее».

Но жизнь распорядилась по-иному. Мы были в бою уже через десять дней, а политбойцы, вступившие в армию раньше нас, уехали кто под Москву, кто в Вологодскую область, где около месяца учились владеть оружием. Позднее, в августе и сентябре, им выпала нелегкая доля. Одни начали боевой путь под Ельней, другие— под Новгородом. Начали и... там же закончили. В институт вернулись лишь немногие.

Утром 5 июля мы построились в вестибюле института. Директор и секретарь парткома сказали напутственные слова. Меня назначили старшим группы и вручили один из списков добровольцев. В списке значилось двадцать фамилий.

В казарме нас собралось из ЛИСИ пятьдесят четыре человека. Восемнадцать несколько дней назад защитили дипломные проекты, стали архитекторами, инженерами. Они могли уехать по путевкам на работу в тыл. Остальные почти все были студентами четвертого и пятого курсов. С нами оказалось несколько преподавателей и служащих института. Преподаватель Г. А. Рысев, коммунист Ленинского призыва, пришел со своим сыном Борисом — выпускником средней школы.

Вначале нас небольшими группами зачислили в разные подразделения батальона. Нарушая воинскую субординацию, наша делегация явилась к командиру батальона и попросила свести всех «лисийцев» в один взвод. Просьбу нашу удовлетворили. Правда, не полностью: во взводе могло быть только сорок шесть человек.

Так был сформирован третий, студенческий взвод. Командиром назначили студента четвертого курса архитектурного факультета Алексея Покинь-Вербу, отслужившего в армии и имевшего звание младшего лейтенанта.

Днем 14 июля иод звуки полкового оркестра мы двинулись на станцию Витебская-товарная. Провожающих почти не было,— с родными мы попрощались накануне.

Несмотря на ясный день, город казался притихшим и менее многолюдным, чем обычно. Проходя мимо какой-то фабрики, из окон которой нам махали женщины, я заметил, как утирает слезы краешком платка пожилая работница. Посмотрел на нее с некоторым недоумением: о чем тут плакать? — настроение у нас было превосходное.

Не понимали мы, что эта умудренная жизнью женщина видит дальше нас...

Следующим утром батальон высадили в чистом поле у станции Веймарн и приказали быстро рассредоточиться в ольшанике. Солнце стало основательно припекать, когда мы вышли на булыжную дорогу и походной колонной тронулись в путь. Взвод бодрым шагом начал мерить свои военные километры. Во главе — младший лейтенант Покинь-Верба и помкомвзвода Лева Руцко. В первом ряду командиры отделений: молодой архитектор, замечательный лыжник Слава Бормоткин, мой друг Юра Лопин, начальник хозчасти института коммунист Георгий Ильич Головачев и Борис Норкин, архитектор, бывший секретарь бюро ВЛКСМ факультета, тоже член партии. Дальше в строю по четыре весь взвод — сорок два человека (четверо еще в Ленинграде ушли в военное училище).

На вооружении взвода помимо винтовок было два ручных пулемета. Один на плече у Кости Лебедева, второй— у Миши Кудимова. Две снайперские винтовки у наших лучших стрелков — Левы Вертоусова и Саши Петрова.

Из-за пригорка выскочила грузовая машина. В кузове— раненые красноармейцы. Я подумал, что скоро будем в бою. Но откуда в районе Кингисеппа, который я проезжал лишь десять дней назад, немцы?

Пролил короткий дождик. Воздух стал чистым звонким. Вокруг в траве стрекотали кузнечики, в вет*

вях деревьев резвились птицы. А издалека все явственнее доносился гул артиллерии.

В пути батальон миновал стоящие на обочине танки. Из открытой башни по пояс высунулся командир со звездой Героя Советского Союза на груди, Он улыбнулся и крикнул вдогонку: .

— Только не робеть, ребята!

К вечеру колонна остановилась. Мы расселись на бревнах, сваленных у дороги. Из-за леса доносились винтовочные выстрелы и короткие автоматные очереди. Вперед прошла группа командиров во главе с генералом. Вид у них был озабоченный.

Нас нагнали танки и встали неподалеку. Кто-то завел разговор с танкистами. Они рассказали, что впереди за лесом деревня Юрки. Там враг. Мы должны выбить фашистов.

Мимо нас в тыл прошли красноармейцы. Они были предельно утомлены. Некоторые ранены, на грязных, мокрых от дождя повязках яркими пятнами запеклась кровь.

Танкисты захлопнули люки, и машины, набирая скорость, двинулись дальше. Командир роты лейтенант Гудков развернул взводы в цепь и повел нас через редколесье на запад. С громким криком «ура» мы почти бежали вперед, плечом к плечу, стараясь не потерять соседа.

На опушке леса фашисты встретили нас плотным минометным огнем. Оглушенные разрывами, бойцы бросились на землю. Цепь разорвалась. Кто-то попятился назад. Послышались крики: «Санитара!»

Я увидел первого раненого из нашей роты. Он шел прямо на меня неверными, заплетающимися шагами, держа на весу перебитую руку. Раненый ни о чем не просил, только глухо стонал.

Недалеко от меня оказался Г. И. Головачев. Он был спокоен, хотя лицо его побледнело. Георгий Ильич старше, опытнее, рядом с ним я почувствовал себя увереннее.

— Вперед! Раненых перевяжут сандружинницы.

Перебегая от дерева к дереву, мы вышли из-под минометного огня и оказались на краю леса, где скапливались отдельные группы ополченцев. За нешироким полем горела деревня, до которой нам предстояло добраться,

Сейчас уже невозможно назвать всех, кто в своем первом в жизни бою (который представлялся нам совсем не таким, каким оказался) —в грохоте огня, в отблесках пожарищ — сумел пройти нелегкие триста метров, отделявшие лесную опушку от горящей деревни. Многие из них служили в нашем студенческом взводе, но вспоминают и танкиста, машину которого подбили в бою, — он повел вперед подразделение ополченцев, — рассказывают о девушке-сандружиннице, поднявшей бойцов для броска через поле и погибшей во время атаки.

Деревня догорала. Фашистская артиллерия вела такой плотный огонь, что ополченцы вынуждены были залечь.

В темноте роты были собраны в лесу и отведены в соседнюю деревню. В полном составе взвод собрался лишь утром. Не было только Юры Лопина, который накануне был тяжело ранен, выпускников ЛИСИ Макса Финкельштейна, раненного осколком мины, и Михаила Фирсова, погибшего во время боя.

К вечеру 17 июля нам приказали быстро построиться. Командир взвода объявил, что нужно произвести разведку, и скомандовал:

— Добровольцы, шаг вперед!

Все сделали этот шаг.

— Хорошо! Пойдет весь взвод.

Предстояло проверить, есть ли в лесу на подступах к селу Ивановскому противник, и установить, не заминирована ли дорога, по которой последуют танки.

— С вами пойдет отделение саперов, — пояснил комбат.

Мы прошли километра полтора,* когда впереди раздались выстрелы. Потом стало тихо. Навстречу двигалась группа дивизионных разведчиков. Старший сержант в пятнистом халате нес захваченный в стычке с вражеским постом немецкий автомат.

Командир разведчиков сказал, что до опушки леса недалеко, но дальше расположены посты! и засады, которые они потревожили. Углубляться в лес неразумно.

После нашего возвращения батальон двинулся к Ивановскому. Вечерело. Подошло несколько танков. Покинь-Верба получил приказ посадить одно отделение на головную машину.

— Кто, ребята, пойдет добровольно?

Согласились все. Выбор пал на первое отделение.

Мы с волнением наблюдали, как вслед за Славой Бормоткиным на броне танка рассаживались архитекторы Виктор Бушев, Аркадий Евстафьев, Зоил Егоров, Александр Трифонов, Евгений Ружников, Юрий Заклинский, Борис Тихонов. Мне думается, что их молчаливая сосредоточенность была признаком настоящего мужества: они участвовали накануне в атаке, видели, как горели наши и вражеские танки, как кромсали их броню снаряды противотанковых пушек.

Машины двинулись на Ивановское. Роты цепями углубились в лес и последовали за танками.

Мы вышли на опушку, до которой почти добрались во время разведки, но не увидели перед собою Ивановского. Через сотню-другую метров опять начинался лес, за который, не торопясь, пряталось неяркое вечернее солнце. Влево и вправо от леса была открытая местность. Враги, хорошо пристрелявшие этот участок, отбили наши первые атаки. Танки, выползшие в начале боя из леса, встретили плотный огонь батарей противника. Головные машины были подбиты. Другие экипажи вперед не пошли, а занялись буксировкой поврежденных танков.

Именно так воевали мы в первые месяцы войны. Пехотинцы, рискуя жизнью, стремились вынести с поля боя пострадавших однополчан. Танкисты вытаскивали из огня и пламени подбитые машины. И лихие поначалу атаки захлебывались. Гибли бойцы, войска напрасно теряли и без того небогатую технику. Напрасно потому, что завтра надо было все повторять сначала. Потребовался срок, пока мы усвоили простую истину, что в бою надо решать главную задачу, что во время атаки следует идти вперед, что только так можно помочь упавшим товарищам.

Мы вышли из боя глубокой ночью, отправив на танках раненых друзей: архитекторов Игоря Бакеева, Аркадия Евстафьева, Виктора Бушева, студентов Бориса Тихонова, Юрия Шутова, Ивана Клементьева и Михаила Кудимова.

Через сутки батальон сдал свой участок обороны ополченцам скороходовского полка и ночью вышел на реку Лугу, километрах в пятнадцати восточнее села Ивановского. Поредевшему третьему взводу доверили

правый фланг обороны. Ниже по реке, до деревни Большое Сторонье, наших подразделений не было.

Разведывательные группы врага несколько раз переправлялись через Лугу. Нам приказали проверить, нет ли противника на правом берегу реки. В разведку мы отправились втроем — Боря Норкин, Лева Вертоусов и я: парторг, замполитрука и комсорг роты.

У кустов ракитника, нависших над водой, Вертоусов заметил раздетого человека. Лева приблизился к берегу и вскинул винтовку:

■— Кто такой?

Тот обернулся, молча попятился и резко метнулся к одежде.

■— Стой! Буду стрелять!

Подбежали мы с Норкиным. Неизвестный медленно выпрямился, поднимая вверх руки.

В это время в кустах что-то тяжелое шлепнулось в воду.

Вертоусов бросился к реке. Он увидел, что другой, одетый человек торопливо плыл от берега. На голове его была однорогая, непохожая на нашу пилотка.

«Враг», — догадался Лева и перешел на немецкий:

— Хальт! Цурюк... Хенде хох!

Теперь уже оба прочно сидели на мушках наших винтовок. Голый испуганно замер, а одетый, протянув руки вверх, выходил из воды.

Мы захватили летчиков со сбитого зенитчиками самолета-корректировщика. Они перебирались на «свой» берег. Стрелок-радист успел раздеться, стянул ремнем свои вещи, планшетку и автоматы. Пилот должен был прикрыть переправу стрелка.

Во взводе, перед тем как отправить пленных в батальон, мы немного поговорили с ними. У нас тогда было больше любопытства, чем злости и ненависти к врагам. Ненависть пришла потом, когда на наших глазах умирали товарищи, а мы не могли им ничем помочь, когда своими глазами видели следы фашистских зверств.

Переводчиками выступали Евгений Ружгщков и Ефим Нехамкис.

От немцев мы узнали, что их экипаж состоял из трех человек, но командир погиб еще в воздухе. Накануне поздно вечером их заметили у реки наши саперы. В завязавшейся перестрелке пилот был ранец в предплечье

левой руки (мы сменили ему промокшую повязку). Отстреливаясь, гитлеровцы скрылись в лесу, отложив переправу на утро.

Друзья радовались нашему успеху. Это были первые пленные, взятые ополченцами третьего полка.

На Луге не было сплошной линии фронта. Фашисты, уверенные в своем подавляющем превосходстве, сосредоточивались на плацдармах у Сабского и Пореченского мостов. А небольшая деревушка Лычно, напротив которой стояла наша восьмая рота, по существу оставалась «ничейной» землей на «вражеской» стороне реки. Через Лычно мы отправлялись в тыл противника. Гитлеровцы добирались до нее на танках, спускаясь по левому берегу со стороны Большого Сабека. Открыто следовали они вдоль линии обороны батальона, осыпая окопы ополченцев градом пуль и снарядов. Вооружившись бутылками с горючей жидкостью, мы часами просиживали в противотанковых засадах на лычеиских огородах и дворах. Но удачи долго не было...

Иногда в районе деревни появлялись минометчики противника. Выпустив десяток-другой мин, они быстро удалялись в направлении Большого Сабека. Как-то перед стрельбой гитлеровцы заглянули в дальнюю избу за молоком. В эти минуты к Лычно подходила группа курсантов Ленинградского пехотного училища имени С. М. Кирова, были здесь и наши ополченцы. Часовой поднял тревогу. Гитлеровцы разбежались, оставив у завалинки ротный миномет «лягушку» и две кассеты с минами. Лейтенант, командовавший кировцами, распорядился передать трофейный миномет старшине нашей роты В. И. Шишкину, работнику типографии имени Соколовой. Василий Иванович Шишкин, студенты ЛИСИ Василий Трубицын, Наум Кантер освоили миномет, и он сослужил нам неплохую службу.

Танки противника, навещая Лычно, ниже по реке не спускались. На противоположном от нас берегу был, помнится, глубокий овраг, а через него ветхий мостик. В последних числах июля в сопровождении танка на улице деревни появился юркий броневичок. Машины, не торопясь, переправились через обмелевшую речушку Лыченку и, пыля, проследовали к оврагу. Не доходя до него, танк остановился и угрожающе развернул на нао

башню. Броневичок же осторожно забрался на мостик и благополучно перескочил на другую сторону оврага.

Василий Иванович с помощниками установил трофейный миномет на заранее подготовленной позиции и открыл беглый огонь. Броневичок попятился назад, но одна из мин повредила мостик, отрезав пути отхода. Танк, разыскивая минометчиков, пополз обратно к деревне. Броневичок беспомощно заметался под разрывами, а затем стал. Гитлеровцы выскочили из машины и стремглав побежали к лесу.

Новый командир одного из отделений Леонид Обухов вызвался уничтожить броневичок. Он, Василий Трубицын и самый младший из нас—Андрей Иванов мигом разделись и, захватив по противотанковой гранате, вплавь достигли другого берега. Из-под обрыва они кинули пару гранат, и машина беспомощно осела на дороге. Но возвращаться было опасно: танк, передвигаясь вдоль реки, обстреливал наши окопы. Тогда на помощь товарищам, у которых осталась только одна граната, прикрываясь камышами и толкая впереди себя лодку с оружием, поплыл Костя Лебедев.

Когда стихло, ребята забрались в бронемашину, сняли с нее пулемет и рацию, вытащили записи и карты. Позже нам сказали, что на броневичке немецкие офицеры производили рекогносцировку.

Так и стояла напротив наших позиций подбитая бронемашина, которую мы тогда не догадались поджечь. А через пару дней под прикрытием трех танков враги восстановили мостик и отбуксировали колченогую машину в Большой Сабек.

В эти дни в нашем взводе произошли изменения. На политработу отозвали бывшего заместителя секретаря парткома ЛИСИ Ефима Нехамкиса. В распоряжение начальника инженерной службы дивизии отбыли выпускники института Александр Мирошин, Борис Пинкус и Борис Фролов. Старшиною другого подразделения полка назначили Анатолия Антонова. По болезни и ранению ушел наш связной Женя Котляров. Лазаря Шаповалова перевели в другое подразделение. Покинь-Верба стал старшим адъютантом батальона. Во взводе, которым теперь командовал Лев Руцко, осталось двадцать четыре человека.

Утром 10 августа немецкие танковые колонны, прорвавшиеся на Сабском и Ивановском плацдармах и

нацеленные теперь на просторное для маневра Копорское плато, вышли в тыл Луженого оборонительного рубежа.

Населенные пункты в шести — восьми километрах от реки, где находились штаб и хозяйственные службы полка, пришлось оставить. В бою под деревней Пустошкой при отражении вражеской атаки героически погиб наш товарищ Алексей Покинь-Верба.

Подразделениям третьего полка, собравшимся в лесу под Малыми Пелешами, предстояло прорваться на север. Прикрыть прорыв поручили восьмой роте. Впереди был поставлен студенческий взвод.

К вечеру 11 августа головной дозор приблизился к проселочной дороге, которая связывала наступающие на Молосковицы и Веймарн сабскую и ивановскую группировки противника, и обстрелял вражеские патрули. Подтянувшаяся рота залегла в болотистом лесу вдоль проселка, она перекрывала дорогу огнем и гранатами.

Гитлеровцы на машинах подвезли автоматчиков. Паш третий взвод принял удар на себя, для того чтобы другие смогли уйти к деревне Лопец. Теряя друзей, ополченцы сдерживали натиск фашистов. Было трудно. Выручало, правда, болото, в которое не рискнули сунуться подошедшие вражеские танки.

Выполнив свою задачу, мы выбрались из-под огня. Перестрелка стихла. Слышались лишь редкие одиночные выстрелы, шум проезжающих машин и громкая немецкая речь.

Вдруг с нарастающим свистом воздух рассекли несколько мин и плюхнулись в болото, подняв фонтаны коричневой грязи. Двигаться дальше не было никакого смысла. Следовало сориентироваться и хотя бы немного разобраться в обстановке.

Шорох в кустах насторожил нас. Женя Ружников моментально извлек из нагрудного кармана запал, торопливо засунул его в последнюю гранату и приготовился выдернуть чеку. Леня Обухов, прислушиваясь, сдержал его.

Шум в кустарнике, сопровождавшийся крепкими выражениями, повторился. По голосу мы узнали снайпера взвода Сашу Петрова. Саша сидел под деревом, пытаясь зубами разорвать на полосы спущенную с простреленного плеча нательную рубаху. Окровавленная

Гимнастерка лежала в ногах. Я достал индивидуальный пакет и принялся за перевязку.

Петров рассказал нам о судьбе товарищей.

Вместе с ним ушли вперед Борис Норкин, помкомвзвода Слава Бормоткин, Лева Вертоусов, Зоил Егоров и Саша Трифонов. Немецкие автоматчики были рядом, за невысоким полотном дороги. В яростной перестрелке, еще до подхода танков, погибли Норкин, Егоров и Трифонов. Позже разрывная пуля настигла Бормоткина. Потом ткнулся во влажный мох Вертоусов. Петров слышал, как, захлебываясь кровью, Лева просил взять снайперскую винтовку и передать ребятам, чтобы «рубили ляхов до самого пупа».

Всему взводу, да что взводу — многим в батальоне были хорошо известны эти слова, произносившиеся Левой не однажды, а теперь сказанные в последний раз.

Петров, раненный еще до этого, приблизился к товарищу. Лева был без сознания. Пульс не прощупывался. Фашисты, прикрываясь танками, усилили огонь. Вытащить Вертоусова у Саши не было возможности. Скрепя сердце, он решился отойти вслед за взводом.

В конце боя Георгий Ильич Головачев и студент-коммунист Степан Ефремов, рекомендовавшие многих из нас в партию, Константин Лебедев, Михаил Угольников, Семен Литвин, воспользовавшись минутным затишьем, проскочили через дорогу. Их заметили. В перестрелке Георгий Ильич был серьезно ранен в голову. Товарищи подхватили его. Уходя от преследования, ополченцы углубились в лес. Долго еще слышали они беспорядочную стрельбу, а ветер доносил суматошные крики немцев.

Мы вчетвером — Женя Ружников, Леня Обухов, Саша Петров и я — собрали в болотах у Малых Пелешей ополченцев, отставших от своих подразделений, и, перейдя в полночь дорогу, рано утром нагнали полк.

В расположении роты нас радостно встретил стоявший на посту Литвин:

— Как хорошо, что вы пришли, ребята!

Три дня мы берегли сухой паек, полученный на других наших товарищей. Но больше никто из студенческого взвода на место сбора в деревне Лопец не явился.

Здесь после двухдневной обороны третий полк снова оказался в окружении. Но прежде чем замкнулось

кольцо, наши сандружшшицы успели отправить всех ра^ неных в тыл, в их числе Георгия Ильича Головачева и Сашу Петрова.

Полк побатальонно, а затем отдельными группами до конца августа пробивался на восток. Нашей группой командовал лейтенант Сазонов, присланный в батальон из Пехотного училища имени С. М. Кирова. Его первыми помощниками стали семеро ополченцев из ЛИСИ, особенно Леонид Обухов и Константин Лебедев.

Тяжелым и мучительным был этот путь. Шли по лесам и болотам, сторонясь шоссейных дорог и крупных населенных пунктов. Тяготы этих дней делили с нами две сандружинницы — Лида Кобрина и Люба Куликова.

Загоревшие до черноты, исхудавшие и предельно утомленные, но с искрящимися радостью глазами вышли мы 20 августа под Сиверскую, а через сутки были уже в родной 2-й ДНО, сражавшейся в районе Котлов. Девушкам-сандружинницам разрешили поехать в Ленинград, чтобы проводить заболевших и раненых.

Нас определили в первый полк, который пополнялся бойцами, выходившими из окружения. Ротой командовал наш бывший старшина Василий Иванович Шишкин, а одним из ее взводов — Лева Руцко. С ним были еще пятеро наших товарищей: Юрий Заклинский, Василий Трубицын, Самуил Шальман, Наум Кантер и Абрам Кулин. После схватки под Пелешами они трое суток, вынося раненого Иосифа Донского, добирались до Молосковиц, где в те дни шли тяжелые бои. Снова был в строю студенческий взвод, пополнившийся смелыми парнями из других подразделений третьего полка. Я не помню фамилий этих славных ребят, кроме Бориса Рысева, отца которого, Г. А. Рысева, назначили политруком нашей роты.

Судьба некоторых бойцов нашего студенческого взвода долго оставалась неизвестной. Кто-то из однополчан позднее рассказал, что на его глазах при прорыве у Малых Пелешей погиб Андрей Иванов. Друзья Давид Сондак и Георгий Рогожин вместе выходили из окружения. Им выпала нелегкая доля, о которой мы услышали лишь после войны.

От Льва Вертоусова, которого мы считали погибшим, я получил письмо в сорок пятом году.

«Дорогой Игорь!

...Если о себе все рассказать, не хватит ни бумаги, ни времени. Постараюсь описать свое ранение, показавшееся другим смертью...

„Успокоив“ одного фрица, я стал прицеливаться в другого, как в этот момент почувствовал резкий ожог в груди и что-то теплое и липкое под гимнастеркой. Показалось, что все. Поднялся на локтях, попрощался с товарищами, затем кровь хлынула горлом и носом, и я потерял сознание. Это было около четырех часов дня. Очнулся я после полуночи уже навзничь, а не ничком, попробовал пошевелиться, но смог двигать только левой рукой. Силы оставили меня, и я снова забылся. Так я и лежал в этом болоте, выщипывая мох, влага которого была моей единственной пищей. Разделяли мое одиночество только трупы друзей, с которыми я проучился пять лет.

...Потом мне удалось доползти до убитых. Найденные в их мешках два концентрата каши, полхлеба и флакон одеколона подкрепили и согрели меня.

В ночь на 14-е сделал попытку встать. Но через несколько мгновений снова упал, потеряв сознание. На следующую ночь я все-таки перешел злополучную дорогу, пройдя в общей сложности метров триста. Почувствовал себя в безопасности. Мысль о том, что скоро увижу своих (помнишь, пункт сбора был назначен в десяти километрах севернее), сознание того, что опасный рубеж (дорога) уже позади, компас, вера в свои силы придали мне энергии.

Неперевязанная рана сочилась... Одной левой рукой перевязать ее не мог, а правая беспомощно болталась на ремне, переброшенном через шею. Но воля к жизни, желание отомстить делали свое дело, и последующие дни я шел, если только можно так выразиться, ибо на каждые полчаса перехода требовалось полтора — два часа на отдых. Путь затрудняли кровотечения и нехватка воздуха — сказывалось простреленное легкое. Казалось все-таки, что силы прибывали, и надежда добраться до своих все крепчала. Однако судьба распорядилась по-другому, и 17 августа, после полудня, на одном из своих привалов я был приведен в себя пинком ноги и грубым окриком.

Так началась самая ужасная пора в моей жизни — плен. Три с большим гаком года, вычеркнутые из

жизни. 1344 мучительных и долгих дня! Сколько пришлось пережить издевательств, мучений и насмешек, моральных и физических, грубых и утонченных — всего здесь не перескажешь!

Два раза пытался бежать; раз предали, другой — поймали. Наконец наступил долгожданный день — 22 апреля 1945 года. Восемнадцать тысяч военнопленных лагеря в Люкенвальде, представители более десяти наций мира, в том числе и более двух тысяч наших земляков, стали свободными.

С тех пор я все время нахожусь в рядах нашей армии...»

...Бои продолжались.

28—29 августа — Велькотта. Здесь в отчаянной атаке были убиты дорогой всем нам человек — командир роты Василий Иванович Шишкин и юный Борис Рысев. Получили серьезные ранения Лева Руцко и Леня Обухов. Командование взводом принял Евгений Ружников.

31 августа на реке Систе, у Кумоловской мельницы, на крутом берегу мы похоронили Сему Литвина, погибшего в рукопашной схватке.

Были потом Копорье, Воронино... И новое расставание: ранили Женю Ружникова.

Гостилицы, Порожки, Петергоф...

На Ораниенбаумском плацдарме войска стали намертво.

Еще в августе Юрия Заклинского выдвинули на должность командира саперной роты. Командиром взвода полковой разведки назначили Костю Лебедева. На работу в штаб дивизии определили Самуила Шальмана и Михаила Угольникова. Здесь, под Мартышкином, остальных студентов ЛИСИ перевели в саперную роту.

И опять жил студенческий взвод, хотя в саперной роте нас собралось только шестеро: командир Юрий Заклинский, рядовые Абрам Кулин, Наум Кантер, Василий Трубицын, Лазарь Шаповалов и я.

Все это было в начале войны. Путь предстоял долгий. Никто не знал, какие дороги ждут нас. Но где бы мы ни были потом, мы всегда помнили друзей первых дней боевой страды.

В 1962 году мы побывали на памятной третьему взводу дороге Малые Пелеши — Юрки — Ивановское.

С трудом удалось пробраться автобусом по этому почти необитаемому ныне проселку. За двадцать лет все так изменилось, что мы не смогли разыскать место, где между Крутыми Ручьями и Малыми Пеленгами дорогой ценой обеспечили выход из окружения нашего ополченского полка, не узнали болота, в котором в августе 1941 года остался тяжелораненый Вертоусов и погибли Борис Норкин, Слава Бормоткин, Зоил Егоров, Саша Трифонов. Ни Малых Пелешей, ни соседних деревень давно уже не было. И нам не пришлось тогда поговорить с жителями о боях первого военного лета.

В начале лета я иногда выезжаю на Лугу со спиннингом.

Как-то разговорился с местным рыболовом. Рассказал ему, что ополченцем воевал в этих местах.

— Бывают здесь ополченцы, — сказал мой собеседник.— Ниже, у разрушенного моста, даже никелированную дощечку на сосне прикрепили. С надписью, что воевали здесь студентами. В округе все жители об этой сосне знают.

Я улыбнулся:

— Это наша дощечка. Мы прибили ее рядом с вырытыми нами окопами. А вы из Сабека?

— Нет. Живу в Редкине, — назвал он деревню, недалеко от которой и начинается дорога, где мы вели жестокий бой.

Я рассказал об этом собеседнику.

— Обстановка не позволила похоронить наших товарищей. Мы так и не представляем, где их могила. И спросить не у кого.

— Ну как же, — подался он вперед. — Я знаю, где под Пеленгами похоронены ваши ребята. После отступления лесник Александр Яковлевич Степанов похоронил погибших за речкой Лубянкой. Пока дед был жив, ухаживал за могилкой...

Дома мы, бывшие бойцы взвода, решили немедленно начать розыски братской могилы ополченцев и, если удастся, установить фамилии похороненных. Сообщили в Волосовский военкомат, что под Малыми Пелешами 11 августа 1941 года погибли выпускники архитектурного факультета Борис Норкин, Ростислав Бормоткин,

Зоил Егоров, Александр Трифонов, что с задания не вернулся студент строительного факультета Андрей Иванов, а сутками раньше в соседней Пустошке был убит старший адъютант батальона, первый командир третьего взвода студент-архитектор Алексей Покинь-Верба, и просили проверить, не наших ли боевых товарищей похоронил лесник.

Работники военкомата разыскали пожилую женщину, проживавшую когда-то в Пелешах и помогавшую Степанову при похоронах. Она показала могилу, но имен назвать не смогла.

Райком партии и исполком постановили перенести останки ополченцев на воинское кладбище в Волосове. Нас пригласили участвовать в перезахоронении.

Я сообщил об этом друзьям, позвонил брату нашего помкомвзвода Славы Бормоткина, заслуженному мастеру спорта, в прошлом чемпиону страны по гимнастике Олегу Всеволодовичу Бормоткину.

Мы прибыли в Волосово накануне вечером: Лев Константинович Вертоусов, доцент ЛИСИ Игорь Леонидович Бакеев, управляющий Ленгипрогором архитектор Александр Устинович Мирошин, главный инженер крупнейшего проектного института Михаил Павлович Угольников, главный архитектор института «Гипроруда» Абрам Маркович Кулин, Олег Всеволодович Бормоткнн и я.

Утром мы направились на машинах в Малые Пелеши. Проехали памятную по сорок первому году станцию Веймарн. Миновали село Ивановское, где было пролито столько солдатской крови. Перед Пореченским мостом через Лугу свернули со Старопольского шоссе и, преодолев вброд речку Хревицу, добрались до вновь отстроенных на пепелище Юрков.

Проехав Крутые Ручьи и приближаясь к Малым Пелешам, мы опять внимательно всматривались в окружающие нас лес и болото.

Нет, никто, даже Лев Константинович, не в состоянии был уверенно показать место схватки с фашистами. По едва живому мостику мы переправились через Лубянку и остановились па бывшей деревенской улице.

У сарая-времянки двое мужчин собирались на охоту. Один оказался сыном бывшего лесника, и мы разгово* рились.

— Батя рассказывал, что похоронил за речкой нескольких солдат, — подтвердил младший Степанов,— но знал ли он их фамилии, я не спрашивал.

— Есть в лесу еще захоронения? — поинтересовался Вертоусов.

— Об этом разговора не было.

— Во всяком случае, — добавил спутник Степанова,— нам знакомы в этих краях все уголки. Не сомневайтесь, здесь лежат ваши ребята.

Мы побывали у женщины, показавшей место захоронения. Она рассказала, что ополченцы погибли при наступлении фашистов на Пелеши — были убиты в поле перед деревней, а документы их спрятал лесник.

Что потрясло нас тогда больше всего в Малых Пелешах? Нет, не отсутствие могильного холма, давным-давно смытого дождями и весенними водами. Нас поразило высокое дерево, выросшее на могиле. Я, пожалуй, впервые так зримо ощутил, что с тех пор прошли десятилетия.

В могиле мы не нашли никаких документов — лишь несколько пустых солдатских медальонов, не заполненных потому, что никто не собирался умирать.

К вечеру Волосово торжественно встречало траурную процессию. Сентябрь щедр на цветы. Но не часто увидишь столько цветов сразу. Весь город вышел на улицу проводить героев в последний путь. Из Ленинграда приехали ополченцы во главе с бывшими бойцами взвода Львом Исааковичем Руцко и Юрием Дементьевичем Шутовым. Прибыли делегации трудящихся Ленинского и Московского районов. С опозданием в двадцать четыре года — и в этом нет ничьей вины — живые отдавали свой долг памяти павшим.

Мы вспоминали в этот день всех своих товарищей, которые не вернулись с полей войны: лейтенанта Алексея Покинь-Вербу, ополченцев Ростислава Бормоткина, Бориса Норкина, Андрея Иванова, Зоила Егорова, Александра Трифонова, Михаила Фирсова, Семена Литвина, Бориса Пинкуса, Наума Кайтера, погибших в 1941 году. Вспоминали капитана Юрия Заклинского, помначштаба полка, убитого в сорок четвертом. Мы не забыли друзей, раненных в первых боях и погибших позже, когда они служили в других соединениях и воевали на других фронтах: капитана Михаила Кудимова, старшего лейтенанта Виктора Бушева, гвардии млад-

шего лейтенанта Бориса Фролова, младших лейтенантов Аркадия Евстафьева и Александра Петрова, коммуниста, участника гражданской войны сержанта Георгия Ильича Головачева. Мы вспоминали ополченцев Макса Финкельштейна, Степана Ефремова и Бориса Тихонова, умерших в дни голодной блокады города Ленина.

Говорят, что память не вечна. Действительно многое, очень многое забывается. Но вечно жива эстафета поколений. Всюду, где проявляются ум и энергия сегодняшнего молодого поколения, мы ощущаем теплое дыхание друзей наших военных лет, чувствуем огонь их души, видим продолжение их подвигов. Мы знаем, что без них не было бы нашего созидательного сегодня, открывающего дорогу в еще лучшее завтра.

4. А. ГУСЕВ

СОЛДАТЫ МОСКОВСКОЙ ЗАСТАВЫ

В ополчении меня назначили комиссаром артиллерийского полка. Самого полка еще не существовало. Но вот прямо с митинга пришли четыреста рабочих Мясокомбината имени С. М. Кирова — колонной, с боевыми песнями, под развернутым знаменем. Они даже домой не зашли.

Мясокомбинат стал головным предприятием по формированию артиллерийского полка. Остальные бойцы пришли с завода имени Егорова, из Авиационного техникума. Влились к нам и добровольцы из Кронштадта.

10 июля в Московском райкоме партии собрался командно-политический состав нашей 2-й дивизии. Можно было подумать, что это партийно-хозяйственный актив района. Впрочем, так оно и было. В зале сидели

Гусев Алексей Александрович, председатель Ленинградского комитета по физической культуре и спорту, в июле 1941 года вступил в народное ополчение и был назначен комиссаром артиллерийского полка 2-й дивизии. После войны был директором стадионов имени С. М. Кирова и В. И. Ленина, членом Всесоюзного комитета по физкультуре и спорту.

Последние годы жизни А. А. Гусев был на хозяйственной работе. В 1967 году умер.

директора предприятий, секретари парткомов, начальники цехов, известные стахановцы, видные инженеры, только не в привычных штатских костюмах, а в новых, топорщившихся гимнастерках и тяжелых сапогах. И обсуждали они отнюдь не производственные планы—на повестке дня стоял вопрос, как лучше бить немецких оккупантов. Тогда мы еще не знали, что уже через несколько дней нам предстоит решать этот вопрос на практике.

Сколько в зале знакомых лиц! Среди политотдельцев— В. А. Колобашкин, заведующий отделом агитации и пропаганды райкома партии, работники райкома И. М. Телятников и А. И. Шарков, секретарь РК ВЛКСМ Саша Тихвинский, секретари крупных парткомов Г. И. Терновой, Я- М. Дворян, директора И. М. Дворян и П. К. Булычев.

Много было выдающихся спортсменов, хорошо известных мне по работе в комитете физкультуры. Начальник цеха рантовой обуви со «Скорохода» Аполлон Шубин славился как замечательный хоккеист, электросиловец Леонид Мешков — заслуженный мастер спорта, мировой рекордсмен по плаванию. Они вступили в ополчение в числе первых.

Треть дивизии составляли коммунисты и комсомольцы. Не только мужчины, но и тысячи женщин требовали отправки на фронт. За несколько дней в Московский райком комсомола подали заявления 5553 девушки. Разумеется, дивизия не могла примять столько, но все же две тысячи девушек были направлены в армию сразу. Другие пошли на фронт позднее.

Многие ополченцы никогда не держали в руках винтовки. В нашем артиллерийском полку кадровыми военными были только командир капитан Хачатурян, начальник штаба майор Голубев и командиры дивизионов. Но они, хотя и носили военную форму, не имели ни боевого опыта, ни опыта службы в строевых частях. Все остальные командные должности занимали недавние активисты-производственники. Расчет был на то, что они, как люди инициативные, сумеют быстро овладеть и военным делом.

И вот только что назначенные командиры выводили своих людей на занятия в сады, скверы, на пустыри, стараясь не потерять ни минуты. Мы очень спешили, хотя еще не представляли себе, как мало времени

имеем. Подлинную военную школу ополченцы проходили уже в тяжелых боях с врагом.

13 июля пришел приказ отбыть в район города Кингисеппа.

Когда первый ополченский эшелон выгрузился на станции Веймарн, враг, наступавший с Ивановского плацдарма, вошел в Среднее Село, находившееся в восьми километрах от станции. По дорогам к станции бежали сотни женщин. Это были ленинградки, строившие оборонительные сооружения. Они попали под удар прорвавшихся немецких танков. Женщин преследовали и фашистские самолеты, забрасывали бомбами, обстреливали из пулеметов.

Едва успев принять боевой порядок, ополченцы двинулись навстречу прорвавшемуся врагу. У артиллеристов не было времени предворить их атаку огнем, они двигались с пехотой в ее цепях.

Цепи атакующих вели культпроп «Электросилы» Владимир Наумов, инструктор райкома комсомола Михаил Косорымов, секретарь парткома «Пролетарской победы» Яков Дворян.

Нет смысла сейчас судить об их действиях исходя из канонов военной науки. Возможно, все делалось не так, как предписывалось военными уставами, но ярость и сила удара ополченцев оказались столь велики, что ошеломленные фашисты отступили. Дивизия вышла к реке Луге и селу Ивановскому, заняла там оборонительный рубеж протяжением свыше тридцати километров и держала его почти месяц.

Дорого стоил нам тот первый бой! Следующим утром, на заре, я вместе с командиром взвода разведки младшим лейтенантом Панченко пошел уточнить обстановку на переднем крае у Ивановского. Тяжелая картина открылась перед нами. Поле было усеяно телами наших товарищей. Лежал на земле комиссар электросиловского полка А. С. Константинов. Рядом лежала девчушка-сандружинница, видимо оказывавшая комиссару первую помощь. На руке девушки еще тикали часики.

— Разрешите? — тихо спросил меня Панченко. Он бережно снял с руки девушки часы, открыл заднюю крышку и остановил ход. Потом спрятал часы в карман гимнастерки.— Пока жив, буду помнить это утро и тех, кто лежит здесь. Пока жив, буду мстить за них...

Летом 1944 года я встретил Панченко во время нашего наступления в Прибалтике. Он уже командовал полком. Увидев меня, Панченко достал из кармана часы погибшей сандружинницы, он хранил их рядом с партийным билетом. Стрелки показывали тот же час, что и 15 июля 1941 года под Ивановским.

— Узнаёте? — спросил Панченко. — Я свою клятву не забыл. Буду мстить, пока бьется сердце.

Электросиловский полк в первые дни боев потерял почти всех командиров и политработников. В других частях потери были тоже очень велики. Погибли комсорг полка Косорымов, инструктор политотдела Дворян, парторг полка Наумов, Цветков, Артамонов, Титов, Шарымов...

Уже в первых боях наши товарищи показали не только безмерное мужество, но и примеры хладнокровия, умелых действий. Студент-второкурсник Авиационного института Костя Мейерович только что стал наводчиком орудия. Вряд ли он когда-либо до этого занимался артиллерийской стрельбой. Но когда на село, отбитое ополченцами у фашистов, двинулись немецкие танки, он быстро выкатил орудие на открытую позицию и несколькими выстрелами подбил две танкетки. Политрук Павел Бархатов поставил орудия своей батареи на прямую наводку и встретил фашистские танки сосредоточенным огнем. Два танка были подбиты, остальные повернули назад.

Остановленные у Ивановского, гитлеровцы предпринимали все новые и новые атаки на занятый дивизией рубеж. Положение становилось очень трудным, оборона еще не была организована как следует.

В один из этих дней к нам прибыла группа кадровых командиров и политработников. Подразделения сразу почувствовали их твердую руку, оценили их военные знания.

В середине августа в командование дивизией вступил генерал-майор И. М. Любовцев. Несколько раньше комиссаром назначили полкового комиссара П. Т. Тихонова. Павел Тихонович Тихонов вскоре стал в частях своим человеком. Он проводил в ротах и батальонах буквально дни и ночи, появляясь там, где было всего опаснее и труднее.

На всю жизнь у меня осталось в памяти 5 сентября, когда, разыскивая второй стрелковый полк и поддерживавший его артиллерийский дивизион, мы с комиссаром дивизии влетели на машине в деревню Лопухинку, занятую фашистами. Те опешили при виде нашей «эмки», а затем открыли бешеный огонь. Пуля сразила шофера Сашу Савинова, старого и близкого моего друга, динамовца, отличного хоккеиста. Саша остался лежать в Лопухинке, нам пришлось бросить машину. Я старался прикрыть комиссара дивизии, чтобы он успел уйти к своим, но Павел Тихонович один не уходил. Отстреливаясь, мы вырвались из расположения противника и добрались до леса. А через три дня полковой комиссар Тихонов погиб в районе села Порожки. Он был награжден орденом Ленина посмертно.

О боях, которые вела дивизия под Ивановским, стало известно в родном городе. Мы получили письмо за подписью секретаря Московского райкома партии Г. Ф. Бадаева. В письме говорилось: «Трудящиеся Московского района с чувством глубокой гордости узнали о вашей первой схватке с врагом, о храбрости, о геройстве вашем, о вашей беспредельной преданности Родине. Мы уверены, что вооруженные трудящиеся Московского района еще выше поднимут героические традиции отцов — питерских рабочих, уготовивших могилу для врага на подступах к Петрограду в 1919 году».

Преградив фашистам дорогу, дивизия вела тяжелые бои на тех самых рубежах, где Красная Армия сражалась с белогвардейцами в годы гражданской войны. Мы дрались и учились воевать — и в боях и во время передышек.

Двадцать пять суток, днем и ночью, шли ожесточенные бои на нашем участке фронта. Отпор, который ополченцы дали здесь противнику, имел огромное значение для защиты Ленинграда. Мы выиграли время, необходимое для организации обороны на ближних подступах к городу. Больше пятидесяти дней понадобилось противнику, чтобы пройти путь до Ораниенбаума, Мартышкина, Старого Петергофа: за сутки он продвигался не более чем на два — три километра. На нашем участке дальше этих рубежей гитлеровцы продвинуться не смогли. Ополченцы вместе с моряками Балтийского флота и другими частями прочно заняли оборону, и фашисты оказались бессильны потеснить их,

Надо представить себе участок, на котором мы утвердились.

Ленинград был уже в блокаде, а для нас блокада оказалась двойной: мы были отрезаны и от блокированного Ленинграда — добраться туда можно было лишь через Финский залив. Наш участок именовался на Ленинградском фронте «Малой землей» или Ораниенбаумским «пятачком». Держась на нем, советские части не давали противнику возможности переправиться через Финский залив, прикрывали Ораниенбаум, Кронштадт, форты. Знаменательно, что именно с Приморского (Ораниенбаумского) плацдарма в 1944 году был нанесен фашистам первый удар при наступлении советских войск, завершившемся полным снятием блокады и разгромом гитлеровцев под Ленинградом.

Но от победоносного наступления 1944 года нас отделяли почти девятьсот блокадных дней. Как сейчас видятся мне свежие окопы, наспех отрытые в желтом песке, толстые сосны на переднем крае,, испещренные надписями, вырезанными солдатскими ножами: «Сзади Кронштадт и море. Умрем, но не отступим!», «Отдать этот плацдарм — значит предать Ленинград». Каждый понимал: больше мы не можем, не имеем права сделать хотя бы шаг назад...

Ополченцы не только твердо стояли на своих рубежах, но и сами наносили фашистам чувствительные удары.

Гитлеровцы, заняв большое село Гостилицы, накапливали там силы, чтобы с этого рубежа, расположенного на возвышенности, продолжить наступление на Ленинград. По шоссе в сторону Гостилиц беспрерывно двигались немецкие части, подвозились боеприпасы и продовольствие. У командира дивизии генерал-майора И. М. Любовцева и командира второго стрелкового полка майора Арсенова созрел план ударить но шоссе. Но кому поручить это?

Выбор пал на третий стрелковый батальон, которым командовал скороходовец, недавний редактор фабричной газеты Степан Бардин. Он скомплектовал отряд в сто двадцать человек.

Выступили вечером. Перед этим Бардин собрал свой отряд и спросил: «Нет ли таких, которые передумали, хотят вернуться в подразделения? Если есть, пусть сделают два шага вперед, никаких претензий к ним не

предъявят, ведь участие в операции — дело добровольное». Ни один человек не вышел из строя.

Вытянувшись в цепочку, тщательно маскируясь, отряд вплотную подошел к позициям противника и остановился на привал в глубокой балке. Кто-то из бойцов, перезаряжая винтовку, случайно выстрелил. Гитлеровцы немедленно открыли огонь из автоматов и выпустили по балке несколько мин. К счастью, только двое ополченцев были ранены, и то легко. Их тут же отправили в медсанбат.

Это происшествие, несколько задержавшее отряд, помогло узнать расположение вражеских дозоров. Обойдя их, бойцы стали переправляться через болото. Люди увязали по пояс, однако, не останавливаясь, шли вперед. К пункту сбора, в километре от шоссе, вышли на рассвете. Здесь был объявлен часовой отдых: нужно было просушить одежду и обувь, позавтракать. Не отдыхал только Бардин. Он с политруком С. Б. Амитиным и командирами взводов отправился разведать место и выбрать позицию, заняв которую отряд должен был ждать появления немецких частей.

В шесть утра два взвода ополченцев оседлали шоссе, третий остался в резерве. Вражеские колонны — легковые машины, несколько танков и мотопехота — появились через час. Их пропустили. Вскоре в сопровождении нескольких мотоциклистов показались машины, груженные боеприпасами. Отряд атаковал их.

Сигналом послужил взрыв гранаты, брошенной бойцом Андреевым. Тотчас заговорил один из наших пулеметов, раздались частые ружейные выстрелы. Идущая впереди вражеская машина, под которую Андреев бросил гранату, перевернулась, преградив путь остальным.

Фашисты заметались, часть из них была сражена пулями ополченцев, остальные ринулись назад — туда, где на опушке леса залег наш второй взвод.

Были подорваны девять машин с боеприпасами, взяты в плен пять немецких солдат, собраны автоматы убитых и раненых фашистов.

Отряд отошел в лес. Отправив пленных в полк, Бардин занял новую позицию и снова атаковал вражеские колонны. До вечера отряд уничтожил несколько десятков фашистов и вывел из строя немало грузовых машин с боеприпасами и продовольствием. Добровольцы вер-

нулись в расположение полка,' понеся лишь незначительные потери. Настроение было приподнятое, люди даже не ощущали усталости.

Смелый выход отряда Бардина в тыл врага вызвал замешательство у противника. И хотя бойцам народного ополчения не удалось выбить фашистов из Гостилиц, продвижение неприятеля в сторону Ленинграда было задержано на несколько дней. Всех участников этой дерзкой, умело проведенной операции представили к правительственным наградам. Степан Бардин был награжден орденом Красного Знамени, а политрук Саул Амитин — орденом Красной Звезды.

Когда мы вошли в дачный поселок Мартышкино, где многие ленинградцы обычно проводили лето, он показался нам кромешным адом. Вражеские снаряды рвались на улицах, вытянувшихся по узкой полосе вдоль залива, авиация забрасывала их тяжелыми бомбами. Все рушилось, вздымалось в воздух, горело. В этом аду мы увидели худенькую девочку лет пятнадцати, стоявшую посреди улицы и заливавшуюся горючими слезами. Она только что потеряла отца и мать. Что было делать с девчушкой, куда ее деть? Мы оставили Машу Шишакову в полку, рассчитывая при случае эвакуировать. Но она никуда не уехала, прижилась у нас. Сперва была в роте связи, потом упросила сделать ее сандружинницей. Она оказывала первую помощь раненым бойцам, по вскоре и этого ей уже было мало.

— Я должна рассчитаться с фашистами за папу и маму, — твердила она. И добилась, чтобы ее назначили в орудийный расчет.

Так прошла она всю войну, была награждена несколькими орденами и медалями. Мария Шишакова и сейчас среди своих старых боевых друзей — живет и работает в Ленинграде, в нашем Московском районе, растит двух дочерей, очень похожих на ту девочку, которую мы нашли плачущей в пылавшем Мартышкине.

В сентябре 1941 года на Ораниенбаумском «пятачке» дивизия получила новое наименование. Ей присвоили номер регулярного соединения Красной Армии. Воины видели в этом признание своих боевых заслуг, признание того, что мы научились бить врага не хуже, чем давно сформированные, сложившиеся и обученные части.

В темную, холодную ночь на 30 октября военные транспорты начали переброску дивизии через Финский залив. Мы прибыли в Ленинград, но не успели рассмотреть свой город, израненный за месяцы смертельной борьбы. Части с ходу вступили в бой под Усть-Тосном.

Скуден был солдатский паек в ту блокадную зиму. Пятьсот граммов суррогатного хлеба да мучная болтушка — много ли это для человека, притом на лютом морозе, когда даже нет возможности как следует согреться! Трудным был и солдатский быт.

Ветераны дивизии, конечно, помнят землянку-баню, которая была вырыта неподалеку от передовой на обрывистом берегу Невы. Как будто нехитрое дело — помыть солдат, но тогда и это было сложной проблемой. Походных бань мы не имели, а бани в городе не работали. Ту знаменитую баню придумал командир полка майор Орлов. Его часто поминали за это добрым словом. Выходя из нашей бани, люди чувствовали себя буквально ожившими.

Мало было у нас и боеприпасов, каждый снаряд на счету. И вот командир третьей батареи старший лейтенант Ильмендеров сделал своим твердым правилом: на поражение любой цели тратить меньше снарядов, чем положено по уставной норме. Благодаря исключительно точной стрельбе его батарея и при голодной норме боеприпасов досаждала противнику. Командир батареи стал известен на фронте как один из самых метких артиллеристов.

В боях мы несли потери. Погиб разведчик Узелков, любимец полка да и всей дивизии. Обаятельный парень, веселый и легкий, он пришел в полк из Кронштадта, и была в нем этакая матросская удаль и редкое хладнокровие. Много раз ходил он в разведку. Возвращаясь, скупо рассказывал о схватках, которые пришлось вести его отделению, но неизменно приносил ценнейшие сведения. Очень скоро наши считанные снаряды стали поражать даже наиболее замаскированные объекты в фашистском тылу. Узелков погиб от пули немецкого снайпера.

В феврале 1942 года дивизию из-под Усть-Тосна перебросили на Пулковские высоты. За девятьсот дней блокады мы дрались и держали оборону на всех участках Ленинградского фронта, вели бои под Невской Дубровкой и Колпином, под Шушарами и возле

Авиагородка. В общем, когда ветераны дивизии говорят, что исходили, исползали весь передний край обороны Ленинграда, в этом *нет ни малейшего* преувеличения.

Медленно тянулись девятьсот блокадных дней. О них уже немало рассказано и написано. В минуту воодушевления, в ярости и упоении боя человек способен на высочайшие подвиги и жертвы, на самопожертвование и самоотречение. Но тут были не минуты — годы. И сейчас, оглядываясь на них, я думаю: почему все это тяжкое блокадное время, когда, отрезанные от всей страны, мы стояли *насмерть на своих позициях, в наших рядах* не было уныния, люди не теряли веры в победу и не давали страху овладеть сердцем, не проявляли даже минутной трусости? Конечно, на этот вопрос двумя словами не ответишь. Думаю, огромную роль здесь играла постоянная связь с городом, который мы защищали, с родной нашей Московской заставой.

Там, в Ленинграде, за заставой, остались наши близкие, мы всё знали о них, они посещали дивизию, приходили не *только в штабы, но и в окопы переднего края.* За время войны в дивизии побывало свыше семидесяти делегаций трудящихся — более девятисот человек с «Электросилы», «Скорохода», «Пролетарской победы», завода имени Егорова, Ленмясокомбината...

Не говорю уже о потоке подарков — он шел в дивизию непрерывно. Женщины отдавали бойцам свой пайковый табак, а часто и сахар, про который нельзя даже сказать, что он был на вес золота, — он был несравненно дороже.

О том, как вели себя ленинградские женщины, которых было немало в дивизии, я уже говорил. Мы видели сандружинниц, которые, будучи сами тяжело ранеными, продолжали делать перевязки бойцам, видели, как наши девушки до последней минуты не покидали раненых и умирали под гусеницами фашистских танков. Поэтому большой радостью для дивизии стало награждение сандружинниц в марте 1942 года.

Надя *Ефимова с* «Красного *треугольника» была* удостоена самой высокой награды — ордена Ленина —за то, что вынесла с поля боя больше ста раненых командиров н красноармейцев вместе с их оружием. Вчерашнюю работницу «Скорохода» Веру Чертилову наградили орденом Красного Знамени, сандружинницу Астафьеву—

орденом Красной Звезды. Правительственными наградами были отмечены боевые дела и подвиги других девушек из нашей дивизии, в том числе отдавших жизнь во имя спасения раненых воинов — Зины Филипповой, Вали Питерской, Лемы Епишиной, Вали Крякииой...

Подобно Маше Шишаковой, которую мы нашли в горящем Мартышкине, наши девушки рвались на передовую, чтобы самим бить фашистов. Одна из них, Маша Кошкина (теперь Ткалич), и сейчас связана с медициной— уже много лет работает в амбулатории Ленмясокомбината. Но на фронте она сменила сумку санружинницы на снайперскую винтовку и стала грозой фашистов. Маша Кошкина уничтожила из своей винтовки более восьмидесяти гитлеровцев. Лишь тяжелое ранение, полученное в бою, помешало ей увеличить этот счет.

Дивизия, созданная трудящимися двух ленинградских районов — Московского и Ленинского — сражалась с фашистскими захватчиками до последнего дня войны. Она была в составе частей Ленинградского фронта, перед которыми сложила оружие огромная Курляндская группировка гитлеровской армии.

Помню, как в самые тяжелые дни войны мы, ополченцы, рисовали себе день Победы. Был среди нас старший батальонный комиссар Юра Смыкунов, в прошлом работник Осоавиахима.

— Вот, ребята, — говорил он, — кончим войну, и вернется наша дивизия в Ленинград, вернется с победой на родную Московскую заставу. Представляете, еду я на белом коне, а девушки выбегают навстречу: «Юра! Юра!» — и забрасывают цветами. И секретарь райкома товарищ Бадаев машет рукой с балкона.—Он мечтательно улыбался и великодушно добавлял: — Ну и вам тоже, конечно, будут цветы.

Все вышло так, как мечтал Юра Смыкунов. Война закончилась нашей великой победой, войска возвращались в Ленинград. Девушки встречали победителей возгласами и цветами — скромными букетами ромашек, собранных в поле ради счастливого дня. Все было — не было только среди нас Юры Смыкунова. Как и многие, он отдал жизнь во имя Победы. Вечным сном уснули наши друзья под селами Ивановским и Средним, под Юрками, Утешеньем, Жеребятками... Возвращаясь

в родной город, мы вспоминали стихи нашего фронтового друга поэта Александра Гитовича:

Как известно добрым людям,
Голос дружбы не умолк.
Если только живы будем,
То родной мы вспомним полк.
Мы припомним Утешенье,
Жеребятки и Юрки,
Где в народном ополченье
Шли на смерть большевики.
Вспомним мы с тобой по праву
Всех товарищей своих
И, воздав погибшим славу,
Выпьем стопку за живых!

Мы повторяем эти слова в День Победы, когда по традиции ветераны дивизии собираются вместе с молодежью в Доме культуры, чтобы отметить свой праздник. Мы произносим их 14 июля, в годовщину первого боя, возле братских могил ополченцев у сел Ивановского и Мануйлово.

И. А. КРЕСТОВСКИЙ

В БОЯХ—КИРОВЦЫ

9 мая, в День Победы, выезжают из ворот Кировского завода автобусы. По проспекту Стачек, по улицам Нарвской заставы, застроенным новыми домами, устремляются они за город, туда, где летом 1941 года воевали ополченцы-кировцы.

В автобусах совсем еще молодые люди — комсомольцы— и убеленные сединой воины-ветераны — живые свидетели и участники тех событий.

Мчатся автобусы по лужской земле от деревни к деревне. Слушают молодые ребята рассказы о том, как более тридцати лет назад на этих дорогах, холмах, лесных тропинках преградили путь врагу ленинградские ополченцы. И встает в этих волнующих рассказах короткая, но славная история Кировской дивизии. А началась она в июле сорок первого года...

В первый день войны меня вызвали в военкомат для участия в мобилизации.

Крестовский Ивам Андреевич перед войной был инструктором Кировского райкома партии, затем его избрали секретарем парткома завода «Красный химик». В июле 1941 года он был назначен старшим инструктором политотдела 1-й дивизии народного ополчения. После войны работал в Кировском райкоме КПСС, затем заместителем секретаря парткома Кировского завода.

В настоящее время И. А. Крестовский — пенсионер, председатель Совета ветеранов народного ополчения Ленинграда.

Уже через час после передачи по радио правительственного сообщения, не дожидаясь повесток, в военкомат стали приходить люди. Их направляли в клуб имени Газа, где был развернут мобилизационный пункт. Собрались здесь и те, кто подлежал призыву, и добровольцы.

Вскоре одного мобилизационного пункта стало мало. Мне поручили оборудовать второй, в школе № 384 на проспекте Стачек.

Сейчас, по прошествии стольких лет, не могу без волнения вспоминать о том высоком патриотическом подъеме, которым были охвачены люди. Всеми владело одно желание — получить оружие, встать в ряды защитников Родины.

Помню летучие митинги на мобилизационных пунктах и в цехах Кировского завода. Длинных речей тогда не произносили, но в простых, идущих от самого сердца словах чувствовалась такая непримиримая ненависть к врагу, такая несокрушимая уверенность в правоте нашего дела, что все мы понимали: победа будет за нами.

30 июня 1941 года были организованы пункты записи добровольцев на всех крупных предприятиях. Началось формирование частей народного ополчения. В Кировском районе создавалась первая ополченская дивизия. Меня назначили старшим инструктором политотдела.

На Кировском заводе было подано около пятнадцати тысяч заявлений. Но многим приходилось отказывать. Одним—-по возрасту и состоянию здоровья. Другим следовало остаться на заводе для выполнения ответственного оборонного задания. Сформировали полк. Второй стрелковый полк формировался на судостроительном заводе имени А. А. Жданова, третий — в Дзержинском районе.

Кировский завод посылал на фронт сзою гвардию. Ветераны революции, борьбы за Советскую власть шли на фронт вместе с сыновьями.

Одним из первых пришел на пункт записи добровольцев участник гражданской войны, мастер 1-го механического цеха Иван Сергеевич Глазков, кавалер ордена боевого Красного Знамени, коммунист Ленинского призыва. Вместе с сыном подал заявление о зачислении в ополчение бывший командир ПутилоЕского полка Варфоломей Окропирович Цилосани. Этот полк, сфор-

мированный из рабочих Путиловского завода, героически сражался на фронтах гражданской войны. И теперь, в момент новой военной опасности, его командир опять взял в руки оружие.

4 июля 1941 года 1-я дивизия народного ополчения перешла на казарменное положение. Командиром ее назначили комбрига В. А. Малинникова, комиссаром — полкового комиссара П. А. Иванова, начальником политотдела стал батальонный комиссар Д. А. Подрезов — в прошлом председатель завкома Кировского завода. Высокий, крепкий, с добрым, открытым лицом, Дмитрий Андреевич удивительно легко сходился с людьми, умел завоевать их любовь и уважение. Ветераны завода, наверное, помнят, каким он был отличным оратором.

Кировский завод передал в дар дивизии три танка «КВ» и несколько пушек. На торжественном митинге путиловцы — участники трех революций и гражданской войны вручили ополченцам завода боевое знамя. Сейчас оно хранится в экспозиции Государственного музея истории Ленинграда как символ воинской славы кировцев — защитников великого города.

10 июля я вместе с другими ополченцами выехал на фронт. Тяжелый, изнурительный трехдневный марш от станции Батецкая до тракта Луга —Старый Медведь...

В те дни я находился во втором полку, которым командовал полковник И. И. Лебединский. После короткого отдыха ополченцы приступили к строительству оборонительного рубежа. Вместе с комиссаром полка А. С, Ермолаевым и парторгом И. П. Степаненко мы отправились по подразделениям. Хотя непривычный переход утомил бойцов, но настроение у всех было боевое. Всюду кипела работа: рыли окопы, сооружали землянки, наводили связь.

Вечером 14 июля в деревне Танина Гора состоялось совещание работников политотдела, комиссаров полков и отдельных батальонов. Начальник штаба зачитал информационную сводку о положении на фронтах, разъяснил обстановку на нашем участке.

Напутствуя нас, Д. А. Подрезов сказал: «В политотделе засиживаться не будем. Наше место рядом с бойцами.—Потом напомнил мне: — Проследи за доставкой газет в подразделения». И вновь мы, политработники, отправились в полки.

Обстоятельства складывались так, что дивизия получила возможность основательно закрепиться на своих рубежах, построить оборонительные сооружения, начать боевую учебу в полевых условиях. Этот выигрыш во времени мы получили благодаря войскам Северо-Западного фронта, которые нанесли противнику контрудар в районе Сольцов и отбросили его назад. Гитлеровцы вынуждены были приостановить наступление на Новгород.

Боевые позиции Кировской дивизии находились в восточном секторе Лужского оборонительного рубежа, в пятидесяти километрах от города Луги. Фронт ее растянулся километров на тридцать вдоль шоссейной дороги на Шимск. Позади была крутая излучина реки Луги, справа — линия железной дороги. Нашими соседями были: справа — 235-я, слева — 237-я и 70-я стрелковые дивизии.

Как-то я побывал в приданном нашей дивизии 541-м гаубичном артиллерийском полку и здесь неожиданно встретился со знакомым — бывшим партийным работником Лесного порта Тарасовым, ставшим политруком батареи.

— Передай кировцам — можете на нас положиться, дадим огоньку, — сказал мне Тарасов.

И действительно, артиллеристы были хорошо подготовлены к предстоящим сражениям. Я сам видел на учебных стрельбах, как метко они бьют. И потом, позже, в горячих боях кировцы не раз добрым словом поминали друзей-артиллеристов, поддерживавших нашу дивизию огнем своих орудий.

Дней семь на нашем участке стояло относительное затишье. С обеих сторон велась лишь разведка. Наши разведчики уходили в поиск почти каждый день.

Разведку первого полка возглавлял токарь Кировского завода В. И. Бескончин. Это был опытный командир, участник боев на Халхин-Голе и Карельском перешейке. Не раз он водил своих бойцов в тыл врага, вступал в бой с разведывательными группами противника.

Однажды группа во главе с Бескончиным километрах в десяти от Передольской в небольшой деревне обнаружила немцев. Было их около роты, а ополченцев — человек тридцать. Наши разведчики незаметно зашли в тыл противника. Бескончин сказал бойцам:

«Сначала гранаты, потом обстреляем». Так и сделали. Фашисты растерялись и побежали. Разведчики захватили деревню и полностью уничтожили брошенную врагом технику: машины, мотоциклы. Отошли без потерь, лишь кому-то пулей оцарапало ухо. Потом один из разведчиков сказал командиру: «Они считают себя непобедимыми, а смотри, как бегут!»

За отвагу в боях на Лужском рубеже Бескончин был награжден орденом Красного Знамени.

С 20 июля боевые действия заметно активизировались. Усилилась артиллерийская перестрелка. Фашисты неоднократно пытались прощупать нашу оборону, но ополченцы стойко удерживали свои позиции. А начиная с 10 августа завязались особенно кровопролитные бои. По пять-шесть раз в сутки атаковал враг наши позиции. Ополченцы отражали наступление и сами поднимались в контратаки. Когда кончались патроны, бойцы вступали в рукопашную схватку.

Ополченцы стойко сдерживали натиск противника. Но силы его намного превосходили наши.

Я в те дни был в первом полку, в роте, занимавшей оборону возле деревни Голубково. Ополченцам с каждым часом становилось все труднее. Роте грозило окружение. Пришлось отходить в расположение штаба батальона.

Около штаба находился пункт медицинской помощи. Военфельдшер и две сандружинницы грузили раненых в машину. Все понимали — еще несколько минут и здесь появятся вражеские автоматчики. Пожилой боец с забинтованной рукой перевесился через борт машины: «Уходите, девчата, что ж вам из-за нас погибать!» Но сандружинницы как будто не слышали его слов. В это время буквально рядом с машиной разорвался снаряд. Одна из девушек упала. Мы бросились к ней — осколком снаряда она была убита наповал.

Я не знаю имени и фамилии этой сандружинницы, не знаю, откуда она родом и кто ее родители. Но образ этой худенькой девчушки с короткими льняными волосами и совсем еще детским личиком никогда не изгладится из моей памяти. Вечный огонь на могиле Неизвестного солдата горит и в ее честь.

Звуки боя становились все ближе и ближе. Нужно было срочно вывозить раненых, но шофера рядом не оказалось. Хорошо, что среди легкораненых нашелся

бывший тракторист, он и сел за руль. В этот момент к машине подоспели несколько ополченцев и командир минометного взвода лейтенант Любочкин с группой бойцов. Водитель развернул машину и на большой скорости выскочил на дорогу. Любочкин со своими бойцами задержал фашистов, поливая их минометным огнем. Но вот кончились мины. Враги подступили почти вплотную.

— Будем прорываться, — сказал я Любочкину.

Мы поднялись — нас было около тридцати человек, — гранатами пробились к дороге и углубились в лес...

С боями отходила Кировская дивизия к станции Оредеж. Прорвавшись сквозь вражеское кольцо, сюда подошли основные силы первого полка, четыре дня сдерживавшие гитлеровцев у деревень Голубково и Щепино, часть подразделений второго и третьего полков и специальные подразделения.

На станции Оредеж — штаб дивизии, политотдел. Инструкторов политотдела вызвал комиссар дивизии П. А. Иванов. Все собрались в маленьком привокзальном скверике. Кроме знакомых командиров мы увидели неизвестного нам полковника в танкистской форме. Это был новый командир дивизии А. Г, Родин. В нескольких словах полковник обрисовал обстановку: 41-й стрелковый корпус после ожесточенных боев под Лугой вынужден был отойти на новые позиции. Перед нами ставилась задача прикрыть его фланг.

18 августа вечером первый полк Кировской дивизии занял оборону в десяти километрах южнее станции Оредеж. Я был назначен комиссаром полка.

Ночыо вместе с командиром полка майором В. П. Шумиловым мы обошли позиции. Ходили из окопа в окоп, разговаривали с бойцами.

— Откуда?

Ополченцы называли себя, почти всегда прибавляя гражданскую профессию:

— Красноармеец Глазков из первого механического.

— Демьян Кузнецов, слесарь, бывший пограничник.

В полку были люди чуть ли не из всех цехов Кировского завода.

К утру по всему полю желтели свежевырытые окопы. Они растянулись, насколько хватало глаз. Подни-

мались на склоны невысоких холмов, спускались в низинки, петляли среди кустов.

Бой начался на второй день. Часов в шесть утра мы услышали нудный, звенящий гул. Со стороны Батецкой одна за другой шли труппы бомбардировщиков.

— Ложись! — услышал я голос Шумилова.

Глухо охнула земля, посыпался песок. Взрыв, еще взрыв, еще... Казалось, началось землетрясение. И вдруг внезапно наступила тишина. Из окопов стали подниматься бойцы. Устанавливали пулеметы, подготавливали брустверы. На левый фланг уже спешили с носилками санитары. Третьему батальону досталось больше других.

Ополченцы готовились к бою. Ждать пришлось недолго. Из-за леса ударили артиллерия и минометы. Тонны металла обрушились на наши позиции. Но вот артиллерия стала бить реже. Показались первые цепи гитлеровцев.

Я взглянул на Шумилова: лицо сосредоточенное, губы сжаты.

Гитлеровцы подходили все ближе и ближе.

— Давай! — крикнул командир полка связному.

Небо полоснула ракета. С правого фланга длинной очередью зашелся пулемет. Над полем загремела ружейная пальба. Шквальный огонь преградил путь врагу. Особенно большой урон наносил фашистам пулеметчик-коммунист Кузнецов. Установив пулемет на обрыве сопки, он не давал противнику переправиться через Оредеж. Только тяжелое ранение заставило пулеметчика прекратить огонь.

Враги не ожидали такого сопротивления и повернули назад. Ополченцы кинулись преследовать врага, но командир полка остановил их.

— Наша задача подольше удержать этот рубеж. Резервов у нас нет, — сказал Шумилов.

Очень скоро мне пришлось убедиться в его правоте. Гитлеровцам удалось на фланге прорвать нашу оборону. Мы получили приказ отходить к станции Оредеж.

В ночь на 19 августа мы заняли оборону в районе станции. Следовало выиграть время, дать возможность основным силам дивизии закрепиться на подготовленных позициях на правом берегу Оредежа.

Фашисты вели обстрел станции, но больших потерь мы не несли. К концу дня пришел приказ комдива

отойти на следующий рубеж. Перед этим нам предписывалось вывести из строя железнодорожные сооружения и механизмы. Вместе с командиром саперного батальона капитаном Т. К. Кузнецовым мы пошли посмотреть, как выполняется этот приказ.

Возле стрелки копошилась группа ополченцев. Они снимали крестовину стрелочного перевода, вытаскивали костыли, отвинчивали гайки.

— Почему не взорвали? — спросил Кузнецов немолодого ополченца с двумя треугольниками в петлицах.

Командир отделения ответил:

— Посоветовались с ребятами и решили разобрать да поблизости закопать. Вернемся — легче восстанавливать будет.

— Взрывать, взрывать...

— Товарищ командир, да мы и ключ гаечный приспособили,— вмешался в разговор боец.

— Выполняйте приказ! — прикрикнул Кузнецов.

Ополченец бросил на землю ключ:

— Давай, Николай, тол...

Мы пошли дальше. Минут через пять громыхнул взрыв. Кузнецов хмуро взглянул на меня, ускорил шаг. Тяжело было рушить народное добро. Не привыкли к этому рабочие руки.

Подорвали водокачку, нарушили связь и к вечеру покинули станцию. Хмурые, молчаливые ополченцы цепочкой двигались вдоль железнодорожного полотна. А сзади полыхало зарево пожара.

Перед закатом солнца последние подразделения перешли по железнодорожному мосту на правый берег реки Оредеж.

На пригорке возле моста нас ожидал командир полка. Повел показывать окопы и траншеи, которые должны были занять ополченцы. Сооружения эти были сделаны руками жителей Ленинграда. Казалось просто чудом, что за такой короткий срок женщины, старики, подростки сумели сделать так много. Правый берег почти весь был эскарпирован — устроен в виде отвесной стены на скате. По гребням тянулись змейки ходов сообщения в полный человеческий рост. Там, где песок осыпался, окопы были обшиты свежими сосновыми досками, еще пахнувшими душистой смолой. Всюду оборудованы пулеметные гнезда, стрелковые окопы.

— Ну как? — улыбнулся Шумилов.

— Держаться здесь можно.

— Да... Но, к сожалению, окопы — это еще не псе.— Лицо Шумилова вновь стало озабоченным. — Силенок у нас маловато...

Нам не хватало артиллерии, особенно противотанковой. Слабым было и прикрытие с воздуха.

С наступлением ночи ополченцы стали располагаться в траншеях. К этому времени пришел приказ комдива взорвать железнодорожный мост через Оредеж. Однако Шумилов отправил к Родину связного с просьбой задержать взрыв моста. Дело в том, что на левом берегу осталась наша группа прикрытия под командованием комбата Дегусарова. С минуты на минуту мы ждали прихода бойцов, но их все нс было. Вероятно, попали в окружение.

— Выручать надо, — сказал Шумилов.

Мы переправились на левый берег. Здесь довольно быстро разыскали Дегусарова. Оказалось, комбат просто не торопился переходить реку, не ощущая сильного нажима противника.

Надо было возвращаться. Вдруг сзади мы услышали взрыв. Позже выяснилось, что комдив не получил донесения Шумилова. Гарнизон, охранявший мост, отошел, а саперы взорвали его, выполняя ранее полученный приказ.

Пока мы думали, что предпринять, вражеские автоматчики вышли к реке. Мы оказались почти в окружении. Решено было частью сил атаковать противника, прорвавшегося к Оредежу, остальным переправляться через реку.

Скрытно, кустами ополченцы подобрались к вражеским цепям и пошли в атаку. Гитлеровцы были отброшены.

Началась переправа. Однако фашистам вновь удалось прорваться к берегу, и теперь они вели пулеметный и минометный огонь по плывущим людям. Не всем удалось перебраться через реку. Одни погибли от пуль, другие утонули.

В лесу у станции Торковичи мы встретились с Шумиловым. А поздно ночью командира полка и меня вызвали к Родину. С ним был комиссар дивизии И. В. Костиков. Комдив сообщил, что дорога из Луги на Гатчину перерезана и нам надо продержаться еще хотя бы трое суток, прикрыть левый фланг 41-го корпуса,

Утро 21 августа. Кругом тишина. Странная, непривычная тишина, будто и нет войны. Но мы понимаем — затишье временное. Наша разведка донесла, что враг подтягивает к реке большие силы. И мы готовимся к тому, чтобы встретить его во всеоружии.

В середине дня гитлеровцы после интенсивной артиллерийской подготовки при поддержке авиации попытались форсировать Оредеж. Пулеметным и ружейным огнем ополченцы топили резиновые лодки врага, не давая ему приблизиться к правому берегу. Трижды пытались фашисты переправиться через реку — и каждый раз безуспешно. В этом бою особенно отличился комиссар батальона, бывший секретарь цеховой партийной организации Александр Дементьевич Сивоха. Его видели в самых опасных местах. Словом и личным примером воодушевлял коммунист Сивоха ополченцев-кировцев.

Поздно вечером стало известно, что 41-й корпус организованно отходит на намеченные рубежи. Командование корпуса объявило благодарность ополченцам, отлично выполнившим возложенную на них задачу.

Все труднее и труднее становилось нам сдерживать натиск превосходящих сил противника. Гитлеровцы перерезали дорогу к штабу дивизии. Шумилов был ранен. В это время я находился с группой бойцов на левом фланге. Из КП полка прибежал боец, торопливо доложил:

— Автоматчики подошли к штабной землянке.

Там было полковое знамя, лежали раненые. Старший политрук А. Д. Сивоха во главе группы ополченцев бросился к штабу. Они преградили путь фашистам и сдерживали их натиск, пока не было вынесено знамя и эвакуированы раненые. Затем эта группа прикрывала отход полка. Александр Дементьевич Сивоха и все, кто был с ним в этом бою, пали смертью храбрых.

Полк, понесший значительные потери, отошел. К вечеру мы пришли в деревню Пелково, сдали в медсанбат раненых. Осталось в полку около пятисот человек.

Утром к нам прибыла конная разведка. Разведчики сообщили, что штаб дивизии теперь находится в деревне Далекое. Мы отправились туда. Полковник Родин собрал весь командный состав и объявил нам, что остатки всех подразделений сводятся в одну часть. В эту группу, которую возглавил Родин, помимо опол-

ченцев вошли бойцы и командиры 24-й танковой дивизии и других кадровых частей.

Здесь, в штабе, увиделся я с комиссаром артполка П. В. Дмитриевым, В. И. Поповым, П. Н. Волковым. Был среди них и Михаил Семенович Тишуков. Слесарь-лекальщик Кировского завода в дни тяжких боев под Лугой проявил огромное мужество, стойкость, находчивость. Это он в районе Оредежа пробрался в тыл врага и вывел к своим попавший в окружение взвод боевого охранения. Он же, рискуя жизнью, взорвал склад с боеприпасами. Высокими боевыми наградами отметила Родина подвиги воина Кировской дивизии Михаила 'Гишукова. В наши дни к этим его наградам прибавилась новая, мирная — орден Октябрьской Революции.

И сейчас, встречаясь с Михаилом Семеновичем, мы не можем удержаться от воспоминаний о тех днях. Абсолютно мирные, штатские люди — рабочие, инженеры, служащие Кировского завода — показали тогда чудеса солдатской стойкости и мужества.

Многие из нас помнят ночной бой у деревень Гобжицы и Баньково. Здесь кировцы под командованием полковника Родина разгромили штаб и батальон немецкого мотополка. Были захвачены трофеи, пленные, два фашистских знамени.

У деревни Гобжицы в конце августа 1941 года разыгралась трагедия, о которой напоминает сейчас небольшой обелиск, стоящий среди холмов на берегу Оредежа. На обелиске надпись: «В тяжелые, незабываемые дни 1941 года здесь сражались и пали за город Ленина более ста ополченцев Кировской дивизии».

Да, бой у деревни Гобжицы оказался на редкость жестоким. Но несмотря на то, что силы были неравными, ополченцы держались до конца. Лишь подоспевшим свежим частям гитлеровцев удалось захватить деревню. Всех погибших в этом бою гитлеровцы сбросили в две силосные ямы и закидали землей.

Теперь братская могила ополченцев стала священным местом не только для ветеранов дивизии, но и для жителей деревни. Начиная с весны и до глубокой осени лежат у подножия обелиска свежие цветы, а зимой зеленеют на снегу пушистые еловые ветки.

...Лесами и болотами, непрерывно контратакуя врага, отходили мы к Ленинграду. Ожесточенный бой

завязался у станции Слудицы. Группе ополченцев и танкистов, в боях потерявших свои машины, был дан приказ захватить станцию. Возглавил отряд капитан Богаткевич, танкист. Меня назначили его заместителем.

Скрытно, с трех сторон мы подошли к станции. По сигналу Богаткевича ополченцы с криком «ура» устремились в атаку и ворвались на станцию. Но тут нас встретил огонь автоматчиков, засевших в будках стрелочников.

— Надо по кювету подобраться к будкам и забросать их гранатами, — предложил я.

Сделать это вызвались коммунист командир взвода Васильев и комсомолец Артамонов. Артамонову удалось незамеченным подползти к будке и швырнуть в окно гранату. Вражеские автоматы замолчали.

Васильеву пришлось труднее. Гитлеровцы заметили его и градом пуль прижали ко дну кювета. Мы открыли огонь по будке, отвлекая внимание противника от Васильева. Тому удалось приблизиться на достаточное расстояние и бросить противотанковую гранату. Взрывом снесло дверь будки. Из нее вышли пять фашистов с поднятыми руками. Станция была взята.

Группе ополченцев было поручено вынести и доставить в Ленинград боевое знамя первого полка Кировской дивизии. Через лесные чащи и болота А. С. Рыбаков, В. И. Мухин, И. Н. Альтман, М. М. Секович и М. М. Березовец пронесли и спасли эту священную воинскую реликвию.

Основная часть ополченцев, оставшихся в группе Родина, пробилась к Пушкину. Мне с несколькими товарищами пришлось выходить к своим на Волхове.

Позже, в конце сентября, полки Кировской дивизии влились в регулярные соединения Красной Армии, героически сражались в районе Невской Дубровки, участвовали в прорыве и снятии блокады, освобождали Ленинградскую область и Прибалтику.

Ценою многих жизней, встав плечом к плечу с частями нашей армии, ополченцы-кировцы с честью выполнили свой долг перед Родиной и остановили врага.

Каждый год 9 мая Кировский завод отмечает день памяти героев-ополченцев. Их славные трудовые и боевые традиции живы и находят свое продолжение в делах нашей молодой рабочей смены. И это для пас — ветеранов— самая большая радость.

Й. Й. ЛЁБШНСШ

НА ЛУЖСКОМ РУБЕЖЕ

На второй день войны, прервав только что начавшийся отпуск, я вернулся в военное училище, где вел преподавательскую работу. Вскоре туда поступило предписание: «Полковника Лебединского направить в распоряжение штаба Ленинградской армии народного ополчения».

Поехал на Исаакиевскую площадь, в Мариинский дворец, где размещался штаб. Без долгих формальностей получил назначение на должность командира второго полка 1-й дивизии народного ополчения.

Полк формировался на судостроительном заводе имени А. А. Жданова. Кадровых командиров — ни одного. Начальником штаба полка стал технолог завода капитан запаса Г. Г. Краснов, замполитом, позже комиссаром,— заместитель секретаря парткома А. С. Ермолаев. Вместе с ними я и приступил к организации подразделений.

Лебединский Иосиф Иванович, преподаватель военного училища, был назначен командиром второго полка 1-й дивизии народного ополчения. Позже командовал соединениями на Ленинградском и других фронтах. Войну закончил в должности командира 178-й Краснознаменной Кулагинской стрелковой дивизии.

В 1946 году полковник И. И. Лебединский по болезни вышел в отставку. В феврале 1971 года умер.

Времени для этого у нас было немного, 11 июля мы уже заняли позиции южнее станции Батецкая, в центре оборонительной полосы дивизии.

Только здесь я смог ближе узнать командиров батальонов В. Н. Мараева, В. Г. Малетина, А. М. Ратникова, комиссаров В. В. Балакина, С. К. Горбунова, М. Д. Кононенко. Люди решительные, смелые, привыкшие руководить большими коллективами, они производили хорошее впечатление. Старший лейтенант Мараев и капитан Ратников имели боевой опыт: первый участвовал в боях 1939/40 года, второй сражался на фронтах гражданской войны.

Побывал я в батальонах и ротах. С кем бы ни говорил, все были настроены по-боевому, держались уверенно. Взводы состояли, как правило, из рабочих одного цеха, спаянных совместным трудом.

Несколько дней на нашем участке стояло затишье. Боевые действия ограничивались стычками разведывательных групп. «Тихие» дни ополченцы использовали для улучшения своих позиций, сооружали огневые точки, рыли окопы, траншеи, занимались боевой подготовкой.

Но недолго жили мы спокойно. В двадцатых числах июля гитлеровцы начали весьма активно прощупывать нашу оборону. То на одном, то на другом участке в стычки втягивались целые подразделения. По всем признакам противник вел разведку боем. Ополченцы не давали врагу продвинуться ни на шаг. Нас поддерживали артиллеристы кадрового 541-го гаубичного полка.

Первым принял боевое крещение третий батальон капитана А. М. Ратникова. Комбат действовал решительно, умело руководил отражением атаки крупного разведывательного отряда гитлеровцев. Противник был отброшен. Но и батальон понес потери. Десять добровольцев-ждановцев пали смертью храбрых.

В ночь с 25 на 26 июля полковая разведка проникла в тыл врага. Разведчики Василий Шувалов и Виктор Перегримов захватили «языка». Из допроса выяснилось, что противник готовит наступление пехоты при поддержке танков. Мы решили первыми нанести удар.

Утром батальон старшего лейтенанта В. Г. Малетина стремительно ворвался в расположение гитлеровцев, застигнутых врасплох, и несколько продвинулся вперед.

Два дня спустя позиции этого батальона подверглись ожесточенной атаке. В ходе предыдущих боев противнику, видимо, стало известно расположение наших огневых точек. Автоматчики попытались обойти их. Создалась угроза флангам.

В дело была введена резервная рота. Несколько часов длилась кровопролитная схватка. Ополченцы не дрогнули, отразили натиск врага и сами перешли в контратаку.

Завязался бой и на участке третьего батальона. По телефону капитан Ратников сообщил, что имеются потери, тяжело ранен политрук девятой роты М. Трескунов (о своем ранении комбат умолчал). Ратников еще что-то хотел добавить, но оборвалась связь.

С КП полка на линию вышел восемнадцатилетний комсомолец Борис Белозеров. Под пулеметным и минометным огнем он полз вдоль провода. Осколком разорвавшейся вблизи мины его тяжело ранило в ногу, но боец продолжал свое дело. Вот уже найдено повреждение. В этот момент осколок другой мины впился связисту в руку. Истекая кровью, Белозеров все же нашел в себе силы схватить кабель зубами и другой рукой срастить его. На обратном пути он потерял сознание. Когда санитары доставили Белозерова в медсанбат, ногу пришлось ампутировать.

Боевые действия шли уже по всей линии обороны ополченцев. Сражение разворачивалось и на участках наших соседей — кадровых соединений Красной Армии.

Теперь уже каждый день приходилось отражать атаки гитлеровцев. А с 10 августа начались особенно ожесточенные, непрерывные бои. Противник перешел в наступление крупными силами. Наши позиции подверглись массированному артиллерийскому обстрелу и бомбардировке. Из батальонов поступали тревожные сообщения. Многие командиры взводов и рот вышли из строя. Возглавив контратаку бойцов, погиб комиссар третьего батальона С. К. Горбунов.

Напряженно работал в эти трудные дни штаб полка. Ни начальник штаба, ни я не могли даже на час сомкнуть глаза. Связь то и дело нарушалась, связисты выбивались из сил, восстанавливая ее.

Положение на нашем участке обороны часто менялось. Кое-где гитлеровцам удавалось потеснить наши

подразделения. Ополченцы переходили врукопашную и отбрасывали врага.

Но вот начальник штаба доложил:

— Противник вышел к деревне Уномерь.

Там занимал позиции первый батальон старшего лейтенанта В. Н. Мараева, составлявший второй эшелон полка. Оказалось, что вражеские автоматчики прорвались на левом фланге и атаковали позиции батальона. В завязавшемся бою комбат был ранен. Сандружинница Тамара Юрасова, наскоро сделав перевязку, хотела отправить его в медсанбат. Мараев категорически отказался. Докладывая о сложившейся обстановке, старший адъютант батальона сообщил и об этом. Зная характер комбата-1, я не стал уговаривать его.

Тем временем группа автоматчиков просочилась на КП полка. В бой вступили все, кто был на командном пункте — хозвзвод, связисты. Автоматчики были отброшены.

Натиск врага усиливался. Он превосходил нас по численности и особенно по вооружению. С каждым днем положение полка усложнялось. На некоторых участках наши подразделения отошли. Но сколько-нибудь значительных успехов в ходе непрерывных пятидневных боев противник не добился. Заняв новый рубеж, ополченцы вновь преграждали врагу путь. Тяжелые испытания, выпавшие на долю ленинградских добровольцев, не сломили их боевого духа.

Много лет я прослужил в армии, преподавал в военном училище. Укрепился в мысли, что хорошо воевать может только боец, обученный военному делу. Но то, что я видел в те дни и о чем сообщали из батальонов, поколебало эту уверенность. Ополченцы, не имевшие военной подготовки и значительно хуже вооруженные, чем противник, проявляли исключительную стойкость.

Докладывая о ходе боя, командир второго батальона В. Г. Малетин сообщил, что группа ополченцев во главе с младшим сержантом Михаилом Петровым несколько часов сдерживала противника, пока батальон закреплялся на новом рубеже. Смельчаки погибли, но задачу свою выполнили.

Подробности этого подвига стали известны унте после войны из предсмертной записки младшего сержанта Михаила Петрова, сбереженной местными жителями.

Их было пятеро. Все комсомольцы. Не задумываясь, приняли они неравный бой. Двое вскоре погибли. Остальные решили переползти в каменную церковь и там держать оборону. По пути один был убит. Два ополченца еще ¡некоторое время отражали атаки врага. Орудийный снаряд угодил в церковь. Петров остался один. Когда гитлеровцы ворвались в церковь и окружили его, Петров последней гранатой подорвал себя и фашистов.

Противник вводил в бой свежие части, наращивал силу своих ударов. Мы отступали, но отступали с боями, цепляясь за каждый мало-мальски выгодный рубеж. И некоторым утешением служило то, что перед нашими позициями каждый раз оставались десятки трупов вражеских солдат. Если бы у наших бойцов было побольше оружия!

...Утро 13 августа началось с интенсивной артиллерийской и авиационной обработки нашего переднего края. До позднего вечера не смолкал гул артиллерийской канонады, разрывы бомб. Особенно досталось второму батальону. Ночью начальник штаба Г. Г. Краснов подсчитал потери.

— Вышла из строя почти пятая часть полка, — сказал он мне.

Едва рассвело, гитлеровцы снова обрушили на нас шквал огня. Целый день над позициями висели вражеские бомбардировщики. От разрывов снарядов и бомб гудела земля. Казалось, ничего живого не должно остаться в окопах. Но стоило гитлеровцам сунуться, их встречал организованный огонь ополченцев. Все же ночью мы вынуждены были отойти к деревне Большие Теребони и занять оборону по реке Луге.

Утром бой разгорелся с новой силой. Вражескому подразделению удалось переправиться через Лугу. Гитлеровцы стали обходить наш правый фланг. Туда направился бригадный комиссар К. И. Розенблюм. Он организовал отпор врагу. Положение было восстановлено, но сам Розенблюм погиб.

На КП полка появился связной из первого батальона. Мараев сообщал, что противник пытается выйти в тыл. Комбат просил помощи, но резервов у меня уже не было.

— Я туда пойду, — сказал находившийся в полку начальник политотдела дивизии Д. А. Подрезов.

Вслед за связным комбата, захватив несколько бойцов, Подрезов двинулся на левый фланг.

Вскоре Мараев доложил, что противника удалось задержать.

— Начподив ранен, — сказал он в заключение.

Рана оказалась смертельной.

После трудного, многочасового боя мы отошли к реке Оредеж. Надо было срочно переправляться: противник преследовал нас по пятам. Саперы и разведчики занялись поисками брода.

Бойцы привели ко мне местного жителя, оказавшегося колхозным сторожем.

— Можете показать, где легче перебраться через реку? — спросил я.

Колхозник повел нас вниз по течению Оредежа. У отлогого ската сказал:

— Здесь будет не глубже, чем по пояс... Скот мы перегоняли...

Поблагодарив старика, я приказал начать переправу.

Форсировав реку, мы на некоторое время оторвались от противника.

Ряды наши основательно поредели. И все же мы решили, спешно оборудовав линию обороны у деревни Кремено, задержать фашистов еще на несколько дней.

В Кремене людей у нас немного прибавилось. Комиссар батальона М. Д. Кононенко собрал небольшие группы ополченцев и одиночек, выходивших из окружения.

Связь со штабом дивизии была окончательно потеряна. Мы вынуждены были действовать самостоятельно. С нами оказалось немного бойцов третьего полка, комиссар первого полка Н. С. Капралов и секретарь партбюро П. С. Маркин.

Ночью окопались. Едва рассвело, боевое охранение, выставленное на западной окраине Кремена, вступило в бой. Противник предпринял танковую атаку. Боевые машины ворвались в деревню. Несколько молодых ополченцев, рассредоточившись, встретили танки бутылками с горючей смесью и гранатами. Комсомолец Суховеров зажег одну машину и уничтожил экипаж, пытавшийся выбраться из нее. Подошел второй танк, Суховеров не успел бросить гранату, — он тут же упал, сраженный

пулеметной очередью. Погибли и другие бойцы, вступившие в единоборство с танками.

Трижды деревня Кремено переходила из рук в руки. Ценою больших потерь гитлеровцам удалось потеснить ополченцев на правом фланге и выйти в тыл. Мой командный пункт и находившееся рядом подразделение— человек сто тридцать — были отрезаны от основных сил. Но и эта небольшая группа, отойдя от Кремепа и заняв оборону у Новинки, на стыке шоссейных дорог, сдерживала атаки гитлеровцев более полутора суток.

Фронт удалялся на север. Избегая окружения, мы отошли к станции Новолисино. Здесь нас встретил представитель командования фронтом генерал-майор В. П. Свиридов. Он приказал атаковать противника, занявшего разъезд Стекольный, освободить этот важный пункт и удерживать его до подхода кадровой части.

Ополченцы были измучены изнурительными боями, длившимися больше месяца. Они почти падали от усталости. Но нам ничего не оставалось, как ответить генералу:

— Приказ будет выполнен!

Коротко обсудили с Капраловым и командиром батальона Малетиным план действий. Решили наступать на Стекольный тремя группами. Одну возглавил Капралов, другую — Маркин, третью — старший лейтенант Левин.

Маркин повел свою группу вдоль железнодорожного полотна, приковав к себе внимание противника. Остальные две группы зашли с флангов. Они одновременно открыли огонь по врагу. С фронта продолжал наступать Маркин.

Атакованные с трех сторон, гитлеровцы стали отступать, бросая оружие. Мы захватили орудия, несколько минометов, ящики со снарядами, минами, гранатами. В бою потеряли пять человек. Погиб начальник связи полка Федченко. Несколько бойцов были ранены.

Противник попытался вернуть утерянные позиции. На разъезд наступал вражеский батальон, нас же остаг.алось немногим более ста человек. Но ополченцы мужественно отражали натиск и сами переходили в атаки. С исключительной стойкостью и отвагой сражались Н. С. Капралов, П. С. Маркин, П. Башилов, В. Г, Ма-

летин, командир взвода Ефим Левин, бойцы Константин Соколов, Всеволод Лисин, Николай Бахвалов.

30 августа враг пять раз пытался атаковать разъезд. Гитлеровцам, вооруженным пулеметами, автоматами, минометами, противостояли ополченцы, у которых имелись только винтовки. Но все атаки были отбиты.

Мы удерживали рубеж до подхода кадровой части, сменившей нас.

В первых числах сентября прибыли в Пушкин. Второй полк, хотя и понес большие потери, сохранился как боевая единица. Но мне пришлось распрощаться с товарищами, с которыми сроднился в трудных, многодневных боях, принял боевое крещение. Я получил другое назначение...

Н. Д. НОВОСЕЛОВ

ПИСАТЕЛИ В ОПОЛЧЕНИИ

„За Советскую Родину. Красноармейская газета Н-ской части. Воскресенье, 3 августа 1941 г.». Над клишированным заголовком крупным полужирным шрифтом набрано: «Прочитав, уничтожь, нужное вырежь».

Почему-то этот экземпляр газеты я не уничтожил. Наверное, потому, что на первой полосе напечатано мое стихотворение — первое стихотворение, которое я написал на фронте. Вложенный в «Неуча» Глеба Алехина и засунутый в противогазную сумку, маленький газетный листок был вынесен мной из окружения, чудом не попал на растопку в блокадную «буржуйку» и долгие годы в пачке других бумаг пролежал на нижней полке книжного шкафа, пока я шагал по фронтовым дорогам от Ленинграда до Праги, работал после войны на Урале и Дальнем Востоке.

Новоселов Николай Дмитриевич работал на Кировском заводе литературным сотрудником многотиражной газеты «Кировец», потом конструктором. Зачисленный в ополчение, был назначен секретарем редакции газеты 1-й дивизии. Служил в Советской Армии до 1946 года. В 1941 году опубликовал свои первые стихи. После войны был принят в члены Союза писателей, издал ряд поэтических сборников.

Н. Д, Новоселов умер В 1969 году.

Недавно выяснилось, что несколько разрозненных номеров нашей дивизионной газеты случайно сохранилось и у моих друзей.

Мы бережно разворачиваем обветшалые, потертые на сгибах страницы. Простая, бесхитростная верстка. Бледноватая печать. Один-единственный текстовой шрифт — старенький, изрядно поношенный корпус, набранный вручную. Призывные, мобилизующие шапки. Заметки бойцов, командиров, политработников. И рядом с ними — статьи и корреспонденции, репортажи и литературные зарисовки, подписанные именами, знакомыми многим читателям еще по мирным, довоенным дням: Сергей Семенов, Геннадий Гор, Дмитрий Остров, Павел Журба, Александр Бартэн, Николай Жданов, Виктор Бакинский, Алексей Дорохов, Юрий Слонимский, Арсений Островский, Павел Кобзаревский, Александр Рыбасов, Евгений Люфанов, Георгий Кубанский, Василий Валов, Иеремия Айзеншток, Алексей Десницкий, Исаак Ямпольский. Стихи Сергея Спасского, Евгения Панфилова, Петра Ойфы, Владимира Лифшица, Константина Высоковского. Короткие рассказы Глеба Алехина и Владимира Тоболякова. Стихотворные фельетоны Леонида Браусевича и Александра Бычкова.

Среди множества выходивших на фронте дивизионных газет, далеко не всегда укомплектованных достаточно квалифицированными литературными кадрами, газета «За Советскую Родину», постоянными сотрудниками и военкорами которой были более тридцати ленинградских писателей, представляла собой явление в некотором роде исключительное. Она выходила в июле — сентябре 1941 года в 1-й Кировской дивизии народного ополчения, печаталась она на в полевой походной типографии, оборудованной в кузове грузовика, а с двадцатых чисел августа — в типографии городской газеты в Пушкине.

Это была первая созданная в Ленинграде дивизия народного ополчения. Она родилась за Нарвской заставой, где на одном только Кировском заводе около пятнадцати тысяч человек изъявили желание добровольцами пойти на фронт. Удовлетворить все эти желания— значило бы лишить предприятие, работавшее на оборону, половины квалифицированных кадров. Заводу разрешили сформировать только один стрелковый полк, артиллерийский полк и разведбатальон. Второй

стрелковый полк дали судостроители завода имени Жданова — бывшей Путиловской верфи.

Третий стрелковый полк формировался в Дзержинском районе. Именно там, в старинном здании на Фонтанке, в нескольких кварталах от Дома писателя имени Маяковского, создавалось подразделение, которое вошло в историю дивизии, в историю Ленинградского народного ополчения под названием «взвод писателей».

В политотделе дивизии за Нарвской заставой не сразу узнали, что один из взводов третьего полка целиком состоит из писателей. И поэтому, когда в первых числах июля, уже накануне отправки на фронт, был решен наконец вопрос о создании дивизионной газеты, редакцию срочно сформировали на Кировском заводе. Редактором был назначен Сергей Львович Перчук, редактировавший заводскую многотиражку «Кировец», меня утвердили ответственным секретарем. Было мне в ту пору девятнадцать лет. Я работал в конструкторском бюро, куда незадолго до войны перешел из редакции «Кировца», был членом заводского комитета комсомола, писал наивные юношеские стихи и очень гордился тем, что два лирических стихотворения с месяц назад были приняты журналом «Ленинград» и их обещали напечатать в одном из июльских или августовских номеров.

Война изменила планы журнала, и мне довелось дебютировать в нем только спустя два года — уже не мирной, а фронтовой лирикой...

— Как назовем газету? — задумался на минуту начальник политотдела, бывший председатель завкома Кировского завода Д. А. Подрезов, вызвавший к себе меня и редактора. — «За Советскую Родину». Подходит такое название? Действуйте.

Художник заводской редакции Илья Быстров сел рисовать заголовок, а мы с Перчуком отправились в Петропавловскую крепость, оттуда — в типографию Балтийского пароходства: оборудовать автомашины, укомплектовывать штаты наборщиков и печатников.

Поздно вечером 10 июля на станции Ленинград-Витебская-товарная два грузовика — трехтонка и полуторка— с высокими фанерными кузовами, наспех покрашенными в зеленый цвет, въехали на железнодорожную платформу воинского эшелона. В трехтонке — наборные

кассы, старенькая печатная машинка «американка», накрытые брезентом кипы бумаги. Здесь же, скинув пилотки и расстегнув вороты гимнастерок, расположились наборщики и печатники — немолодые уже рабочие из типографии газеты «Советская Балтика».

Все оборудование полуторки состоит из узких длинных скамеек, приколоченных вдоль бортов. Мы с Перчуком расстилаем в кузове шинели, подкладываем под головы вещмешки. И хотя не спали до этого почти двое суток, засыпаем не сразу. Какова-то будет завтра сводка Информбюро? Накануне гитлеровцы заняли Псков...

Ночь была на исходе, когда эшелон закончил погрузку и тронулся. Остались позади Пушкин, Павловск, Вырица. Проехали Новинку, Оредеж. На каком-то разъезде, пропуская наш состав, стоит эшелон запыленных теплушек с беженцами. В пути их уже бомбили, и они с тревогой поглядывают на утреннее безоблачное небо: вот-вот могут появиться вражеские самолеты.

Поезд приближается к узловой станции Батецкая. Здесь пересекается железнодорожный путь на Дно и Новгород.

— Приготовиться к выгрузке! — разносится по эшелону.

У самого полотна железной дороги — свежие воронки от бомб. В пристанционном скверике — небольшой могильный холм, укрытый еще не успевшими завянуть цветами. Здесь несколько часов назад, на рассвете, приняли боевое крещение ополченцы первого полка нашей дивизии.

Тяжелые автомашины, тягачи, пушки, гаубицы съезжают с платформ и укрываются в ближайшем леске. Бойцы маскируют их ветками.

Вскоре мы уже едем по грунтовой дороге в сторону Новгорода. По дороге тянутся колонны ополченцев. Потемневшие от пота гимнастерки, скатки через плечо, синие диагоналевые брюки, неумело накрученные обмотки... Брезентовые поясные ремни, отягощенные подсумками, саперными лопатками, котелками, флягами, и такие же новенькие брезентовые ремни у видавших виды винтовок и карабинов, с которых еще не стерта цейхгаузная смазка, — оружие выдали ополченцам перед самой посадкой в эшелоны. В последний раз из этих винтовок стреляли, наверное, в дни обороны

Питера от Юденича или при кронштадтском штурме... Многие винтовки без штыков.

Идут сталевары и фрезеровщики, мастера и начальники участков, партийные и комсомольские работники, студенты, ремесленники, ученые. Многие прихрамывают: грубыми, неразношенными ботинками до крови натерты ноги... Самоотверженно шагают девушки с тяжелыми санитарными сумками. Выделяются своей выправкой командиры запаса — участники гражданской войны и зимних боев 1939/40 года. Большинство же ополченцев никогда не воевало, многие даже не служили на действительной,— в лучшем случае проходили краткосрочные лагерные сборы. Боевая подготовка дивизии перед отправкой на фронт продолжалась недолго.

Густая, душная пыль. Июльский палящий зной. Где-то в этой, растянувшейся на несколько километров колонне шагает подразделение писателей.

Мы встретились с ним дня через два в Больших Теребонях — старинном русском селе на берегу реки Луги. Выглядит взвод довольно пестро. Трудно представить себе коллектив людей, более несхожих по облику и характеру, по возрасту и жизненному опыту, по своим творческим привязанностям и вкусам. Маститые прозаики, чьи романы и повести выдержали по нескольку изданий, — и литераторы, еще не выпустившие и первой книжки... Бурные в проявлении своих чувств поэты — и степенные профессора-литературоведы... Молодые критики, которые, пройдя дороги войны, начнут писать художественную прозу... Драматурги малых форм — авторы эстрадных скетчей и пьес для кукольного театра... Переводчики... Очеркисты... В довоенные времена многие из них месяцами не виделись друг с другом, лишь изредка встречаясь на собраниях в писательском клубе.

Возглавляет писательское подразделение батальонный комиссар Сергей Александрович Семенов. Высокий, смуглый, сутуловатый, с прищуренным взглядом узких «монгольских» глаз. Ему сорок семь лет. Он коммунист с 1918 года. Когда я смотрел на него, мне вспоминались строчки Багрицкого: «Нас водила молодость в сабельный поход, нас бросала молодость на кронштадтский лед...» Эти строчки имели прямое отношение к биографии С. А. Семенова. Только очень близким людям было

известно, что здоровье Сергея Александровича оставляет желать много лучшего, что все чаще дает о себе знать застарелый недуг, полученный двадцать лет назад, когда Сергей Семенов в цени красноармейцев лежал на льду Финского залива перед последним броском на захваченные мятежниками форты Кронштадта...

На нем фуражка с красным околышем, сохранившаяся с военной службы, к габардиновой гимнастерке накрепко привинчены ордена Трудового Красного Знамени и Красной Звезды — награды за участие в легендарных арктических экспедициях на «Сибирякове» и «Челюскине». В ледовом лагере Шмидта писатель Сергей Семенов был секретарем партийной организации, редактором стенной газеты «Не сдадимся». Еще мальчишкой, школьником я прочел его книги «Голод», «Наталья Тарпова», «Записки челюскинца»...

Среди писателей нашлось немало людей, хорошо знающих специфику газетной работы. Большую группу литераторов включили в аппарат редакции. Остальных распределили по частям и подразделениям. Во всех полках и отдельных батальонах у газеты были теперь свои постоянные военные корреспонденты. Трое литераторов получили почетное поручение быть историками при штабе дивизии.

С. Л. Перчук так и не успел подписать ни одного номера дивизионной газеты. По прибытии в Большие Теребони его отозвали в политотдел. Он героически погиб в период августовских боев при переправе через реку Оредеж. Редактором на некоторое время стал бывший культпроп партийного комитета Кировского завода Я. Г. Окулов, но вскоре его сменил С. А. Семенов. Всю техническую работу по выпуску газеты возглавил А. Г. Островский, ставший, по существу, начальником типографии.

Сидячая секретарская должность не пришлась мне по душе. Гораздо больше привлекала живая корреспондентская работа, поездки в подразделения, на передний край, — там у меня было много друзей по школе и пионерлагерю, по заводу и комсомольской работе. Ответственным секретарем редакции стал И. Г. Ямпольский, потом его заменил А. А. Дорохов.

15 июля походная типография вступила в строй — напечатала отдельной листовкой принятое по радио сообщение Совинформбюро. Тем временем редакция гото-

вила первый номер газеты. Редакционная полуторка развозила писателей по частям и подразделениям. Вычитав корректуру очередной листовки, я получил задание направиться в политотдел, а оттуда — в первый стрелковый полк, где в качестве военкоров находились писатели Виктор Бакинский, Константин Высоковский и Павел Ипполитов.

В политотделе, в лесу близ деревни Танина Гора, только что закончилось совещание. Среди политработников, ожидающих попутные машины к переднему краю, — двадцатидвухлетний инструктор политотдела Даниил Герман. Еще совсем недавно мы почти каждый день встречались на Кировском заводе, где молодой инженер Даня Герман был заместителем секретаря комитета комсомола, выступал с интересными статьями на страницах многотиражки. После войны он станет известен как писатель Даниил Гранин.

Здесь же пропагандист первого полка старший политрук Матвей Мительман. Его лично знал А. М. Горький. Алексей Максимович горячо поддержал стремление краснопутиловского разметчика работать в трудном, новом для советской литературы жанре научно-художественной монографии. В соавторстве с прозаиком Антоном Ульяновским и молодым поэтом Борисом Глебовым Мительман написал фундаментальный труд «История Путиловского завода». Книга в короткое время выдержала два издания, «Правда» отметила ее выход большой рецензией Д. И. Заславского. М. И. Мительман защитил кандидатскую диссертацию, одну за другой выпускал новые книги, но подавать заявление о приеме в Союз писателей пока что не спешил. А когда за Нарвской заставой начала формироваться добровольческая дивизия, он, уже будучи научным сотрудником Ленинградского института истории партии, пришел в партком родного Кировского завода и попросил зачислить его в ополчение.

Вместе с Мительманом в кузове грузовичка едем из политотдела в полк. Машина подпрыгивает на ухабах. К самой обочине подступает высокая колосистая рожь. Па нескошенных лугах — густые травы по пояс, крупные цветы ромашек и колокольчиков. Уже виднеются избы Глухого Бережка — деревни, где расположен полковой штаб, — как вдруг в небе появляется несколько самолетов.

— Воздух!

Машина круто сворачивает в перелесок, укрывается под деревьями. Мы выпрыгиваем из кузова и остаток пути идем по тропинке, затемненной кустарником. Худощавый рыжеволосый Мительман, как всегда, энергичен, подвижен. Лицо красновато от загара, не успевшего потемнеть. Жестикулируя, близоруко щурясь, он рассказывает о писателе Павле Ивановиче Ипполитове, который уже неделю живет в полку в качестве военного корреспондента дивизионной газеты. Я Ипполитова знал тогда еще мало, видел в редакции один или два раза. Мне было известно только, что этот пожилой скромный человек — участник гражданской войны, автор романа-хроники «Перекоп». Мительману довелось познакомиться с ним на фронте ближе, и он говорил об Ипполитове с большой симпатией.

— Начал Павел Иванович с того, — рассказывает Мительман,— что перезнакомился с нашими «старичками». Ты же знаешь нашу путиловскую старую гвардию, каждый человек — книга! Один с Иван Иванычем Газа на бронепоезде служил, другой немцев под Нарвой бил, третий с Юденичем воевал, четвертый — с Деникиным... Клад, золотая жила для писателя. И люди тоже потянулись к Ипполитову. Соберутся несколько человек, закурят— и хоть стенографистку приглашай — вечер воспоминаний записывать. Слушал их Павел Иванович, расспрашивал, а потом говорит: «Давайте-ка расскажем обо всем этом нашей молодежи. Во взводы пойдем, в отделения. Может, боевой наш опыт и в нынешней войне молодым пригодится». И что ты думаешь — целый цикл бесед о гражданской войне провели. Интереснейшие вещи услышала молодежь! И много весьма для себя поучительного...

Из штаба полка идем в штаб батальона, оттуда — на командный пункт роты. Ополченцы уже успели отрыть окопы полного профиля, построили несколько дзотов. Мительман ведет меня к зеленеющему над окопом кусту. Кустом искусно замаскировали шалашик. Здесь можно укрыться от палящего солнца, утолить жажду родниковой водой из солдатского котелка... Перевернутый ящик, заменяющий стол, накрыт куском фанеры, на нем лист бумаги с красочным заголовком: «Боевой листок». Молоденькая сандружинница, недавно работавшая копировщицей в конструкторском бюро, перепи-

сывает заметки четким чертежным шрифтом. Оригиналы заметок торопливо написаны карандашом на листках, вырванных из блокнотов и тетрадок, и аккуратно выправлены. В правке нетрудно узнать руку поэта Константина Высоковского, его характерный убористый почерк. А вот и написанные им самим заметка и стихотворение...

— Спасибо писателям! — говорит Мительман. — И Высоковский, и Бакинский, и Ипполитов очень помогли нам. «Боевые листки» сейчас регулярно выходят во всех подразделениях. Ну, и наши заводские литераторы не остались в стороне от этого дела.

А литературными силами полк, сформированный на Кировском заводе, не беден. Воентехник Валерий Виноградов— автор нескольких книг, его роман «Линия наибольшего сопротивления», посвященный краснопутиловски-м тракторостроителям, вызвал в начале тридцатых годов оживленные разговоры в прессе. Комсорга полка Павла Пташкина молодежь Нарвской заставы знает как способного начинающего поэта, его стихи печатались в заводской многотиражке, появлялись в областной комсомольской газете «Смена». Командир взвода Николай Елисеев — опытный журналист. У техника-интенданта Дмитрия Белгорая, активного рабкора «Кировца», вышла перед войной интересная брошюра о передовиках производства турбинного цеха...

С писателями в ту первую поездку в полк мне повидаться не пришлось, но присутствие их я ощущал там всюду.

Вернулся в редакцию, переночевал, сдал материал в газету — и снова в путь, теперь уже во второй стрелковый полк, где нашими военкорами «для Жени» — драматург Евгений Люфанов и поэт Евгений Панфилов.

Строчки стихов Панфилова я помнил с детства: он был первым поэтом, которого я увидел однажды в клубе «Красного путиловца». Заставские ребятишки частенько пробирались туда и терпеливо прослушивали длинные доклады и лекции в ожидании волнующих минут, когда в зале погаснет свет и на экране вспыхнут заглавные титры фильма... Но в этот раз вместо очередного лектора на сцену вышел белобрысый паренек в распахнутой кожанке с торчащими из кармана журналами и начал декламировать звонкие, певучие стихи. «Сам сочинил!» — восхищенно толкнул меня в бок

приятель. А взрослые, сидящие сзади нас, говорили о Панфилове как об одном из талантливых пролетарских поэтов, о том, что его знал и ценил сам Есенин... Потом я встречал Панфилова уже немолодым, бледноватым от усталости, в потертом пиджаке, карманы которого всегда были набиты рукописями начинающих.

В военной форме Евгений словно помолодел. Светлые волосы коротко подстрижены. Карманы гимнастерки оттопыриваются от блокнотов и карандашей... Прошло столько лет с того июльского дня сорок первого года, а я, как сейчас, вижу Панфилова, окруженного бойцами на околице Больших Угородов. Высоким тенорком он запевает задорную, озорную «Челиту», дирижируя зажатой в кулаке прокуренной трубкой. А потом, провожая меня, читает новые, только что написанные стихи о сандружиннице Зине Логус — девушке из-за Нарвской заставы, которая по дороге на фронт «с бойцами накрепко сдружилась и в пути держалась молодцом», а здесь, на передовой, решила овладеть специальностью пулеметчицы.

— О таких, как наша Зина, поэмы писать нужно,— говорит Женя. — Но поэма — дело длинное, а вот очерк о ней написать обязательно надо.

Стихотворение Евгения Панфилова «Дружинница» было напечатано в одном из первых номеров дивизионной газеты. А очерк он так и не успел написать...

Обжились в подразделениях и другие писатели-военкоры: в третьем полку — И. Айзеншток, Г. Гор и А. Голов, в разведбатальоне — А. Рыбасов, в саперном — Г. Кубанский, в батальоне связи —Л. Цырлин. В химвзводе служил С. Спасский, а В. Лифшиц был политруком одного из подразделений третьего полка.

В боевые порядки, на передний край стараемся ездить по двое, благо имеем возможность позволить себе такую роскошь: недостатка в людях редакция не испытывает, литературными силами писательского взвода можно было бы укомплектовать штаты восьми дивизионных газет.

Запомнились поездки на передовую с Дмитрием Константиновичем Островым. Один из немногих в писательском взводе, Дмитрий Остров с первых же дней пребывания в действующей армии выглядит кадровым военным, бывалым фронтовиком. Военная форма сидит на его сухощавой фигуре даже, пожалуй, элегантно. Вме-

сто солдатских ботинок с обмотками он раздобыл где-то щеголеватые хромовые сапоги, грубый брезентовый пояс заменил кожаным, начсоставским... Ему уже за тридцать, у него трудная биография и солидный, на мой тогдашний взгляд, литературный стаж — он пишет и печатается больше десяти лет. Рассказы его, обычно очень короткие, в одну-две странички, в предвоенные годы появлялись в журналах довольно редко, — писал он медленно, оттачивая стиль, тщательно отделывая фразы. Две его книжки, вышедшие в самом начале тридцатых годов, уже успели стать библиографической редкостью. Казалось бы, литератору с такими творческими методами не сразу удастся переключиться на оперативную корреспондентскую работу. Но вдруг все увидели, что Дмитрий Остров, когда это необходимо, может писать очень быстро. А краткость, немногословность оказались именно теми качествами, которые так необходимы малоформатной газете. Он легок на подъем, отважен, умеет быстро найти общий язык с людьми, сориентироваться в любой, самой сложной обстановке.

В последних числах июля мы поехали с ним в артиллерийский полк. В пути попали под бомбежку, потом, уже у самой передовой — под минометный обстрел, чуть было не заблудились, но к концу дня добрались до огневых позиций. Постоянными военными корреспондентами в артполку были прозаик Василий Валов и переводчик Павел Кобзаревский. По всему чувствуется, что они уже стали здесь своими людьми, что артиллеристы относятся к писателям как к давним, добрым друзьям.

— Трудновато было сегодня добираться? — участливо спрашивает политрук. — Может, отдохнете с дороги?

Какой там отдых! Дивизион только что вел контрбатарейный огонь, подавлял огневые точки противника, а сейчас бьет по скоплению вражеских войск в районе разъезда Кчера. Бойцы у орудий обливаются потом. Пахнет накаленным металлом, горячими пороховыми газами. Остров дотошно вникает в работу орудийного расчета, записывает имена и фамилии лучших огневиков. Кажется, ему самому очень хочется встать у орудия наводчиком или заряжающим... Командир орудия озорно подмигивает нам и, посылая очередной снаряд, громко выкрикивает:

— За нашу советскую литературу!

Посылая следующий снаряд, кричит:

— За нашу советскую поэзию!

В редакции мы подробно рассказываем об этой поездке- на огневую.

— Так и кричал: «За нашу советскую поэзию!»?-— переспрашивает поэт Петр Ойфа.

Мы подумали о том, что, если позволит обстановка, надо бы провести в артполку нечто вроде литературного вечера — поехать туда группе поэтов и прозаиков, почитать свои стихи, рассказы... Но осуществить это намерение нам удалось только спустя месяц уже в городе Пушкине.

Интерес к работе писателей в дивизии огромен. Петру Ойфе довелось почувствовать это, может быть, несколько раньше других. Едва успело появиться в газете «За Советскую Родину» его стихотворение о русской винтовке, как в музыкантском взводе слова положили на музыку, песню уже поют в подразделениях, и, кажется, она станет маршем ополченцев-кировцев. Другое стихотворение Ойфы «Походная баллада» напечатано в армейской ополченской газете «На защиту Ленинграда». Я слышал, как бойцы читали его вслух:

Винтовка, скатка, пять гранат,
Гремит походный шаг,
За нами город Ленинград,
Наш дом и наш очаг!

Но главное, чем занят поэт, это не стихи, а боевая корреспондентская работа. Нет, наверное, такого газетного жанра, кроме, пожалуй, сатиры и юмора, в котором Петр Ойфа не выступал бы на страницах нашей «дивизионки». Газетная работа занимала у него почти все время. И только в пути на передовую или с передовой, шагая по обочине проселочной дороги, он становился вдруг молчаливым и сосредоточенным, и вот уже слышалось невнятное бормотанье — рождались строфы новых стихов; иногда он записывал их туг же, на ходу, или присев на минуту на подвернувшийся пенек.

Писатели не забывают о том, что они писатели: пишут фронтовые стихи и рассказы, вынашивают замыслы новых произведений, заполняют страницы записных книжек фактами, впечатлениями, наблюдениями. Но они — не наблюдатели, а бойцы, политработники. Их оружие— боевое печатное слово в газете, живое слово про-

пагандиста и агитатора —в беседах с людьми. Лекции И. Я. Айзенштока о международном положении слушают и ополченцы и местное население.

В землянках и траншеях переднего края нередко можно видеть литераторов из «группы историков» при штабе дивизии: прозаика Павла Журбу, фольклориста Александра Нечаева, молодого филолога Алешу Десницкого — сына известного профессора-литературоведа В. А. Десницкого... Журбу и Десницкого мы с Ойфой повстречали однажды в расположении второго полка чуть ли не у траншей боевого охранения. Гимнастерки их испачканы глиной, лица темны от пыли.

— Вы-то как здесь оказались? — спрашиваем их.— Ведь вы же у нас летописцы, «несторы»... Неужели мало материала в сводках и политдонесениях? Зачем же вам самим по окопам лазать?

— По сводкам и политдонесениям после войны и без нас напишут, — улыбаясь, отвечает Павел Журба.— А мы имеем возможность своими глазами видеть людей, делающих историю. Как же не воспользоваться такой возможностью? Впрочем, сейчас мы здесь не в качестве историков. Приехали сюда по специальному заданию начальника политотдела Подрезова.

...Километры фронтовых дорог. Разговоры о жизни и литературе — серьезные профессиональные разговоры писателей, которые мне, заводскому парню, вчерашнему литкружковцу, дали очень и очень много... Ночевки под звездным небом на разостланных на траве шинелях: на одну шинель ложимся, сунув под головы противогазные сумки, другой — укрываемся. Тревожные ночи первых недель войны... В прогретом за день воздухе к ароматам сосновой смолы и луговых трав ощутимо примешивается запах гари. На горизонте — зарево горящих деревень, даль застлана дымом.

Со стороны города Луги слышится гул канонады — там идут упорные, кровопролитные бои...

Первые номера газеты были посвящены, главным образом, боевой учебе во фронтовых условиях. Газета учила бойцов окапываться, писала о способах борьбы пехотинцев с танками, напечатала «Памятку пулеметчику», статью «Борьба с самолетами», объявила конкурс на лучший «боевой листок». Но уже к концу июля все больше места на ее страницах начинают занимать материалы о боевых подвигах ополченцев.

Раньше других вошли в соприкосновение с противником наши разведчики и боевое охранение. Разведчики неутомимо прощупывают оборону противника, проникают во вражеский тыл. Нередко им приходится вступать в ожесточенные схватки с гитлеровцами. В двадцатых числах июля, возвращаясь из поиска в тылу врага, группа разведчиков первого полка оказалась окруженной превосходящими силами противника. Пятнадцать ополченцев-кировцев вступили в ожесточенный неравный бой. Об этом рассказывает напечатанная на первой полосе корреспонденция Сергея Семенова «Победили отвага и мужество». По условиям военного времени писатель не называет подразделения, не говорит прямо о том, что речь идет о разведчиках.

«Лишь на следующий день к 5 часам вечера группа вырвалась из окружения. Беспрерывный бой в течение более суток истощил ее боеприпасы. Бойцам пришлось подбирать гранаты у убитых фашистов, чтобы отбить атаки живых, — пишет Сергей Семенов. — В бою отличились помкомвзвода Сорокин, пулеметчик Вербицкий и другие. Особенно отличилась сандружинница Иванова. На Иванову напала группа фашистов из шести человек. Немецкий офицер пытался сбить Иванову прикладом. Нерастерявшаяся Иванова метнула гранату и уложила всех на месте».

Это были первые появившиеся в печати строки о семнадцатилетней комсомолке, бывшей чертежнице Кировского завода Лене Ивановой. Вскоре ее имя стало известно всему Ленинградскому фронту. А через двадцать лет о судьбе отважной девушки узнали миллионы читателей газеты «Известия», посвятившей рассказу о ней целую полосу.

В конце июля во вражеский тыл ходил с группой разведчиков второго полка писатель Глеб Алехин. Разведка прошла удачно, не замеченные врагом наши бойцы благополучно вернулись к своим, доставив ценные сведения о противнике.

— Видел фрицев в нескольких метрах, слышал их голоса, — рассказывает Алехин. — Немецкие оккупанты на новгородской земле... Не укладывается это в сознании!

Глеб Алехин — автор остро дискуссионной повести «Неуч», вышедшей в 1938 году. Редактировал книгу молодого прозаика С. А. Семенов. В дивизионной газете

Глеб Алехин выступает с короткими рассказами, которые пользуются большим успехом у читателей, пишет публицистические и военно-пропагандистские статьи. По званию он рядовой, по должности — старшина взвода литераторов. Для писателей-ополченцев его авторитет в вопросах военного дела, боевой подготовки неоспорим. Вернувшись из разведки, он обучает нас метанию гранат. Потом сядет писать статью для газеты о хитростях врага. Вечером поработает над новым рассказом и до поздней ночи просидит над толстой клеенчатой тетрадкой — дневником. А утром встанет пораньше, чтобы сходить в покинутую усадьбу потомков декабриста Муравьева-Апостола, порыться там в старинных книгах.

Наша газета набирает силы, от номера к номеру становится ярче, содержательнее. Более тридцати военных корреспондентов-писателей дают каждый день столько разнообразного материала, что им можно заполнить не четыре крохотные полосы, а все сорок. А сколько заметок и статей, писем и стихов поступает в адрес редакции из подразделений! Перед Сергеем Семеновым и Юрием Слонимским стоит нелегкая задача — отобрать из груды этого материала самое интересное, самое нужное. И не только отобрать. Далеко не все сразу научились писать достаточно коротко, лаконично. Приходится сильно сокращать, ужимать рукописи, стараясь по возможности сохранить особенности языка и стиля авторов. Редактору и его заместителю помогают в этом Дмитрий Остров, Николай Жданов, Алексей Дорохов.

Арсений Островский с Исааком Ямпольским склонились над листами макета. Рядом с макетом пачка свисающих со стола гранок — материалы будущего номера. Выпускающий и ответственный секретарь в очередной раз решают труднейшую головоломку: как разместить все это на тесной площади газетных страниц? Полосы, как говорится, «не резиновые», — на каждой умещается не больше двухсот строк... Наконец сверстана первая полоса, вторая, третья... С четвертой мороки меньше. На ней прочно обосновался отдел «Прямой наводкой». Владимир Тоболяков, у которого в Ленинградском отделении «Советского писателя» перед самой войной вышла книга «Сибирских рассказов», дает для этой полосы коротенькие, в треть странички, юмористические миниатюры. Леонид Браусевич и

Александр Бычков помещают здесь злободневные «Красноармейские частушки», из номера в номер ведут стихотворный фельетон «Наш приятель Ф. Курков». А в оставшийся правый верхний уголок полосы можно втиснуть десятистрочное стихотворение Евгения Панфилова...

Обстановка на рубежах дивизии с каждым днем становится все более напряженной. Интенсивнее бьет но нашему переднему краю вражеская артиллерия, пробираться из батальона в роту нередко приходится под огнем, то и дело залегая в воронки и ложбинки. Усилился пулеметный и ружейный огонь противника. Все чаще на окопы ополченцев обрушиваются массированные удары бомбардировщиков. Уже не стычки патрулей, а настоящие бои идут то на одном, то на другом участке обороны кировцев: просочившаяся через реку Мшагу со стороны райцентра Уторгош группа гитлеровцев силами от роты до батальона яростно атакует позиции ополченцев. Все понимают, что это пока что «цветочки», вот-вот следует ожидать появления вражеских танков. Противотанковых пушек и ружей в стрелковых подразделениях нет, недостаточен запас противотанковых и обычных гранат. Бойцам розданы бутылки с горючей смесью. В газете напечатаны статьи: «Способы борьбы пехотинцев с танками», «Уязвимые места немецких танков».

Неподалеку от редакции, в здании школы, расположился медико-санитарный батальон. Туда днем и ночью привозят раненых. Писатели беседуют с легкоранеными, это дает интересный материал для газеты. Так появились на ее страницах рассказ командира отделения И. Коленбета «Как мы отбили немцев», записанный В. Тоболяковым, «Рассказы пулеметчика Петра Михайлова», записанные П. Ойфой...

Вспоминая сейчас о взводе писателей, мне трудно представить его без Александра Бартэна. Он был душой редакционного коллектива. Сколько раз скрашивали нам тяготы первых месяцев войны его оптимизм и юмор! В самый напряженный момент, в полную драматизма минуту могла неожиданно прозвучать Сашина шутка, которой нельзя не улыбнуться, а улыбнувшись — не воспрянуть духом. Ко всему этому, Бартэн обладал незаурядными организаторскими способностями, принимал деятельное участие в планировании газетных

голос, в распределении заданий военкорам. Имелось у него и еще одно качество, к которому все мы относились с искренней симпатией, хотя и добродушно подшучивали над ним: Саша Бартэн был признанным гастрономом. В свободное от других занятий время он охотно брал шефство над нашей импровизированной кухней— и тогда писателям не стыдно было пригласить за обеденный стол гостей из взвода артистов (был в дивизии и такой!), заезжих ленинградских корреспондентов или усталых молоденьких врачей из медсанбата.

Но с некоторой налаженностью фронтового быта в Больших Теребонях вскоре пришлось расстаться. Участились налеты вражеских бомбардировщиков. После бомбежек в разных концах села вспыхивали пожары. Колхозники выкапывали во дворах глубокие ямы, зарывали в них свое имущество — сундуки, швейные машины, а сами уходили в окрестные леса. Перебралась в лес на берегу Луги и редакция. Поставили большую палатку, рядом с ней оборудовали блиндаж. В начале августа прошли грозовые ливни. Ясные, солнечные дни сменились пасмурными, серыми, с моросящим дождем. В сумерках над лужскими плесами стелился туман. Ночи похолодали, сено, на котором мы спали в палатке, когда ночевали в редакции, отсырело. По-осеннему темное ночное небо прочеркивали трассы ракет. Над передним краем противник сбрасывал с самолетов осветительные «люстры».

С 8 августа на рубежах Кировской дивизии завязались кровопролитные бои. По пять-шесть раз в день гитлеровцы атаковали позиции ополченцев. Все эти дни писатели находились в полках, ведущих бои. В редакции оставались только те, кто непосредственно обеспечивал выпуск номера. Было непривычно, приехав в редакцию, не застать здесь Глеба Алехина. С первых дней немецкого наступления он почти все время находился в частях, передав свои обязанности старшины Александру Михайловичу Бычкову.

Одну за другой гитлеровцы занимали деревни Закибье, Клевенец, Ожогин Волчек, Щепино... В наши тылы прорвались автоматчики. Создалась угроза окружения. Третий день мы с Петром Ойфой находимся в расположении второго полка. Его поредевшие роты и батальоны с боями отходят на правый берег Луги, занимают новые оборонительные рубежи. Кроме обычных

редакционных заданий у нас поручение С. А. Семенова: найти Евгения Панфилова, постоянно находившегося в полку, и привести его в редакцию. Материал для газеты собран. Панфилов найден. Втроем раздумываем: как добраться до редакции, где искать ее? По слухам, она перебазировалась с прежнего места стоянки километров на тридцать севернее. Решаем идти пешком. Идем по знакомой дороге: месяц назад мы совершали по ней марш от станции Батецкая к линии фронта. Проходим через деревни, где останавливались тогда на привалы, шутили с местными девчатами, угощались парным молоком. Сейчас пустынные улицы усыпаны осколками стекол, выбитых из окон взрывной волной. Над тлеющими пепелищами сиротливо и горестно высятся одинокие печные трубы. Вывороченные бомбами яблони простирают к небу свои сухие, заскорузлые корни.

Из сожженных, разбомбленных деревень тянутся вереницы беженцев. На телегах, нагруженных домашним скарбом, сидят тихие, испуганные дети. Сзади тяжело бредут старики и женщины с котомками за плечами. К некоторым повозкам привязаны за рога коровы. Дорога идет полем, справа и слева — густая рожь, спелые колосья склоняются к земле...

Мы обгоняем медленно бредущую колонну, унося в памяти полоснувшие сердца рыдания женщин:

— Хлеб на землю течет, а мы от своего хлеба голодовать уходим...

Неожиданно за деревней Воронино, где свертывается, готовясь к отходу, наш медсанбат, нам посчастливилось встретить машину с корреспондентами газеты «На защиту Ленинграда». Среди них — поэт Александр Гитович.

— Забирайтесь в кузов! — приглашает он. — Будем искать вашу редакцию вместе.

Много путаницы и неразберихи на горьких путях отступления. Но газета дивизии ополченцев выходит! Отыскав редакцию в какой-то деревушке, мы услышали характерный стук «американки»: в походной типографии печатается тираж очередного номера. Юрий Слонимский, сдав на машинку передовую, разбирает документы пленных гитлеровцев. Леонид Браусевич вычитывает гранки... Когда выходили первые номера нашей газеты, стояли белые ночи. Сейчас середина августа, вечерами быстро темнеет. Завешиваем окна избы плащ-

палатками, зажигаем керосиновую лампу. Только собираемся расположиться на ночлег, входит Сергей Семенов:

— Приказано сворачивать хозяйство. Тираж будем допечатывать на новом месте.

В суровых испытаниях мужало и крепло фронтовое братство писателей-ополченцев. В сумятице тех дней, в потоке беженцев Алехину, Бакинскому и мне довелось однажды, разыскивая редакцию, застрять на станции Оредеж. Накануне по пути сюда, в сосновом бору за озером Белое, мы встретили Матвея Мительмана, выводящего из окружения большую группу ополченцев. Встреча была минутной, — он повел бойцов к новому рубежу, а мы отправились на станцию, надеясь разузнать что-нибудь у коменданта. Я не знал тогда, что вижу Мительмана в последний раз. Через несколько дней он погиб в бою у поселка Чаща, поднимая ополченцев в контратаку... До станции мы добрались уже вечером и, кажется, впервые со дня прибытия на фронт увидели тут зенитные орудия. Они стояли на железнодорожных платформах, медленно удаляющихся от перрона.

— Это последний состав, — сказал нам военный комендант.— Больше поездов не будет. О редакции вашей ничего сказать не могу, в эшелон она вроде бы не грузилась.

Связисты сматывают провод. Саперы закладывают взрывчатку под водонапорную башню и поворотный круг, минируют депо. В магазинчике военторга распродают остатки запасов шоколада и папирос «Северная Пальмира».

Чтобы не плутать в ночной темноте по лесным дорогам, решили заночевать в домике на окраине станционного поселка, а рано утром двинуться в путь.

Перед рассветом нас разбудила хозяйка, одетая по-дорожному:

— Мы уходим в лес. И вам советую собираться, не задерживаться.

Улицы поселка пустынны. Густой туман. У станции, скрытой в тумане, полыхает высокое зарево — горит пожарная каланча. Вышли на околицу и остановились на перекрестке трех дорог. Грустно пошутили: «Как три богатыря, коней, к сожалению, не хватает. Не видно и камня с надписью „Направо пойдешь...“».

Кирты у нас нет. Отошли в сторонку, присели у обочины — покурить, сориентироваться.

— Направо пойдешь — к фрицам попадешь, — рассуждали мы. — Потому что эта дорога идет в сторону Новгорода, вероятно уже занятого противником. Налево пойдешь — наверняка к ним же попадешь: дорога ведет к Луге, о которой мы уже точно знаем, что она в руках гитлеровцев. Прямо пойдешь...

В это время по этой третьей дороге, ведущей на северо-восток, мимо нас со стороны станции Оредеж на бешеной скорости промчались несколько мотоциклистов. Наши или враги? В тумане мы не успели разглядеть их. Понемногу рассветает, туман начинает рассеиваться. И вдруг на дороге, по которой недавно промчались мотоциклисты, показывается стремительно летящий к нам знакомый грузовичок с фанерным кузовом — наша редакционная полуторка. На ее крыле, в развевающемся плаще, — Митя Остров.

— Я вас, чертей, всю ночь по дорогам ищу! — кричит он.

Шофер Миша Поляков круто разворачивает машину. Рядом с ним в кабине — Николай Жданов.

Отступая, ополченцы закрепляются на новых рубежах, встречают наступающего врага огнем, контратаками, но под натиском превосходящих сил противника вынуждены опять и опять отходить. На дорогах отступления в одну из ночей погибла наша трехтонка с походной типографией и личными вещами писателей. В редакционной полуторке мы разместили женщин из актерского взвода, больных, раненых. Большинство писателей идет пешком. Изнурительные ночные переходы, короткие, тревожные дневки... Все похудели, осунулись. Очень болезненный вид у Семенова. Даже неутомимый Бартэн шутит реже и реже. Писательский взвод далеко не в полном составе. Мы обеспокоены судьбой товарищей, которых нет с нами, — они выходят из окружения с подразделениями, где находились по редакционным заданиям.

На дороге — пробка автомашин. Впереди нас — машины особого отдела, несколько грузовиков с ополченцами из разных подразделений. Ополченцы второго полка увидели Евгения Панфилова:

— Женя! Давай к нам!

Панфилов закинул за плечо карабин, поставил ногу на колесо, перемахнул через борт. За ним — молодой прозаик Андрей Голов. Панфилов помахал нам в последний раз рукой, машина тронулась. Ни Панфилова, ни Голова нам больше никогда не довелось увидеть... Мы двинулись вслед спустя некоторое время, но километра через два пас остановили бойцы в зеленых фуражках пограничников:

— Дальше нельзя. Дорога закрыта. Поворачивайте назад и следуйте другим маршрутом.

Навсегда осталась в памяти маленькая станция Полово Витебской железной дороги, между Оредежем и Чащей. В окрестных лесах ведут бои разрозненные, отрезанные друг от друга подразделения ополченцев, многие уже находятся в окружении. Шоссейные дороги перехвачены противником. На станции готовится к отправке последний поезд — паровоз с двумя вагонами.

— Может быть, еще успеем прорваться, — озабоченно говорит начальник станции С. А. Семенову. — Раненых, больных, слабых могу посадить. Только давайте по-быстрому, через пять минут отправляю.

Пассажиры редакционной полуторки перебрались в переполненные вагоны поезда. Туда же удалось устроить больных и наиболее пожилых писателей. Сам Сергей Александрович, изнуренный, с пожелтевшим от болезни лицом, садиться в поезд наотрез отказался.

— Встретимся в Вырице! — напутствовал он отъезжающих товарищей. — Ждите нас там.

Состав тихо, без гудка, тронулся. У опустевшей редакционной машины осталась горстка людей. Сергей Семенов садится в кабину к водителю Мише Полякову. Дмитрий Остров привычно устраивается на крыле. Алехин, Бартэн и я забираемся в кузов. Безуспешно плутаем по окрестным деревням, пытаясь найти дорогу, по которой можно было бы выбраться. Но все дороги оседланы врагом. Ходят слухи, что уже перерезана и железнодорожная линия. Успел ли прорваться поезд с нашими?..

Снова возвращаемся к станции Чолово. В небе гудят вражеские самолеты. Где-то близко рвутся снаряды, с визгом разрезают воздух мимы. У станции одиноко стоит грузовик с опущенными бортами, на нем — ручной пулемет, какие-то мешки, ящики. В стороне, в кустарнике, — группа военных.

Семенов говорит Полякову:

— Попробуем вывести машину болотами. Колхозники говорили, что в сухую погоду там молено проехать на лошади. Правда, несколько дней шли дожди, и грузовик потяжелее крестьянской телеги, но другого пути у нас нет. Надо попросить в проводники кого-нибудь из местных...

— Подождите минутку, товарищи писатели! — раздались голоса из кустов, когда наша полуторка начала разворачиваться.— И мы с вами!

Несколько ополченцев — молодых ребят с завода имени Жданова — скинули ящики и мешки со стоявшего грузовика, устроились на нем с пулеметом, винтовками и гранатами. Водитель с силой крутнул заводную ручку мотора.

В ближайшей деревне взяли в проводники колхозного парнишку Витю, посадили его в кабину, рядом с Сергеем Семеновым. За деревней обе машины свернули с дороги в лес. Почти сразу же началось болото. Корявые сосенки, березняк, усыпанные спелыми ягодами кусты гоноболи. Острый, дурманящий запах багульника. Под колесами чавкают, погружаясь в жижу, остатки полузатонувшей гати. Увязая выше колен, подпираем машину плечами, толкаем руками. Следом за нами, дружно помогая нам в особенно трудных местах, вытягивают свой грузовик судостроители. Шаг за шагом, метр за метром. Мы уже мокрые по пояс, руки кровоточат, лица искусаны мошкарой. Где-то справа остаются деревни, занятые гитлеровцами. Витя говорит, что до шоссейки осталось совсем немного. Наконец между деревьями блеснула тихая гладь реки Оредеж. По ее берегу идет шоссейная дорога на Вырицу. Оставив машину в лесу, идем на разведку. На дороге никого не видно, шума моторов не слыхать. Машем руками Семенову и Полякову:

— Выезжайте!

На измученном лице Семенова счастливая улыбка:

— Кажется, выбрались!

На полном газу машины мчатся по высокому берегу Оредежа. За Новинкой нагоняем группы ополченцев, медсанбатовских врачей и сандружинниц, успевших выйти со станций Оредеж и Чолово до того, как враг перекрыл шоссе. В пути подобрали Арсения Островского, потом Виктора Бакинского. Похудевшие, оброс-

шие, измученные, они скупо рассказывают о передрягах, в которых довелось им побывать, выбираясь из окружения.

И вот поселок Вырица. В Вырицкой поселковой школе мы нашли временное пристанище.

Несколько дней после потери типографской базы наша дивизионная газета не выходит. Но вскоре выпуск ее возобновляется. Она выходит в городе Пушкине, печатается в типографии местной газеты. «Не отдадим родного Ленинграда!» — призывает передовая. До Ленинграда от города Пушкина — двадцать пять километров, четверть часа езды на машине.

Редакция и взвод писателей разместились в доме № 4 по Пролетарской улице. Дом этот несколько лет принадлежал Алексею Николаевичу Толстому, а после переезда его в Москву стал Домом творчества писателей. На диване в бывшем кабинете Алексея Толстого — измятые солдатские шинели, противогазные сумки, на подоконнике обоймы и гранаты... Во всех комнатах двухэтажного особняка поселились писатели-ополченцы. Они пользуются возможностью посидеть за настоящим письменным столом, приводят в порядок свои фронтовые записи, работают над новыми произведениями. В знакомый дом на Пролетарской улице заглядывают ленинградские писатели, приезжающие в Пушкин. В начале сентября у нас побывали А. Решетов, В. Кочетов, М. Михалев, Л. Рахманов, П. Лукницкий. Зашли однажды Вс. Пошехонов и Я. Мерзон, работавшие на строительстве оборонительных сооружений в качестве трудармейцев.

Каждый день с Пролетарской улицы мы ходим на другой конец города — в Шестой военный городок, где находятся штаб и политотдел дивизии, куда прибывают группы ополченцев, вырвавшихся из окружения. Мы проходим мимо здания Лицея, мимо скверика, где на садовой скамейке задумался, подперев рукой кудрявую голову, бронзовый юноша-лицеист. Идем под старыми липами Екатерининского парка, мимо прудов с осенними листьями на темной, неподвижной воде, мимо Катульского обелиска и Чесменской колонны, мимо девы с разбитым кувшином, воспетой Пушкиным. Здесь все насыщено музыкой пушкинских строк, мы вновь и вновь вспоминаем его стихи, говорим о нем, и кто-то вслух читает ахматовское — о Пушкине в Царском Селе:

«Смуглый отрок бродил по аллеям...» Этот город неотделим от русской поэзии, русской литературы. Перебираем в памяти имена: Ломоносов, Державин, Лермонтов, Гарин-Михайловский, Мамин-Сибиряк, Горький, Блок, Тынянов, Федин... Все эти поэты и писатели бывали здесь, многие из них подолгу жили в этом городе, писали о нем. Сохранилось здание бывшей классической гимназии, где директорствовал Иннокентий Анненский. В Пушкине живет и работает Вячеслав Шишков, и в нашей редакции все чаще поговаривают, что ему нужно помочь переехать в Ленинград. Живет здесь и тяжело больной Александр Беляев — автор многих широко известных научно-фантастических книг. Город муз, город искусства! Неужели на камни его улиц, на аллеи его парков ступит нога фашиста?..

В кирпичных, старинной кладки казармах Шестого военного городка собралось около пяти тысяч бойцов, командиров и политработников Кировской дивизии. Десятки километров шли они сюда по лесному бездорожью, утопая в болотах, неся на руках раненых товарищей. За их плечами недели тяжелых невзгод и лишений, боев на многих рубежах, где кировцы стояли насмерть. Скорбные залпы винтовочных салютов гремели над братскими могилами ополченцев на всем пути отступления дивизии. Героически дралась с гитлеровцами, вырываясь из вражеского кольца, группа полковника Лебединского. За боевые заслуги перед Родиной более ста человек из этой группы представлены к награждению орденами и медалями. Мужеству и отваге их редакция посвятила очередной номер дивизионной газеты. На ее первой полосе, под передовой «Слава храбрым!», напечатана песня Вл. Лифшица «Сто героев». Автор песни прошел с группой Лебединского весь многокилометровый путь от лужских рубежей до города Пушкина. Инструктор политотдела Даниил Герман, выходя с боями из окружения, принял на себя командование подразделением. Где-то в лесах и болотах еще пробивается с группой ополченцев сквозь цепи гитлеровцев писатель Павел Журба, которому суждено будет впоследствии стать автором документальной повести о бессмертном подвиге Александра Матросова.

В казармах военного городка литераторы проводят многие часы, слушая и записывая рассказы воинов. Не забыли мы и о том, что когда-то собирались провести

литературный вечер в артиллерийском полку. В казарму к артиллеристам пришли Д. Остров, Г. Алехин, П. Кобзаревский, П. Ойфа... Радостно было увидеть знакомые лица командиров орудий, наводчиков, заряжающих. Но среди них мы уже не находим многих, очень многих из тех, с кем встречались в июле на огневых позициях у реки Луги.

Газета «За Советскую Родину» выходит регулярно, теперь уже не крохотной четырехполоской, а на двух полосах большого формата. Но 1-й Кировской дивизии народного ополчения фактически не существует. На Карельский перешеек отправлены третий полк и медсанбат. Подразделение, сформированное из остатков второго полка, ушло на боевые позиции под Красное Село. Уменьшился и взвод писателей. В редакцию газеты «На защиту Ленинграда» перешел Н. Жданов. В распоряжение ТАСС направлены Г. Гор, Е. Люфанов, Л. Цырлин, И. Ямпольский. Отозван в Ленинград Ю. Слонимский.

Во второй половине сентября остатки дивизии передислоцировались в поселок Петро-Славянку. К тому времени я уже был военным корреспондентом «Смены».

28 сентября батальонный комиссар С. А. Семенов сдал в Петропавловской крепости нашу редакционную полуторку, а в Политуправление фронта — все остальное редакционное хозяйство. Взвод писателей, существовавший два с половиной месяца в составе ополченской дивизии Нарвской заставы, закончил свой боевой путь. Но для большинства литераторов, принявших боевое крещение на лужских рубежах в июльские дни 1941 года, фронтовые дороги только начались. От стен Ленинграда они протянулись к Украине и в Прибалтику, к Праге и Берлину.

З. В. ПИСАРЕВОК ИЙ

ПОЛКАМ НУЖНЫ БОЕПРИПАСЫ

ОП июня 1941 года. Объявлена мобилизация ряда возрастов, в том числе и моего. Однако мне не надо являться на призывной пункт, — я, как и многие на Кировском заводе, имею броню.

В конце июня на предприятиях Ленинграда начинается запись добровольцев. Подаю заявление и я.

В помещении полно народу. На столе перед отборочной комиссией гора заявлений. Члены комиссии внимательно рассматривают их, некоторые откладывают в сторону.

Почти все, кого не включают в списки зачисленных, решительно протестуют. Их убеждают:

— Надо ведь кому-то работать, тапки делать...

Мне повезло, я зачислен в народное ополчение.

У меня звание военнинженера 3-го ранга, я общественный инструктор Осоавиахима. Должно быть,

---

Писаревский Эдуард Владимирович, инженер конструкторского бюро Кировского завода, в июле 1941 года стал начальником артиллерийского снабжения 1-й дивизии народного ополчения. Позже занимал эту должность в различных соединениях Ленинградского фронта.

После войны Э. В. Писаревский вернулся в конструкторское бюро Кировского завода, где работал до ухода на пенсию.

поэтому предлагают должность начхима полка. Отправляюсь в штаб 1-й дивизии. Начальник артиллерии майор Г. М. Бруссер, заглянув в какой-то список, спрашивает:

— Военную службу проходили в артиллерийских частях?

Отвечаю утвердительно.

Задав еще несколько вопросов, Бруссер говорит:

— Вы назначаетесь начальником артиллерийского снабжения дивизии, приступайте к работе.

Нас, артснабженцев, четыре человека. Собрались, обсуждаем, с чего начать. Пока нам ясно лишь одно: дело предстоит весьма хлопотное. Дивизия наша мобилизационным планом не предусмотрена, следовательно, снабжение ее не запланировано. Есть ли на складах округа «излишки» боевой техники, мы не знаем. Срочность формирования увеличивает трудности. Предвидим, что придется «выколачивать» каждое орудие и даже винтовки.

Мой первый помощник воентехник 1-го ранга Жуковский уже не молод, он участник гражданской войны. Во время советско-финляндской войны ведал артиллерийским снабжением, имеет в этом деле опыт.

Второго помощника, переведенного из артполка уже на Лужском рубеже, кадрового командира Н. Н. Орлова я знаю еще со времен службы в артиллерии. Быстрый, энергичный, он не любит сидеть на месте. По старой памяти предупреждает: «Все, что угодно, только не копаться в бумагах». На него возлагаются обязанности инспектирования частей и снабжения их вооружением.

Старшим писарем у нас молодой инженер Кировского завода, только в марте 1941 года закончивший институт, В. А. Быстров. На вид он кажется медлительным и флегматичным. Но внешность обманчива, в действительности это очень энергичный и смелый человек.

Сравнительно быстро нам удается укомплектовать батареи стрелковых полков новыми 76-миллиметровыми пушками. Хуже с вооружением артиллерийского полка, поступают пушки и гаубицы различных калибров, что значительно затрудняет обеспечение их боеприпасами.

Со стрелковым оружием не все ладно. Наряду с новыми трехлинейными винтовками, карабинами, получаем и старые драгунские винтовки, учебное оружие, переделанное в боевое. На всю дивизию только два автомата— у комиссара дивизии П. А. Иванова и командира второго полка И. И. Лебединского. Да и то, что мы имеем, получено благодаря энергичному вмешательству Кировского райкома партии.

Укомплектовываем дивизионную артиллерийскую мастерскую. К бывшим орудийным и оружейным мастерам, служившим некогда в армии, присоединяются опытные слесари-кировцы, которых удается перевести из стрелковых подразделений. Они быстро осваивают ремонт оружия. Особенно выделяется слесарь высокой квалификации, известный мне по совместной работе на заводе, Петр Тяглов. Небольшую группу специалистов во главе со старшиной Петуниным прислали из окружного склада. Начальником мастерской назначен инженер, воентехник 1-го ранга Моисеев. Весь необходимый инструмент получаем с заводов — Кировского и имени Жданова.

10 июля первый полк и некоторые другие подразделения дивизии отправляются на фронт. Вечером того же дня выезжаем и мы.

11 июля выгружаемся на станции Батецкая. Отсюда походным маршем ополченцы должны выйти в указанный район обороны.

Транспорта у нас мало, поэтому на станции остается много военного имущества и бойцы для его охраны. С разрешения командования отбираю человек тридцать и формирую из них команду дивизионного артиллерийского склада.

Часть боеприпасов доставлена в Батецкую из Ленинграда автомашинами. Шоферы прибывшей автоколонны остаются с нами. Начальником артиллерийского склада становится воентехник 2-го ранга Мякишев, рослый, могучего сложения мужчина с зычным голосом, видимо хороший организатор: он быстро налаживает складское хозяйство.

Охраняет вагоны с боеприпасами группа бойцов во главе с работником службы боепитания первого полка воентехником 1-го ранга Н. Н. Сафроновым, бывшим контрольным мастером Кировского завода. С ними сандружинница, семнадцатилетняя комсомолка, копиров-

щнца конструкторского бюро Надя Иванова — тоненькая, беленькая, с широко раскрытыми голубыми глазами.

Я хорошо знаю Надю, мы вместе работали. Она с гордостью говорит о своем первом самостоятельном задании, но огорчена, что санитарная сумка у нее «тощая».

— Сказали, что здесь еще не фронт, обойдусь, — жалуется она.

Вместе идем в районную аптеку, там пополняем сумку перевязочными средствами, йодом. Это оказывается весьма кстати.

После спокойной, почти мирной ночи утро встречает бойцов гулом самолетов. Батецкая подвергается жестокой бомбардировке. Слышится грохот разрывов, звон стекол, взлетают в воздух обломки зданий. Огонь вспыхивает в разных местах. Рядом — наши вагоны с боеприпасами. Ополченцы бросаются спасать их. Впереди воентехник Сафронов. Бойцы быстро отцепляют часть вагонов, выкатывают их за пределы станции. Опасность миновала. Но в конце налета Сафронов погибает от осколка бомбы.

В горестном молчании стоим мы у свежей могилы в сквере перед вокзалом. Вот и первая потеря. Сколько их впереди?..

Две недели боевые действия ограничиваются разведкой, ружейно-пулеметной перестрелкой, артиллерийско-минометными налетами. Попытки врага прощупать нашу оборону получают отпор. Для нас, артснабженцев, это все же нелегкие дни. Тем более что мы должны обслуживать приданный дивизии кадровый артиллерийский полк.

В конце июля противник усиливает атаки то на одном участке, то на другом. С каждым днем на полковых обменных пунктах тают запасы боеприпасов. То и дело поступают сообщения от начальников боепитания полков воентехника 2-го ранга И. Е. Орлова, военинженера 3-го ранга И. С. Самарского, военинженера 2-го ранга С. А. Мельникова, военинженера 3-го ранга Ю. А. Амрома. Жалуются, что в норму уложиться невозможно, просят подбросить «поросят».

Удовлетворить их запросы сложно. Армейский склад отпускает снаряды и патроны только по нарядам

фронта, а связь с фронтовыми органами снабжения из-за дальности расстояния затруднена.

Решаю связаться со штабом 48-й армии, который находится в Новгороде. Еду в Батецкую. Оттуда удается дозвониться до Новгорода. В штабе советуют:

— Обратитесь к Белову.

Кто такой, я спросить не догадался. Соединяюсь с Беловым. Между нами происходит следующий разговор:

— Белов слушает. Кто говорит?

— Писаревский из Кировской дивизии.

— Что тебе нужно?

Решив, что разговариваю с кем-то из армейских артснабженцев, я бесцеремонно говорю:

— Будь другом, помоги. Мне нужны боеприпасы.

— Сколько и каких?

Называю количество, калибр. После недолгой паузы тот же голос произносит:

— Ну ладно, дам, присылай транспорт...

Набравшись нахальства, требую:

— Где же я возьму транспорт? Ты пришли их мне...

Советую:

— Договорись с железнодорожниками — тебе это проще — и организуй отправку.

В ответ слышу смешок:

— Вот черт! Дай и еще доставь! Ну да ладно — устрою...

Обрадованный такой неожиданной удачей, спрашиваю у военного коменданта* чьим телефоном воспользовался, с кем я разговаривал. Тот отвечает:

— Генерал Белов, командующий артиллерией Сорок восьмой армии...

Вот так штука! Хорошо еще, что генерал оказался «демократичным». Надо, видимо, бросать «штатские» привычки...

Бои усиливаются, потребность в боеприпасах растет, однако на складе нас по-прежнему не жалуют, снабжают скудно. Но однажды повезло. Наши машины находились на складе в тот момент, когда на станцию налетели фашистские самолеты. Складские работники поспешили закончить погрузку снарядов, бегло заглянув в наряды: старались быстрее выпроводить колонну со склада. Мякишеву удалось воспользоваться этим, захватить кое-чего сверх наряда. И вот теперь мы по его

предложению периодически используем эту «воздухобоязнь» работников склада.

Делаем так. Машины ставим в лесу. Как только на горизонте появляются вражеские самолеты, грузовики мгновенно врываются на территорию склада. И тут уж, не соблюдая формальностей, нам отпускают боеприпасы, умоляя поскорее убраться, не демаскировать склад.

После того как мне за это «нагорело», да к тому же гитлеровцам удалось разбомбить одну машину с боеприпасами, от этих «партизанских» методов снабжения пришлось отказаться.

В один из последних июльских дней вызывает меня командир дивизии комбриг В. А. Малинников, спрашивает:

— Чем посоветуете отражать налеты вражеской авиации?

Не догадываясь, о чем идет речь, я молчу.

— Ну так вот, — продолжает Малинников, — где хотите, доставайте зенитные пушки и пулеметы. Без них в дивизию не возвращайтесь.

Беру две машины, выезжаю в Ленинград.

Станция Батецкая. Народу полным-полно. Меня останавливают мужчина и женщина. Просят довезти девочку лет семи хотя бы до Гатчины. Выясняется, что это ленинградцы, ездили за дочерью и теперь не знают, как добраться домой: поезда переполнены, ходят редко. Сажаю родителей в кузов, девочку беру в кабину.

В Гатчине захожу в управление артснабжения Лужской оперативной группы. Надеюсь выпросить вооружение. В ответ на мои просьбы от меня требуют отчеты и многочисленные сведения. Обещаю это сделать на обратном пути из Ленинграда.

В Ленинграде расстаюсь со своими спутниками, которые горячо благодарят за помощь.

В штабе фронта генерал П. Н. Одинцов, к которому обращаюсь по поводу зенитных орудий, разводит руками:

— Ничем помочь не могу. — И после короткого раздумья добавляет: — Придется подождать, пока наберет полную мощность наша военная промышленность...

Ни зенитных, ни противотанковых орудий я не получил. Захватив кое-какое вооружение на окружном складе, отправляюсь обратно. Заезжаю, как обещал, в Гатчину. Артснабженцев там уже нет. Командир, руководящий вывозом имущества, говорит, что приказано срочно перебазироваться, за Лугой сильные бои, а между Лугой и Гатчиной выброшен вражеский десант.

Все же решаем двигаться к Луге. Спокойно проезжаем весь путь. Сведения о десанте оказались, как случалось в те дни, ошибочными.

Необходимо срочно доставить в части боеприпасы, прибывшие на дивизионный артсклад. Нужно выехать за ними, а бойцов для погрузки нет.

В деревне Большие Теребони, где располагается второй эшелон дивизии, находится взвод артистов. Это хорошо известные ленинградским зрителям мастера искусств, ушедшие в ополчение. В эти дни они не у дел,— обстановка становится неподходящей для концертов.

Заезжаю за артистами на полуторке, отбираю двенадцать мужчин, они быстро размещаются в кузове.

Мы проезжаем мимо артиллерийских позиций, когда в небе появляются вражеские самолеты. Кричу шоферу:

— Газани!

Машина мчится по проселочной дороге, это отнюдь не асфальт, и, когда приезжаем на место, артисты еле вылезают из кузова. Один из них говорит:

— Бывал я во многих гастрольных поездках, в разных местах, но так ездить еще не приходилось, надолго запомню...

Я прошу извинить, говорю, что хотел поскорее вывести их из-под бомбежки.

— Да мы на вас не в обиде, — отвечает заслуженный артист республики Е. П. Гершуни. — Знаем, кто виноват...

Работают артисты на погрузке боеприпасов так умело, как будто всю жизнь были грузчиками.

По данным разведки, противник концентрирует значительные силы на нашем участке фронта. Штабные офицеры, предполагавшие активизацию боевых дей-

ствий в ближайшие дни, не ошиблись. Август начинается с напряженных боев.

10 августа гитлеровцы переходят в решительное наступление по всей линии обороны дивизии. Днем и ночью не смолкает гром артиллерийской канонады. Противник имеет огромное превосходство в войсках и боевой технике, господствует в воздухе. Наши позиции подвергаются массированным бомбардировкам, наносящим подразделениям серьезный урон. Дороги находятся под постоянным воздействием авиации. Доставлять в полки боеприпасы трудно.

Утро я провел в первом полку, и сейчас, возвращаясь оттуда, дважды попадаю под обстрел с воздуха.

А в полку жарко не только от горячего августовского солнца. Накануне ополченцы вели тяжелый бой. Противник пустил в ход танки. Огнем полковой батареи и дивизиона артполка несколько танков уничтожено. Батальон под командованием старшего лейтенанта Семена Сикорского целый день сдерживал атаки пехоты. Одна из рот понесла большие потери, но враг не продвинулся ни на шаг. Перед нашими позициями остались горящие танки и десятки трупов гитлеровцев.

Все же уехал я из полка с тяжелым чувством,— уж очень большими силами и яростно атакует противник.

Решаю заскочить на артиллерийский склад: надо позаботиться о том, чтобы в случае прорыва фашистских войск он не оказался в руках противника.

С начальником склада Мякишевым намечаем план эвакуации, маршрут движения. В распоряжении Мякишева всего шесть автомашин, всё погрузить не удастся. Поэтому часть штабелей с боеприпасами подготавливаем к взрыву.

Штаб дивизии нахожу на новом месте, в лесу под открытым небом, неподалеку от деревни Самокража. Обстановка в штабе напряженная, но спокойная. Боевые донесения, поступающие в оперативное отделение, скупо сообщают о событиях, происходящих на переднем крае, но они говорят о том, что ополченцы держатся стойко.

В первом полку старшина Трофим Цурик заменил выбывшего из строя командира роты и поднял бойцов

в контратаку. Враг, вклинившийся в расположение роты, отброшен.

Из второго полка сообщают о мужестве бойцов шестой роты, которой командует Владимир Кулаков. Выдержав интенсивную бомбардировку и яростный артиллерийско-минометный обстрел, ополченцы встретили гитлеровцев метким огнем. В течение суток противник несколько раз переходил в наступление, но бойцы не отступили ни на шаг.

Четвертая рота третьего полка, находясь в боевом охранении, атаковала колонну гитлеровцев и обратила их в бегство. Командир пулеметного расчета Дмитрий Таранов отцепил от машины брошенную противником пушку, а подоспевшие товарищи развернули ее и открыли огонь. В штыковой атаке принял участие политрук роты, участник гражданской войны полковой комиссар А. П. Григорьянц.

Положение дивизии с каждым днем становится все сложнее. Противнику удалось прорваться на стыке первого и второго полков. Они отходят на новые рубежи. Перебазируется и штаб дивизии.

У меня две грузовые машины. Одна начинает «барахлить», берем ее на буксир.

К вечеру проезжаем мимо небольшой ремонтной мастерской. Ночью она эвакуируется, остающееся имущество и неисправные автомашины будут уничтожены. Шофер нашей вышедшей из строя полуторки просит разрешения остаться и воспользоваться имеющимися в мастерских запасными частями.

— Утром догоню, — заверяет он.

Оставляю с шофером двух бойцов.

Ночь провожу на переднем сидении «эмки», скорчившись в три погибели." Заднее сидение занимает майор Бруссер. Утром сквозь сон слышу стук в боковое стекло. Открываю глаза, вижу бородатое лицо. Вглядевшись, узнаю знакомую улыбку. Через мгновение мы крепко обнимаемся с майором Дунаевым — помощником начальника штаба артиллерии. Несколько дней назад он был послан в район деревни Уномерь. Там развернулись тяжелые бои, мы уже не надеялись увидеть Дунаева в живых. Оказывается, наблюдательный пункт, где он находился, атаковали автоматчики. Артиллерийские разведчики были убиты, сам он ушел в лес и вот теперь разыскал нас.

Дунаев взволнованно рассказывает обо всем, что видел во втором полку:

— Тяжело приходится, все меньше остается командиров, политработников. Конечно, вряд ли нам удастся задержать здесь фашистов. Главное теперь — побольше истребить их: меньше дойдет до Ленинграда...

Майор Г. М. Бруссер приказывает установить, где находится артиллерийский склад. С Мякишевым мы заранее определили маршрут движения. По проселочной дороге направляюсь к деревне, куда склад должен был отойти. Начальник склада точно выполнил полученные указания: на большой поляне недалеко от деревни вижу пять замаскированных машин с боеприпасами. Это все, что осталось от нашего артиллерийского склада. Вражеские самолеты настигли колонну на марше и одну машину уничтожили.

Мякишев докладывает, что, получив приказ об эвакуации, он проверил с пиротехником готовность штабелей с боеприпасами к взрыву, посадил бойцов на заранее загруженные машины и вывел их в безопасное место. После взрыва к нему присоединился пиротехник. Когда двинулись в путь, на другом конце деревни уже раздавались автоматные очереди.

Теперь наша главная забота — не оставить подразделения, ведущие тяжелые бои, без боеприпасов. С радостью узнаю, что на Станции Оредеж находится армейский артиллерийский склад (ПААС). Договорился с начальником, сразу получил немного снарядов. Направляюсь в поселок.

Вдруг в небе появляются вражеские самолеты. Тут же, метрах в пятнадцати от нас, раздаются орудийные выстрелы. Огонь ведут замаскированные зенитки, которых мы не заметили. От неожиданности шарахаемся в сторону: к бомбежкам мы уже привыкли, а залп нашей зенитной батареи услышали впервые. Теперь мы спокойны: ПААС рядом и нас охраняют зенитки.

Но радость оказывается недолгой. На следующий день поступает распоряжение передислоцировать ПААС в Ленинград. Ночью снимаются с позиций и зенитные орудия.

Противник вводит в бой свежие силы. Части дивизии с боями отступают. Некоторые подразделения оказались в окружении.

Командование дивизией принимает заместитель командира 24-й танковой дивизии полковник А. Г. Родин. Но в его распоряжении уже не вся дивизия, а лишь основные силы первого полка, некоторые подразделения других полков и кадровых соединений, специальные части. Второй полк под командованием полковника И. И. Лебединского отступает на север, третий полк майора В. К. Семибратова, по некоторым данным, отошел к железной дороге Новгород — Ленинград. Связь с полками потеряна.

Неизвестно, где находятся тыловые подразделения дивизии. Мне приказано разыскать их.

У меня нет карты района. Выручает начальник оперативного отделения штаба майор В. С. Турчанинов, дает карту.

Еду вместе с авиационным представителем капитаном Матвеевым в его «эмке». Мы в шутку называем Матвеева «начальником ВВС Кировской дивизии». Правда, помощи от этих «воздушных сил» никаких. Но мы знаем, что вины Матвеева тут нет...

Проехав несколько километров, встречаем полуторку, оставленную мною в местной ремонтной мастерской. За ночь шофер сменил задний мост. Пересаживаюсь в свою машину.

Добираемся до станции Чолово. Узнаем, что тылы дивизии где-то западнее этого пункта. Начальник станции сообщает, что к деревне Бор, через которую надо двигаться дальше, подошли гитлеровцы.

Капитан Матвеев предлагает ехать обратно. Я отказываюсь: надо выполнять приказ командира дивизии.

Матвеев возвращается. Мы обмениваемся картами: моя на этом пункте кончалась. Позже узнаю, что на обратном пути Матвеев был убит. При каких обстоятельствах — неизвестно.

Направляюсь к деревне Бор. Я был там два дня назад, помню, что в начале деревни крутой поворот влево, ведущий к переправе. Решаем с шофером проскочить до поворота и гнать к переправе.

Когда подъезжаем к мосту, со стороны деревни раздается пулеметная очередь, но все обходится благополучно.

За рекой встречаем группу наших бойцов. Узнаю, что в деревне Кремено занимают оборону ополченцы во главе с полковником Лебединским.

Направляюсь в Кремено. У Лебединского вижу комиссара первого полка Н. С. Капралова. Здесь же и парторг П. С. Маркин. С Лебединским — в основном ополченцы из второго полка.

Лебединский рассказывает о последних тяжелых боях:

— Политработников у нас совсем мало. Погибли бригадный комиссар Розенблюм, комиссары батальонов Балакин, Горбунов, большинство политруков рот, парторг полка Степаненко. Шли впереди контратакующих цепей. Может, это и не по уставу, но надо было показывать личный пример бойцам, еще мало обстрелянным.

Сообщив, что второй эшелон дивизии находится на станции Новинка, Лебединский говорит:

— Хорошо, что вы нас разыскали. Надеюсь, подбросите боеприпасов...

Я обещаю, хотя не знаю, как это сделать.

В Новинке нахожу медсанбат, роту связи, некоторые другие службы, артснабженцев. С ними и мой помощник Н. Н. Орлов. Здесь же майор Г. М. Бруссер.

Оредеж уже занят противником. По всем признакам, штаб дивизии и первый полк где-то справа от железной дороги Ленинград — Дно. Туда теперь можно добраться только через Сиверскую. С Бруссером решаем, что я отправлюсь в Вырицу, оттуда в Сиверскую, навстречу группе Родина.

Горючего у нас мало, в нем нуждается, вероятно, и Родин. По телеграфу прошу штаб фронта выслать в Новинку вагоны с горючим и боеприпасами.

В шесть утра со станции сообщают, что прибыли два вагона. Часть горючего и боеприпасов направляю в Кремено Лебединскому, немного оставляю в Новинке, остальное грузим на машины и довольно длинной колонной направляемся в Вырицу.

Добираемся туда без приключений. Но перед самым поселком попадаем под бомбежку. Едва успев выскочить из машины, оказываюсь в канаве возле дачи, где отдыхал с семьей летом 1938 года.

В Вырице разыскиваю прибывшие сюда накануне особый отдел, прокуратуру и политотдел. Сообщаю о своем плане возвращения к группе Родина. Капитан Захаров из особого отдела говорит, что, по данным Вырицкого истребительного отряда, в Сиверской уже противник. Значит, и этот путь отрезан.

Оставив машины с грузом, я рано утром выезжаю на дрезине в Новинку, чтобы уточнить обстановку. К вечеру на станцию прибывает, кажется, последний эшелон с семьями железнодорожников, эвакуируемых из района боевых действий. С одной из платформ спрыгивают бойцы артиллерийской мастерской. Они рассказывают, что попытались разыскать штаб дивизии, не смогли этого сделать и стали отходить вдоль железной дороги, пока не попали в этот эшелон. Вместе с ними возвращаюсь в Вырицу.

Станция горит. На перроне ни души. На том месте, где была рассредоточена наша автоколонна, — никого. Решаем отойти немного от шоссе и переждать до утра.

Рано утром пробираемся в центр поселка. Вырица безлюдна. У здания милиции валяются телефонные аппараты. Заглядываем в окно. На полу обрывки бумаги.

Что нам делать? Ждать какого-нибудь старшего начальника, от которого можно получить приказ, или по собственной инициативе занять оборону? И то и другое рискованно. Мы ведь не знаем, что́ впереди, где противник. Направляемся по шоссе к Павловску. В пути к нам примыкают ополченцы-кировцы, бойцы других частей — одиночки и небольшие группы. Из Вырицы со мной вышло около тридцати бойцов; когда приближаемся к Павловску, нас уже пятьдесят пять человек.

В штабе Слуцко-Колпинского укрепленного района, располагающемся в Павловском дворце, узнаём, что подразделения Кировской дивизии сосредоточиваются в Ям-Ижоре.

У дворца стоит группа командиров. Среди них — старый мой заводской знакомый. Мы с ним в середине тридцатых годов работали мастерами в турбинном цехе Кировского завода. Он подзывает меня, спрашивает, что я знаю о частях дивизии, интересуется подробностями прошедших боев.

У меня сведения ограниченные. Несколько дней спустя я бы знал, что сказать. Месяц ополченцы удерживали позиции, потом с боями выходили из окружения, нанося противнику ощутимый урон.

В Пушкине собралось около пяти тысяч ополчеицев-кировцев. Одни прямо являлись сюда, другие приходили в Ленинград, в клуб имени Газа, и оттуда направлялись в Пушкин.

Пытаюсь установить, что с товарищами, находившимися в группе полковника Родина, где сослуживцы по Кировскому заводу, где Дунаев?

Рассказывают, что группа Родина несколько дней держала оборону на правом берегу реки Оредеж, в районе населенных пунктов Петрушина Гора — Торковичи. Потом с боями пробивалась через Мшинские болота на север.

О Дунаеве вести печальные. Он возглавил штурмовую группу при атаке вражеского гарнизона в поселке Дружная Горка и погиб в бою.

Чем больше кировцев приходит в Пушкин, тем больше подробностей узнаём мы об их героической борьбе в тылу врага. Они не просто выходили из окружения,— лишенные продовольствия, испытывая недостаток в боеприпасах, ополченцы каждый день вели бои с встречавшимися на пути гарнизонами гитлеровцев.

Немолодой боец, фамилия которого не осталась в памяти, рассказывает о многих стычках, говорит, что ополченцы ни разу не уклонились от встречи с врагом.

— Тяжело было на сердце, — произносит он, — знали, что фашисты впереди нас, приближаются к Ленинграду. И всеми владела одна мысль: как можно больше уничтожить их здесь, в тылу...

Мы надеялись, что дивизия сохранится, но положение иод Ленинградом сложное,.и полки по отдельности вступают в бой. Третий полк майора В. К. Семибратова передается в 23-ю армию и выходит в район Сестрорецк — Белоостров. Второй полк под командованием майора М. И. Супагина и комиссара А. С. Ермолаева направлен под Красное Село, где завязываются ожесточенные бои.

В Пушкине мы размещаемся в Шестом военном городке. Командование оставшимися подразделениями дивизии принимает на себя начальник штаба артполка капитан Некрасов, комиссаром становится А. Ф. Михайлов.

Получаем вооружение, боеприпасы, вещевое имущество, продовольствие. Начинаем приводить в порядок свое хозяйство. Развертывает работу артиллерийская мастерская. Воентехник Моисеев собрал всех артиллерийских и ружейных мастеров. Мякишев с командой артсклада располагается в Екатерининском парке,

Здесь, в военном городке, происходит волнующая встреча с делегацией трудящихся Кировского района во главе с секретарем райкома партии В. С. Ефремовым и парторгом ЦК на Кировском заводе М. Д. Козиным. Отсюда первый полк, пополненный бойцами тыловых подразделений, под командованием полковника И. И. Лебединского направлен под Александровскую. Комиссаром полка назначен инструктор политотдела по комсомолу старший политрук Д. А. Герман, ныне известный писатель Даниил Гранин.

23 сентября Кировская дивизия народного ополчения расформирована, но полки ее продолжают сражаться в составе кадровых соединений. Первый полк становится 169-м полком 86-й дивизии (бывшей 4-й дивизии народного ополчения), второй полк — 25-м полком 44-й дивизии (бывшей 3-й гвардейской дивизии народного ополчения). Третий полк под своим номером сражается на Карельском перешейке.

Добровольцы 1-й дивизии народного ополчения Ленинграда выполнили свой долг перед Родиной.

А. С. ГОРДОН

ЛОЗИЦНИ ЗАНИМАЮТ ФРУНЗЕНЦЫ

Достоверность того, что описываем мы, участники первых схваток с врагом на подступах к Ленинграду,— отличительная черта этой книги. Новое поколение, которое не слышало выстрелов и воя сирены, должно знать правду о том суровом времени и о людях, отдавших жизнь за спокойный и мирный сегодняшний день.

И вновь, в который уже раз перебирая сухие, ломающиеся в пальцах листки блокнота, прошедшего со мной всю войну, я понимаю, что они могут представить интерес для читателя именно как документ военного времени.

24 июля 1941 года. Сегодня я, человек самой мирной профессии — учитель, а сейчас работник Фрунзенского райкома партии, снова, как и полтора года назад, надел военную форму. Я надеюсь, что Родине пригодится мой небольшой военный опыт, мои знания.

Гордон Александр Семенович, инструктор Фрунзенского райкома ВКП(б), вступив в ополчение, стал секретарем партбюро первого полка 3-й дивизии. Все годы войны находился на Ленинградском фронте, С 1949 года — на педагогической работе.

В настоящее время А. С. Гордон — на пенсии.

29 июля В Ленинграде начало создаваться народное ополчение. В этом проявилась преемственность революционных традиций питерского пролетариата. Когда Родина в опасности, за оружие берется весь народ. Я принимаю участие в создании ополчения своего района.

30 июля Партийная организация района направляет в ополчение лучших своих людей.

Герой Советского Союза полковник В. Г. Иетреба назначен командиром дивизии, заведующий военным отделом обкома ВКП(б) Р. Н. Соболев, в звании старшего батальонного комиссара, — его заместителем по политчасти.

В дивизию вошли три стрелковых, один артиллерийский полк и специальные подразделения. Всего около двенадцати с половиной тысяч человек.

Первый стрелковый полк, где я стал секретарем партбюро, состоит в основном из студентов и преподавателей институтов: технологического, холодильной промышленности, киноинженеров, советской торговли. Часть добровольцев — из проектных организаций: Ленгипротранс, Гипромез, Гипротранссигналсвязь, рабочие промышленных предприятий района.

Среди ополченцев не только молодые люди, но и те, кто прошел империалистическую и гражданскую войны.

Более шестидесяти лет С. И. Кутузову, члену партии с 1906 года, за пятьдесят — учителю А. Н. Снеткову.

Командный состав сформирован из командиров запаса. Только командир полка майор Раевский — кадровый военный. Комиссар полка Павлов раньше работал директором треста столовых. Помощник командира М. Н. Копп — старый чекист, награжденный именным оружием. Инструктор по пропаганде М. М. Шулемзон — в недавнем прошлом редактор «Ленинградской правды».

Основной сборный пункт полка — Институт холодильной промышленности на Чернышевой переулке, 9. В старинном здании бывшего юнкерского училища расположился штаб полка, различные службы и первый батальон. В помещениях двух соседних школ разместились остальные части.

Командирами батальонов назначены капитаны Симонин, Степанов и Меркулов. Кроме девяти стрелковых рот в полк входят саперная рота, рота связи, санитарная рота.

Полковой артиллерийской батареей командуют старший лейтенант И. П. Богуславский и политрукН. П.Зубрицкий.

6 июля Вчера нам выдали новую летнюю форму и ботинки с обмотками, недостает только плащ-палаток. Получили мы и винтовки, по двести пятьдесят патронов, гранаты, противогазы. Кроме этого, каждый боец имеет саперную лопатку, сумки и чехлы для переноски гранат, лопат, патронов. Бутылки с горючей смесью приходится носить в карманах брюк. Это хуже.

Помимо артиллерии полк имеет минометы, но пулеметов мы получили мало. Станковых всего два-три на батальон и штук тридцать ручных Дегтярева.

В общем-то с вооружением неплохо, но обращаться с ним большинство ополченцев не умеет. Старые солдаты и бывшие красногвардейцы используют каждую минуту, чтобы научить бойцов владеть винтовкой, гранатой, пулеметом.

В саду возле Холодильного института и в Апраксиной дворе ополченцы изучают приемы штыкового боя.

Все учатся с огромным желанием, но в нашем распоряжении остаются считанные дни.

12 июля Сегодня Фрунзенский райком партии вручает нам Красное знамя. Вся дивизия построена на ипподроме[1]. На трибуну поднимаются полковник В. Г. Нетреба и секретари райкома партии Г1. А. Иванов и Г. С. Нейц.

Ополченцы слушают наказ трудящихся района:

«Никакой пощады фашистской гадине! Мы должны отбить разбойничье нападение немецко-фашистской армии, отбросить ее за пределы нашей страны. Ваша дивизия будет носить славное имя пролетарского полководца товарища Фрунзе. Будьте же, как Фрунзе».

Принимая знамя дивизии, мы поклялись оправдать надежды ленинградцев.

15 июля Дивизия поднята по тревоге. Походным маршем выступаем из Ленинграда. Провожаемые добрыми напутствиями горожан, идем мимо Нарвских ворот, затем по проспекту Стачек к Красному Селу. Здесь небольшой привал, потом движемся в район Ропши.

Первый переход закончился сравнительно легко. Правда, многие ополченцы, не привыкшие к физической

---

[1] На месте бывшего ипподрома теперь расположен ТЮЗ.

нагрузке, сильно устали, некоторые натерли ноги, но все остались в строю.

Завтра дивизии предстоит занять оборону в Красногвардейском (Гатчинском) укрепрайоне по линии Красное Село — Дудергоф — Тайцы и до села Александровского. Всего около сорока пяти километров.

20 июля Два дня мы строили оборонительные сооружения,—занимались боевой подготовкой, получали недостающее оружие и боеприпасы.

На дальних подступах к Ленинграду положение ухудшается. К 10 июля противник занял города Остров и Псков. Наши войска отступают в сторону Луги.

Сегодня наш полк направляется на станцию Красное Село.

Быстро погружаемся в эшелон. Через Гатчину и Волосово едем на станцию Берест.

21 июля Ночью нас бомбят немецкие самолеты, но машинист их перехитрил. То резко тормозя, то двигаясь назад, он сумел уйти от бомб. Рано утром выгружаемся на станции Берест. От станции через лес и болота движемся в сторону реки Луги. Идем быстро. Болота не задерживают нас, так как саперами подготовлены отличные гати, выдерживающие даже артиллерию. Но идти тяжело. Июль стоит необычно жаркий, за тридцать градусов. Под тяжелой выкладкой обливаемся пóтом. Гимнастерки промокли насквозь. Непривычно идти со скатками шинелей и винтовками по такому пеклу.

Занимаем оборону вдоль реки Луги. Центр—деревня Старица. От правого фланга до левого более двадцати пяти километров. Штаб полка расположился в километре от деревни Старицы.

25 июля Стоит все та же необычная жара. Несколько бойцов из восьмой роты, молодые ребята, не получив разрешения командира, пошли купаться. Река совсем узкая — метров тридцать — тридцать пять. Ребята переплыли на правый берег. Вдруг оглушительный взрыв. Одному из парней оторвало ногу ниже колена. Мы не знали, что противоположный берег заминирован. Бойца переправили через реку и на совхозной телеге отвезли в Толмачево. Это первый раненый в полку.

10 августа Почти месяц враг не ведет открытого наступления, В полку идет напряженная учеба, подготовка к бою. Изучаем оружие, роем окопы, ходы сообщения, наблюдательные пункты. Сооружаем искусно замаски-

рованные огневые точки. Жители Ленинграда копают противотанковые рвы, возводят траншеи вдоль всего берега реки Луги.

Учим бойцов ползать по-пластунски, в полной боевой выкладке, забрасывать танки бутылками с горючей смесью. Артиллеристы ведут огонь по макету танка.

Бойцы часто уходят в разведку. Стало известно, что противник находится примерно в двенадцати — пятнадцати километрах от нас, поэтому на левом берегу Луги в районе деревни Клескушина Горка седьмая рота несет боевой дозор. Несколько дней назад, в начале августа, танки противника решили разведать полковую оборону, но подорвались на наших минах. Однако захватить их мы не сумели. Отстреливаясь, фашисты отбуксировали танки к себе. Зато на следующий день, когда над полком низко пролетал немецкий самолет, он был сбит винтовочными выстрелами и горящим упал в лесу.

Патрули несут охрану по всему рубежу обороны. Некоторым из нас тревожно, многие впервые начали понимать, что такое война. Ведь вначале все представлялось гораздо проще и легче.

День на войне равен, пожалуй, месяцам мирной жизни. О каждом из них можно рассказать очень много.

Весь полк говорит о разведчиках четвертой роты, о том, как они во главе со своим политруком Фроловым захватили «языка».

А было это так. В разведку ушло тринадцать бойцов и с ними сандружинница, которую прозвали Анкой: чем-то она напоминала пулеметчицу из кинофильма «Чапаев». Устроив засаду, наши бойцы окружили гитлеровцев и открыли огонь. Один был убит, остальные разбежались, но разведчики организовали погоню. Солдат взяли быстро, а офицер спрятался за деревьями. Его нашла и взяла в плен Анка. В этой разведке погиб комсорг роты Герасимов. С воинскими почестями тело комсорга предали земле.

Немного позже были другие потери. Минеры, не имея опыта, несколько раз подрывались на собственных минах. В одну из августовских ночей ранило двоих бойцов. Они доставляли с левого берега боеприпасы и проходили по дороге, которая оказалась минированной.

Мы бережно перенесли их оттуда на руках. Один все просил укрыть ногу, ему казалось, что она оцепенела от холода, а ноги-то нет, ее оторвало...

14 августа. Сегодня командование направило меня и еще одного работника штаба, кадрового офицера, в дивизию, ведущую бой на левом берегу, чтобы выяснить обстановку.

С помощью местных жителей мы добрались до штаба дивизии.

Вблизи идет бой, гремит ожесточенная артиллерийская стрельба. Валятся деревья, в воздух взлетают огромные столбы земли. Сквозь канонаду слышно красноармейское «ура». К вечеру атака была отбита, нам разъяснили обстановку. Положение тревожное. Немцы постепенно заходят с флангов, отрезая пу'ги отхода.

На этом направлении противник продвинулся вперед. Наш правофланговый сосед отходит на новый рубеж.

17 августа. Я нахожусь на передовой линии обороны, на правом фланге, в том месте, где соединяются две деревни: Хотнежа и Лемовжа. Здесь укрепилась наша третья стрелковая рота. Ей приданы два минометных, два пулеметных взвода, два 76-миллиметровых орудия. Нами заранее приготовлен к взрыву мост. Каждое отделение, каждый боец занимает свое место. Добровольцы с бутылками горючей жидкости залегли у моста, чтобы встретить танки.

19 августа. Утром над нашими позициями появляются шесть бомбардировщиков.

Более тридцати минут продолжается невиданная еще нами бомбежка. Кажется, не должно остаться ничего живого. К взрывам бомб присоединяется обстрел нз пулеметов.

Во время налета мы с командиром батальона капитаном Симониным лежим в овраге. Подняться и идти в подразделение нет никакой возможности. Нас оглушило и засыпало землей. Когда кончилась бомбежка, вместе с санитарами обходим подразделения. Оказалось, что убит только один боец.

Умело замаскировавшись и глубоко зарывшись в землю, все остались невредимыми. Месяц подготовки и учебы не пропал даром.

22 августа. На рассвете разведка доносит о приближении противника. Мы занимаем выгодный рубеж обороны на возвышенной местности, среди густого леса.

Как только враги появляются на правом берегу реки Лемовжи, наши бойцы открывают дружный огонь из винтовок и пулеметов.

Командный пункт роты расположен в подвале школы. По телефону командир роты старший лейтенант Кузьмин и я непрерывно информируем командование полка о ходе боя, получаем указания. Попытка врага форсировать реку кончается неудачей. Наш командный пункт находится под обстрелом. Снайперы пристрелялись к входу, и связным к нам не пробраться. Второй этаж разбит. Осколки стекла, куски кирпича и досок — все смешалось.

Неожиданно смолкло наше орудие. Под свист пуль доползаю до него. Возле орудия рвутся снаряды. Наводчик Богданов потерял деталь затвора, и орудие вышло из строя. Наконец Богданов находит ее, орудие вновь открывает огонь.

У церкви в центре деревни перевязывают раненых. Их уже немало. Не теряясь, залитые кровью медицинские сестры оказывают первую помощь. Особо отличается военфельдшер Григорьева[1].

Возвращаюсь на КП с другого входа. Связистам удалось вновь наладить связь со взводами. Нам докладывают, что противник засек второе орудие, замаскированное в сарае и прямой наводкой расстреливавшее врага. Вдруг слышим в трубке: «Горим!» С КП видим, что загорелся сарай. Командир роты кричит в телефон: «Спасай орудие!» Шофер бросается к кабине машины, но, пораженный пулей, падает замертво. Взрываются снаряды. Все заволакивает дымом. Мы ничем не можем помочь артиллеристам.

К вечеру бой стихает. Ночью оборудуем КП в новом месте. Подсчитываем потери. Перегруппировываем силы. Усталые бойцы поочередно спят. Они выдержали первое тяжелое испытание.

23 августа Группа фашистов перебралась на наш берег. Командир роты посылает навстречу врагу отделение во главе с командиром взвода Анвером. Отделение опрокидывает врага. Первые трофеи — немецкие автоматы. Возвращаясь на свой рубеж, отделение попадает под минометный огонь. Осколок мины убивает товарища Анвера, члена партийного бюро полка.

---

[1] **Эта девушка и позже была в самых тяжелых боях. Не желая сдаваться врагам в плен, она застрелилась.**

Мост через реку Лемовжу взорван, но гитлеровцы идут через реку вброд, в полный рост, на ходу стреляя из автоматов.

Я нахожусь на КП роты. Рвутся мины, рядом со мной телефонист и связист. Над головой свистят пули — фашисты в тридцати метрах. Командир полка приказывает вступить в бой.

Выхожу из блиндажа. Около меня семнадцать красноармейцев. Мы залегли цепью, открыли огонь, приготовили гранаты. Нас обстреливают с левого фланга. Это в тыл зашли автоматчики. Командир роты, оценив обстановку, решает отойти. Отходим по оврагу, противник преследует нас беглым огнем.

Мы оставили три деревни, но там боеприпасы, орудия. Командир полка майор Раевский приказывает отобрать добровольцев и отбить орудия.

Идем на врага тремя группами. Нас сто тридцать семь человек. Впереди разведка. Я возглавляю центральную группу. Туман. Продвигаемся бесшумно. Вот уже первые дома, стучим в каждый. Тихо. Никого нет. На руках выкатываем к дороге орудия, подъезжают грузовые машины, быстро нагружаем боеприпасы, подбираем все до мелочей. Собираем медальоны убитых. С окровавленным лицом лежит командир пулеметного взвода лейтенант Гончаренко. Это он первым зашел в тыл врага и сообщил о приближении танков, он всегда появлялся там, где труднее. И когда погиб весь пулеметный расчет, Гончаренко один стрелял из своего «максима», истекая кровью. Когда немцы подползли совсем близко, он встал во весь рост, метнул гранату и упал замертво.

Медленно рассеивается туман. Приказ выполнен — орудия спасены. Отходим к первому батальону.

24 августа. Меня вызывают на КП полка.

Здесь сейчас такая тишина, что на мгновение забываешь о войне, и кажется, что ее нет. Наливаются колосья спелой ржи, тихо движется вода в реке, высоко стоит солнце в чистом небе.

После доклада командованию о результатах двухдневных боев иду отдыхать, сплю крепким сном несколько часов.

25 августа. Мы отбиваем наступление противника у станции Берест. Стрелковая рота и пулеметный взвод третьего батальона вступили в бой с танками и пехотой

противника. Гибнут наши бойцы, убит политрук роты Матонин.

Старший лейтенант Альперович с группой бойцов решает прорваться к станции, взорвать склады. Едут на машине, но попадают под минометный обстрел. Семь человек погибают, а восьмой — раненый боец —с наступлением темноты приползает к нам.

С командиром батальона Меркуловым разрабатываем план обороны второй линии. Организуем бойцов в небольшие группы.

Разведка доносит: идет пехота противника. После короткого боя мы вынуждены отойти. Взрываем гати и, преследуемые минометным огнем, отходим вглубь к основным силам полка.

...Деревня Старица. Мы более месяца укрепляли подступы к ней, а сейчас вынуждены отходить. Последняя встреча с инструктором пропаганды полка Шулемзоном и комсоргом полка Горбуновым[1].

Двое комсомольцев возвращаются в Берест, чтобы взорвать склады с боеприпасами. Ночыо раздается сильный взрыв, в небо поднимается огромное пламя. Ребята выполнили задание, но обратно не вернулись.

29 августа Двое суток, 26 и 27 августа, мы пробираемся лесами к месту сбора полка. Собралось около семисот человек, но нет командира и комиссара. Начальник штаба капитан Иванов принимает на себя командование полком, я заменяю комиссара.

30 августа Вечер. Соединяемся с командованием полка и почти с батальоном бойцов. Узнаем, что часть ополченцев во главе с командиром батальона Степановым прорывается к станции Мшинская. С ними четыре гаубичных орудия, полевой обоз и транспорт[1 2].

31 августа Еще одна ночь прошла без сна. Оттянули остатки своих подразделений в глубь леса, распределили последние боеприпасы и продовольствие. Надо беречь каждый грамм. Кто знает, что нас ждет впереди.

На рассвете нас разыскал офицер связи из штаба 41-го стрелкового корпуса и приказал выйти на шоссе

---

[1] Первый вскоре погиб на реке Оредеж, о судьбе второго не знаю.

[2] Позднее стало известно: когда ополченцы подходили к Мшинской, там уже были фашисты, пришлось небольшими группами выходить из окружения.

в район Шуваловского переезда, занять оборону и задержать противника [1].

2 сентября Сырое утро. Светает. В лесу тихо, не шелохнется ни одна ветка. Из остатков нескольких подразделений скомплектована рота, нас около ста человек. К середине дня рассчитываем выйти к Шуваловскому переезду, около станции Мшинская. Все спокойно. Не доходя до шоссе двух километров, высылаем разведку во главе с политруком Фроловым. Устраиваем привал. Бойцы устали, молча вытирают потные лица.

Вдруг рядом с нами начинают рваться мины. Слышатся крики, беспорядочная стрельба из пулеметов и винтовок. Это наша разведка встретила противника. Прибегает связной за помощью, и через несколько минут мы с ходу вступаем в бой. Перебегая от дерева к дереву, веду огонь из винтовки. Невдалеке мой связной. Но вот упал и он. Выстрелы где-то в стороне. Я оказался один.

Из леса на просеку выходят трое немцев. Они замечают меня. Открываю стрельбу, один падает, но обойма пуста. Чтобы достать патроны, нужно время, а дорога каждая секунда. Пригнувшись, отхожу в лес, сзади выстрелы. Сбита пилотка. Надеясь встретить своих, направляюсь к Мшинской. Мшинская горит. Никого нет. С востока доносится артиллерийская стрельба. Бой идет в районе Вырицы. Чтобы дойти туда, надо пересечь шоссе, железнодорожный путь, пройти большое расстояние полями, а затем лесом.

Перехожу дорогу. Оступаюсь. Падаю в глубокую канаву с водой. Поднимаюсь, опять иду лесом, вдруг сзади выстрелы, лай собак; меня заметили. Погоня. Бегу по открытому месту, земля топкая, сапоги проваливаются. Приготовил наган. Мысленно прощаюсь со всеми. Но лес уже недалеко, выстрелы реже. Вскоре они затихли совсем. Погоня отстала.

Пасмурно. Накрапывает дождь. Я в глухом лесу. У меня есть карта, но нет компаса. Иду по широкой тропе, след колес — дорога к населенному пункту.

К исходу дня встречаю людей, слышу русскую речь. Бегу, не помня себя от радости. Красноармейцы, увидев на моей гимнастерке шпалу и звезды на рукавах, тоже обрадовались. [1]

[1] Мы еще не знали, что на шоссе прорвались гитлеровцы. Они находились уже вблизи Гатчины.

Их семь человек из кадровой части. В бою отстали от своих. Они поделились со мной запасами еды.

3 сентября Ночь мы провели в лесу. Утром решили выйти к железной дороге и, чтобы не сбиться, двигаться вдоль нее. Выходим на проселочную дорогу. Вскоре встречаем наших товарищей из артиллерийской батареи и с ними политрука Юревича. Радость неожиданная.

К вечеру мы —в расположении штаба 41-го корпуса. Здесь немалые силы, особенно много танков и орудий.

4 сентября На рассвете начался бой. Он не утихает ни на минуту. Командование поставило задачу прорвать кольцо, форсировать Оредеж и через Вырицу пробиваться к Ленинграду.

Но на северном берегу реки уже укрепились враги. Прорваться удалось не всем.

5 сентября Сегодня мне двадцать девять лет. Я считаю эти дни решающими днями моей жизни. Мы должны во что бы то ни стало пробиться. Нас ведет политрук Александр Юревич, студент Института киноинженеров. Он хорошо владеет картой, компасом. Ночью переходим железную дорогу между Вырицей и 4-й платформой, на рассвете подходим к реке Оредеж. Рядом в деревне — гитлеровцы. Светит луна, и нам все хорошо видно. Подбираемся к сараю, разбираем пол, обмотками связываем доски, сооружаем плот и переправляемся на другой берег.

К вечеру встречаем группу красноармейцев недалеко от станции Антропшино. Красноармейцы оказались разведчиками одного из кадровых полков, спешившими в штаб дивизии с донесением. Вместе с ними выходим к станции Антропшино. Командованием полка решено, что, выйдя из окружения, мы должны собраться в Ленинграде. На станции стоит последний паровоз. На нем мы приезжаем в город Пушкин, а затем в Ленинград.

8 сентября Наша группа принесла с собой оружие, у меня все партийные документы полка. Мы снова на месте сбора — в Институте холодильной промышленности.

5 октября Около трех недель мы находились в Ленинграде. В конце сентября полк участвовал в боях под Урицком. Позже его остатки были включены в другие части. Так закончился боевой путь первого полка 3-й дивизии народного ополчения. Добровольцы сделали все, что могли, защищая родную землю. Многие из них отдали за нее жизнь.

А. Р. РОМАНЦЕВ

СЕВЕРО-ВОСТОЧНЕЕ ЛАДОГИ

Июль сорок первого года. На дальних подступах к Ленинграду идут ожесточенные бои. Сводки с фронта то обнадеживающие, то тревожные. Мы должны вот-вот получить боевой приказ и отправиться на передовую. Пока заняли тыловой рубеж по северному берегу реки Ижоры.

Но 24 июля наша судьба изменилась. Под утро меня разбудил зуммер телефона. Я взял трубку.

— Комдив приказал вам и командиру полка к семи утра прибыть в штаб... — донесся приглушенный расстоянием голос.

Вызов неожиданный и непонятный. Зачем мы понадобились комдиву? Ночью разговаривали с ним по телефону. Он кое-что посоветовал сделать для улучшения обороны. И вдруг... приезжайте.

Романцев Александр Романович перед войной был ответственным секретарем областного совета спортивного общества «Динамо». При формировании второго полка 3-й Фрунзенской дивизии народного ополчения назначен его комиссаром. В годы войны и в послевоенное время находился на политической работе в армии.

В настоящее время подполковник А. Р. Романцев в отставке.

Сборы заняли несколько минут. Подъехала полуторка, которую, за неимением легковой, мы использовали для разъездов. Перед тем как сесть в машину, спрашиваю майора Зубцова:

— Тебе ничего неизвестно, Клавдий Васильевич, зачем нас вызывает комдив?

Командир полка неопределенно пожал плечами.

В Александровскую, где находился штаб нашей 3-й Фрунзенской дивизии народного ополчения, мы приехали рано. Командир дивизии Герой Советского Союза полковник В. Г. Нетреба, чем-то озабоченный, встретил нас у крыльца. Поздоровались. Терпеливо ждем, что он скажет. Полковник привычным движением расправил складки гимнастерки.

— В Смольный едем, товарищи... К главкому.

Мы удивленно переглянулись.

— Приказано доложить о боевой укомплектованности дивизии... Получить личные указания от Ворошилова...

Вскоре подъехал командир третьего полка подполковник К. И. Квятковский, за ним остальные командиры и комиссары частей. Около восьми утра мы отправились в Ленинград. Свой легковой «ЗИС» полковник Нетреба вел сам. Тогда видеть командира за рулем было большой редкостью, и комдив очень гордился своим умением водить машину.

В Смольном нам быстро оформили пропуска. По лестнице мы поднялись в приемную главнокомандующего Северо-Западным направлением. Нас встретил адъютант К. Е. Ворошилова, пригласил войти. Кабинет главкома — просторный, почти квадратный. Панели отделаны темным дубом. На окнах тяжелые шторы. Бросилось в глаза отсутствие чего-либо лишнего. Десятка два стульев. Столик с телефонами. Карты. К. Е. Ворошилов сидел за большим столом. Рядом с ним — А. А. Жданов.

Ворошилов поздоровался с нами и спокойно начал говорить. Изредка останавливался, повторял отдельные фразы, обводил присутствующих взглядом, словно хотел проверить по выражению наших лиц, понятно ли он говорит.

Главнокомандующий вкратце ознакомил нас с обстановкой под Ленинградом. Она была крайне напряженной. Враг рвался к городу.

Затем Ворошилов подошел к карте, висевшей на стене.

— Теперь и это направление для нас стало не менее серьезным, чем любое другое. — Маршал показал карандашом на северный берег Ладоги. — Не исключено, что маннергеймовцы будут стремиться к соединению с немецко-фашистскими войсками.

В середине июля войска Маннергейма начали наступление. Синие стрелы на карте главкома нацеливались на Петрозаводск и Лодейное Поле. Противник наносил удар вдоль северо-восточного берега Ладоги, где оборонялись войска нашей 7-й армии.

— Мы решили перебросить вашу ополченскую дивизию под Олонец. — Ворошилов вернулся к столу, положил карандаш, как бы давая понять, что высказал основную мысль.

Андрей Александрович, не поднимаясь со своего места, обратился к нам:

— Думаю, вам ясна обстановка? Сложная, очень сложная. Надо разъяснить ее каждому ополченцу. Речь идет о судьбе Ленинграда!

Затем Жданов что-то сказал Ворошилову. Маршал согласно кивнул головой. Андрей Александрович предоставил слово нашему комдиву. Полковник Нетреба в течение нескольких минут докладывал об укомплектованности дивизии, ее готовности к выполнению боевой задачи.

Ворошилов и Жданов делали пометки в блокнотах, нередко останавливали комдива, задавали вопросы.

Главком вспомнил свою встречу с нашими ополченцами. Он оказался очевидцем марша, который мы совершали, выступая на фронт. Надо сказать, зрелище было не из приятных. Кое-кто из бойцов отстал, натер ноги. Подразделения растянулись. И теперь маршал интересовался, как ополченцы привыкают к боевой жизни, как переносят ее трудности.

На совещании выступили комиссар дивизии Д. Н. Соболев, командиры полков. Они подняли вопросы обеспечения подразделений дивизии вооружением и обмундированием. Большинство просьб было тут же удовлетворено.

Часа через полтора мы покинули Смольный. Снова замелькали улицы и площади Ленинграда. Мы спешили в свои части, готовить их к переброске на новый рубеж.

Дивизия выступала на фронт без первого полка и одного артдивизиона, занявших позиции на Лужской оборонительной линии.

28 июля на станцию Лодейное Поле прибыли первые подразделения дивизии, в их числе и наш второй Приморский полк. Назывался он так потому, что формировался из трудящихся Приморского района Ленинграда.

Выгрузившись из эшелонов, мы переправились по зыбкому понтонному мосту через реку Свирь и двинулись к Олонцу. На исходе дня полк сосредоточился в лесу возле совхоза «Ильинский». Здесь мы провели нашу последнюю «мирную» ночь. Правда, спать почти никому не пришлось. Все были заняты подготовкой к предстоящим боям.

Бойцы получали боеприпасы, подгоняли снаряжение. Командиры уточняли боевые задачи, проверяли оружие, оформляли документы. Бессонной была ночь и в штабе полка. Там занимались подготовкой боевого приказа. Сделать это было не просто. Наш штаб располагал весьма скудными сведениями о противнике.

Возникали сотни вопросов, на которые трудно было получить ответы.

С первыми лучами солнца полк выступил навстречу врагу. Мы шли по хорошо укатанной гравийной дороге. Справа и слева поднимались вековые сосны. Мне казалось, что их верхушки упираются в голубое небо. А стоило чуть углубиться в лес, как сразу же окутывал мрак. Дальше трех-четырех десятков метров ничего не было видно.

В таком густом лесу нарушалась зрительная связь между подразделениями, а бурелом и валежник сильно затрудняли движение бокового охранения.

Часто лесные прогалины, которые мы принимали за поляны, оказывались болотами. Идти по ним не только трудно, но и опасно.

Словом, рассчитывать на поддержку танков, на широкий маневр пехотными и артиллерийскими подразделениями, как я представлял себе картину предстоящих боев, не приходилось. Но, с другой стороны, умелое использование лесисто-болотистой местности позволяло вести оборонительные бои малыми силами на сравнительно широком фронте. Впоследствии это так и было.

Солнце жарило уже вовсю, когда мы вышли к крупному населенному пункту Нурмолица.

От Нурмолицы вперед ушла разведрота полка во главе с лейтенантом М. Б. Тереховым и политруком А. С. Серегиным. Через некоторое время мы получили от них донесение. На подходе к реке Сяндебке разведчики столкнулись с врагом и были обстреляны. Каких-либо других сведений о противнике в донесении не было. Мы приняли решение: остановиться в лесу и подождать, пока от разведчиков не поступят более полные данные.

Вечером вернулся Серегин. От него и сопровождающего его разведчика мы узнали подробности встречи с врагом. Оказалось, что наша разведка наткнулась на боевое охранение маннергеймовцев. Они пропустили дозоры роты, а когда подошла остальная часть подразделения, попытались окружить и уничтожить разведчиков. Но Терехов не растерялся. Умело организовал оборону, и атака противника была отражена.

Выслушав Серегина, командир полка принял решение: занять оборону между озерами Кюлюярви и Сяндебское, уточнить силы и намерения противника, его огневые средства.

30 июля на командный пункт полка прибыли полковник В. Г. Нетреба и начальник политотдела старший батальонный комиссар И. А. Малашенков. Комдив ознакомил нас с обстановкой на участке южной группы 7-й армии генерала В. Д. Цветаева. В состав этой группы входили 3-я бригада морской пехоты, 452-й и 719-й стрелковые полки, два истребительных батальона и части усиления.

В течение десяти дней оперативная группа сдерживала натиск врага. Однако на отдельных участках она была вынуждена отойти.

— Задачи нашей дивизии, — сказал в заключение комдив, — во-первых, не допустить прорыва противника к реке Свири, во-вторых, активными действиями сковать его силы и не позволить ему снять хотя бы одну часть на подкрепление войск, которые развернули наступление против нашей Двадцать третьей армии на Карельском перешейке.

Командир полка майор Зубцов доложил командованию дивизии свой план боевых действий. Суть состояла в том, чтобы сковать боем противника юго-восточней

деревни Сяндебы, а одним батальоном нанести внезапный удар в обход его опорного пункта.

Полковник Нетреба одобрил план, дал свои советы и предложил установить связь с третьим полком, которому также ставилась задача обойти Сяндебу, действуя в направлении высоты 40.0.

Майор Зубцов вызвал командира второго батальона капитана Г. А. Хохрева, одного из лучших наших комбатов. Он отличался смелостью и твердостью в решениях, быстро ориентировался в сложной обстановке.

— Вам, капитан, первому предстоит нанести удар,— сказал командир полка.

Батальон должен был выйти в тыл маннергеймовцам восточнее отметки 40.0 и внезапной атакой разгромить штаб вражеской части, затем, если будет достигнут успех, во взаимодействии с основными силами полка захватить опорный пункт противника — деревню Сяндебу.

Ранним утром я проводил второй батальон с приданными ему пулеметным и минометным взводами на выполнение боевого задания. Идти им нужно было километров пять — шесть густым хвойным лесом, по болотам и возвышенностям. На прощание я предупредил комбата:

— Будь бдительным. Враг хитер и коварен.

— Не беспокойтесь, товарищ комиссар. Задание выполним, как надо, — заверил меня Хохрев.

Должен заметить, что комбат слово свое сдержал. Вот как развивались события. Во второй половине дня батальон вышел к заданному рубежу. Капитан решил до наступления сумерек боевые действия не начинать. Он укрыл подразделения в лесу, выслал разведку.

Через час разведчики вернулись. Можно было продолжать движение. Командир батальона отправил вперед четвертую роту и пулеметный взвод. Шестой роте старшего лейтенанта П. В. Шилова он приказал обеспечивать левый фланг, а на правом оставил пятую роту под командованием старшего лейтенанта Ф. Д. Ивочкяна.

Незаметно промелькнула короткая июльская ночь. На рассвете бойцы по-пластунски подползли к самой дороге и залегли в кустах. Заняли огневые позиции пулеметные расчеты сержантов Я. Авдеева и М. Курен-

нова. Рядом с ними находился командир батальона, чуть левее — командир четвертой роты лейтенант И. И. Котомин со своим другом и помощником политруком С. Ф. Мурашовым.

Вскоре из-за поворота дороги появились два велосипедиста. Солдаты ехали не спеша, о чем-то разговаривали. За ними двигалось до роты маннергеймовцев. Комбат дал сигнал атаковать противника. Раздались взрывы гранат, застрекотали пулеметы. Попав под перекрестный огонь, враги вынуждены были укрыться в лесу.

Действуя смело и решительно, ополченцы подожгли и уничтожили двенадцать автомашин противника, захватили его оружие и другие трофеи, в том числе штабные документы. Однако вторую часть замысла — занять вражеский опорный пункт — деревню Сяндебу — осуществить не удалось. Враг отсек огнем и прижал К Сяндебскому озеру нашу пятую роту. В ожесточенной перестрелке был убит старший лейтенант Ивочкин. Нарушилось управление боем. Рота с трудом оторвалась от наседавших врагов.

Вечером, оценив обстановку, капитан Хохрев принял решение отойти. Противник контролировал все дороги и просеки, связи с полком не было, подходили к концу боеприпасы и продовольствие. Соблюдая меры маскировки, ополченцы тронулись в обратный путь. Но незаметно оторваться от противника им не удалось. Враг обнаружил отход батальона. Завязалась ожесточенная перестрелка.

Лесной бой, да еще ночью, оказался слишком сложным для наших почти не обстрелянных бойцов. Действуя мелкими группами, враги сковывали движение наших подразделений, заставляли менять направление, трескотня разрывных пуль по всему лесу создавала иллюзию окружения.

С большим трудом батальону удалось к утру оторваться от неприятеля. Комбат решил дать бойцам отдых, привести в порядок подразделения, оказать необходимую помощь раненым.

...Двое суток мы почти не смыкали глаз. Проводив Хохрева, первую ночь я провел в третьем батальоне. Впереди нас была речка Сяндебка, тихая, с темной, торфянистой водой зеленовато-коричневого оттенка. Если влезть на сосну повыше, то на другом берегу можно

разглядеть несколько деревянных домиков — это и есть деревня Сяндеба. Дальше — высота 40.0.

Я с надеждой и тревогой всматривался в проступившую бледно-розовую полоску утренней зари. Вслушивался в лесную тишину. Изредка раздавались выстрелы да хлопали крыльями вспугнутые птицы. И вот явственно донеслись разрывы гранат, резкая пулеметная и автоматная дробь. Началось...

И вновь томительно тянется время. Чтобы как-то отвлечься, ухожу в подразделения, к бойцам. Но все равно думаю лишь об одном: как там, в батальоне?..

Наконец ко мне прибежал связной из штаба полка и единым духом выпалил:

— Товарищ комиссар, вас командир полка ищет. Капитан Хохрев пришел!

И вот мы сидим в тесной командирской землянке. Капитан ведет рассказ. Лицо у него усталое, под глазами темные круги, голос хриплый, Я слушаю его и думаю: «Крепко досталось ребятам!..»

В ночь на 6 августа полк произвел перегруппировку сил. Мы стали готовиться к наступлению на деревню Сяндебу. На главное направление командир полка решил выдвинуть первый батальон под командованием лейтенанта Б. Н. Измайлова. На левом фланге позиции занял третий батальон старшего лейтенанта М. Н. Симбирцева.

51

Существенно помог нам командир дивизии. Он придал полку две батареи 76-миллиметровых пушек. Конечно, это было не ахти как много, но в тот период и такое количество орудий — сущий, клад.

Наступление мы начали на рассвете. Сначала ударили по переднему краю противника наши артиллеристы и минометчики. Когда огонь артиллерии стих, заговорили станковые пулеметы. На левом фланге раздалось громкое «ура».

— Третий батальон поднялся. А что же первый тянет?— заволновался майор Зубцов. — Телефонист...

Но связываться по телефону с командиром первого батальона не потребовалось. Его бойцы тоже дружно пошли в атаку.

Противник усилил пулеметный и автоматный огонь. По боевым порядкам наших рот стали бить вражеские минометы, а затем и тяжелая артиллерия. Подразделения третьего батальона залегли, так и не достигнув

переднего края противника. Чтобы избежать лишних потерь, командир полка приказал Симбирцеву отойти на исходные позиции.

Более удачными оказались действия нашего правофлангового первого батальона. Вторая рота лейтенанта В. А. Анисимова, уничтожив станковый пулемет противника, продвинулась дальше всех. Возникла опасность, как бы противник не попытался ее отсечь.

— Будем вводить в бой роту Шилова, — сказал мне командир полка.

Я понимал — это крайняя мера. Шестая рота старшего лейтенанта П. В. Шилова — наш единственный резерв. Ошибись командир — и развивать наступление или отражать контратаки будет нечем. Но я верил в тактическое мастерство своего командира, в его рассудительность и опыт кадрового военного.

После полудня бой за деревню Сяндебу разгорелся с новой силой. Около трех часов дня шестая стрелковая рота ворвалась в деревню. Противник засел в домах, превратив добротные, из гранита, фундаменты в огневые точки. И нашим бойцам приходилось вышибать его гранатами и бутылками с горючей жидкостью. Помню, особенно отличились тогда гранатометчики рядовые Н. Пушнилов и Б. Иванов. О них рассказала через несколько дней дивизионная газета «За Родину».

Примеров мужества и героизма было немало. Ополченцы до сих пор помнят подвиг коммуниста лейтенанта Б. Н. Измайлова. В бою за Сяндебу он находился в первых рядах атакующих. Когда неожиданно замолчал станковый пулемет, лейтенант бросился к «максиму». Он заменил выбывшего из строя пулеметчика и метким опием стал расчищать путь наступавшим подразделениям. Но вскоре и сам был смертельно ранен.

Лейтенант подозвал находившуюся поблизости сандружинницу Гайкову.

— Люба, возьми мой планшет... Передай в штаб документы и скажи: первый батальон задачу выполнил...— Это были последние слова комбата.

Твердый характер и бесстрашие в бою проявил командир пулеметного взвода комсомолец лейтенант Н. М. Михайлов. Он прибыл к нам из пограничных войск и ни за что не хотел расставаться со своей фуражкой пограничника. Говорил друзьям: «Разобьем фашистов— вы по домам, а я снова на родную заставу».

В бою за Сяндебу лейтенант был тяжело ранен. Но он остался на поле боя и, переползая от расчета к расчету, указывал пулеметчикам цели.

На ленинградской трикотажной фабрике «Красное знамя» есть участок имени Фаины Шевелевой. В том бою под Сяндебой она спасла жизнь многим бойцам. Смелая, ловкая, она пробиралась в самое пекло, чтобы оказать помощь раненым. Вражеская пуля не пощадила Фаину Шевелеву. Спасая других, она погибла сама.

Ополченцы помнят подвиг комсомолки Ани Павловой. Когда выбыл из строя комбат Измайлов, Аня повела бойцов в атаку. Враг был разгромлен, но Павлова погибла. В память о ней пионерский отряд 274-й школы Ленинграда носит ее имя.

...Преодолев упорное сопротивление врага, полк овладел его опорным пунктом — деревней Сяндебой и занял оборону по левому берегу реки Сяндебки.

В течение тридцати пяти дней ополченцы 3-й Фрунзенской дивизии во взаимодействии с частями Южной оперативной группы генерал-лейтенанта В. Д. Цветаева сдерживали яростные атаки противника, пытавшегося прорвать нашу оборону. А за это время войска Северного фронта создали мощный оборонительный рубеж и тем самым сорвали замысел врага обойти Ленинград с северо-востока.

Более трех десятилетий прошло с тех памятных времен. Мы, оставшиеся в живых участники боев под Сяндебой, вспоминаем далекие годы и нашу первую победу над врагом. О ней не упоминалось в сводках Совинформбюро, но для каждого из нас небольшая деревушка, затерявшаяся в карельских лесах, останется самым памятным рубежом. Здесь мы, мирные, штатские люди, стали солдатами. Здесь пали наши боевые товарищи. И память о них будет вечна.

На месте деревни Сяндебы трудящиеся Ждановского района установили стелу в память о земляках-ополченцах. На ней надпись: «В честь подвига бойцов Приморского полка народного ополчения в Великой Отечественной войне».

УХОДИЛИ МАЛЬЧИШКИ НА ВОЙНУ...

1

Моего друга Толю не помнят. Когда члены Совета ветеранов полка услышали, что я хочу написать о пулеметчике Толодове, секретарь наш —бывший санинструктор Валентина Саянкина наморщила лоб и переспросила фамилию.

Толи нет в родительском доме на Выборгской стороне, нет среди ветеранов полка, нет среди живых. Мало того, почти нет в живых бойцов первой стрелковой роты, с которой он пошел в последний бой. Ребята погибли тогда, в августе сорок первого, в Олонецком районе, у речки Сяндебки, и даже некому было рассказать, как наш Толя закрыл глаза.

Теперь мой сын носит его имя, и я часто вспоминаю о Толе, большелобом, очкастом, с ямками на бледных щеках, покрытых светлым пушком. О Толе, отличнике

Агулянский Илья Самойлович вступил в 3-ю дивизию народного[1] ополчения, будучи учеником десятого класса средней школы. В боях на Карельском перешейке был тяжело ранен, попал в плен. После освобождения вновь воевал, награжден орденом Славы III степени. Демобилизовавшись, окончил Северо-западный заочный политехнический институт.

И. С. Агулянский работает инженером в научно-производственном объединении «Позитрон».

учебы, рисовальщике, мечтавшем уточнять географические карты. Но не просто географом хотел быть мой друг. Воспитанный в семье врача, Голодов мечтал выявлять редкие и наиболее опасные болезни в глухих уголках земли.

2

26 июня встречали мы теплую белую ночь на Марсовом поле, наблюдали запуск аэростатов, глазели на скрежетавшие трамвайные платформы с песком и проходившие под Кировским мостом катера и суденышки. Невольно остановились у памятника великому Суворову. Казалось, бронзовая фигура полководца в шлеме обнажила меч только теперь.

Война входила в нашу жизнь, но мы, только что окончившие учебу в девятом классе, не могли еще всерьез оценить происходящее и назревающее. Наши мнения о длительности войны разошлись, но главное совпадало: мы должны быть на фронте. Не пойти ли в военное училище? Сроки обучения, вероятно, сократят.

На родную Выборгскую шли пешком. Толя морщился, таинственно улыбался. Расставаясь со мною, протер очки и сказал:

— Знаешь, Илья, пойду на фронт добровольцем. Думаю, возьмут.

3

В город входили на рассвете.

Олонец тревожно спал в тумане. Мы шли по главной улице, мощенной булыжником. Она изгибалась по берегу реки Олонки, разделившей город на две части. Река, неширокая и быстрая, манила нас, уставших и терзаемых жаждой после долгой маршевой ночи. С опаской оглядываясь на командиров, бойцы выходили из строя и бежали к берегу наполнить фляги водой.

Мы уже понимали, что в походе нельзя пить вволю. Вода быстро увлажняет рубашки пóтом, снова хочется пить. Разумнее только глотнуть тепловатой водицы. Пожилые бойцы советовали даже подсыпать во флягу чуть-чуть соли.

...В третьем Выборгском полку 3-й дивизии народного ополчения Толя и я — со дня его формирования.

Прежде чем стать ополченцами, пришлось немного поволноваться. Мы были в числе тех, кто не подлежал немедленной явке в военкомат. В студгородке Политехнического института, где шла запись добровольцев, тучный человек в потертом гражданском костюме и новенькой военной пилотке, заглянув в наши паспорта и убедившись, что восемнадцати лет нам еще не исполнилось, заявил:

— Рано. Проси́тесь в училище.

Вторично на пункт формирования нас провожали отцы — Толин и мой. Голодов-старший, военврач 3-го ранга, подошел к столику, где сидел тучный штатский в военной пилотке.

— Возьмите этих ребят. Не подведут! — Иван Иванович легонько подтолкнул Толю и меня вперед.

Под натиском двух отцов старший лейтенант Маятин сдался.

— Ладно, к себе возьму,— проворчал он. — В пулеметную роту пойдете?

Мы закивали еще не стриженными головами.

Оглянувшись, я увидел, что мой отец беседует с высоким капитаном. Всмотревшись в него, я вспомнил, что этот военный был у нас в гостях с женой-учительницей и сыном Димкой, моим ровесником. Тогда я видел его в штатском.

Отец положил мне руку на плечо:

— Помнишь Павла Дмитриевича Крамова?

Капитан одобрительно улыбнулся.

— Может, к нам во второй батальон?—спросил он. — Там и Дима мой, много студентов-лесогехников.

— Спасибо. Нас уже записал Маятин в пулеметчики. Там все политехники. Мы хотим быть с ними.

...И вот теперь шагали мы навстречу войне, через Олонец, быстро оставшийся позади.

4

Пулеметный взвод младшего лейтенанта Кораблева составляли в основном студенты-политехники, да и сам Александр Иванович был выпускником этого института, а потом заводским инженером.

Я узнал его сразу, как только увидел. Кораблев был руководителем детской секции авиамоделистов в Выборгском доме культуры.

Пулеметчики были экипированы так же, как и стрелки: винтовками, противогазами, вещмешками. Тяжелые шинельные скатки громоздились от плеча до пояса наискосок. На каждое отделение дали станковый пулемет «максим», несколько коробок с лентами, сумку с инструментом. Все это надлежало нести на тех же плечах. Пулемет разбирали на две части: станок со щитом и тело, каждая из них весила по тридцать два килограмма.

Все наше мы несли сами. Никто не дал бы стрелку понести пулемет или коробку. Гордились, полагая, что наиболее тяжелая и почетная доля в боях выпадет нам, пулеметчикам.

Отделением, куда был зачислен Толя, командовал пятидесятилетний столяр Егоров, человек огромного роста. Все называли его «дядя Костя».

Наше отделение, шедшее рядом с Толиным, возглавлял Вася Ободов, молодой политехник, рыжеватый, сверкающий линзами очков. Двумя другими отделениями командовали студент-третьекурсник Ваня Бурменский и лаборант кафедры химии нервный и щуплый Фенин.

Александр Иванович шел впереди. Сутулясь, нес коробку, часто оглядывался на своих «мальчиков».

...Третий пулеметный взвод первого батальона шел к линии фронта по песчаной дороге, уже вспоротой солдатскими ботинками. Впереди нас двигались бойцы первого и второго взводов — лейтенанта Скоробогатова, бывшего школьного учителя, и кадрового командира младшего лейтенанта Зайцева, отличавшегося звонким голосом и особым умением командовать строем.

Никто не знал, что за война предстоит нам.

Шли навстречу невиданным в истории испытаниям — улыбающиеся или задумчивые мальчишки, совсем недавно оторвавшиеся от плачущих матерей.

Толя нес коробку. Пилотка слезла ему на ухо, курносый нос запотел. Шел, тяжело отдуваясь. Сказывалось, видимо, плоскостопие. Голодов говорил мне но секрету о своем недуге, сетовал: стелек каких-то особых достать не успел.

На Толькиной гимнастерке, как и на моей, красовался значок «Ворошиловский стрелок». С гордостью носили мы его. Этот значок, чуть похожий на орден, вручили нам в день Красной Армии за выполнение

стрелковых норм. Многие студенты имели такие же значки или значки «Готов к труду и обороне».

Недалеко от Толи шли отец и сын Кузнецовы. Володя Кузнецов, школьник, ушел на войну вместе с отцом, старым рабочим, бывшим пограничником, по желавшим участвовать в боях рядом с сыном. Петр Дмитриевич Кузнецов потратил немало сил, обучая нас штыковому бою на кратких занятиях в студгородке.

Шел с подвешенными через плечо коробками студент-электротехник Арсений Беляев. Его подчеркнуто элегантный внешний вид и манера говорить с каким-то придыханием наводили на мысль: уж не из аристократов ли он? Вовсе нет: родители — железнодорожные рабочие.

Нес сумку с инструментом чернявый, широкоплечий и очень выносливый студент-металлург Борис Злотин. Рядом шагал студент-механик Иван Бабкин. Ваня был невысок, но физически хорошо развит. Он отменно учился, мечтал об аспирантуре, помогал многодетной матери-вдове.

Для худощавого, лысоватого студента-экономиста Ильи Лульева ноша была тяжела, но он обиделся на Володю Кузнецова, пытавшегося ему помочь, и решил показать ему если не силу, то упорство. Лульев сопел, молчал и на зов не откликался.

Шагал высокий, рыхлый Ефим Арон, недавно отчисленный из Политехнического за неуспеваемость. Ефим уже работал крановщиком на заводе, но сейчас встал в строй с бывшими однокашниками.

Улыбаясь, шел Саша Иванов, слесарь, боксер. Он готовился через год-два сдавать в Политехнический. Иванов не подлежал мобилизации из-за врожденного дефекта пальцев левой руки. Веселый и упрямый шуваловский парень научился отлично владеть своими пальцами-коротышками, успешно слесарил на заводе, хорошо стрелял. Сашкина энергия буквально выплескивалась наружу. Иванов успевал все: работать и учиться в вечерней школе, выполнять комсомольские поручения и посещать спортивный клуб.

Рядом со студентом-химиком Максимом Рыльцевым — балагуром и рассказчиком — семенила маленькая розовощекая Аня Агеева, наша сандружинница. Анка несла тяжелую санитарную сумку и тоже никому не дала бы пронести ее, как мы наш пулемет.

Нес коробку с пулеметной лентой полный, широкоплечий Коля Баранов, химик-третьекурсник. Из-под надвинутой пилотки проглядывали совершенно белые волосы. Это он перед отправкой эшелона обнимал маленькую девушку в гимнастерке. Она была смуглая, с большими раскосыми глазами, иесиня-черной копной волос под пилоткой — по внешности полная противоположность Баранову.

— Первого мая они свадьбу справляли, — комментировал Рыльцев.

Студентка Муся Баранова была определена связисткой в штаб полка. Молодые супруги в разных подразделениях шли одним путем на войну.

Шагали в нашем отделении школьники-выпускники Костя Нырков и Юра Березов. Парни сосали барбариски— подарок Юркиной матери. Десятиклассник Гена Сомов тоже нес тело пулемета. Старался казаться независимым, уверенным в себе.

Мы уже научились ходить пешим порядком. Успешно наворачивали портянки, накручивали обмотки. Уже ни у кого не было на ногах дутых пузырей, заставлявших сбрасывать ботинки и заваливаться прямо у дороги. У нас, спасибо Кораблеву, давно позабыли про пузыри и мозоли.

Откуда-то вынырнул маленький, подвижный Юра Маноев, связной штаба полка. Поправляя винтовку, он поравнялся с Кораблевым, шепнул ему что-то и побежал вперед.

Кораблев объявил:

— Через десять минут двухчасовой привал.

Бойцы повеселели. Все изрядно устали под жарким июльским солнцем.

5

Среди лесных гребней неожиданно заблестело озеро. На пригорке, в тени полуразвалившегося сарая, три артиллериста возились с небольшой пушкой.

Из левобережного леска доносились пулеметные очереди и винтовочные выстрелы. Впервые в жизни слушали мы настоящую перестрелку.

Старший лейтенант Маятин объявил:

— Наша задача вместе с батальоном сделать бросок к реке Сяндебке.

Мы начали подниматься на открытый пригорок.

— Куда? — закричал капитан-аргиллерист. — Пригорок простреливается! Одного уже потеряли, — капитан показал на тело, покрытое брезентом.

Только теперь заметили мы погибшего. Наверное, но этому пригорку нужно было ползти, а не идти во весь рост.

— Пулеметы к бою! — скомандовал Кораблев.

Мы поползли на пригорок, Кораблев с наганом в руке обогнал нас.

— Прицел двенадцать! Огонь!

В ту же секунду над нашими головами засвистели пули, посланные из ближнего леса. Одна из них скосила ветку на дереве, у которого оказался Кораблев. Она упала на пилотку комвзвода. Александр Иванович пригнулся, растерянно озираясь вокруг, но, встретившись взглядом с бойцами, резко выпрямился.

— Огонь! — выкрикнул он.

Теперь уже от рукояток пулеметов мы не отрывались, ленту мне подавал Вася Ободов. Три других пулемета застрекотали одновременно с моим. Противник замолчал.

Но как только первый и второй взводы двинулись на пригорок, пули из леса засвистели снова.

— Ложись, — скомандовал Маятин.

Снова заговорили наши пулеметы, вражеские очереди стихли. Мы поднялись с земли и с дружным «ура» побежали к лесу. И опять навстречу пули. Что это? Кто-то падает? Где Маятин, где Кораблев? Где Толя? Вася Ободов? Рядом со мной — Саша Иванов. Огонь противника опять пригнул нас к земле. Я вновь нажал на гашетку. Вдруг что-то сзади ухнуло.

Это стреляли наши артиллеристы. Третий снаряд разорвался перед нами, совсем близко. Послышались громкие крики. Видимо, пушка удачно накрыла невидимого врага.

Короткими перебежками углубились мы в лес и наконец увидели замаскированную траншею и развороченный земляной бункер. Тут и там валялись трупы в серо-синих кителях и пятнистых плащ-палатках. Вот и три станковых пулемета, два из них изрядно покалечены, один почти целый.

Впервые увидел я убитых вражеских солдат. Рядом со мной оказался Толя.

— Ты жив, Илья? — Глаза его горели. — А ведь мы идем на запад.

Я дышал так часто, что не мог ответить. Подошедший к нам Кораблев был необычно бледен, подбирал слова.

— Ранен Ободов... Тебя зовет, Илья... Вместо него и поставим...

Вася спросил, живы ли все остальные, цел ли пулемет. Каждое слово стоило ему усилий. Я успокоил командира отделения, пожал его слабую руку.

Сандружинницы суетились вокруг раненых. Аня склонилась над Иваном Бурменским, разрезая ему гимнастерку и перевязывая окровавленное плечо.

Максим получил ранение в челюсть. Повредило подбородок, вышибло несколько зубов. Рыльцеву трудно было говорить, губа кровоточила.

— Всю жизнь не терпел зубных врачей! — шепелявил он, пытаясь улыбнуться.

Двух бойцов из второго взвода хоронили на только что отвоеванном участке. Надмогильный столбик вытесали из дерева. На косом срезе написали чернильным карандашом фамилии и дату смерти. Первые наши могилы...

6

Ночевали на сыроватых кочках, тесно прижавшись друг к другу. Лица прятали от злой мошкары. Я лежал рядом с политруком Даниловым. Засыпая, чувствовал, как он чем-то прикрывал мои плечи.

Зябкий рассвет наступил быстро. Роту построил Данилов. Пришел Маятин в сопровождении смуглого старшего лейтенанта.

— Товарищи бойцы! — начал Маятин. — Пулеметная рота оказалась в первом бою внезапно, однако никто не растерялся. Мы отбросили противника, но понесли потери: убитых двое, раненых семь.,. Приказом командира дивизии полковника Нетребы я назначен командовать батальоном. Командиром пулеметной роты назначается старший лейтенант Гутнер, — представил Маятин своего спутника.

Новый ротный стал проверять оружие. Смотрел придирчиво. Меньше всех досталось нашему взводу. Пулеметы Кораблева были всегда в хорошем состоянии.

Перед завтраком провели комсомольское собрание. Выступали приглашенные коммунисты Данилов и Гутнер. Говорили об обстановке на фронте, о зверствах на оккупированной территории, об издевательствах над пленными, особенно коммунистами и комсомольцами. Потом проголосовали за прием в комсомол нескольких бойцов, в том числе Ивана Бушуева.

После завтрака командир роты распорядился:

— Предъявить НЗ!

Нехотя стали снимать вещмешки, где положено хранить неприкосновенный запас. По лицам бойцов было видно: этот запас давно потерял неприкосновенность. Получили изрядную взбучку.

— Тяжелый человек, — буркнул Саша Иванов.

Иван Бабкин, шедший сзади, говорил про Гутнера: ротный — аспирант из Политехнического, был на действительной, в полк пришел сначала политруком.

7

Мы шли по узкой лесной дороге. Пулеметы не тащили на плечах, а катили в собранном виде. Стволы «максимов» зачехлили.

По обе стороны дороги, в глубине леса, цепью, с винтовками наперевес, передвигалась первая рота.

Скоро ли привал?

Толя Голодов то и дело протирал запотевшие очки, но шел тверже, чем раньше. Видимо, сделал на последнем привале стельки из запасных портянок.

Но что это? Откуда стреляют? Идущие впереди метнулись на пригорок.

— Взвод, за мной! — рванулся Кораблев.

Мы чуть пригнулись и бросились навстречу выстрелам. С пригорка открылась небольшая деревенька. Тотчас просвистела и разорвалась позади мина, застрекотали вражеские пулеметы. Пули взрывали фонтанчики песка, две или три ударили по щитку пулемета.

На мгновение я прижался носом к земле... Но так нельзя. Саша Иванов и я одновременно подняли головы.

Толька заправлял ленту в пулемет дяди Кости. Арсений приник к смотровой щели своего «максима».

— Взвод, к бою! — скомандовал Кораблев.

Мы открыли огонь по деревне. Через наши головы

летели мины, посылаемые минометчиками лейтенанта Александрова. А потом стрелковые взводы поднялись и бросились в атаку. Но она была недолгой. Под сильным огнем противника пришлось опять залечь.

Все бойцы моего отделения были рядом, стреляли из винтовок, готовые каждую минуту сменить нас с Сашей. Не видел я только Гену Сомова.

Скользнув взглядом, заметил Кузнецовых. Сын подавал ленту, отец нажимал на гашетку и, похоже, недовольно ворчал на Володю. Лежал у своего пулемета и Лульев. Иван Бабкин, подававший ленту, подбадривал его.

Перестрелка затихла. Где же все-таки Сомов? Смотрю, ползет к нам из-за кустов. Глаза полны ужаса. Увидев раненого Кораблева, он еще больше побледнел.

Александр Иванович уверял всех, что рана его пустяковая и в госпиталь он ни в коем случае не пойдет.

Пулеметная рота потеряла убитыми и ранеными более десяти человек. Поредели и пехотные взводы.

Гутнер собрал командиров взводов и отделений. Оказывается, с Генкой Сомовым отсиживались за кустами еще двое — Голешкин и Прядин, а Ефим Арон пролежал весь бой неподвижно, уткнувшись носом в песок. Старший лейтенант предупреждал, что уличенные в трусости будут переданы в трибунал. Сомова уже отправили в штаб полка. Командир роты продолжал, обращаясь к Кораблеву:

— Не отобрать ли отделение от Агулянского, раз он прохлопал своего бойца?

Кораблев меня потом успокаивал:

— Попросим тебя не снимать, но уж... за своими гляди. Ты теперь командир, а не школьник.

8

Комбат, лейтенант Кравчук, приказал рассредоточиться нам и минометной роте по обеим сторонам лесной дороги и окопаться. Работали малой солдатской лопаткой. Больших лопат было всего две. Одну из них Гутнер приказал вручить мне. От должности пока не отстранили, — Кораблев упросил.

Рядом работали минометчики. Ими командовал лейтенант Александров, преподаватель-политехник.

Радостно было встретить бывшего соученика Малышева. Саша уже успел поработать на заводе после семилетки.

Земля, перевитая корнями, плохо поддавалась, однако постепенно мы углубляли траншею, наращивали бруствер.

Внезапно просвистел снаряд и разорвался сзади. Второй — поближе. Нас тряхнуло, насыпало за воротник сырого песка. Третий взрыв раздался на дороге, тоже не причинив особого вреда. Впервые утюжила нас вражеская артиллерия. Приятного было мало.

Обстрел длился десять — пятнадцать минут. Было убито несколько бойцов из минометного взвода Ульянова, сам Ульянов и командир роты Александров.

Можно было ждать атаки вражеской пехоты. Но тут заговорила наша артиллерия. После короткой артиллерийской дуэли наступила внезапная тишина.

Опускались сумерки. Мы понимали: и ночью нам покоя не будет. По цепи передавались команды: «Наблюдать!»

Больше всего страдали мы от недосыпания. Еще не было крупных боев, но вчерашние школьники и студенты стали понимать: война — это черная, тяжелая работа, сопряженная с затратой невероятных усилий, требующая непрерывного внимания. Нужно было научиться выдерживать большое физическое напряжение.

Недосыпать и не терять при этом бодрости было наиболее сложным. Молодость требовала сна, хотя бы пять — шесть часов в сутки, чего никак не могла позволить нам обстановка.

Вот и теперь приказано: в окопах не дремать, оружие держать наготове. Издалека слышался шум боя.

Принесли ужин — котелки с кашей, ведра с горохом-концентратом. Объявили: каждый котелок каши — на двоих.

— Что так скудно? — усмехнулся Саша Иванов.

— Это хорошо, — сказал старшина Карнаухов.— Если пищи дают помалу, много наших на передовой. Хуже, когда есть некому.

С наступлением темноты было запрещено курить. Я крепился изо всех сил, чтобы не задремать.

Неожиданно в полной тишине раздался хруст веток. Хлопнул ракетный выстрел, и лес осветился лилово-голубым светом.

Сонную истому как рукой сняло. Взвилась новая ракета и еще ярче осветила брустверы окопов.

По цепи передавали:

— Вражеская разведка, подготовиться к бою!

Я припал к пулемету. Саша подхватил ленту.

Третья ракета повисла совсем близко и позволила различить смутные силуэты людей в фуражках с высокой тульей.

— Огонь!—скомандовал Кораблев.

Пулеметным огнем и гранатами мы остановили противника. Потом наши вылезли на бруствер и бросились вперед. Враг отступил.

Напряжение боя проходило. Снова навалилась сонная тяжесть. Но тут я почувствовал какое-то пощипывание в левой руке. Рукав был в чем-то липком. Кровь почти не сочилась, но я чувствовал боль. Иванов, подавая мне флягу с водой, наткнулся на травмированную руку.

— Агулянский ранен,— сказал он негромко.

«Неужели ранение? — подумал я. — Уж очень малочувствительно». Однако через несколько минут около меня была Аня Агеева.

— Ранка маленькая, но глубокая. Потерпи, — сказала Анна, ковыряясь чем-то в руке. — Потом сходишь в медсанбат.

— Не пойду, — отрезал я, вспомнив Кораблева.

Когда стало светать, на позициях появились командир полка подполковник Квятковский, комиссар Ансеров, комбат Кравчук. От них мы узнали, что на нас наткнулся большой разведывательный отряд противника.

В бою был тяжело ранен Петр Дмитриевич Кузнецов, его увезли почти без признаков жизни,

9

Батальон снялся с позиций. Было немного жаль труда, затраченного иа рытье окопов, но ведь мы двигались на запад!

Вечером после ужина роту построили. Все замолчали, когда увидели приближающихся Кравчука, Гутнера и пропагандиста полка политрука Гуревича.

Командир батальона объявил о расформировании пулеметной и минометной рот и передаче взводов в стрел-

новые роты. Гутнер оставался заместителем комбата, Данилов назначался на место погибшего политрука третьей роты.

После этого Гуревич рассказал о положении на фронте и на участке нашей дивизии.

Рука побаливала под бинтом, но в медсанбат я, как и многие другие легкораненые, идти не хотел.

Третьей ротой, в которую нас включили, командовал лейтенант Суриков, низкорослый, худощавый, с проседью и залысинами. На коротком его носу сидели большие роговые очки. Пожав руку Кораблеву, командир улыбнулся, обнажив металлические зубы, и сказал:

— Рад приветствовать в своем районе обороны.

В роте были рабочие, студенты, школьники. Среди них слесарь с «Русского дизеля» Костя Коновалов, студенты-политехники Александр Клементьев, Александр Хренников и Глеб Николаев, пожилой бухгалтер Архипов, школьники Коля Кокорев и Женя Архипов. Коля и Женя успели отведать черники — губы лиловые у обоих. Бойцы рыли землянки, пилили бревна, готовясь к обороне.

Ночь выдалась тревожной. Когда стемнело, с той стороны включили мощные радиоприемники. Бравурную музыку сменили наглые предложения сдаваться в плен. Володя Кузнецов вызвался проползти вперед и взорвать громкоговорители гранатами. Но тут передача прекратилась, начался обстрел.

Камень, поднятый разрывом снаряда, угодил в скулу Бушуеву. Левую сторону лица залило кровью, Иван потерял сознание. Саша Иванов оттащил его к землянке.

Наша артиллерия открыла ответный огонь. Артиллерийская дуэль закончилась поздней ночью.

На рассвете появился Гутнер с двумя младшими лейтенантами из первой роты. Они о чем-то поговорили с Кораблевым и нашим политруком Даниловым.

Александр Иванович подозвал Егорова.

— Константин Иванович, — начал он не по уставу,—[1] ваше отделение переводится в пулеметный взвод Скоробогатова, в первую роту. Ее нужно укрепить еще одним расчетом: предстоит важная операция.

Дядя Костя собрал своих бойцов:

— Мальчики, выкатывайте пулемеД

Отделение дяди Кости было самым полнокровным. Кроме него самого еще пять человек, Толя Голодов и Николай Баранов в их числе.

Мог ли я думать, что больше никогда не увижу Толю? Что через пару дней первая рота погибнет под вражеским огнем? Мой лучший друг... Мог ли я думать, что спустя много лет приеду с однополчанами к памятнику погибшим товарищам, сооруженному в поселке Коткозере, и среди цветов увижу надпись на шелковой ленте: «Толе и его товарищам-однополчанам. Мама»...

10

Тяжелые, кровопролитные бои, которые мы вели на олонецком направлении, в какой-то мере позволили нашему командованию создать новую оборонительную линию и сорвать планы гитлеровцев соединиться с войсками своих союзников — финнов.

Тогда мы этого не знали. Мы просто держались за нашу землю.

Нас утюжили снарядами, а мы не уходили.

Нас атаковывали, а мы отбивались из последних сил и сами бросались в контратаки.

10 августа короткое затишье перед хмурым рассветом прервалось внезапной ожесточенной перестрелкой. Противник навалился на северо-восточный участок обороны.

Бойцы третьей роты быстро изготовились к бою. Рядом с моим пулеметом оказалось отделение минометчика Гусихина, студента-лесотехника, карела, приехавшего учиться в 1939 году из поселка Повенца в Ленинград.

По траншее, пригнувшись, пробирался Данилов. Политрук подозвал Гусихина:

— Финны наступают на второй полк, придут и к нам.

— Будем стоять!—сказал Гусихин.

На ближней опушке показались вражеские солдаты. Мы открыли огонь. Из пулемета стрелял Саша, у меня болела рука, я подавал ему ленту.

После небольшой перестрелки мы поднялись в атаку. Противник был отброшен. Мы захватили пленных.

Вновь начался минометный обстрел. Суриков приказал срочно эвакуировать раненых и пленных.

Мины падали больше часа. Одна из них угодила в отделение Гусихина, все четверо получили ранения, командир расчета, откинув назад голову, замертво упал на свой миномет.

Тяжелое ранение получил Александр Данилов. Был ранен Илья Лульев. Погибли Арсений Беляев и Семен Архипов.

Поздно вечером Суриков собрал командиров взводов и отделений.

— Сегодня на рассвете, — сказал он, — противник перешел в наступление. Основной удар пришелся по позициям второго полка. — Чуть помолчав, Суриков продолжал:— Лучше надо воевать, ребята. Когда утюжат — к оружию прижимайся, не бегай, не суетись. Что кому нужно делать, скажу. Потери-то у нас от несобранности...

И заключил:

— Враг пытается пробиться к Олонцу. Через нас не пройдет! Политрука у нас нет. На правах коммуниста временно я и политрук.

Фронтовой день догорал. И я вдруг вспомнил, что сегодня мое восемнадцатилетие. С неожиданной силой встал в памяти родной дом на проспекте Карла Маркса, молчаливый отец, сидящий за столом над книгой. Мать, наверное, сейчас говорит обо мне и плачет...

11

Весть о гибели первой роты пришла в середине следующего дня. Сто двадцать человек погибли при попытке овладеть высотой 40.0.

Но ведь там был и Толя!

Отрывочные сведения о судьбе роты дополнила связистка Муся Баранова. Ей довелось ночью передавать донесение командира полка Квятковского в штаб дивизии. Большие глаза Муси стали еще больше, губы тряслись. Она не могла поверить, что муж не вернется.

— Меня скоро отчислят, — говорила Муся сквозь слезы. — У нас будет ребенок. Коля мечтал о дочке...

Ребята вышли на рассвете. Бродом перешли через Сяндебку и, добравшись до конца просеки, приняли боевой порядок. Через несколько минут бросились в атаку на возвышенность и сразу попали под кинжальный пулеметный и минометный огонь. Били в лоб, били сбоку...

Вражеские солдаты, по-видимому, засели по обеим сторонам просеки, ведущей к высоте. Они прекрасно видели бойцов и пропустили их на пристрелянную опушку. Под губительным огнем ополченцы ринулись вперед, но пройти не смогли.

Никто не знал, какой урон был нанесен противнику, однако бойцы первой роты погибли...

Как выходила к высоте 40.0 вторая рота, мы видели сами. Бойцы шли без шинельных скаток и котелков. Лица у них были хмурые. Один из ополченцев отдал нашему бойцу гитару, с которой, по-видимому, не расставался. С бойцами были три женщины, такие, как наша Аня Агеева.

Вторая рота знала о судьбе первой. Углубившись в сторону противника, уже за Сяндебкой, бойцы рассыпались цепью. Шум боя утонул в перестрелке, разгоревшейся по всему участку нашей обороны.

— Завтра, должно быть, наш черед, — задумчиво произнес Кораблев.

Но мы так и не вышли.

На рассвете третью роту построили. Суриков беседовал со взводными. Потом проверял наличие патронов, гранат, состояние оружия. Но больше всего интересовался настроением людей. Обошел весь строй, с каждым поговорил.

Лейтенант Суриков, отслуживший действительную и сверхсрочную на границе с Финляндией, был по образованию техником-металлистом. Он работал мастером на одном из заводов. И это как-то сказывалось в его отношении к бойцам, он считал их товарищами по труду.

В сопровождении политрука Гуревича явился командир батальона лейтенант Кравчук. Суриков отрапортовал:

— Рота в составе ста двадцати семи бойцов и командиров к наступлению готова!

Кравчук приказал рассредоточиться. Еще через несколько минут мы услышали, что наступление на высоту 40.0 откладывается. Это обрадовало и огорчило. Пора бы наступать...

В роте говорили, что наступление отложено по предложению Сурикова. Накануне ротный долго спорил с Кравчуком, доказывая нецелесообразность выхода в бой без предварительной разведки и артиллерийской подготовки. Кравчук разозлился и пригрозил отстранить лейтенанта-ополченца. Суриков заявил, что, убежден-

ный в своей правоте, он готов предстать перед трибуналом...

О судьбе второй роты мы узнали, когда возвратились в свои траншеи.

Идя по стопам первой, вторая также ринулась к высоте, но при этом рассредоточилась по краям просеки. Бой длился более двух часов. Противник отразил атаку, рота понесла потери. Пришлось отходить.

Командир батальона Кравчук, располагавший всего двумя ротами неполного состава, хозвзводом и взводом связи, получил согласие штаба полка на проведение своими силами тщательной разведки и уничтожение засевших в лесу «кукушек».

Разведгруппу в тыл врага комплектовал Гутнер. Старший лейтенант отобрал семь человек, в том числе Сашу Иванова и меня.

Мы перешли через Сяндебку, проникли в тыл противника, выявили расположение его огневых точек, но двух человек потеряли.

Выполнение второй задачи поручили старшине роты Карнаухову. Во главе группы бойцов второго взвода он дважды ходил в лес. Определил, где прячутся финские снайперы, выявил некоторую закономерность в их расстановке. Истребители «кукушек» вернулись через три дня. Они доставили более десятка трофейных автоматов.

По возвращении из разведки я встретился с Рыльцевым. Максим, вернувшийся из медсанбата, рассказал о товарищах, которые попали туда позже:

— Ваня Бурменский скоро выйдет, а вот Ободова в Лодейное Поле повезли. Рана в груди глубокая. Данилов тоже плох. Бушуев выздоравливает. Просится обратно в роту.

Я спросил у Кораблева, нет ли вестей о Сомове. Тот улыбнулся:

— Исправился парень. Возьмем в наш взвод.

Оказывается, перед отправкой Карнаухова в лес на уничтожение «кукушек» комиссар полка Ансеров предложил старшине взять с собой Сомова. Карнаухов помнил, как Гена перетрусил. Но раз попросил сам комиссар, Сомова взяли. И не зря. Он вел себя молодцом.

Саша Иванов, Юра Березов, Костя Нырков радовались за товарища. Но больше всех был доволен я: Сомов ведь боец моего отделения.

12

Наше отделение откомандировали на усиление охраны штаба дивизии.

Здесь я встретил старого знакомого Женю Ростина, десятиклассника из 6-й школы. Он был уже старшим сержантом.

Ростин разбирал медальоны, снятые с убитых бойцов и командиров. В них хранились бумажки с фамилиями и адресами. Ростин составлял извещения семьям погибших.

— Не встречал ли ты в списках убитых Толю Толодова? — с волнением спросил я.

— Не помню. Где он воевал?

Женя деловито достал книгу личного состава первого батальона, нашел список бойцов пулеметной роты. Против фамилии Толи отметки не было.

— Если он был в первой роте, то пропал без вести,— резюмировал Ростин.

Женя хорошо знал свое дело. Он без запинки назвал пятнадцать — двадцать фамилий погибших воинов. Этот перечень меня ошеломил — Маятин, Зайцев, второй Зайцев, Фалин. Я живо представил себе:

Маятина — грузного инженера, зачислявшего нас с Толькой в пулеметную роту, командира третьего ба* тальона;

Зайцева, командовавшего вторым взводом пулеметчиков;

другого Зайцева — пожилого школьного учителя, командира стрелкового взвода, молчаливого, всегда озабоченного;

доцента Лесотехнической академии Фалина, плечистого майора, строгого командира второго батальона.

Неужели их больше нет?

Ростин продолжал:

— Жену погибшего комсорга Рощина оповещать не приказано. Она скоро должна родить...

Мгновенно вспомнились Муся, Коля Баранов. И они ждали ребенка.

...Офицер штаба предупредил нас о возможности появления диверсантов, одетых в красноармейскую форму. Уже были случаи проникновения врага в расположение второго полка. Диверсанты говорят по-русски. Необхо-

димо внимательно присматриваться к каждому незнакомому бойцу.

Утром нас подменили пулеметчики из пополнения. Мы уходили в батальон с большой группой вновь прибывших.

На КП второго батальона колонну встретил командир батальона, назначенный вместо погибшего Фалина, высокий, седой, в очках.

Я узнал его, хотя он как-то почернел и очень похудел. Это был капитан Крамов, друг моего отца. Улучив минуту, я подошел к нему:

— Павел Дмитриевич, здравствуйте!

Крамов привлек меня к себе.

•— Ты не ранен? — Глаза капитана были грустными.

— Где Дима?

— Его уже нет, — глухо сказал Павел Дмитриевич.

— Может, ранен, подобрали где-то... — пролепетал я.

— Нет, при мне хоронили, — торопливо ответил Крамов и отошел в сторону. Я увидел в нем не комбата, боевого офицера, а просто отца, потерявшего сына...

13

Мое отделение пополнилось двумя бойцами. Оба они были средних лет. Крепкие, неторопливые, спокойные.

Когда наша артиллерия, усиленная пополнением, начала обстрел вражеских позиций, Кораблев обходил пулеметчиков с новым помкомвзвода старшим сержантом Владимиром Шакуровым, худощавым сибиряком, отслужившим действительную. Старший сержант нес большую сумку с «лимонками», скупо раздавал их нам. Кораблев крикнул мне в ухо:

— По сигналу «вперед»—через Сяндебку! Наступаем!

Едва утих артиллерийский огонь, рота широкой цепью двинулась вперед. Суриков и Кораблев шли первыми, сжимая новенькие автоматы. Мы катили пулеметы вслед за ними. Одновременно наступали и соседи.

Сяндебку форсировали быстро, по дощатым мосткам, наведенным во время артобстрела. Они гнулись и трещали, но выдержали бегущих.

Пулеметы установили у самого берега. Под прикрытием нашего огня стрелки короткими перебежками продвигались вперед, несмотря на сильный ответный огонь.

Мой пулемет работал безотказно. Подполз Шакуров, потрепал по плечу Иванова. Только теперь я заметил, что Саша ранен, струйки крови бежали по щеке.

— Где Кораблев? — крикнул я Шакурову.

Тот не ответил, пополз к пулемету Бабкина. Я приказал оттащить Сашу за кусты.

Мы шли вперед. Вот уже развороченный артиллерией бруствер, вражеские трупы. Потери противника, видимо, немалые. Он откатывался назад, огрызаясь короткими автоматными очередями. Воодушевленные выходом в район высоты 40.0, мы старались во что бы то ни стало закрепиться здесь.

Стемнело. Под моросящим дождем собирали раненых, стали спешно вести оборонительные работы.

Пулеметный взвод, обычно рассредоточенный по позициям роты, собрался вокруг Александра Ивановича. Глаза Кораблева были широко раскрыты, желтоватые глазницы стали совсем желтыми.

Мы, воспитанники Кораблева, стояли молча. Как мало нас осталось: Борис Злотин, Иван Бабкин, Виталий Фении, Максим Рыльцев, Костя Нырков, Юра Березов.

Аня Агеева, всхлипывая, протирала ватой пробитый висок комвзвода.

Кораблев был убит наповал.

— Впереди бежал, с Суриковым, — сказал Шакуров.— Как ротного ранило, закричал: «За мной!» Тут его пуля и срезала...

Я смотрел на своего командира, вспоминал, как в студгородке на Лесном он прощался с женой, тихой женщиной, только что отправившей десятилетнего сына к бабушке в Калининскую область.

Потом я попрощался со своим другом Сашей, раненным осколком в голову. Иванов уверял, что через несколько дней будет снова здесь. От потери крови он ослаб и еле шевелил губами.

Третья рота потеряла многих бойцов и командиров. Был тяжело ранен Суриков. Наибольший урон понесли новички. Действовали ребята смело, но боевого опыта не хватало.

Ночью провели комсомольское собрание, постановили взять шефство над пополнением. Новый комвзвода Шакуров сказал:

— Александр Иванович два дня назад в партию принят. Кандидатский стаж у него с мая сорокового.

О Кораблеве все еще говорили как о живом.

Спать не хотелось. Принялся за письмо родителям. Попросил узнать, где школьные товарищи, нет ли от них известий. Написал, что жив и здоров и что «у нас идут небольшие бои».

Утро началось мощной артподготовкой противника. Враг бил по захваченным нами накануне окопам. Кравчук надеялся на подкрепление, но его не было.

Когда совсем рассвело, услышали в расположении противника какое-то стрекотание. Сразу же на западном берегу озера показались мотоциклисты в касках. Они лавировали между деревьями, стреляя из пулеметов, укрепленных на рамах колясок. Короткие серо-зеленые накидки солдат мотопехоты развевались сзади.

Мы открыли огонь из минометов и пулеметов. Боеприпасы таяли. Хорошо, что под руками оказалось трофейное оружие. Я посылал очередь за очередью из финского автомата.

Наш не очень плотный огонь не мог остановить врага. Он рвался вперед. Внезапно за моей спиной раздался мощный взрыв. Меня подняло вверх и швырнуло на землю. Шакуров затормошил.

— Жив? — кричал он в ухо.

Все тело ныло, но я был в сознании, пополз к своим ребятам. Они возились у отказавшего пулемета.

Вражеские солдаты приближались, огонь становился все плотнее. Наши стрелки попятились назад. Мы прикрывали отход роты. Путь через речку на этот раз оказался тяжелее. Поврежденные мостки с треском ломались. Перебирались вброд, а кое-кто вплавь.

Третья рота вновь заняла старые позиции. Форсировать Сяндебку врагу не удалось.

Кравчук приказал круглосуточно вести оборонительные работы.

Мой «максим» был поврежден. Мы долго возились, прилаживая части от пулемета Бабкина, тоже вышедшего из строя.

14

Утро 3 сентября началось шквальным артиллерийским обстрелом. Огонь вели орудия крупных калибров, минометы. Наши позиции хорошо защищали бойцов, и особых потерь мы не несли.

После артподготовки на западном берегу Сяндебки показалась большая цепь вражеских солдат. Они попытались навести переправу через речку. Но мы не дали им сделать это.

Четко работали наши поредевшие минометные расчеты. Не выдержав их огня, враг откатился от берега.

Внезапно, взмахнув автоматом, Шакуров крикнул:

— Враг за спиной!

Это были его последние слова. Комвзвода вскинул левую руку, но, не успев донести ее до пробитого виска, упал замертво.

Из леса шла на нас большая группа вражеских солдат. Соседняя рота Аксенова уже вступила в бой. Видимо, враг где-то просочился и пытался сейчас взять нас в кольцо. Мы быстро развернули пулеметы. Этим воспользовались наступавшие в лоб. Часть вражеских солдат переправилась на наш берег.

Пристроившись рядом с нами, Злотин, заменивший Шакурова, стрелял из финского автомата. Рядом — ручной пулемет Саши Хренникова. Мы били по противнику, шедшему с запада, остальные — по наступавшему с востока.

Кравчук, размахивая пистолетом, кричал:

— Держитесь, товарищи, отступать некуда. Помощь идет!

В моем отделении остались двое, я третий. Пожилой боец — мы его звали дядя Фрол — заправлял все новые и новые ленты, посматривая на своего товарища, скошенного пулей. Костя Нырков лежал сбоку, готовый сменить меня, высматривая цель.

Куда-то исчез Юрка Березов.

И вдруг с востока загремело мощное «ура». Это вторая рота двинулась на противника, зашедшего к нам в тыл. Мы продолжали обстреливать берег Сяндебки. Враг уходил вброд, оставляя убитых. Постепенно стрельба затихла. Я был вымазан в крови, саднило правую руку. Стало трудно шевелить пальцами.

Разыскали Юрку. Он лежал на боку, без сознания. Пуля ударила в челюсть. Повернули Березова па спину, оттащили в сторону.

Прямо за нашими позициями, на просеке, освещенной осенним солнцем, лежали и сидели пленные. В стороне от них были сложены трофеи.

В течение дня 4 сентября противник прорвал нашу оборону на Тулоксе и прижал немногочисленные регу* лярные части Красной Армии к Ладожскому озеру. Наши полки были обойдены рвавшимися к Олонцу и реке Свири вражескими дивизиями.

Мы об этом не знали, поэтому приказ сняться с линии обороны оказался для нас неожиданным. Долго и цепко держались мы в этом лесу. Было обидно уходить отсюда. Сказали — идем на прорыв. Где он состоится — не знали.

Я шел и горько думал: «А Толик и Кораблев остались здесь».

Впереди послышались пулеметные очереди. Кравчук подтягивал нас:

— Быстрее, быстрее, к бою готовсь!..

Вдали, за большим картофельным полем, показалось село. Кравчук приказал сойти с дороги, залечь у кустарника.

Очереди доносились до нас от построек, примыкавших к озеру напротив села.

Устанавливая с ребятами пулемет, я почувствовал, как рвануло правую ногу. Подумал: «Шальная пуля задела». Однако стреляли в лоб и в спину. Никто не мог понять, где притаился враг. Кравчук дал команду прочесать огнем постройки, примыкающие к озеру. Я подавал ленту дяде Фролу. Стрелять сам не мог: боль в ноге становилась все сильнее и сильнее.

Кравчук вышел на край картофельного поля.

— За Родину, вперед! — крикнул он хриплым басом. — За мной!

Но шквальный огонь прижал бойцов к земле. Высокая картофельная ботва прикрывала их.

Стрелки поднялись вновь, мы шли вслед за ними. Я увидел, как упал Борис Злотин, услышал неясный крик:

— Кравчук убит!

Что-то грохнуло близко, подняло столб земли. Что-то острое вонзилось в тело...

15

Я иду по карельскому лесу, иду, как шел более тридцати лет назад. Но походка моя уже не так легка. Ветер колышет пышные кроны сосен. Сколько они

видели и слышали! Где-то под ними останки моих товарищей. Если бы сосны умели говорить, они сказали бы, где погребен Толя, где лежит Кораблев.

Скупое осеннее солнце провожает меня на запад. Позади остался Олонец, позади — Нурмолица.

В 1971 году, в дни тридцатилетия первых боев ополченцев-выборжцев, приехали сюда мы, ветераны полка. Вспоминали товарищей. Пытались разобраться в событиях того трагического времени.

Действительно, противник готовил нам встречу именно здесь. Отступающих по нурмолицкой дороге ополченцев поливали огнем с двух сторон: с кладбища, что на пригорке, и от построек, примыкающих к озеру. Вражеская разведка, видимо, установила направление нашего отхода.

Теперь стало понятно, почему так рьяно стремился сюда враг. Нурмолица — перекресток олонецкой и петрозаводской дорог. Высокое, открытое место позволяет хорошо просматривать Олонец.

Бой под Нурмолицей был недолгим, но одним из самых тяжелых. Попав в невыгодные условия, мы потеряли многих убитыми и ранеными. Здесь был тяжело ранен командир дивизии полковник Алексеев, заменивший полковника Нетребу, получившего ранение еще 15 августа. Среди раненых остался на поле боя и я.

И все же дивизия, совсем обескровленная и измотанная, вырвалась из окружения. Вывел ее по лесам и болотам нурмолицкий учитель Айрикайнен.

По пути к Петрозаводску ополченцы вели кровопролитные бои у станций Ладва, Пай и Токари. Здесь тоже потеряли многих, в том числе подполковника Квятковского. Были тяжело ранены командиры, отличившиеся в этих боях: Владимир Львович Гуревич, политрук, принявший командование батальоном после выхода из строя комбата Лисавина; комроты Дмитрий Демьянович Аксенов; пулеметчик Володя Кузнецов, не покинувший боя и после ранения; политрук Борис Афанасьевич Курочкин; Виктор Сергеевич Хренов; разведчики Василий Георгиевич Соболев, Василий Васильевич Беседнов и Николай Михайлович Богданов.

...Я иду по карельскому лесу. Я хочу побыть один. Здесь круто обошлась со мной военная судьба. Годы кошмарного плена так терзали меня и многих моих товарищей, что мы порою завидовали погибшим.

Продолжая и там, в плену, борьбу за правое дело, показывая пример верности Родине, мы гибли так же, как и на фронте. В числе оставшихся в живых, победивших плен, — Саша Малышев, Иван Бабкин, Иван Седых, Константин Медников, Василий Соболев, Лев Дандашанский. Тщетно пытался я разыскать Сурикова, Женьку Ростина, Сашу Иванова, Костю Ныркова, дядю Фрола, Генку Сомова — ведь после сорок первого были сорок второй, сорок третий, сорок четвертый. Сорок пятый.

Враг разбил лоб о Свирскую оборону, построенную за время июльско-августовских боев 1941 года. Не удалось ему форсировать Свирь и сомкнуть в районе Тихвина большое кольцо вокруг Ленинграда. Не удалось перерезать Кировскую железную дорогу, отсечь Кольский полуостров, блокировать и захватить Мурманск.

Фронт на Свири стабилизировался. Летом 1944 года наши войска форсировали эту полноводную реку и нанесли противнику мощный удар.

Я знаю, что в этом наступлении участвовали и мои однополчане, например, Константин Сергеевич Халявин, нынешний председатель Совета ветеранов Выборгского полка народного ополчения, Алексей Романович Новиков, Виталий Владимирович Фенин.

...Красив карельский лес. По дороге, перерезающей его, идут машины мирного времени. Вот проехал автобус с туристами из Финляндии. Они дружелюбно машут мне руками и флажками. Это другие финны...

Надо спешить. В два часа соберутся сяндебские школьники, на встречу с которыми я иду. Туда, где была высота 40.0, где стоит памятник бойцам третьего Выборгского полка народного ополчения...

С. М. БОЙЦОВ

РОДНАЯ ОПОЛЧЕНСКАЯ

1

На третьем этаже левого крыла Мариинского дворца редакция газеты Ленинградской армии народного ополчения «На защиту Ленинграда» заняла шесть комнат. В самой большой из них разместилось два отдела: боевой подготовки и армейской жизни. Мое рабочее место — письменный стол у открытого окна, выходящего на Исаакиевскую площадь. По ней маршируют ополченцы — писатели, филологи, историки, недавно зачисленные в штат редакции. В шутку мы называем этих товарищей «профессорским подразделением». Основания имеются, — в числе двадцати двух человек есть профессор и доцент.

Сотрудник редакции сержант Александр Итигин рьяно выполняет приказ редактора Николая Дмитриевича Коновалова — обучает «профессорское подразделение» строевому шагу. Стоит знойный июльский день. Бедняги

Бойцов Семен Моисеевич — журналист, до войны работал в газете «Ленинградская правда». В июле 1941 года был назначен начальником отдела армейской жизни газеты Ленинградской армии народного ополчения «На защиту Ленинграда». Всю войну служил в армейской печати.

Ныне С. М. Бойцов — персональный пенсионер.

взмокли. Итигин смилостивился, командует: «Вольно». Писатели, историки и филологи вытирают платочками вспотевшие лица, снимают пилотки, обмахиваются ими.

Я пишу передовую, поглядываю в окно и возмущаюсь: у меня, начальника отдела армейской жизни, на столе нет материала в очередной номер, а редактор заставляет сотрудников заниматься шагистикой. Сидящий напротив меня начальник отдела боевой подготовки политрук Борис Ефимович Столпнер завален рукописями, он сосредоточенно правит материал. Раньше «профессорское подразделение» подчинялось ему, теперь — мне.

— Как стал работать один, — шутит Столпнер, — материалу хоть отбавляй.

Борису Ефимовичу легко шутить. Его дело — сдавать в номер статьи и памятки «В помощь обучению бойцов-ополченцев»; авторский актив, можно сказать, «под боком», в Ленинграде. Я же должен готовить к набору очерки, письма с фронта, корреспонденции, заметки, освещающие ход боевых действий.

— Товарищ старший политрук! — подчеркнуто по-уставному обращается ко мне вошедший в комнату заместитель редактора Владимир Борисович Карп — мой друг по работе в «Ленинградской правде». — Где же материалы отдела?

Я киваю головой в сторону площади:

— Ополченцы уже воюют, а корреспонденты все еще маршируют...

— И это надо! У всех до одного должна быть строевая выправка.

Карп явно злится. Смотрит на меня строго. Говорит, что другие отделы уже сдали материалы. Надо выяснить, где наши товарищи, уехавшие вчера на фронт под Лугу и Кингисепп.

...И вдруг — какая радость!—в комнату шумной ватагой вваливаются с карабинами за плечами Александр Гитович, Георгий Тесленко, Аркадий Виноградов, Лев Писарев, Александр Дежур, Михаил Стрешинский, Семен Негинский, Павел Кошелев, Павел Майский и другие товарищи, успевшие принять боевое крещение. Через минуту вокруг них собралась вся редакция. «Новички» с завистью смотрят на запыленную одежду и загорелые, обветренные лица «ветеранов». Расспросам нет конца.

Поэт Александр Гитович обращается ко мне с шуткой.

— Товарищ начальник, меняйте вывеску отдела. Какая там «армейская жизнь»! На полном ходу — фронтовая. Ополченцы дерутся здорово! Был я в семидесятой кадровой и в первой ополченской — бьют фашистов плечом к плечу.

Замредактора В. Б. Карп водит рукой по своей крупной бритой голове — верный признак хорошего настроения.

— Ну, ребята, молодцы! — повеселевшим голосом говорит он. — А теперь за работу, все устные рассказы потом.

Через два часа я сдаю ответственному секретарю С. Н, Езерскому материал на целую полосу. Хочется расспросить товарищей, вернувшихся с фронта, о подробностях боев, но Езерский, чеканя слова, произносит:

— Товарищ старший политрук, за вами передовая!

2

Несмотря на то что у нас, начальников отделов, много работы, мы старались сделать какой-то запас материалов, чтобы выехать на фронт. Редактор обычно был против наших выездов.

— Нельзя оголять редакцию, — говорил Николай Дмитриевич.

— Пусть отдохнут на передовой, — шутил Карп.

И редактор сдавался.

Редакция имела свою полуторку. Пока линия фронта находилась на Лужском рубеже, машина с группой сотрудников уезжала на день-два. Статьи и заметки каждый из этой группы передавал в редакцию с оказией. В конце августа, когда фронт подошел к стенам города, шофер развозил корреспондентов по разным .участкам, потом заезжал за ними в условленные места. Часам к шести вечера в редакции закипала работа, начинался, как говорится, «час пик». Коридор и комнаты отделов заполнялись народом, все куда-то спешили, кто-то кричал, что он не может сосредоточиться и работать в этом бедламе, но на него не обращали внимания. Товарищи были возбуждены и громче обычного рассказывали о своих приключениях на фронте.

Александр Гитович говорил: «Мой кабинет и моя муза на передовой и в кузове полуторки». Шутка не лишена была истины. Прямо с ходу он садился за стол, набрасывал на листке бумаги стихи и сдавал Езерскому. Хуже обстояло с очерками и заметками, которые надо было сдавать мне. Писал их Гитович долго, терзаясь муками творчества, рвал листки, начинал снова.

Нашему отделу каждый день надо было сдавать в набор семьсот строк.

— А ежедневной героики хватает на целые тома, — кипятился Александр Ильич, — поэтому и мучаешься, чтобы даже в маленькой заметке чувствовался накал боя, мужество ополченцев.

— А если мы дадим целую полосу, состоящую из маленьких заметок о боевых действиях одной части?

— Это было бы здорово! — сказал Александр Ильич и тут же назвал второй, скороходовский, полк 2-й дивизии народного ополчения.

Мы побывали в этом полку в разгаре боев, собрали много материала. Когда вернулись в редакцию, Езерский стал торопить — полоса запланирована в номер. Я подготовил к печати письма, написал корреспонденцию о бывшем бригадире слесарей «Скорохода» снайпере Васильеве. Он из засады вместе с товарищами «отсекал» вражеских автоматчиков, которые шли в атаку за своими танками. В этом бою Васильев убил восемнадцать фашистов. Но вот близко разорвался снаряд, и Васильеву показалось, что он ослеп. Ему помогли добраться до пункта медицинской помощи. Там промыли глаза, и боец стал видеть. Всему виной оказались комья земли. Васильев вернулся в свой взвод и продолжал истреблять гитлеровцев. Весь смысл моей корреспонденции состоял в том, что ослепший Васильев не выпустил из рук винтовку, он хотел передать ее товарищу, но, когда к нему вернулось зрение, обрадовался, что сам будет истреблять фашистов. Корреспонденция так и называлась «Боец и винтовка». Александра Гитовича я просил написать о подвиге бывшего столяра «Скорохода» Петра Пьянкова, который из ротного миномета бил по гитлеровцам с очень близкого расстояния, быстро менял огневые позиции, оставаясь неуязвимым для врага. Но вот Пьянков увидел, что нашим стрелкам мешает продвигаться пулемет противника. Минометным огнем Пьянкову не удалось его накрыть — не подда-

вался блиндаж в несколько накатов. Тогда герой схватил связки гранат и по-пластунски под сплошным огнем стал подбираться к блиндажу. Его ранило в левую руку, но правая была цела, и глаз не подвел героя. Прогрохотал взрыв, пулеметная точка замолчала, взвод скороходовцев мог продолжать атаку. Стихи на эту тему Александр Гитович сдал сразу, а с заметкой промучился часа три, чем немало разгневал требовательного Езерского. Срок выхода газеты оказался под угрозой. Тогда Александр Ильич нашел выход.

— Я сдам длинную заметку, — сказал он, — но одно условие — без моей подписи...

Так и была напечатана, пожалуй, уже не заметка, а статья о подвиге Пьянкова, без подписи ее автора. Назавтра поэт сокрушался:

— Надо было дать сжато и ярче. Ведь ополченцы читают газету в блиндаже, окопе...

Нашими читателями были не только ополченцы, но и жители Ленинграда. Одновременно с «Ленинградской правдой» и «Сменой» газета армии народного ополчения расклеивалась по городу. Заголовок «На защиту Ленинграда», призывы остановить, разгромить врага, набранные крупным шрифтом, отпечатанные красной и черной краской, не могли не обратить на себя внимание. У витрин нашей газеты было особенно много народу: ведь в ополчение ушли отцы, братья, родные, друзья. Люди внимательно смотрели на фотографии героев, сделанные на передовой нашими фотокорреспондентами, мастерами своего дела А. Дежуром, А. Михайловым, А. Агичем, М. Гершманом, вчитьг ¡лись в письма ополченцев и их статьи, в небольшие корреспонденции и очерки сотрудников редакции и, если находили имена тех, кого искали, звонили нам в редакцию, благодарили, просили к телефону то фотографа, то корреспондента, задавали вопросы, полные тревоги за город и своих родных, защищающих его, передавали приветы воинам и наказ бить врага беспощадно. В свою очередь и герои боев обращались с просьбой к корреспондентам: зайти домой, передать жене привет или короткую записку.

Однажды был такой случай. Павел Майский вернулся из-под Гатчины. Сдал мне отпечатанные на машинке свои заметки и письма бойцов в газету. На одно из них я невольно обратил внимание, потому что не

увидел обычного обращения: «Дорогой товарищ редактор». Оно начиналось так: «Здравствуйте, Мария Михайловна и сынок Миша...» Адреса нет. Спросил у Майского. Не знает. Этот товарищ из 267-го артпульбата Куйбышевского района торопился в бой, записку написал, а домашний адрес семьи забыл указать. Выход был один — напечатать письмо в газете. Жена и сын наверняка прочтут.

Вот это письмо:

«Здравствуйте, Мария Михайловна и сынок Миша. Целую вас обоих. Писем вам послал уже два, наверное, получите.

20.8 я был в бою с фашистами, разбили у них два танка. Гитлеровцы чувствуют себя трусливо. Мы ведь воюем на своей земле и защищаем вас и весь Ленинград, а они на чужой земле и чувствуют себя, как воры, и в результате воюют из-за угла, по-воровски. Да иначе и ждать от них нечего, ибо они гады и извращенные люди. Они тут убили женщину с двумя малыми детьми за то, что она им не давала грабить своих вещей и резать корову... Мы все поклялись биться с фашистами до тех пор, пока ни одного гада не останется на нашей земле.

Жду еще случая поскорее идти в бой, ибо наше одно спасение — скорее разбить стервятников-фашистов.

ВиП Сазонов».

Это письмо, набранное крупным шрифтом, было помещено на первой полосе. Там же был напечатан и портрет автора письма ополченца Петра Степановича Сазонова. Простое, открытое лицо русского человека, во взгляде—-решимость, в руках крепко зажата винтовка. Под портретом подпись: «Старый питерский рабочий, большевик Петр Степанович Сазонов — стойкий защитник города Ленина от германо-фашистских банд. В бою тов. Сазонов заменил раненого политрука и повел роту в победную атаку».

Над всей второй полосой мы дали шапку, смысл которой заимствовали из письма П. С. Сазонова: «Для нас один выход — скорее разбить стервятников-фашистов!»

В тот же день жена Сазонова, Мария Михайловна, отыскала редакцию, поблагодарила нас за письмо и

портрет мужа. Она рассказала нам, что Петр Степанович— участник не только гражданской войны, но и революции 1905 года.

— Об этом муж из скромности не рассказал вашему корреспонденту. Он ведь такой...

3

Кроме Александра Гитовича активно работали в газете поэты Владимир Иванов, Всеволод Рождественский, прозаики, драматурги и критики Леонтий Раковский, Николай Жданов, Николай Лесючевский, Сократ Кара, Лев Левин, очеркист Давид Славентантор.

Всеволод Рождественский работал над стихами долго, тщательно шлифовал каждую строку. Как велика была сила их эмоционального воздействия на читателя, я убедился в окопах.

Был такой случай. Встретил я под Волосовой друга, командира первого полка 2-й гвардейской дивизии народного ополчения майора В. К. Бобринского. За два года до войны он, совмещавший тогда работу в штабе округа и в газете, передал мне дела заведующего военным отделом «Ленинградской правды». Разговорились, вспомнили наши беседы о грядущей войне с фашистами. Поправляя бинты на голове, раненый майор приговаривал: «Да, не думали мы, что она, проклятая, так близка».

Потом Бобринский похвалил нашу газету, которая делает большое дело. Как бы в подтверждение своей мысли, попросил своего ординарца прочитать стихи. Тот стал читать наизусть:

Пятизарядная в руках моих,
Она мне служит точно, без отказа.
Подругу берегу я пуще глаза
В горячих разговорах боевых...
В тебе, свинец мой, ненависть слита
К тому, кто жег поля, сады и села,
Кто в исступленной страсти, в злобе голой
Прошел пожаром мирные места.
Я им плачу за слезы матерей,
За стыд девичий, женские рыданья,
За все, чему нет в мире оправданья, —
Разнузданному полчищу зверей...
...Подруга трехлинейная моя,
Защитница свободы, враг насилья,
С тобою словно обретают крылья
Моей страны любимой сыновья.

В твоем огне — победы торжество,
И мне твоя надежно служит сила.
Тебя в бою мне Родина вручила
В священной жажде гнева своего.

Это были стихи Всеволода Рождественского о винтовке, помещенные в нашей газете под знаменитым плакатом художника И. Тоидзе «Родина-мать зовет!».

Всесторонне эрудированный, по-военному подтянутый, исполнительный Н. В. Лесючевский всегда до пунктуальности точно сдавал своему начальнику отдела С. Б. Полесьеву яркие публицистические статьи, разоблачающие пропаганду фашистов, их звериные методы ведения войны, разбой на оккупированных территориях Югославии, Чехословакии. Николай Васильевич, уезжая на фронт, по моей просьбе работал уже на два отдела. Семен Борисович Полесьев не обижался, он сам, бывая в частях, вступивших в бой, писал для наших двух отделов.

Не сразу нашел свое место в газете автор известных исторических романов Леонтий Раковский. Его маленькие заметки не устраивали редактора Н. Д. Коновалова и заместителя редактора В. Б. Карпа. Они просили писателя придумать что-нибудь интересное, «читабельное». И вот Леонтий Иосифович положил на стол секретаря редакции С. Н. Езерского очередной материал. Тот поначалу насупился. Но вдруг неожиданно заулыбался, потом стал весело смеяться.

— Вот это то, что надо! — сказал обычно сдержанный на похвалу наш «начштаба». — Бойцам в окопе, на привале нужен смех.

Так появились в газете «Новые похождения бравого солдата Швейка», которые стали печататься из номера в номер.

Вскоре в огромной комнате, где ночевали сотрудники редакции, художник Владимир Гальба повесил над кроватью мастера исторического романа и дебютанта в жанре сатиры свой дружеский шарж: Раковский и Швейк в трактире «У чаши» коротают время за кружкой пива. Под рисунком было четверостишие Владимира Иванова:

Что мне заметка, что статейка,
Когда я Гашеку родня.
Он мне в товарищи дал Швейка,
И парень пишет за меня,

Николай Жданов и Сократ Кара писали пропагандистские статьи, очерки, заметки о боевых действиях героев-ополченцев.

Особой популярностью пользовались острые, едкие карикатуры известного художника-сатирика Владимира Гальбы на Гитлера, Геббельса, Геринга, Гиммлера и других фашистских главарей. Очень талантливый, неистощимый на выдумки Владимир Александрович работал легко, быстро.

Сдав как-то в номер очередную морду Гитлера, он сказал:

— До чего мне опротивело изображать порознь этих негодяев: надо попробовать их объединить.

В нашей газете этот замысел Владимиру Александровичу удалось осуществить наполовину, нарисовав утку с головой Гитлера, телом Геббельса, увенчанным сзади его же лицом. А позже, в первую зиму блокады, на страницах «Ленинградской правды», в выпусках «Боевого карандаша» Владимир Гальба продолжал совершенствовать эту тему. Вместе с двуглавыми утками появились двухголовые свиньи — Гитлер и Геринг.

Четверостишия под остросатирическими, полными юмора и сарказма карикатурами Вл. Гальбы писал поэт В. М. Иванов, впоследствии известный в войсках как «Боец Иван Муха», или сам Владимир Александрович.

Отдел наш стал уже по-настоящему фронтовым. Из разных участков Ленинградского фронта прибывают письма по адресу: «Полевая почтовая станция 394, почтовый ящик 40». Это адрес редакции газеты «На защиту Ленинграда». Интересно, что пишут из кадровых дивизий. Авторы их — обычно бывшие ополченцы, попавшие после госпиталей в другие соединения. Литсотрудник С. С. Волк — по-военному деловой, отзывчивый к людям молодой человек — ведет переписку с воинами-ополченцами и их семьями, передает мне и Полег.ъеву интересные письма, годные к печати.

Я не расстаюсь с картой, отмечаю, где сражаются кадровые дивизии, где ополченские. Вот в Пушкине появилась ордена Ленина 70-я стрелковая дивизия. Она вместе с другими соединениями 11-й армии участвовала в контрударе по 56-му мотокорпусу фашистского генерала Манштейна в районе Сольцов, где враг отступил на сорок километров. Дивизия затем попала в трудное

положение, но с боями пробилась из окружения, сохранив тяжелую артиллерию. Отличилась также в стычках с врагом при выходе из окружения и группа бойцов 1-й дивизии народного ополчения под командованием полковника И. И. Лебединского.

Мы стали печатать в газете статьи из опыта боев этих частей и подразделений. Так, например, полковник И. И. Лебединский написал для нас очень полезную статью «Огневой шквал не страшен, если окопаться».

Кадровые дивизии все больше и больше ощущали помощь ополченцев. 168-я стрелковая дивизия полковника А. Л. Бондарева на колпинском направлении чувствовала поддержку соседей слева — славного Ижорского батальона (командир Г. В. Водопьянов) и 4-й дивизии народного ополчения полковника П. И. Радыгина.

Взаимодействие кадровых частей и соединений с ополчением мы стали регулярно освещать на страницах газеты. Вот один из многочисленных примеров. 4 сентября враг силами трех дивизий перешел в наступление на рубежи обороны, занимаемые в районе Слуцка (Павловска) полками 168-й стрелковой дивизии. Чтобы отвлечь противника, ослабить вражеский натиск на бондаревцев, командование фронта приказало командиру 4-й дивизии народного ополчения полковнику П. И. Радыгину форсировать реку Тосну.

Мы, военные журналисты, не могли тогда знать о замыслах командования фронтом. Но, как говорится, чувствовали пульс боев. Назавтра, 5 сентября, в газете были напечатаны две корреспонденции: моя «Бондаревцы дерутся как львы» и Л. Кокотова и Г. Тесленко о боях ополченцев под Усть-Тосном.

Газета рассказывала ополченцам о стойкости воинов 168-й стрелковой дивизии, которая сорок пять дней отражала атаки противника на границе и в лесах Карелии. Лишь получив приказ командования, она, несмотря на сильный огонь врага с воздуха и суши, сумела организованно погрузиться на суда и через Ладожское озеро переправиться на остров Валаам, а оттуда под Слуцк, Пушкин и Колпино. Воины дивизии сохранили орудия двух артполков и все свое оружие. На новых рубежах бондаревцы вместе с ополченцами изматывали, обескровливали вражеские полчища и 25 сентября 1941 года остановили их под Колпииом.

Примерно в это же время кадровые и ополченские дивизии заставили врага прекратить наступление на Приморском плацдарме под Ораниенбаумом, под Пулковом, Усть-Тосном, Невской Дубровкой, Шлиссельбургской крепостью и на севере — от Финского залива до Ладожского озера.

Во все эти соединения и части мы посылали своих корреспондентов: Георгия Тесленко — в 168-ю стрелковую дивизию, дравшуюся на колпинском направлении, Леонида Кокотова и Павла Майского — в 265-й артпульбат Октябрьского района, державший оборону в районе села Руоско-Высоцкого, Александра Гитовича, Николая Жданова, Михаила Стрешинского, Давида Славентантора, Семена Негинского — во 2-ю дивизию народного ополчения и в кадровые части 8-й армии, контратаковавшие врага с Приморского плацдарма.

Особенно много и плодотворно работал Георгий Дмитриевич Тесленко, пробиравшийся в батальоны, роты и взводы в любую погоду, в любое время суток. Интересно, что Георгий Дмитриевич, начавший работать у нас в ополченской газете рядовым, впоследствии оказался, как говорят, человеком с военной косточкой. Спустя три года в звании майора он работал инструктором Политуправления Ленинградского фронта. После войны полковник Г. Д. Тесленко, успевший заочно окончить Военно-политическую академию имени В. И. Ленина, был назначен на ответственную работу в Главное политическое управление Советской Армии.

4

Наши неутомимые труженики — корреспонденты и фотокорреспонденты возвращались в редакцию усталые, они буквально валились с ног. Но редактор и его заместитель установили порядок: выкладывай все, что есть в блокноте, «отпишись», а потом только отдыхай... Газета есть газета. Рано утром редакционные мотоциклисты Орловский и Сандлер прямо из типографии доставляли тираж на почтовый узел, откуда газеты развозили по полевым почтам. Редактор всегда торопил нас, приговаривая:

— Орловского и Сандлера разбудят в пять ноль-ноль. В семь-восемь утра газета должна уже быть у читателя.

Это означало, что весь материал надо сдать в набор до 20.00.

После этого сотрудники аппарата редакции готовили материал для следующих номеров, а разъездные корреспонденты отдыхали. Напряжение требовало разрядки. Начинались шутки, шли не только розыгрыши, но даже импровизированные скетчи и водевили. Больше всех преуспевал в этом деле художник Владимир Гальба, которого >мы считали после Ираклия Андроникова вторым мастером устного рассказа (многие из нас уже слышали первые выступления Андроникова в Доме писателя имени В. В. Маяковского). От Гальбы не отставал Гитович.

Одна из шуток чуть не превратилась в настоящее ЧП. Александр Гитович любил рифмовать наши фамилии. Балуясь, он исписывал целые блокноты, а листки вырывал и небрежно бросал где попало. Как-то в руки к одному, мягко говоря, не очень умному товарищу попал такой листок. Он прочел: «Средь хохота и грохота в кромешной темноте в себя товарищ Кокотов стреляет из ТТ».

Делу был «дан ход». Л. Г. Кокотова хотели привлечь к ответственности за попытку самоубийства. Замредактора В. Б. Карп объяснил начальству, что это была шутка Александра Гитовича. Поэт чувствовал себя виноватым перед Леонидом Григорьевичем Кокотовым. Уже гораздо позже, когда ополченская редакция стала редакцией газеты 55-й армии, когда начался голод, мы решили послать из Рыбацкого в Ленинград Кокотову, перешедшему на работу в ЛенТАСС, кусок конины. К драгоценной посылке была приложена записка с трогательным четверостишием Александра Гитовича: «Средь грохота и хохота военных наших дней поешь, товарищ Кокотов, и вспомни про друзей».

Л. Г. Кокотов и сейчас хранит эту записку, напоминающую ему о суровых годах блокады и верной дружбе журналистов-фронтовиков.

5

Владимир Борисович Карп говорит мне грустным голосом:

— Срочно пиши очерк о комиссаре второй дивизии народного ополчения Тихонове.

— Я не собирал о нем материал.

— Он погиб, ты с ним встречался. Очерк должен быть в завтрашнем номере.

Я сижу за письменным столом и мучительно перебираю в памяти все, что знаю о полковом комиссаре Павле Тихоновиче Тихонове.

Вот мы с ним в батальоне капитана М. Г. Лупенкова. Бомбят «юнкерсы»; улетают они — начинает бить вражеская артиллерия. Комиссар, чуть пригибаясь, обходит бойцов. Он ничего не говорит, он только идет вдоль траншей, он хочет, чтобы бойцы видели его. Я уловил чей-то голос: «Комиссар», потом второй: «Тихонов, Тихонов!» Бойцы отряхиваются от земли. Многие улыбаются Тихонову, долго смотрят ему вслед. А он идет дальше и дальше. И всюду люди повторяют одно и то же: «Комиссар», «Тихонов», «Тихонов». И здесь это звучит, как «стоять насмерть!».

Это было в конце июля. А в начале сентября я три дня находился вместе с Павлом Тихоновичем Тихоновым. Куда он, туда и я. Он шутил:

— Ну и свалились вы на мою голову. — И тут же добавлял: — Напишите об этих пулеметчиках. — Или: — Запишите фамилию этого бойца, я вам потом расскажу, как он действовал в атаке.

Вернулись в землянку. Он спрашивает:

— О Князеве слыхали? Нет. Интересная история. Записывайте.

И комиссар поведал мне действительно интересную историю.

Как-то на привале разговорился он с красноармейцем Князевым. Тот сетовал, что в гражданскую был чапаевцем, а теперь попал в тыловики, в обоз, и просил дело по душе. Тихонов долго беседовал с Князевым и убедился: ополченец хорошо владеет пехотным оружием, прекрасно читает карту, тактически грамотен. И рядовой «обозник» стал помощником начальника штаба полка.

В заключение комиссар сказал:

— Князев оказался не только отличным штабистом, но и лихим воином чапаевской закваски. Поговорите с ним, пусть порасскажет о себе.

Я разыскал Князева. Беседуя с ним, старался выведать, почему Тихонов назвал его «лихим воином чапаевской закваски». Князев отмалчивался. Кто-то из

командиров, сидевших рядом с нами, помог выяснить суть дела. Князев разработал план одного дерзкого налета на врага, сам возглавил группу добровольцев, отбил важный перекресток шоссейной дороги, по которой гитлеровцы доставляли боеприпасы к двум деревням.

— Что же вы скромничаете? — спросил я у Князева.

— Так это же была не моя инициатива, это было личное задание нашего комиссара, — простодушно ответил он, словно идти в бой — дело второстепенное. И сколько теплоты было в его голосе, когда он вспомнил Тихонова!

Комиссар полка скороходовцев Г. Е. Гродзенчик заметил тогда:

— У Тихонова особое чутье на людей, — и, помолчав, добавил: — комиссарское чутье. Тихонов никогда не ошибается в людях. Он знает, кого на какое место ставить.

Конечно, не каждому дано проникать в души людей. Это большое искусство. Может быть, потому ополченцы Московской заставы и звали Тихонова «наш Фурманов».

Я пишу очерк о пламенном комиссаре Павле Тихоновиче Тихонове и вспоминаю слова: «Не трогайте меня, я личное задание комиссара выполняю!»

Это кричал во время боя, обращаясь к подбежавшим товарищам, раненый Князев, помначштаба полка, бывший «обозник», в котором Тихонов своим комиссарским чутьем угадал настоящего мастера боя, истинного патриота Советской Родины. Для Князева, как и для всех в дивизии, задание комиссара считалось заданием партии, Родины, народа.

Очерк хочется сделать о живом комиссаре. Трудно представить себе Тихонова мертвым. В ушах еще слышится его неторопливый говорок, перед глазами стоит высокий, по-армейски подтянутый человек. Вспомнилось: «Наш Фурманов». Он даже лицом своим — необыкновенно спокойным и красивым — напоминал его.

Карп принес мне донесение о гибели Тихонова, полученное политотделом армии. Оно кончалось предсмертным обращением комиссара к бойцам: «Стойте, товарищи, за Ленинград, стойте за нашу землю!»

В сентябре бомбежки усилились. Все, кроме занятых работой над номером, уходили в бомбоубежище... Всегда оставались на своих местах машинистки Зоя Терентьевна Романова и Нина Ивановна Колье. Поздно вечером приезжал из Смольного редактор Николай Дмитриевич Коновалов, информировал о новостях. Номер «перекраивался» как можно быстрее, на ходу.

23 сентября 1941 года, когда наши дивизии получили номера регулярных соединений Красной Армии и входили уже в состав 8-й, 23-й, 42-й и 55-й армий, Невской и Приморской оперативных групп войск, штаб Ленинградской армии народного ополчения был расформирован. А редакции газеты «На защиту Ленинграда» было приказано работать. Последний номер мы сделали в ночь с 6 на 7 октября.

За три месяца вышло семьдесят девять номеров. Боевой коллектив редакции, сплоченный фронтовым братством, вскоре почти полностью поступил в распоряжение Военного совета 55-й армии. Мы издавали газету «Боевая красноармейская».

Часто потом приходилось нам встречать в дивизиях, полках, батальонах, ротах бывших ополченцев, ставших закаленными воинами. Случалось, они не сразу узнавали нас, а когда мы напоминали им, где, на каких рубежах встречались, говорили:

— А, вы из нашей газеты, — и при этом добавляли: — родной ополченской...

В. А. БАЙДАКОВ

ЮЖНЕЕ ГАТЧИНЫ

Жаркий летний полдень. С Невы веет прохладой, уютна тень старых деревьев, разросшихся на Большом проспекте, в скверах — все точно так же, как и неделю назад. Но вот на глаза попадаются белые бумажные перекрестья на стеклах, плакаты: «Родина в опасности!»

Война резко изменила наши планы. Выпускные экзамены, подведение итогов учебного года, мои директорские заботы о ремонте школы — теперь все это отодвинулось куда-то вдаль. 24 июня в школе был развернут военный госпиталь. В начале июля я вступил в ряды народного ополчения.

Представитель военкомата, проводивший запись добровольцев, сказал:

— Вы направляетесь в Свердловскую дивизию. Она еще формируется. Примете в этом участие.

Байдаков Василий Алексеевич, директор 1-й средней школы Свердловского района, был зачислен в третий полк 2-й гвардейской дивизии народного ополчения политруком пулеметной роты. В последующие годы находился на политической работе в подразделениях связи Ленинградского фронта. После войны, до ухода на пенсию, занимался преподавательской работой.

В мае 1973 года В. А. Байдаков умер.

Когда комплектование подразделений подходило к концу и была создана отдельная пулеметная рота, меня назначили туда политруком.

Пошел на Косую линию, где в одном из домов размещалась рота. Там уже находился ее командир — лейтенант Фоменко, молодой человек, только что окончивший военное училище. Первым взводом командовал его товарищ по училищу Королев. Три других взвода приняли командиры запаса Кузнечиков, Кожушко, Голубев. На вооружении роты были несколько станковых пулеметов и винтовки.

Стал я знакомиться с личным составом роты. Народ в ней подобрался молодой, грамотный, энергичный, но, конечно, военные знания у большинства были слабые, а некоторые вообще никогда не держали в руках оружия. Решили мы с командиром немедленно приступить к занятиям.

Раннее утро, подъем. Короткий завтрак на фабрике-кухне, что на углу Большого проспекта и Косой линии, построение и команда: «Запевай!» На пустыре возле Смоленского кладбища мы постигали азы военной науки.

Наша рота вошла в состав третьего стрелкового полка, укомплектованного в основном рабочими и инженерами Балтийского завода.

Когда дивизия была полностью сформирована, она получила наименование 2-й гвардейской дивизии народного ополчения.

Наступила середина августа. Ранним утром мы шли по пустынному городу навстречу врагу, рвущемуся к Ленинграду. Безлюдны набережные Невы, мост Лейтенанта Шмидта, Театральная площадь, Садовая улица, Международный проспект. Не звучит обычная команда «запевай!»: мы не хотим нарушать покой горожан. Только мерно печатают шаг бойцы.

Три дня мы стояли в Московской Славянке.

Несколько раз прямо над нами завязывались яростные воздушные бои: «ястребки» встречали летевшие к Ленинграду самолеты врага. Молодежь, видя эту воздушную карусель, загоралась: «Когда же мы в бой пойдем, товарищ политрук? Скорей бы!»

Мы, конечно, уже не те штатские люди, которые полтора месяца назад не умели «взять ногу», быстро окопаться, выбрать позицию для пулемета, метко метнуть

гранату. Но проверит нашу выучку лишь первый бой. А его час все ближе и ближе...

И вот мы снова на марше. Двигаемся к Гатчине. Прозвучала команда остановиться. Отдыхаем на окраине совершенно безлюдной деревни вблизи Тайц. На дороге появляется женщина, пристально вглядывается в наши лица. Вдруг к ней бросается командир взвода Голубев — такая неожиданная и радостная встреча с женой, возвращавшейся с оборонных работ!

Отдых был недолгим. Первый батальон и наша пулеметная рота получили приказ сниматься. Последний переход перед боем, завтра нам предстоит атаковать врага.

— Шагом марш!

И вновь запылила под сотнями ног дорога. Выяснилось, что идем мы к деревне Сяскелово, расположенной юго-западнее Гатчины. До нее километров тридцать. Расстояние не пугает, главное — успеть к рассвету следующего дня, чтобы атаковать противника внезапно.

Вечерело. Поля, луга, перелески, почти безлюдные деревни. Идем быстро, споро, без остановок. Наконец привал.

— Как самочувствие? — опрашиваю пулеметчиков.

— Хорошее, товарищ политрук!—откликается сразу несколько голосов.

Комбат старший лейтенант М. В. Грунев собрал командиров и политруков рот. Короткое совещание. Нужно послать разведку. Сразу вызвался командир взвода лейтенант Голубев. С двумя бойцами, уточнив маршрут, он уходит в густеющие сумерки. Грунев показывает по карте наш дальнейший путь, отмечает место, куда мы должны прибыть к рассвету. Подойти нужно скрытно, только так можно обеспечить внезапность атаки. Всем быть в полной боевой готовности. Мы с Фоменко возвращаемся в роту, знакомим пулеметчиков с поставленной задачей.

— Становись! Шагом марш!

И снова колонна устремляется в путь. Идем молча, лишь сзади погромыхивают нагруженные повозки да изредка звучит приглушенная команда. Навстречу попадается повозка с тремя ранеными красноармейцами — значит, враг уже близко.

Начинает светать, а конца лесу, кажется, не будет. Но вот появились какие-то просветы, открылось подер-

иутое предутренней дымкой поле. Навстречу бегут дозорные:

— Впереди противник!

Комбат отдает команду:

— Ротам рассредоточиться, пулеметчикам занять боевые позиции!

Впереди поплыло дымное облако, одно, второе, третье. Что это? Плотная серая завеса движется на нас, закрывая горизонт. Мы открываем огонь, и сразу же в ответ начинают рваться мины.

Огневая дуэль становится все ожесточеннее. Гитлеровцы то и дело возобновляют дымовую завесу, из-за этого трудно вести прицельный огонь. А команды атаковать все нет. Комбат, видимо, ждет обещанные танков. Я на левом фланге, рядом пулеметный расчет,' бойцы ведут огонь, ловя просветы в сдуваемой ветерком дымной пелене. Вдруг прямо над ухом раздается рокот мотора, за изгородью в нескольких метрах появляется наш танк. Значит, сейчас пойдем в атаку. И в это время по цепи проносится: «Комбат ранен!» Осколок попал Груневу в голову, он потерял сознание, но вскоре очнулся. Первыми его словами был приказ: «Стоять насмерть!» Дрогнувшие было ополченцы вновь усилили огонь по врагу.

Бой длился уже несколько часов. Кончались боеприпасы, все больше становилось раненых и убитых. И в это время ветер унес последние клочья дыма. Мы увидели, как, подминая спелую рожь, на нас идут семь вражеских танков.

Уже дважды раненный, комбат Грунев, собрав все силы, крикнул:

— За Родину, за Ленинград! По танкам огонь!

Две вырвавшиеся вперед машины ополченцы забросали бутылками с горючей жидкостью. Вновь над полем боя пополз теперь уже густой черный дым — горели гитлеровские танки, остальная пятерка попятилась назад. В этот момент пуля сразила комбата.

Немецкие автоматчики стали обходить батальон с флангов. В лесу раздавались отрывистые очереди, взрывы гранат.

Передали команду отходить...

23 августа понесший большие потери батальон соединился в Тайцах с полком. От нашей пулеметной роты осталась лишь треть. Ранены лейтенант Фоменко, ко-

мандиры бзводсж Королев и Кожушко, погиб комвзвода Кузнечиков.

Отправив раненых в тыл, полк в тот же день выступил из Тайц. В районе деревни Романовки остановились на ночевку. Кругом кипела работа: ленинградцы строили дзоты, рыли противотанковые рвы и окопы, делали завалы. Ночью была хорошо слышна канонада, видны отдаленные сполохи — где-то за Гатчиной шел бой. Проплыли наши бомбовозы, и вскоре до нас донеслись глухие взрывы.

Утром ускоренным маршем мы направились в Гатчину. Город был пуст, встречались лишь военные. Недолгий привал в старинном тенистом парке, где все напоминало о недавних мирных днях — и летний киоск, и ажурная беседка, и спокойный шепот листвы. Здесь ленинградцы любили отдыхать в воскресные дни, а сейчас зеркальная гладь прудов вздрагивала от близких разрывов.

Мы вышли на западную окраину города, пересекли линию железной дороги. Где-то совсем рядом враг. Утром 25 августа полк двинулся в южном направлении. В соприкосновение с противником мы вошли юго-восточнее Гатчины возле деревень Пижма и Пустошка. Командир полка подполковник Васильев принял решение атаковать с ходу. Ополченцы с криком «ура» смело устремились на врага. Завязались рукопашные схватки.

Пули свистели прямо над головой, ссекая листву с молодых березок. Я упал на край противотанкового рва и сорвался вниз. Карабкаясь по отлогой стене, с трудом выбрался наверх и снова присоединился к цепям атакующих. Мы бежали, перескакивая через трупы в серо-зеленых мундирах, и видели, как гитлеровцы лихорадочно заводят машины на деревенской околице, переваливаются через борта кузовов. Бегут!

Но вот противник бросил в бой свежие силы, вражеский огонь заставил ополченцев залечь. Завязалась артиллерийская дуэль. Под ее «аккомпанемент» мы начали спешно окапываться. Саперы на небольшом холмике за оврагом энергично сооружали блиндаж — КП полка.

Много жизней спасли в этот день наши сандружинницы Анна Зимина — работница завода металлоизделий и ее боевая подруга — комсомолка Мария Кузнецова.

Под сильным пулеметным огнем Зимина вынесла тридцать семь раненых. Позже отважные девушки были награждены орденами.

Одна из них оказала помощь и мне. Вблизи разорвалась мина. Очнулся, вижу, подползает сандружинница, сама ранена в йогу. Хотя меня контузило и рассекло осколком лицо, после перевязки я смог вернуться в свою роту.

На этом рубеже ополченцам удалось задержать врага на несколько недель. Яростные бои шли непрерывно, кажется, за исключением одного дня, когда ударил сильный ливень. И без того перепаханная взрывами земля пусть ненадолго, но стала нашим союзником: ни пройти ни проехать. Но на другой день солнце подсушило почву, и вновь на нас поползли танки, а за ними пошла пехота.

— «Сокол»! «Сокол»! Дай огонька!

— «Кукушка»! «Кукушка»! Огонь!

Молодой командир стрелковой роты, надрываясь, кричал в телефонную трубку. Наша артиллерия и минометы почему-то молчали, а гитлеровцы уже вплотную подходили к окопам.

— Бей их гранатами!

Мы подоспели с пулеметами, когда вражеские автоматчики появились чуть ли не у самых брустверов окопов. Расстреливали врага почти в упор.

Потом пробыв на другом участке, и пулеметчики бегут туда — так и кочевали весь день.

Время от времени мы контратаковали. Вспоминаю одну из контратак.

Утро. Ветер шумит в траве, недалеко от окопа покачиваются колосья переспелой ржи, в небе стремительно проносятся ласточки, туман ползет по опушке леса, и кажется, что никакой войны нет. Но над головой свистит снаряд, второй, третий. Наши начали артиллерийскую подготовку. Все заняли свои места. Пулеметчикам сейчас предстоит большая работа — поддержать огнем цепи атакующих.

Взвилась ракета.

— В атаку! Вперед!

И забыты прелести летнего утра. Тело собрано в один напряженный комок, сердце бешено колотится. Бросок, еще бросок. Хотя артиллеристы поработали неплохо, гитлеровцы встречают нас плотным огнем. Меня

обогнал расчет Соколова, залегли, устанавливают пулемет. Вот он подал свой голос. Но место выбрано неудачно— как бы не накрыли ребят...

В этот момент начался массированный огонь из минометов, цепи прижаты к земле, головы не поднять. Подполз, морщась от боли, Аксенов.

— Что случилось?

— Товарищ политрук, Соколов и Голубев убиты. Я ранен, кажется в бок.

Я добрался до разбитого пулемета. Уткнувшись в его станину, лежал Соколов. Рядом — Голубев, осколок попал ему в голову.

Достал документы убитых, спрятал в карман своей гимнастерки партийный билет Голубева — прощай, друг! Быстро отполз к Аксенову, наскоро сделал ему перевязку, оттащил в ближний овражек. Там уже скопилось несколько раненых, около них хлопотала санружинница.

— Вы ранены, товарищ политрук?

— Нет.

— У вас все лицо в крови.

Оказалось, осколок разорвал кожу на лбу, я даже не заметил, когда это случилось. Выскочил из овражка, бросился вперед. Наши снова поднялись во весь рост и с криком «ура» ворвались в немецкие траншеи.

Скоротечный рукопашный бой. Как опишешь его? Короткие очереди автоматов, крики, прерывистое дыхание дерущихся людей, отдельные выстрелы, стоны, где-то совсем рядом взрыв гранаты...

Вечером я пошел на КП полка, разыскал секретаря партбюро А. А. Лебедя, передал ему партийный билет Голубева. Помолчали.

— Сколько ж теперь у тебя, политрук, осталось пулеметчиков?

— Да меньше, чем пальцев на руках...

— Маловато,— сказал парторг.— Крепись, мы должны выстоять...

На следующий день, отражая ожесточенную атаку, которая с перерывами длилась несколько часов, мы потеряли еще двух человек.

Бои слились в одно яростное сражение, иногда не затихавшее даже ночью. Силы наши таяли. Мы все реже переходили в контратаки, с трудом удерживали занятый рубеж. Гитлеровцы почувствовали это и при мощной

огневой поддержке стали вклиниваться в нашу оборону то в центре, то на флангах.

Наши два пулемета—все, что осталось после стольких дней боев,— были сосредоточены в центре, боевую задачу нам сформулировали коротко: охранять КП полка, не допустить прорыва гитлеровцев на обширном участке нашей обороны. Вместе с бойцами комендантского взвода пулеметчики несли круглосуточное дежурство.

Молодой лес, окружавший командный пункт, служил нам хорошей маскировкой; с другой стороны, он был удобным прикрытием и для гитлеровцев. В один из дней, прорвав цепь охранения, автоматчики появились между деревьями прямо у подножия холма, где помещался КП. Они даже не пытались подойти скрытно, шли в «психическую» атаку, ведя огонь на ходу. Пулеметчики действовали спокойно — несколько длинных очередей, и оставшиеся в живых побежали обратно.

На выстрелы выскочил из блиндажа начальник штаба полка капитан Семенов, группа бойцов охраны. Мы бросились за убегающими гитлеровцами. Рядом со мной оказался смуглолицый невысокий солдат, один из тех, кто охранял КП, — его звали Ахмет.

За деревьями мелькали серо-зеленые мундиры. Очередь. Мы залегли.

— Смотри, Ахмет, вон слева!

Боец хладнокровно целился, чуть прищурив свой раскосый глаз. Выстрелил. Гитлеровец сполз на землю, держась за ствол молодой березки. К нему поспешил другой автоматчик, его Ахмет тоже взял на мушку. Вскоре стрельба в леске затихла.

Через два дня атака была повторена, как по нотам. Но в этот раз фашисты, правда, действовали более осторожно, не шли в полный рост. И снова на поляне перед КП скрестились очереди наших пулеметов.

...Время — под вечер. Густеют сумерки. Мы уже знаем, что фашисты все делают, даже атакуют, «по расписанию». На сегодня они вроде бы выполнили свою программу. И вдруг снова стрельба. Новая группа «гостей» буквально вывалилась на поляну. У одного из наших пулеметов заело ленту. Мы с пулеметчиком одновременно схватились за гранаты,— гитлеровцы совсем рядом. «Лимонки» полетели в цель. Атака была отбита.

Начало темнеть. Наверное, на сегодня все. Я обошел посты, предупредил бойцов: ночь — союзник разведчиков, лазутчиков, надо быть начеку. Вернулся в шалаш. Не знаю, сколько прошло времени,— стрельба. Выскочил наружу. Оказалось, гитлеровские автоматчики обошли КП и сейчас, видимо, двинулись к Малой Пижме, где размещался штаб полка. Связь с ним прервана.

Меня вызвали на командный пункт, приказали восстановить связь со штабом. С группой бойцов я ушел выполнять задание.

Быстро темнело, глаза едва различали стволы деревьев. Шли осторожно, готовые в любую минуту открыть огонь. Автоматчики не могли уйти далеко. И вдруг послышались их голоса. Шепотом дал команду рассредоточиться.

Я узнал это место. Метрах в сорока — пятидесяти от нас — большая канава, за ней дорога, ведущая в деревню. Видимо, враг готовил здесь засаду. Мы подползли к канаве вплотную. Уже отчетливо была слышна немецкая речь. Я передал по цепи:

— Приготовиться! Огонь!

Несколько минут ожесточенной перестрелки. Гитлеровцы рассеяны. Путь к штабу полка свободен. Отправив большую часть бойцов обратно на КП, я доложил комиссару о только что закончившейся схватке, предупредил о возможной опасности.

— Ясно, отдыхайте, политрук!

Вместе с двумя бойцами зашли в землянку, на нарах — свежее пахучее сено. Через несколько минут все крепко спали.

Утром возвратились на КП, получив подкрепление— примерно десяток бойцов. Узнали, что несколько гитлеровцев взяты в плен.

Я думаю о школе. Первая учебная неделя обычно для нас самая волнующая. На переменах разговоры в учительской: о прошедшем лете, учениках, первых оценках, появившихся в журналах. Все мы—педагоги и ученики — постепенно входим в рабочий ритм, без него школьная жизнь немыслима.

Я вспомнил, как на уроках рассказывал ребятам об Отечественной войне 1812 года, о Бородинской битве, о героях гражданской войны. Вот и на нашу долю выпало защищать Родину. И снова весь народ поднялся

на врага. Кого только нет в батальоне — русские, украинцы, белорусы, татары, латыши! Буду сегодня проводить беседу — обязательно скажу об этом: когда поднимается народ, нет силы, которая могла бы одолеть его. Во мне вновь заговорил учитель истории.

Подъехала кухня.

— Поспешай, ребята! Немцы уже позавтракали, вас дожидаться не будут.

Казалось, они не торопились в этот день. Но вот тишину нарушил свист снаряда.

— Ложись!

Вокруг КП рвались снаряды. Шквал огня. Давно противник так старательно не обрабатывал наши позиции. Пятнадцать минут длился обстрел. Но вот замолкли последние взрывы. Мы выбирались из щелей, укрытий, вытряхивали песок из пилоток, карманов, проверяли оружие.

— Воздух!

Один за другим на нас начали пикировать бомбардировщики. От ударов бомб земля ходила ходуном; казалось, не выдержат барабанные перепонки, все плыло перед глазами.

И снова тишина. Она сдавливала виски, наваливалась тяжелым грузом. Я видел, как рядом мотал головой боец,— видимо, тоже никак не мог прийти в себя.

— Байдаков! — словно сквозь вату, донесся до меня голос комиссара полка. — Фашисты! Все, кто на КП,— в твоем распоряжении. Контратакуй!

Я сбросил шинель, выхватил из кобуры пистолет:

— Слушай мою команду! За мной, вперед!

Вскочил на бруствер окопа и увидел, как поднялись бойцы комендантского взвода, рядом со мной Грицюк, с винтовкой наперевес бежит Ахмет.

Гитлеровцы, отстреливаясь, начали пятиться. Припав на колено, бил им вслед из винтовки Ахмет, удачно метнул гранату Грицюк. Мы уже углубились в мелколесье, здесь за каждым кустом таилась опасность. Откуда-то с фланга ударил вражеский пулемет.

— Накрой его гранатой! — крикнул я бойцу, бегущему слева, и в этот момент мне обожгло ногу. Рядом, как подкошенный, упал Ахмет. Я вскочил, пробежал еще несколько шагов и почувствовал, что нога уже не слушается.

Так закончился для меня этот бой. На полуторке, в объезд пылающей Гатчины — над ней кружили вражеские бомбардировщики,— меня увезли в Ленинград, в госпиталь.

А наш полк, взаимодействуя с двумя другими полками дивизии, занимавшими позиции справа, еще продолжал сдерживать натиск врага. Ополченцы не только оборонялись, но переходили в контратаки и отбрасывали фашистов. Под Сяскеловом, на рубеже Пижма — Пустошка, они сражались как герои. Многие навсегда остались там, на подступах к Ленинграду, они отдали свою жизнь за наш любимый город, за Родину. Память о них — вечна.

В. В. ИВАНОВ

ВЫРУЧИЛ ЮНЫЙ МУЗЫКАНТ

Обычно даже в штатской одежде военного человека узнаешь сразу: по стройной выправке, четким движениям, голосу. Мы же — ополченцы — как ни старались держать равнение в строю, четко печатать шаг, не походили на кадровых военных. Мне думается, главное здесь не в том, что на многих из нас топорщилась военная форма, нескладно сидела амуниция. Скорее всего, но нашим лицам, еще сохранявшим печаль разлуки с родными и близкими, по волнению, которое испытывал каждый, кто шагал в строю, сразу было видно — идут люди сугубо штатские. Наша маршевая рота шла по улицам родного Ленинграда, и я слышал: «Наши идут... Городские...»

Недолго пришлось нам овладевать азами военной науки. Мало-мальски научились обращаться с винтовкой, противогазом, метать гранату. А более основательно,

Иванов Виктор Васильевич, профессиональный музыкант, перед войной играл в оркестре Дворца культуры имени С. М. Кирова. В 4-й дивизии народного ополчения был старшиной батальона. После войны служил в ведомственной охране.

В мае 1974 года В. В. Иванов умер.

предупреждали нас, придется учиться в боях. На войне люди мужают и взрослеют значительно быстрее, чем в мирные дни.

Тогда, в начале августа 1941 года, мы еще не представляли, как будет происходить это мужание. Одно не вызывало сомнения: скоро, и очень скоро, произойдет наша встреча с войной. Командиры, политработники не скрывали: Ленинграду угрожает смертельная опасность.

...Сама дорога, по которой шагала наша маршевая рота, направляясь во 2-ю гвардейскую дивизию народного ополчения, напоминала о скорой встрече с опасностью, испытаниями. Мы то и дело прижимались к правой обочине, чтобы пропустить санитарные машины, транспорт с боеприпасами, горючим, артиллерийские тягачи. И мне, вчерашнему профессиональному музыканту, вдруг подумалось: напрасно, видимо, несу трубу, лишний груз, ничего больше. Там не до музыки. Но как раз в тот же день я услышал ее. В Московской Славянке нас встретил оркестр. Как только отзвучал марш, один из *музыкантов* окликнул меня. Кто, я *не понял, но все же* обрадовался — значит, есть в оркестре и мои коллеги.

Между тем рота расположилась в пришкольном саду. Ополченцы мигом сбросили с себя вещевые мешки, скатки шинелей, противогазы. Винтовки установили в козлы, а сами прилегли в тени кустарников. Нам приказали никуда не отлучаться, ждать дальнейших распоряжений. Прошло около получаса. «Ну,— думаю,— сейчас скомандуют: встать, становись, шагом марш. Так и не узнаю, кто из музыкантов окликнул меня». Но из штаба дивизии прибыл связной с письменным приказанием направить меня в музыкальный взвод. Я быстро собрал свои нехитрые пожитки, попрощался с товарищами, с которыми успел подружиться в маршевой роте, подошел к командиру. «Вот видишь, Иванов,— сказал капитан,— и на войне музыка нужна.— Он пожал мне руку и добавил: — Ну, будь здоров, играй пободрее...»

Едва успел я доложить командиру музыкального взвода о прибытии, как меня уже окружили товарищи. Со всех сторон раздавались голоса: «Здорово, Виктор! Вот так встреча! Значит, снова будем вместе...» И множество вопросов, самых разных, самых неожиданных — о городе, о семьях. Здесь я встретил хорошо знакомых

мне трубачей — Вячеслава Солодилова, Георгия Тимохина, Виктора Дикарева, тромбонистов Аркадия Зверева, Владимира Вацейника, ударника Сергея Сыченко, тенориста Анатолия Гесли, басиста Николая Сидорова. Встретил и совсем юного трубача Юру Дворецкого. До войны все мы играли в одном оркестре во Дворце культуры имени С. М. Кирова. Вдруг увидел я среди окруживших меня музыкантов невысокого паренька, худенького, с темным чубчиком. Да ведь это же Женя Кармальский! Никак не ожидал встретить его здесь. И хотя Женя Кармальский и Юра Дворецкий были одногодками (обоим по шестнадцать лет), но даже рядом с Юрой Женя выглядел совсем мальчонкой.

— Ты как сюда попал? — спрашиваю.

— Так же, как все, — отвечает. — По зову Родины.

Если бы фашисты не напали на нашу страну, не пришлось бы Жене Кармальскому в шестнадцать лет надевать солдатскую шинель. Он обязательно, как и мечтал, стал бы токарем, а по вечерам спешил бы в Дом культуры, в свой оркестр.

Замечено, что во время великих испытаний рождается музыка, отвечающая духу этого времени. Французская революция родила «Марсельезу», битвам гражданской войны посвящены такие песни, как «Каховка», «По долинам и по взгорьям», «Матрос Железняк». В первые же дни после нападения гитлеровской Германии на нашу Родину по всей стране прогремела «Священная война».

Мирное время осталось где-то далеко позади. Изменился и репертуар нашего оркестра. А вот слушателями часто оказывались старые знакомые. Ими были ребята с Балтийского завода, для которых мы еще совсем недавно исполняли в Мраморном зале Дворца культуры танго, фокстроты, вальсы. Теперь маршевой музыкой мы встречали их у себя в дивизии и провожали на передовые позиции.

Конечно, музыкантам было не так трудно, как тем. кто с оружием в руках сдерживал натиск врага, рвавшегося к Ленинграду. Но и нам порой приходилось нелегко. Ночами мы стояли на постах, охраняли дивизионные склады. Требовалось — убирали картофель, овощи. То нас срочно вызывали с поля, чтобы выступить перед бойцами. А подошли ближе к фронту — помогали в эвакуации раненых, провожали в последний путь пав-

ших в боях защитников родного города. Тяжело переживая горечь утрат, мы рвались туда, где решалась судьба Ленинграда. Но каждый раз нам отвечали: «Оркестр трогать нельзя. Музыка нужна».

Музыка нужна... Это было в Тайцах, в один из последних августовских дней 1941 года. С боевых позиций шли сообщения одно тревожнее другого. Несмотря на героическое сопротивление советских воинов, враг продвигался в направлении Гатчины. И тут наш оркестр получил приказ дать концерт. Он проходил вечером под открытым небом на небольшой лужайке. Наши слушатели — бойцы народного ополчения, ленинградцы, возводившие оборонительные сооружения, и местные жители — сидели прямо на траве. Мы стали играть. Зазвучали песни гражданской войны, героико-патриотические песни. Но вот над притихшими слушателями раздались первые аккорды могучей, величественной песни «Священная война». И вдруг мы услышали*

Вставай, страна огромная,
Вставай на смертный бой
С фашистской силой темною,
С проклятою ордой.

Песню пели стоя. А когда она стихла, вперед вышла женщина. Она говорила о том, что сама готова взять винтовку, только бы остановить врага. Выступали бойцы. Клятвой геройски сражаться с захватчиками, защитить город Ленина звучали их короткие речи. Это был уже митинг. Люди были готовы немедленно отправиться в бой.

Командование принимало все меры к тому, чтобы дать отпор оккупантам. В бой вступали ополченцы тыловых подразделений. В деревне Зайцево и мы получили приказ сдать музыкальные инструменты на склад и отправиться в Большое Замостье в распоряжение командира полка.

Там же, в Зайцеве, мы простились с нашими юными музыкантами — Женей Кармальским и Юрой Дворецким. Как ребята ни упрашивали оставить их во взводе, не разрешили: молоды еще для настоящего боя.

В деревню Большое Замостье мы прибыли в полночь. Командир батальона, в распоряжение которого мы поступили, предупредил, что вражеская атака может начаться, и скорее всего начнется, на рассвете. Времени

оставалось мало, нужно было срочно подготовиться к обороне. Но окопаться как следует мы все-таки не успели. Еще не были заметны и признаки рассвета, когда фашисты открыли по нашим позициям артиллерийский и минометный огонь. Сперва тяжело грохнуло. Снаряд с каким-то клекотом летел, казалось, прямо на нас. Мы припали к земле. Потом слышался лишь гул и грохот, а снаряды и мины рвались где-то дальше, в нашем тылу. Но я все-таки подумал, что не обошлось, наверное, у нас без потерь. Потом выяснилось, что в нашем взводе все были живы и невредимы, а у соседей нескольких человек ранило. А еще лишились мы батальонной полевой кухни.

Хотя мы пережили и немало треволнений во время обстрела, все же это не было настоящим боевым крещением. Мы, если можно так выразиться, лишь понюхали пороха. Само же крещение произошло утром, когда на горизонте только начинало загораться солнце. В это утро нам предстояло встретиться с врагом лицом к лицу. А вот что произошло немного раньше. На своих позициях мы увидели старшего политрука. Фамилии его я не запомнил. Он шел по траншее, взглядом, словом подбадривал людей, напоминал, что многое будет зависеть от нашей выдержки. Стало как-то спокойнее и легче от одного его присутствия. А когда мы узнали, что старший политрук поведет нас в бой, то и совсем повеселели.

А тут еще преподнесли нам сюрприз Юра Дворецкий и Женя Кармальский. Все-таки мальчишки добились своего, возвратились в боевую семью. Только для вида мы поругали их за непослушание, а в душе готовы были расцеловать ребят. Вызвала веселую улыбку чья-то фраза: «Если уж Юра и Женя решили дать бой фашистам, то нам и сам бог велел».

Только успели указать место ребятам, как услышали команду: «Приготовиться к бою!» Но прошло еще какое-то время, прежде чем показался противник. Сначала услышали визг пуль. Потом заметили, как мелколесьем, группами по пять-шесть человек, наступают гитлеровцы. Заработали наши винтовки. Петр Кутенев открыл огонь из ручного пулемета. Застрочил пулемет «максим». Где-то на правом фланге стрельба вскоре усилилась. Затем она стала быстро перемещаться в глубь нашей обороны. Мелькнула мысль: неужели

противник обходит нас? Гитлеровцы, наступавшие с фронта, между тем увеличили теми движения. Несмотря на наш огонь, они шли нагло, во весь рост, мундиры нараспашку, рукава закатаны до локтей, стреляя на ходу, горланили:

— Рус, сдавайся, сдавайся!

Мы приготовили гранаты, потому что, как нам казалось, через несколько мгновений бой перейдет в рукопашную схватку. И в этот момент сначала на левом фланге, затем совсем рядом раздалось: «В атаку! В атаку! Вперед, товарищи!»

Наш комиссар (так мы называли про себя старшего политрука) выпрыгнул из окопа. Взвод последовал его примеру.

—■ Рассредоточиться! — скомандовал старший политрук.

Гитлеровцы сократили шаг, некоторые даже остановились: очевидно, не ожидали, что встретят здесь сопротивление. Я успел сделать несколько выстрелов. И тут заметил вражеского солдата, который целился в меня. Надо быстро перезарядить винтовку — затвор не отведу, песком заело. Что делать?! Слышу: «Почему не стреляешь?» А гитлеровец —• я отчетливо видел его наглое лицо — словно издевался над моей беспомощностью, не спешил с очередью. Моя рука потянулась к гранате. Но что это? У фашиста вдруг выпал из рук автомат. Еще мгновение, и сам он рухнул на землю. Кто-то выручил меня. Кто же? Это я узнал позже. А сейчас бой продолжался, мы несли потери, во взводе были убитые, тяжело ранило старшего политрука. Вражеская пуля пробила руку нашего пулеметчика Петра Кутенева. Мы сами оказали первую помощь раненым, отправили их на санитарную повозку. Командование взводом перешло ко мне. С каждой минутой положение становилось труднее. Кончились патроны. Фашисты усилили натиск. Отбиваясь гранатами от наседавшего врага, мы вместе с другими подразделениями народного ополчения вынуждены были отступить.

Мы недосчитались многих товарищей, павших в том первом, памятном для нас бою. Тяжело терять тех, с кем только что плечом к плечу сражался с врагом, знать, что ценою крови товарищей заплатили мы за науку воевать, а со временем и побеждать. Много было еще на нашем пути к победе сражений, атак, но бой

под Большим Замостьем, наш первый бой, никогда не изгладится из памяти тех, кто участвовал в нем. Оттуда началось наше мужание.

Хочу еще сказать о человеке, который в том памятном бою спас мне жизнь.

Когда продвижение гитлеровцев было остановлено и мы, бывшие музыканты, собрались вместе, кто-то спросил меня:

— Сколько раз в году ты, Виктор, отмечаешь свой день рождения?

Вопрос удивил меня, но я ответил, что один раз, в феврале.

— Л отныне, — услышал я, — тебе следует отмечать его дважды — в феврале и в августе. Того фашиста, что целился в тебя, убил Женя Кармальский.

Так узнал я имя того, кто спас мне жизнь.

Случилось потом так, что и я смог прийти Жене на помощь. Это произошло на Невском «пятачке». Я тогда служил уже в 86-й стрелковой дивизии, бывшей 4-й ДНО. Однажды ночью Кармальский без оружия вышел из блиндажа и наткнулся на фашистскую разведку. Я в ту минуту продвигался по траншее и первым услышал тревожный возглас. Выглянул из траншеи и сразу увидел немцев, а метрах в пятнадцати от них Женю Кармальского. Крикнул ему: «Ложись!» — и метнул гранату.

Из беды Жешо выручил, а вот пригласить на свой день рождения в августе не довелось. Тяжелый недуг свалил Жешо на госпитальную койку. Перед самым прорывом блокады Ленинграда юноша умер. Ему не было и двадцати лет.

Сверстник Евгения Кармальского Юрий Дворецкий прошел всю войну. Закончил ее старшим лейтенантом, комсоргом батальона. Удостоен многих боевых наград. С ним, теперь уже Юрием Васильевичем, опытным мастером одного из ленинградских заводов, мы встречаемся и часто вспоминаем тот далекий день, когда в рядах народных ополченцев встали на защиту нашего родного Ленинграда,

Н. Д. ИГНАТЬЕВА

ЮНОСТЬ НАША БОЕВАЯ

Накануне Великой Отечественной войны группа студенток Ленинградского сельскохозяйственного института окончила курсы медицинских сестер. В их числе была и я.

Почему мы пошли на эти курсы?

Когда в конце 1939 года началась война с Финляндией, мы обратились в Пушкинский райвоенкомат (институт находится в Пушкине) с просьбой направить нас в действующую армию. Работник военкомата будто окатил нас ушатом холодной воды:

— Что вам делать на фронте? Медсестрами можете быть? А радистками? Телефонистками? Вы же ничему не обучены, только обузой будете.

Увидев, что некоторые из нас, обиженные отказом^ готовы расплакаться, он закончил довольно грубовато!

*— На фронте некому вам слезы вытирать.

Игнатьева (Фадеева) Наталья Дмитриевна вступила н народное ополчение, будучи студенткой третьего курса Ленинградского сельскохозяйственного института. Была сандружинницей во 2-й гвардейской дивизии. Войну закончила в звании старшины медицинской службы под Прагой в рядах 18-й десантной армии. После войны окончила Ленинградский университет, была на партийной работе.

В настоящее время Н. Д. Игнатьева преподает политэкономию в Ленинградском институте авиаприборостроения.

Потом мы с благодарностью вспоминали этого не очень-то любезного человека. Он пробудил у нас желание овладеть военными специальностями.

Учиться на курсах медсестер, организованных РОККом (Российское общество Красного Креста), было нелегко. Курсы годичные, занятия четыре раза в неделю. Немалая добавка к напряженной институтской работе.

Преподавали на курсах опытные врачи из военного госпиталя и пушкинской больницы имени Н. А. Семашко, в этой больнице мы проходили практику. Девушки участвовали в учениях, но никто из нас не думал тогда, что очень скоро нам придется оказывать помощь не условно «пострадавшим», а действительно раненным в боях советским воинам.

Окончили курсы, и меньше чем через месяц началась война.

Мы сразу же подали заявления с просьбой зачислить нас добровольцами. В военкомат вызвали, когда в Ленинграде начала создаваться армия народного ополчения. Я и моя подруга Катя Худышкина попали в медсанчасть первого полка 2-й гвардейской дивизии народного ополчения.

Наша часть пешком отправилась из Ленинграда в Антропшино. Ночью мы проходили Пушкин, и родной притихший город показался нам посуровевшим.

Из Антропшина полк переправили в район Гатчины. Санчасть расположилась в Гатчинском парке, неподалеку от центрального входа. Передовые позиции находились совсем близко, на подступах к городу.

Гитлеровцы нещадно бомбили Гатчину. Еще не все население эвакуировалось. Мы оказывали помощь жителям, пострадавшим от вражеских бомб. Среди них оказался профессор нашего института И. В. Ларин — крупный ученый, общий любимец студентов. Я и Катя Худышкина слушали его лекции. А теперь вот нам пришлось его перевязывать.

Гатчина — любимое место отдыха ленинградцев. Каждый из нас раньше бывал здесь, в этом прекрасном парке, у каждого связаны с ним приятные воспоминания о мирных веселых днях. Горько и больно было нам смотреть на опустевший прифронтовой город, заколоченные, а то и распахнутые настежь окна и двери домов, давно не метенные, грязные улицы. Многие дома

были разрушены, многие сгорели. По безлюдному парку метались раненые лошади.

Мы вырыли траншеи и землянку для перевязочного пункта. Не успели его оборудовать, стали поступать раненые. Их было много, наша часть вела кровопролитные бои. Места в землянке не хватало, расстилали плащ-палатки на земле, клали на них раненых. А уже начиналась осень, становилось холодно, шли дожди.

Не только на передовой, когда выносили раненых, но и в медсанчасти нашим девушкам приходилось работать под огнем. Санчасть постоянно подвергалась бомбежкам и артиллерийским обстрелам. Однажды ночью фашистский снаряд разрушил нашу землянку. Нас и раненых засыпало землей. Мы уже считали себя погибшими, но всех откопали.

Новую землянку рыть было некогда, перебрались в здание ремесленного училища напротив парка. Через несколько дней снаряд разорвался во дворе здания, взрывной волной и осколками многих саидружинниц ранило или контузило. Те, кто пострадал меньше, продолжали оказывать помощь раненым.

Все время над нами кружился «мессер». Он гонялся за каждым, кто появлялся на аллеях парка, и поливал свинцом из пулеметов. Наверное, «мессеры» были разные, но всем казалось, что это один и тот же, «прикрепленный» к нам.

Обстановка требовала от девушек не только мужества, но и быстроты действий, сноровки, находчивости. Проблемой стало кипячение шприцев, иголок, пинцетов, соблюдение стерильности. Нужно было как можно быстрее выносить раненых с поля боя, оказывать им первую помощь, доставлять в медсанбат. От этого зависела их жизнь. Раненые были для нас очень дорогими людьми, братьями по духу и по оружию, вставшими на защиту своего народа, своей земли.

Порой сандружинницы узнавали в раненых товарищей, с которыми вместе уходили в ополчение. Один из них оказался Героем Советского Союза Иваном Ульяновым. Зимой 1939/40 года мы слышали о подвигах этого бесстрашного разведчика, в недалеком прошлом маловишерского парикмахера.

Откуда только брались силы у девушек! Некоторые были очень хрупкими, но и они не отставали от подруг. Никто не думал ни об отдыхе, ни о сне.

У нас была еще одна горестная обязанность — хоронить тех, кто умирал на наших руках, кого не удалось спасти. Тут же в парке выкапывали мы братские могилы...

Где-то далеко осталась вчерашняя мирная жизнь с ее радостями, концертами и библиотеками, свиданиями и танцами. Сегодня вокруг только смерть и кровь.

Вчера еще каждая из девушек была по-своему счастлива, имела свой дом, свою семью. Вчера они были работницами, студентками, диспетчерами, лаборантками, продавщицами. Сегодня у них одна профессия, одно призвание, один высокий долг — плечом к плечу с мужчинами отстаивать свою Отчизну от врагов. Они добровольно сменили нарядные платья и модельные туфельки на грубые солдатские шинели и кирзовые сапоги. Некоторым отказывали, не брали в армию, но они добились своего.

Война лишь началась, а у многих дружинниц уже были свои личные счеты с фашистами. Валя Чибор получила извещение, что ее муж, командир Красной Армии, пал в бою, а двое маленьких детей погибли при эвакуации из Ленинграда. Коммунистка Валя Чибор была у нас самой отчаянной, самой бесстрашной.

Валя спасла много раненых. Ее дерзости не было предела. Она проникала туда, куда, казалось, невозможно проникнуть, вытаскивала раненых из-под носа врага.

С горечью мы узнали о гибели нашего командира полковника Виноградова. Он, опытный воин, не раз беседовал с нами ласково, как отец.

Виноградов был убит во время нашей контратаки и «стался лежать на «ничейной» земле. Неоднократные попытки унести его тело не увенчались успехом. Фашисты простреливали место, где лежал полковник.

И все же тело Виноградова вынесли. Сделала это Валя Чибор с помощью еще трех сандружинниц из других батальонов, фамилий их я не помню.

В это время в Гатчине находился К. Е. Ворошилов. Маршал горячо благодарил сандружинницу за геройский поступок. Говорил, что Виноградов — его старый боевой товарищ.

Тогда-то Валя получила свою первую награду — орден Ленина. Позднее мы узнали, что за бои под Красным Бором ей вручили орден Красной Звезды.

Много пережила Саша Днепровская. На ее глазах гитлеровские летчики расстреливали беззащитных женщин и детей. Она рассказывала, что не может забыть убитую молодую женщину, к которой прижимались двое крохотных детишек. В заметке, опубликованной в те дни в армейской газете, Днепровская писала: «Я буду бить фашистов до тех пор, пока не станет свободной советская земля».

И била, как могла. В конце 1941 года она перешла во взвод инженерной разведки, овладела специальностью сапера, участвовала в подрыве вражеских огневых точек и дзотов. Днепровскую мы прозвали «Сашка-партизан».

В первые же дни войны Валя Маркова перестала получать письма, от мужа, черноморского моряка, и от брата, красноармейца. Муж пал смертью храбрых под Севастополем, а брат был тяжело ранен.

Валя Маркова до войны была инспектором областного управления торговли. Комсомольцы отдела несколько лет избирали ее своим секретарем.

Добрая, отзывчивая Валя в нужный момент проявляла твердость характера, непреклонную волю. Однажды она везла раненых в медсанбат, машину остановил незнакомый командир. Он приказал отвезти его в Ленинград, у него, мол, важное дело.

— Там и сдадите раненых, — сказал он.

— Не могу менять маршрут, у меня тяжелые, их надо поскорее доставить.

Командир настаивал и вынул пистолет.

— Не пугайте, у меня тоже есть оружие, — ответила девушка и щелкнула затвором винтовки.

Дежурила как-то Маркова на наблюдательном пункте командира полка. В это время гитлеровцы начали атаку. Шли они во весь рост, непрерывно стреляли из автоматов. Находился НП на высотке, вся местность хорошо просматривалась. Валя, наблюдая за боем, не заметила, как вошел командир дивизии.

— А что здесь делает «детский сад»? — спросил он, кивнув на Валю.

Роста она небольшого, выглядела гораздо моложе своих лет и действительно была похожа на девочку. Не успела Валя ответить, как рядом разорвался снаряд. И «детскому саду» нашлось дело. Валя быстро и уверенно перевязывала раненых. У нее был опыт,—!

зимой 1939/40 года она работала в госпитале, окончила курсы медсестер.

Самой пожилой нашей дружиннице Яранцевой было сорок три года. Все мы звали ее по имени-отчеству — Варварой Алексеевной, относились к ней с большим уважением. Ее нельзя было не уважать. Яранцева была на редкость выносливой, не нуждалась в скидке на возраст. Ее жизненный опыт, оптимизм, душевное равновесие благотворно влияли на нас, девятнадцати-двадцатилетних.

Много хорошего можно рассказать о каждой нашей дружиннице. О старшине санчасти — справедливой, всегда подтянутой Зине Елагиной, неутомимой, душевно щедрой Кате Худышкиной, приветливой Зине Бурнейко, о Кате Тарасовой, Зое Ивановой, Маше Кудрявцевой, Наташе Браташиной и других.

Те из нас, кто имел подготовку, работали медсестрами — делали перевязки, противостолбнячные и противошоковые уколы. Все сандружинницы очень быстро научились под руководством врачей накладывать кровоостанавливающие повязки, жгуты, шины.

Никогда не забуду начальника санчасти, молодого врача, воспитанника Военно-медицинской академии Григория Аксенова. Он во всем служил нам примером. Всегда оказывался там, где было трудно, где требовалось быстрое решение, квалифицированный совет. Он был горяч в работе и хладнокровен в минуты опасности. Не было дня, чтобы Аксенов несколько раз не побывал на передовой. Не успокоится, пока все раненые не будут вынесены с поля боя. Нужно было — сам ползал за ранеными, таскал носилки, делал любую работу.

— Дорога каждая минута, — учил он нас. — Не прозеваем, и жизнь воина спасена, и он снова будет в строю, будет снова бить фашистов.

Аксенов был неутомим, изобретателен и, я бы сказала, неистов. Никто лучше его не мог остановить проходящую мимо машину, убедить шофера отвезти раненых в медсанбат. А делать это приходилось часто. Своего транспорта не хватало. Была у нас вначале конная повозка, потом санитарная машина, крытый брезентом грузовик. Все они были разбиты вражескими снарядами и бомбами.

Наш начальник постоянно и терпеливо учил сандружинниц.

Нелегко ему было с нами. Даже в те суровые дни прорывались у нас привычки недавней безмятежной жизни, желание поозорничать. Возраст брал свое.

Не знаю почему, однажды в минуту затишья мне вздумалось надеть кем-то принесенную шикарную широкополую шляпу и на велосипеде прокатиться по аллеям парка. Наряд вне очереди отучил меня нарушать форму.

Одна из наших девушек раздобыла детскую игрушечную шарманку и бренчала на ней. Особенно любила пошалить веселая, острая на язык Маша Рындина, студентка театрального училища.

Первое время Аксенов хватался за голову:

— С вами повоюешь!

Но с каждым днем все больше убеждался: можно во всем положиться на девушек. Убеждался в их верности долгу, самоотверженности.

Наша санчасть выходила из Гатчины в числе последних,—не на чем было вывезти раненых. Прискакал на взмыленном коне офицер связи из штаба полка, набросился на Аксенова:

— Ты почему еще здесь? Все наши отступили, немцы уже в парке.

— Не уйду, пока раненых не отправлю.

Офицер связи вместе с Аксеновым остановил мчавшийся грузовик, погрузил на него раненых.

Мне довелось пройти всю войну, быть на разных фронтах, много пережить и повидать. Но не помню ничего страшнее отступления из Гатчины.

Фашисты преследовали нас по пятам. Было до слез обидно сознавать преимущество врага на земле и в небе. Но и тогда каждый из нас непоколебимо верил: будет праздник и на нашей улице. Эта вера придавала силы.

Приходилось пробираться через лес, преодолевать болота. Спасаясь от гитлеровских самолетов, мы часами сидели в канавах и воронках, иногда по пояс в холодной воде. Смотрю, Катя Худышкина упала в придорожную канаву. Сразу же вода стала красной. Вытащили Катю, оказалось, она ранена в голову, потеряла сознание.

Немало наших девушек погибло. Осколок вражеского снаряда попал в лицо моей любимой подруге Маше Алексеевой. Рана оказалась смертельной. Маша была

удивительно красива. У меня сохранилась ее фотокарточка с надписью: «Наташа, не забудь свою Машу». Была убита Зила Елагина, наш отважный и заботливый старшина.

Тех из нас, кто уцелел, перевели в кадровую 70-ю ордена Ленина стрелковую дивизию, меня зачислили в медсанчасть 329-го стрелкового полка. Вскоре этой славной дивизии присвоили звание гвардейской.

В это соединение пришли вместе с нами сандружинницы из других полков 2-й гвардейской дивизии — Тося Сорокина (Мельникова), Оля Смирнова, Полина Аникина, Дуся Пашкевич и многие другие. Они хорошо проявили себя, получили правительственные награды. Тося Сорокина вскоре стала политруком в медсанбате. После войны Антонина Ивановна Сорокина много лет была заместителем директора Ленинградского Дворца пионеров имени А. А. Жданова.

Все наши сандружинницы стали на фронте коммунистами.

После войны пути наши разошлись. Но никогда мы не сможем забыть своих подруг по ополчению — живых и мертвых.

В те тяжелые дни мы сроднились на всю жизнь, стали ближе друг к другу, чем родные по крови. Верно говорят, за один день на фронте можно узнать человека лучше, чем за многие годы мирной жизни. Каждая из нас познала в минуты смертельной опасности неоценимые душевные качества тех, кто был рядом, заботился о подругах больше, чем о себе, с кем делили последний кусок хлеба, покрывались одной шинелью.

До конца дней наших будет жить фронтовое бра?*’ ство!

6, Л. КУЗАНБВ

ДВА ПАМЯТНЫХ ЭПИЗОДА

1

Если бы кто-нибудь задал мне вопрос, какое из событий, происшедших за годы войны, оставило у меня наиболее яркое воспоминание, то я бы назвал бой с вражескими танками в августе 1941 года у хутора Прологи, недалеко от станции Молосковицы.

Враг, не считаясь с потерями, рвался к Ленинграду. Первая пушечная батарея артиллерийского полка 1-й гвардейской дивизии народного ополчения, имевшая на вооружении четыре видавших виды 76-миллиметровых пушки образца 1902—1930 годов, получила боевую задачу: занять позицию примерно в двух километрах от переднего края нашей обороны и не допустить прорыва танков противника. Заняв огневую позицию, мы замаскировали пушки березками, а лошадей поставили за бугорок, на берегу какой-то речушки.

Привезли обед. Едва мы успели поесть горячих щей, что в те дни удавалось не часто, как с передового

Кузанов Владимир Петрович в 1920 году вступил добровольцем в Красную Армию, закончил артиллерийские командные курсы, служил в армии. Перед войной работал администратором в Ленгосэстраде. Начисленный в 1-ю гвардейскую дивизию народного ополчения, был назначен командиром батареи артполка. Позже занимал должности начальника штаба полка, командира полка, начальника оперативного отдела штаба артиллерийского корпуса. После войны *работал заместителем* **директора Леиконцерта.**

В настоящее время В. П. Кузанов — па пенсии.

наблюдательного пункта, куда телефонная связь только еще протягивалась, прибежал запыхавшись разведчик А. Я. Витоль и доложил, что по дороге движется колонна вражеских танков, двадцать пять — тридцать машин.

Откровенно говоря, я не поверил разведчику. Откуда здесь танки? Впереди занимала оборону целая дивизия с артиллерией, минометами, пулеметами и прочим оружием. Если бы танки противника и прорвали нашу оборону, то обязательно произошло бы сражение и мы услышали бы гул канонады. А вокруг стояла такая умиротворяющая тишина, словно войны и не было. Поэтому, чтобы успокоить взволнованного разведчика, я предложил ему поесть свежих щей, а там, мол, посмотрим, что за танки идут.

Но восемнадцатилетний ополченец, вчерашний студент Арнольд Витоль от предложенных щей отказался и продолжал настойчиво уверять, что действительно приближаются танки, и именно немецкие, с крестами.

И как бы в подтверждение его слов послышался рокот моторов. Тут уж было не до обеда.

Быстро определили, что танки идут по дороге, пролегающей правее батареи и ведущей в глубину нашей обороны. Стала очевидной ближайшая наша задача: перекрыть противнику путь, заставить его повернуть на батарею и тогда вступить с ним в бой.

Для этого третье орудие под командованием старшего сержанта Маркелова было послано навстречу танкам. Заняв огневую позицию непосредственно у дороги и дождавшись, когда покажется первый танк, Маркелов открыл огонь. Первым же выстрелом была подбита головная машина. Следующими выстрелами вывели из строя еще одну, и дорога была прочно закупорена. Выполнив боевую задачу, орудийный расчет быстро возвратился на основную огневую позицию.

Танки свернули с дороги на овсяное поле — другого пути у них не было — и продолжали движение на малой скорости (километров шесть—восемь в час). Видимо, гитлеровцы чуяли, что опасность где-то близко, и продвигались ощупью.

Пока вражеские машины ползли по овсяному полю, я, наблюдая в стереотрубу, насчитал двадцать четыре средних танка и невольно подумал: четыре пушки против такого количества танков, пусть даже средних, ма-

ловато! Да и снарядов у нас не густо. В те времена мы, артиллеристы, ощущали в них острый недостаток.

А танки все приближались. Гул моторов нарастал. Пушки, угрожающе выглядывая из башен, как бы прощупывали местность, готовые в любой момент открыть убийственный огонь. Положение становилось напряженным.

В голову лезли всякие мысли: выдержат ли необстрелянные батарейцы, вчера еще сугубо штатские люди, не дрогнут ли? А вдруг найдется трус, поднимет панику, в результате которой люди теряют самообладание и становятся легкой добычей врага? Ведь достаточно одного такого паникера...

Тем временем танки подошли на расстояние около четырехсот метров. Самая выгодная дистанция для открытия огня. Раздумывать, гадать, чего-то опасаться было уже некогда...

Я скомандовал:

— К бою!

Маскировочные березки полетели прочь! Каждое орудие заранее получило цель, и первые четыре выстрела прогремели почти одновременно.

Есть! Два вражеских танка запылали. Артиллеристы-ополченцы вели точный огонь прямой наводкой, умело используя элемент внезапности.

Вот загорелся еще один танк, а потом еще два. Батарея расстреливала танки с наиболее выгодной дистанции в триста — четыреста метров. Противник был ошеломлен. А батарея продолжала интенсивный огонь, не давая гитлеровцам опомниться.

Однако замешательство у немецких танкистов прошло, и задние машины открыли сильнейший огонь по обнаружившей себя батарее. Тогда третье и четвертое орудия стали стрелять по танкам, шедшим сзади и на мгновение прекратившим движение. К небу взметнулись новые дымные факелы.

У нас появились первые раненые. В орудийном расчете второго орудия наповал сразило наводчика. Заменивший его второй номер, по-видимому, от волнения оборвал боевой шнур. Образовалась заминка. Я побежал к орудию и заменил шнур брючным ремнем. Орудие старшего сержанта Н. И. Лебедева (впоследствии геройски погибшего под Синявином при прорыве блокады Ленинграда) продолжало вести огонь по врагу.

Запас снарядов с каждой минутой таял. Положение батареи становилось угрожающим. Орудийный и пулеметный огонь противника достиг нанвысшего предела — позиция батареи обстреливалась всеми оставшимися в строю танками, а их еще было более полутора десятков. Мы уже потеряли семь человек ранеными, один был убит,

У нас оставалось снарядов на пять — семь минут боя. Если бы противник продержался это время, танки смяли бы и уничтожили орудия.

И вот в таком, казалось бы, безнадежном положении, когда выручки ждать неоткуда, появился неожиданный спаситель. На огромной скорости вылетел громыхающий «газик», до отказа наполненный снарядами, да не какими-нибудь, а бронебойными! Шофер «газика» Сергей Иванов (после войны он работал в такси, потом заведующим гаражом), не обращая внимания на бешеный обстрел, лихо подкатил к самым орудиям и развернул машину. Батарейцы в один миг растащили лотки со снарядами по орудиям — торопить никого не пришлось!

Как костер, в который подбросили большую охапку сухого хвороста, с новой силой вспыхнул огонь батареи, начинавший уже затухать.

Бой достиг своей кульминации, и было ясно, что одна из сторон должна спасовать, — долго выдержать такое напряжение невозможно.

Не выдержали гитлеровские танкисты. Потеряв одиннадцать машин, они повернули назад и на предельной скорости скрылись. Наши артиллеристы победили. Тапки не прошли. Ленинградские ополченцы показали себя смелыми и решительными людьми.

В этом бою все держались безупречно и действовали геройски. Особо отличились мой заместитель по строевой части младший лейтенант В. С. Шумилов, который фактически командовал вторым взводом, командиры орудий старшие сержанты Сурмач, Лебедев, Маркелов, разведчики А. Витоль и И. Загоровский — два самых молодых ополченца.

Младший лейтенант Шумилов был награжден за этот бой медалью «За отвагу», я — орденом Красной Звезды. Надо сказать, что достойных награды было много больше, но давались они в ту пору скупо.

Теперь, по прошествии многих лет, я задаю себе вопрос: как могло случиться, что сотня ленинградских до-

бровольцев с четырьмя старенькими пушками не только устояла в бою против двадцати четырех танков, но и победила их с таким, пользуясь спортивной терминологией, разгромным счетом?

«Бой — самое большое испытание моральных, физических качеств и выдержки бойца», — говорится в Боевом уставе пехоты. Это испытание ополченцы выдержали отлично потому, что они оказались настоящими патриотами, готовыми отдать жизнь за свой город, за свою Отчизну. Они победили потому, что проявили смелость и решительность. А «на войне у смелости особые привилегии» — утверждает известный военный теоретик Клаузевиц.

2

Вспоминается и второй эпизод, относящийся к первым месяцам войны.

В эпизоде этом нет ничего героического. Скорее он забавный, но тем не менее по-своему поучительный.

К концу сентября 1941 года наступление гитлеровцев на Ораниенбаум было остановлено. Противник, понеся значительные потери, исчерпал наступательные возможности. Обе стороны перешли к обороне.

Ночью противник обычно вел методический артиллерийский обстрел боевых порядков пехоты и наших огневых позиций. А у нас снарядов было мало, приходилось экономить, так как враг отрезал нас от Ленинграда и снабжение боеприпасами по Финскому заливу было очень затруднен о. Все же для ответного огня на каждую ночь назначалась дежурная батарея.

Техника этого дела была упрощена до крайности. Услышав разрывы снарядов в расположении наших войск, командир дежурной батареи забирался на большую сосну, где был оборудован наблюдательный пункт, и самым примитивным способом пытался засечь вражеские батареи, а затем приказывал открыть огонь. На подготовку к стрельбе уходило минут двадцать пять — тридцать, и эта вынужденная проволочка вызывала неудовольствие начальства и ворчание пехоты: «Опять эти артиллеристы проспали!»

Командиры второй и четвертой батарей Н. К. Шувалов и К. Н. Дубенецкий старались вовсю, стремясь быстрее открыть ответный огонь, но это у них не получа-

лось, и начальство продолжало их ругать, ставя в пример первую батарею, отвечавшую на неприятельский огонь почти моментально.

Шувалов и Дубенецкий недоумевали: в чем тут дело?

Однажды ночью, когда дежурила наша первая батарея, они подошли к моей землянке с твердым намерением раскрыть секрет. Вскоре началась стрельба немецких орудий, и почти немедленно загрохотали ответные выстрелы первой батареи, а затем последовали разрывы снарядов в расположении противника.

Шувалов и Дубенецкий ничего не понимали: ведь командир батареи из землянки не выходил, на наблюдательный пункт не забирался, а батарея ведет огонь.

■— Неужели он всю ночь сидит на сосне и в этом весь секрет? — предположил Шувалов.

Вдвоем они бросились к дереву, где был устроен НП, но там никого не оказалось. Теряясь в догадках, вошли в мою землянку.

Тускло горевший обрывок телефонного кабеля еле освещал телефониста Глазкова, передававшего команды на огневую позицию. Командир батареи мирно спал в углу, на еловых ветках.

— Второму орудию... — лихо командовал Глазков, глядя в какую-то бумажку, — пять снарядов... огонь!

Шувалов и Дубенецкий стали тормошить меня.

— Владимир Петрович, проснитесь! Немцы стреляют!

Я проснулся сразу — на передовой сон чуткий — и моментально понял все. Поглядывая на непрошеных гостей, дружелюбно сказал:

— А-а, это вы? Пришли, надо думать, опыт перенимать?

— Какой там опыт! — удивленно произнес Шувалов. — Почему вы не на сосне?

— Зачем? Что мне там делать? — удивился я в свою очередь.

— Как что делать? Обнаруживать, засекать...

— И выговоры получать, — в тон гостям закончил я.

— Но боевая задача, устав! — не сдавались мои критики.

— Эх, милые мои, — перебил я их снова, — в давние времена был на Руси царь Петр Первый. Может, слыхали?

— А при чем тут царь? — огрызнулся Шувалов.

— А при том, — продолжал я, — что у этого царя,

в порядке исключения, был царь И в голове. И оставил этот царь своим неразумным потомкам такой царский завет: «В уставе строи и порядки обозначены, а времен и случаев нет. Посему не держись устава, яко слепой стены, а действуй с разумением».

Шувалов и Дубенецкий пытались возразить, но я не дал им этой возможности и тем же тоном продолжал:

— Вот я и стараюсь действовать с разумением: днем готовлю исходные данные для стрельбы по заранее разведанным целям и записываю команды на бумажке. А ночью телефонист Глазков, как услышит, что гитлеровцы начали свой концерт, немедленно передает команды на батарею и... все довольны! Начальство хвалит! Пехота спокойна — артиллеристы начеку! Телефонист Глазков растет в собственных глазах: сам командует. И я, грешный, могу часок-другой поспать, без чего даже на войне прожить невозможно.

■— Да, но наша боевая задача — контрбатарейная борьба, — возразил Дубенецкий, все еще не желая сдаваться.

— Боевая задача, боевая задача, — тяжело вздохнул я. — Ее тоже понимать нужно. Что такое ночной огонь? Ведь это огонь не прицельный, а скорее психологический. Мол, война продолжается, мы не спим. И все дело в данной ситуации не в том, чтобы засечь вражескую батарею, что в условиях сплошных лесов, ночью и при отсутствии средств наблюдения просто невозможно, а в немедленном открытии ответного огня, — закончил я свое объяснение.

— Устав требует... — начал было Шувалов, но я опять перебил его:

— Устав требует прежде всего командирской инициативы в бою. А теперь заседание закрывается. Мне еще сои надо досмотреть,— закруглился я, повернувшись к стене.

Мои друзья молча вылезли из землянки и ушли к себе. Потом я узнал, о чем они говорили по дороге.

— А ведь на этот раз царь, пожалуй, прав, — сказал Дубенецкий.

— Да... Не держись устава, яко слепой стены! —согласился Шувалов.

— И действуй с разумением! — заключил Дубенецкий.

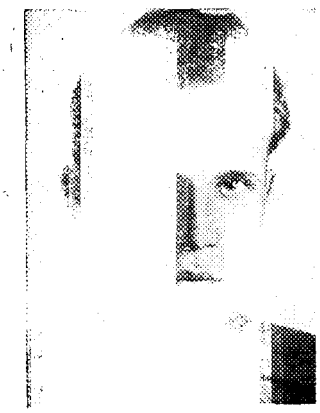
А над их головами с равными промежутками, шелестя, пролетали снаряды... Первая батарея продолжала ответный огонь.

С. Н. Лопшко

ВОСПОМИНАНИЯ ФРОНТОВОГО ШОФЕРА

Когда началась Великая Отечественная война, я был на третьем курсе Ленинградского политехнического института. Исполнилось мне всего двадцать лет, но я уже успел поработать и геодезистом, и шофером. Тогда я и не думал, что эти сугубо гражданские специальности так пригодятся мне ид фронте.

О начале войны я узнал в полдень 22 июня, и с того момента все завертелось в каком-то ускоренном темпе. В этот же день старший прораб строительства плотины в Опеченском Посаде возле Боровичей, где я проходил практику, срочно уехал на оборонные работы, и под моим началом оказались пять тысяч рабочих, сто лошадей с грабарками, четыре автомашины, экскаватор «Марион» и дреглайн «Бюсайрус». Я успел законсервировать стройку, затопить котлован и переделать еще кучу дел. Мне до сих пор не верится, что на все это ушла лишь неделя.



Попченко Сергей Николаевич вступил в 1-ю гвардейскую дивизию народного ополчения, будучи студентом третьего курса Политехнического института. Был шофером, потом военным топографом. Войну закончил в должности начальника топографической службы 15-го гвардейского воздушно-десантного корпуса.

Ныне С. Н. Попченко — руководитель лаборатории гидроизоляции Научно-исследовательского института имени Б. Е. Веденеева, профессор, доктор технических наук, заслуженный строитель РСФСР.

По дороге в Ленинград, в Боровичах, увидел в окн$ проходившего поезда мачеху с сестрой, отправлявшихся в эвакуацию.

В институте я сразу же получил новое направление— на оборонное строительство. Там мы с моим лучшим другом, который очень тогда страдал из-за своего имени Адольф, начали командовать возведением оборонительных сооружений. Нелегко было нам, мальчишкам, самостоятельно вести эти работы, распоряжаться людьми, по возрасту годившимися нам в отцы. Но задание мы выполнили.

И опять мы с Адольфом в родном городе, гордые и довольные, что справились с таким ответственным поручением. И все же на сердце неспокойно. Мы решили пойти на фронт добровольцами. Просто не представляли себе, как можно поступить иначе. Во Флюговом переулке, в общежитии Политехнического института, работала комиссия по набору добровольцев. Туда мы и подали наши заявления. А на следующий день мне пришла повестка: ложка, кружка, смена белья... Я попал в автороту 1-й гвардейской дивизии народного ополчения.

...Строевые занятия; старший сержант, который нам казался грозой пуще любого генерала; первая ночевка на деревянных нарах в помещении школы. Кое-кто ворчал: как, дескать, спать без матраса. Потом я часто вспоминал свою первую солдатскую ночевку, укладываясь в снег или в чавкающую болотную жижу — сюда бы эти нары!

Вскоре с 1-го авторемонтного завода стали поступать грузовые машины «ГАЗ-АА». Длинной колонной выстраивались они вдоль Международного проспекта. Пришлось мне тогда почти триста метров тащить на себе аккумулятор. Ничего лучше не придумал, как взвалить его на плечо. В результате сгорела гимнастерка, получил ожог кислотой и наряд вне очереди от старшины.

А потом фронт: формирование и работа днем и ночью — переброска боеприпасов во время боев под Княжевом, Кипенью, Молосковицами. Помню, как-то ночью привезли снаряды, только разгрузились — опять погружай. И так три раза за ночь.

Очень досаждали нам «мессеры», даже за одиночными машинами гонялись. Приходилось и мне не раз удирать от них. Один настойчивый «мессершмитт» на мою машину четыре захода сделал, две бомбы бросил. Но я

уже к тому времени набрался опыта, чувствовал, когда надо притормозить, а когда прибавить скорость, — так что пропали все старания фашиста впустую.

Прикомандировали меня к саперному батальону, которым командовал майор Вайсблат — человек удивительного хладнокровия и мужества. От него я получил приказание вместе с отделением саперов-минеров прикрывать отход полков дивизии. Это отделение состояло из студентов-дипломантов Академии художеств, ее архитектурного факультета и отличалось отчаянной храбростью. Порядки здесь были сугубо студенческие, и даже командира ребята избрали сами. Это был Рычагов— староста их группы в академии, отличник.

Нам нужно было закрывать проходы в минных полях уже после отхода наших частей. Кругом пожары, стрельба, ребята срочно закапывают последние мины, моя машина с работающим мотором замаскирована в кустах. Не раз приходилось нам удирать от немецких автоматчиков и мотоциклистов.

Как-то задержались мы в маленькой деревушке. Вдруг подбегает пехотинец: «Ребята! Фашистские танки деревню обходят!» С ходу разворачиваюсь, мои саперы прямо на ходу прыгают в кузов. Выезжаем из деревни, впереди в полукилометре дорога ныряет в лес, а с боков по опушке леса заходят танки. Справа три, слева — подальше — еще два. Мчусь прямо по дороге, а сам кошусь на передний танк. Из люка торчит здоровенный гитлеровец, рыжий, ну прямо как на плакатах рисовали, яблоко ест. В тот момент все чувства обострились, и каждая деталь зафиксировалась с фотографической точностью. Еду и думаю: «Вот сейчас нырнет и выстрелит! Вот сейчас!» Рычагов рядом только кряхтит, как будто машине бежать помогает.

До леса уже рукой подать, до танка —- метров двести. Нырнул танкист в люк, выстрелил, но промазал. Если бы попал, не писал бы я сейчас своих воспоминаний: ведь машина-то была полна минами, а под сиденьем — пачка взрывателей.

Но мы все же успели влететь в лес и сразу—на боковую дорогу. Видно, уже с досады гитлеровец пустил нам вслед еще несколько снарядов и опять промазал.

Но и дальше, за лесом, пришлось нам не слаще. Впереди деревня горит, с боков болото, сзади танки роко-

чут. Тут Рычагов придумал: ребята намочили шинели, покрыли ими мины в кузове, и мы ринулись сквозь огненный коридор. Целые бревна пылающие летят, жаром пышет — вот сейчас либо мины, либо бензобак рванет. Но уж нам не до страху было. Он пришел позже, когда проскочили деревню и умывались у речки...

Интересно, что в самые напряженные моменты машина никогда не отказывала. С благодарностью вспоминаю я нашего помиотеха — техника-лейтенанта Жданович. Спокойный, немногословный, доброжелательный, но очень требовательный, он в короткий срок научил нас ежедневному тщательному осмотру, скрупулезной чистке и смазке. Запчастями тоже не обижал.

И очень пригодилась мне в те дни хорошая шоферская выучка. Дело в том, что до войны я работал одно время на небольшом торфопредприятии, где всего-то было четыре «газика» и никаких запчастей, а дороги адские. Вот там я и научился ковать передние рессоры, по два раза на неделе менять чашку Гука — был такой проклятый узел на «газике», — умел сам заливать подшипники баббитом. Привычно мне было и ездить на проволочной прикрутке, и добираться домой, приспособив тоненький ствол березки вместо рессоры.

Говорят, есть такие шоферы, что умеют поставить лягушку вместо сгоревшего конденсатора или даже двигаться без переднего колеса. Таких чудес мне, конечно, делать не приходилось. Но уже в первые дни войны я на себе узнал, что такое подряд три раза сменить разбитый кузов или ползти полтора километра по-пластунски к исковерканной машине, чтобы ночью под пулями разобрать дифференциал и притащить коронную шестерню, которая так не вовремя полетела.

Так что мое «торфяное» образование очень мне помогало. Моя машина бежала даже тогда, когда «загорали» без запасных частей бывшие ленинградские таксисты — шоферы-асы.

Были в нашей автороте и очень опытные «полевые» шоферы. На всю жизнь запомнил я уроки Васи Позднякова, водителя с большим практическим стажем, который не гнушался помочь «белоручке-студенту». Это он научил меня тонкостям регулировки зажигания. А сколько раз выручал меня наш механик Костя Кошурников и добрым словом в трудную минуту, и дефицитной запчастью. Такое не забывается!

Вот так понемногу я обстрелялся и превратился в опытного фронтового шофера. Появилась та осторожность, которая помогает не паниковать, не терять головы при криках: «Окружение! Танки!»

Во-первых, мы, шоферы переднего края, скоро научились объезжать эти медленно ползущие чудовища, а во-вторых, и наши бойцы начали их упорно преследовать, да и прорывов и окружений становилось все меньше и меньше. Передний край стал стабильным, а мы научились воевать, освоили солдатскую науку.

В общем-то в первые месяцы войны мне везло. Даже ранило меня как-то «смешно»: сидел в машине — вдруг рядом снаряд разорвался. Осколок продырявил дверку, пробил живот и очень аккуратно отсек аппендикс, ничего больше не задев и не повредив. Тут же меня отнесли в медсанбат, благо что машина моя как раз около него стояла. Через неделю я уже был в строю — как будто обычную операцию аппендицита перенес.

Но в сентябре прижали нас фашисты к самому заливу на Ораниенбаумском «пятачке». Бои стали упорными и тяжелыми. Досталось и нам, шоферам.

Мы видели первые воздушные бои над Кронштадтом. Помню, как-то к вечеру со стороны солнца стали пикировать на Кронштадт немецкие самолеты. Уходя, они поднимались прямо над нами. А мы им палили в живот из винтовок.

Однажды, выехав на берег залива у деревни Большие Медведицы, я увидел, как над Ленинградом поднялось белое облако. Это горели Бадаевские склады.

И такое меня обожгло острое чувство любви к родному городу и ненависти к фашистам — даже дыхание перехватило. Повез я в очередной раз снаряды на передовую. А тут танковая атака немцев. Отвязал я с крыши кабины свою трехлинейку и залег в цепь. С высотки мне хорошо было видно, как ползли немецкие танки. Много их двигалось, штук тридцать, а за ними грязно-зеленая полоса пехоты. Мы начали стрелять по гитлеровцам, но против танков у нас были только связки гранат «РГД-1»: четыре ручками вперед, пятая к себе. И все связано шпагатом. И еще бутылки были с бензином. К бутылке прикручена большая спичка, а к голенищу сапога — чиркалка. Нужно чиркнуть спичкой и бросать. И хотя несовершенное это было оружие, но наши истребители танков здорово с ним управлялись.

И все же не знаю, чем бы кончился этот бой, но вдруг сзади мы услышали какой-то свист, шипенье, а впереди взметнулась к небу земля. Мы не сразу поняли, что произошло. Но когда земля осела и дым развеялся, увидели, что ни вражеской пехоты, ни танков уже нет. Только много лет спустя из книги Льва Успенского «Записки старого петербуржца» я узнал, что спас нас тогда бронепоезд «Балтиец».

Трудные настали времена. Уже с 25 октября начались морозы и сильные снегопады. Нашу дивизию перебросили с Ораниенбаумского «пятачка» в блокадный Ленинград, на «Большую землю», как мы тогда говорили.

Перевозили нас по ночам на морских судах. Днем мы таились в Ораниенбаумском парке, а ночью гнали машины на пристань. Пришлось нам, шоферам, поработать и за демонтажников, и за грузчиков. Да так, что чубы были мокрыми и на артобстрел реагировать времени не было.

Скоро подошла и моя очередь на погрузку. Под ураганным огнем в кромешной тьме еду по пирсу. Края его не видать, вот-вот в воду свалишься. Вокруг столпотворение вавилонское. Эти триста метров по пирсу показались мне вечностью, такого еще мне переживать не приходилось. Но вот мой «газик» повис на тросах, и я бегу по бесконечным трапам в самый низ трюма его принимать. В трюме тоже темнота. Выглядываю через люк, и первое, что вижу — двух артиллерийских лошадей, которых, сразу парой, подают подъемным краном. Эти заслуженные, всегда флегматичные и солидные коняги тут, испуганные непривычной обстановкой, ржут отчаянно и брыкаются. Да уж действительно, несладко повиснуть между небом и землей на брезентовых «полотенцах».

Но вот в трюмном люке появился родной мой «газик». Еще мгновение — и он стал в ряд с другими машинами. Молодцы моряки — так аккуратно поставили машину, даже кислоту из аккумулятора не пролили.

Странно, но погрузились мы почти без потерь: несколько раненых да одна машина, сорвавшаяся с пирса в море,— это на целую дивизию. Вот что значат выдержка и хладнокровие, четкая организация. Сколько жизней спасают они на войне!

Блокадный Ленинград встретил нас непривычной суровостью, пустотой улиц. В этот раз дома мне побы-

вать не пришлось. Переброска дивизии — тройная нагрузка для шоферов. Ох и трудно нам тогда было! Бессонные ночи, скудный паек, в кабине с разбитым стеклом мороз до костей пробирает. И постоянная буксовка в снежных заносах, когда под колесо приходилось стелить шинель.

Помню, какой ужас охватил меня, когда однажды проснулся я солнечным морозным утром в машине, уткнувшейся в сугроб на краю дороги. Заснул в пути, и спутник мой тоже крепким сном спит. Машина в сугробе заглохла: видно, уже давно так стоим. Ну, думаю, приморозил радиатор! Наверное, сказались здесь и длительное недосыпание, и голод. В общем, просто чудом не остались мы на этой дороге навсегда.

Наша дивизия базировалась в относительно спокойном районе. Артиллерия и авиация не очень беспокоили, но тяготы блокадной зимы истощили нас. И вдруг сообщение о предстоящем переходе через Ладогу, а там, как передавали по «солдатскому телеграфу», наступление. У нас как будто второе дыхание появилось. Откуда только силы взялись!

Вот так ополчение и суровая военная осень сорок первого года сделали из двадцатилетнего, совсем штатского паренька солдата. В короткий срок я возмужал, повзрослел. Это время я называю своей «академией жизни», которая дала мне закалку на всю войну. Суровые испытания позволили определить меру своих сил, принесли опыт, научили хладнокровию, осторожности, умению владеть собой в самых трудных передрягах. В те дни привычные слова: «Ленинград», «ленинградец» — как-то по-новому зазвучали в моей душе. И нет на земле для меня города роднее и ближе. А скромную звездочку с надписью «Народное ополчение Ленинграда» я считаю высшей своей наградой.

Л. В. ПОПОВ

ТРИДЦАТЬ ВТОРОЙ МЕДИКО-САНИТАРНЫЙ

На Васильевском острове из ополченцев формировали отдельные пулеметно-артиллерийские батальоны. Командирами туда старались отбирать людей, уже «понюхавших пороха», слышавших и гул разрывов, и вой падающих бомб. А таких в начальные дни войны насчитывалось не так уж много. Вот почему я не сомневался, что буду зачислен одним из первых. Ведь у меня за плечами советско-финляндская война, служба в штабе батальона, командирский опыт.

Но судьба распорядилась иначе. Уже сформировали один, другой батальоны, а я все еще оставался «вне штата». И тут меня вызвали в штаб Ленинградской армии народного ополчения. Случилось это в конце июля.

В штабе ЛАНО разговор был недолгий и для меня совершенно неожиданный.

Попов Леонид Васильевич перед войной был директором 6-й средней специальной артиллерийской школы. В июле 1941 года назначен старшим адъютантом медико-санитарного батальона 1-й гвардейской дивизии народного ополчения. Позже стал командиром медсанбата, затем заместителем командира артиллерийского полка, в составе которого и закончил войну.

Сейчас Л. В. Попов — директор Лениздата.

— Вы направляетесь в медико-санитарный батальон старшим адъютантом, — сказал капитан из управления кадров, — получайте предписание.

Заметив, наверное, на моем лиде недоумение, капитан внушительно произнес:

— Строевые командиры нужны и в медсанбатах. Вам следовало бы об этом знать.

Вышел я из Мариинского дворца, где размещался штаб, не в лучшем настроении. Да и как было не огорчаться? Медицина для меня что темный лес. Врачи, медсестры, лекарства — все это так далеко от моей профессии. Неужто других не оказалось? На мне, что ли, свет клином сошелся? Так или примерно так рассуждал я сам с собой. Но приказ есть приказ, и его надо выполнять.

Через полчаса я уже входил в особняк на Дворцовой набережной — Дом ученых. Здесь была штаб-квартира «моего» медсанбата.

На лестницах, в коридорах толпились девушки. В летних платьях, легких туфельках. С челочками и косичками, стриженные под мальчика и с копнами волос. Говорливые, остроглазые. Мне, уже прожившему на свете более тридцати лет, они показались старшеклассницами.

Командиру медсанбата, военврачу 2-го ранга Кропину, я намеревался представиться по всем правилам устава: пусть сразу увидит, что перед ним бывалый солдат. Но, увы, Кропин, как только услышал, кто я, прервал мой рапорт, сунул мне свою ладонь, усадил на диван, сам устроился напротив в кресле и, доверительно похлопав по моему колену, сказал:

— Рассказывайте, дорогой, о себе. Я слушаю...

Рассказывая, я внимательно разглядывал комбата, правой рукой которого отныне становился: ведь старший адъютант — это начальник штаба батальона. Полное лицо Кропина было покрыто завидным румянцем. Глаза умные, с хитринкой. Над четко очерченными губами— мясистый нос. Отметил про себя, что гимнастерка у него не командирская и сидит мешковато, как с чужого плеча. Не обжилась на нем. А когда ей было обжиться, ежели еще совсем недавно Кропин работал терапевтом в одной из больниц города? Словом, штатский человек в военном обмундировании. И поймал себя на мысли: а другие ополченцы разве не такие же, как

он, цивильные люди? И скоро ли мы отрешимся от всего штатского, что так глубоко в нас засело?

Минуло несколько часов, и я уже с головой окунулся в дела батальона. А их оказалось много.

Ознакомился со штатным расписанием. Батальону, оказывается, положено иметь четыреста семь человек личного состава (правда, по расписанию мирного времени). Пятерых хирургов, двоих терапевтов, врача-фармацевта. Еще фельдшеров, медицинских сестер, дружинниц, санитаров, шоферов, повозочных, поваров, кладовщиков. Все они входили в сортировочный, операционно-перевязочный, госпитальный взводы, хозяйственный с пищеблоком, автомобильный, конной тяги. Были и эвакоотделение, аптека. Тринадцать автомашин, семьдесят лошадей. Ничего не скажешь, солидно!

Понемножку узнавал людей. Моим помощником, младшим адъютантом, стал Василий Павлович Слетков. Он был единственным в батальоне человеком, с кем я встречался прежде: вместе воевали зимой 1939/40 года на Карельском перешейке. Невысокого роста, крутолобый, крепкий, как литой мячик, Слетков до глубокой ночи мотался с этажа на этаж, из комнаты в комнату. Со всеми разговаривал тихим, спокойным голосом, и его слушали с неизменным вниманием. Слетков не приказывал, а просил. Я понял, что этот стиль он уже успел перенять у комбата: Кропин не любил приказных слов, ему больше были по душе «пожалуйста» и «прошу». И эта штатская форма обращения действовала безотказно. Тут уж, наверное, вступали в силу высокий авторитет командира батальона, уважение к нему.

Убедился, что не все в нашем батальоне, как мне показалось в первые минуты, были девчушками, птенцами.

Скажем, Мария Орлова. Раньше ее готовили в санинструкторы, зачислили в стрелковую роту, состоявшую из пожилых рабочих. Рота ежедневно отправлялась в Таврический сад на занятия. Ползали по-пластунски, учились стрелять из трехлинейки. Машу считали опытным бойцом, и ей поручали школить рядовых, необученных. Орлова показывала седовласому ополченцу, как ходить строевым шагом. Он неуклюже поднимал запеленатые в обмотки ноги и виновато поглядывал на свою глазастую командиршу.

Или, скажем, Лиза Ларина. До войны она работала инженером в управлении «Ленэнерго», была секретарем комсомольской организации. Учитывая это, мы назначили ее начальником батальонной передвижной электростанции.

Мне рассказали историю Лизы. Ее, мать двоих детей — пяти и трех лет, наотрез отказались зачислить в ополчение. Она умоляла, требовала, грозилась пожаловаться в райком партии. Безуспешно. И тогда Ларина принесла в районный штаб народного ополчения письмо. Его подписали мать и муж-инвалид. Они просили уважить просьбу их Лизы и заверяли, что сами справятся с воспитанием детей: «Кто-то ведь должен из нашей семьи быть на фронте...»

В один день со мной в особняк на Дворцовой набережной пришла Марина Александровна Комарова. Ей было тогда тридцать пять лет. В темных волосах женщины уже блестели белые нити.

Комарову перевели к нам из истребительного батальона. Вдвоем со своей подругой Натальей Семеновой они после тяжелого боя вывели в тыл двадцать три раненых. Тех, кто не в состоянии был идти, несли на себе. Остальные ковыляли рядом, как могли помогали сестричкам.

— Пищи никакой, — рассказывала Марина, — перевязочных материалов нет. Где немцы, не знаем, и выйти из леса боязно. Спасли нас мальчишки из соседней деревни. Спрашиваю их: «Не выдадите нас?» — «Да что вы, тетенька, — отвечают, — мы же пионеры!» — И показывают спрятанные под рубашонками красные галстуки. Ребята повели нас в глубь леса, где скрывались от фашистов старики, женщины и дети. Там нас напоили молоком, дали хлеба...

Спустя час после того, как Комарова и Семенова доставили раненых в Ленинград, они пришли в военкомат, а оттуда — в наш медико-санитарный.

Однако Марина Александровна отнюдь не была самой старшей среди сандружинниц. Сотруднице Ленинградского этнографического музея Елене Георгиевне Гавриленко уже перевалило за пятьдесят. Нашим девчонкам она казалась бабушкой, но даже за глаза они ее так не называли. Быстрая, подвижная, удивительно ласковая и отзывчивая, она была вскоре наречена «мамой Леной». Это имя сохранилось за Гавриленко и после

того, как она стала руководителем батальонной партийной организации. Елена Георгиевна приняла дела секретаря партбюро у Дины Лазаревны Гуревич, которую перевели в полковой медицинский пункт.

И у Гуревич путь в народное ополчение был необычным. Незадолго до войны она приехала на учебу в Ленинград из Витебска, где работала секретарем городского комитета партии. На Ленинских курсах при ЦК ВКП(б) ее и застала беда, обрушившаяся на страну. Дина не вернулась в свой город, пошла добровольцем на фронт. Позднее, зимой 1942 года, ее, первую из наших медсанбатовцев, наградили орденом Красной Звезды.

Мы хорошо знали, что на формирование батальона отпущены считанные дни: фашистские армии бешено рвались к Ленинграду. Каждый оставшийся до выхода на фронт час надо было использовать для боевой подготовки.

Нашим учебным плацем стало Марсово поле. Место это, как известно, бойкое, людей здесь всегда много. Но мало кто обращал внимание на внушительный отряд девушек, расположившийся на траве знаменитого поля: ленинградцы уже успели привыкнуть к учебным занятиям на площадях, в садах и парках.

Руководили учебой командиры взводов, кадровые военные врачи Дмитрий Андреевич Веселовский, Иван Иванович Мартынов, Владимир Александрович Елисеев и Виктор Иванович Воробьев. Начали с установки палаток. Так ли уж это трудно — развернуть палатку армейского типа? Трудно, если люди это делают впервые в жизни, если поставить ее надо быстро и основательно.

У дружинниц были мокрые от пота спины, а Веселовский все требовал: «Быстрее, надо быстрее!» Трудились до изнеможения, но своего добились. В первый день на установку одной палатки пятнадцать человек тратили час, затем — сорок минут, а еще через некоторое время семь дружинниц справлялись с этим делом за пятнадцать — двадцать минут.

Обучались и метанию гранат. Копали окопчики и траншеи. Потом в нашей учебной программе появился еще один «предмет»: наматывание портянок. Жесткие кирзовые сапоги и тяжелые армейские ботинки до волдырей натирали нежные девичьи ноги. А ведь впереди

нас ожидали переходы куда более долгие, чем от Дома ученых до Летнего сада.

Наступил наконец день, когда батальон покинул «насиженное место» на Дворцовой набережной. Это произошло 30 июля. Промаршировали колонной через весь город. Теперь мы уже были медсанбатом № 32 и получили «прописку» в 1-й гвардейской дивизии народного ополчения.

Я не знал тогда, что через полгода мне доведется заменить Василия Васильевича Кропина, которого назначат дивизионным врачом, и пробыть на посту комбата свыше полутора лет.

...Первый привал сделали у Пулковской высоты. Несмотря на усталость, он был недолгим: приказ требовал, чтобы к вечеру батальон прибыл в Русское Койрово.

Село раскинулось среди зеленых холмов. Улицы чистые, усаженные деревьями. Аккуратные домики укрыты за кустами сирени. А тишина кругом поразительная! Словно и нет войны и зашли мы в эту, доселе неизвестную нам деревню не по пути на фронт, а ради отдыха на свежем воздухе.

В сотнях сел побывал после этого наш медсанбат. Больших и малых. Расположенных от Невы до Шпрее. Но Русское Койрово запомнилось нам на всю жизнь. Как не стерлись из памяти Опсала, Падрила, Большая и Малая Влои — названия первых сел, отбитых у врага нашей дивизией поздней осенью сорок первого...

После тридцатикилометрового марша ноги — точно чугунные. Не отодрать от земли. Но молодость всегда остается молодостью. Вместо того чтобы дать телу долгожданный отдых, дружинницы задумали постирушку. И через какие-нибудь полчаса горка возле школы, где мы остановились лагерем, покрылась разноцветными майками и рубашонками. Лучшего ориентира для вражеских самолетов не придумаешь. А они, словно им подали сигнал, пожаловали. На нас обрушились пулеметные очереди и бомбы. К счастью, все обошлось благополучно.

Но этот случай запомнился надолго. Все — от дружинницы до комбата — поняли, что мы теперь фронтовая часть. Именно фронтовая. И требования к нам сейчас такие же, как к бойцам любой другой части армии.

Нет больше места беспечности. Всегда и во всем должны быть железная дисциплина, собранность.

Из Русского Койрова батальон пешим порядком передвинулся в Красное Село, где в тот момент располагался штаб дивизии. Оттуда — эшелоном на Волосово. Это было 10 августа. Все шло по плану. Однако, как только батальон выгрузился в Волосове, началась ожесточенная бомбежка станции. И какая! Несколько часов подряд вокруг бушевала смерть. Мы лежали в пристанционном лесочке, прижавшись к земле, не смея поднять головы. Тишина наступила внезапно, но она могла в любую минуту вновь взорваться грохотом разрывов...

И на этот раз нам повезло: ни убитых, ни раненых. И батальонное имущество осталось невредимым. Первую жертву мы понесли через несколько дней: погибла Лиза Ларина, оставившая в Ленинграде двух маленьких детей.

Я уже упоминал, что Ларину назначили начальником передвижной электростанции. Хозяйство ее было небольшое: старенький движок, повозка и две лошади. Штат — начальник да ездовой.

Это случилось на рассвете на Кингисеппском шоссе. Во время марша одного из стрелковых подразделений на большаке стали рваться снаряды и бомбы. Стоны, крики о помощи... В этот момент здесь оказалась наша передвижка. Лошади испугались и понесли. Ездовому не удалось остановить их, и они вместе с повозкой влетели в огромную воронку от бомбы...

Лиза Ларина скончалась на пути в Ленинград, куда мы попытались ее эвакуировать.

А медсанбат продолжал продвигаться вместе с частями дивизии. По обочинам, вперемежку с бойцами, шли жители окрестных деревень со своим скарбом, коровами, козами. Часто перебирая короткими ногами и задевая животом землю, двигалась жирная хавронья. Ее сопровождала орава поросят. На телегах сгрудились дети — самые маленькие. А те, что повзрослее, шагали рядом. Люди насквозь пропитаны пылыо, смертельно устали.

В кювете, прислонившись к мягкому боку узла, сидели, обнявшись, две девочки. Обе навзрыд плакали. Возле них остановилась сначала одна дружинница, затем вторая, третья. Выяснилось, что девочки из Воло-

сова, где жили у бабушки. Когда гитлеровцы появились на окраине поселка, старуха уговорила внучек бежать. И вот они очутились в толпе таких же, как и они, горемык. Беспомощные, не ведающие, куда и к кому идти.

Мы решили забрать сестер Гончаровых с собой. Старшую, шестнадцатилетнюю Веру, определили в эвакоотделение, а младшую, одиннадцатилетнюю Нину,— к нашим поварам. Сестры были поразительно непохожи друг на друга. Вера — курносая, широкоскулая, волосы прямые, крепко сбитая, рослая. Нина — полная ее противоположность: лицо нежное, красивое, шелковистые кудри, хрупкая. Роднили их лишь глаза — темно-серые, опушенные густыми ресницами. И взгляд сестер был одинаково ласковый, добрый.

Забегая вперед, скажу: Вера прошла с нашим медсанбатом всю войну, а младшую, Нину, пришлось потом отправить в тыл.

Но вернемся к тому августовскому дню, когда мы под натиском врага отходили от Волосова. Прошли примерно километров пятнадцать и остановились. Не успели развернуть палатки, как начали поступать первые раненые.

Темнело. Передвижная электростанция выведена из строя, а ждать рассвета нельзя — дорога каждая минута: на носилках в беспамятстве лежали тяжелораненые, и среди них один — в брюшную полость и бедро. Мне запомнилась его фамилия: Хурсенко, Георгий Дмитриевич.

Ведущий хирург Дмитрий Андреевич Веселовский решил прооперировать лейтенанта Хурсенко при свете лучин. Их держала над операционным столом Дина Гуревич. Сложная операция продолжалась довольно долго. Все закончилось хорошо. Но сразу эвакуировать такого раненого запрещалось. Он должен был пробыть у нас хотя бы два-три дня: ему требовался больничный уход и, конечно, особое питание. Последнее — исключительно сложно. Где, к примеру, было нам взять в тех условиях свежий ягодный морс?

Медсестра Людмила Зинкевич вызвалась отправиться в лес. Она собрала немного брусники и приготовила из нее живительный напиток. Вскоре раненого, в надежном состоянии, как выразился Веселовский, отправили в госпиталь.

Не для одной Люды раненые, как только они попадали к нам, становились родными, близкими людьми. Наши девушки делали все для того, чтобы сохранить им жизнь. Я сберег заметку, опубликованную в дивизионной газете 16 августа сорок первого года — через несколько дней после нашего появления на фронте. В ней написано:

«...Теплой заботой встретили дружинницы, весь медперсонал раненых бойцов.

Особенно четко работала операционно-перевязочная бригада. Коммунисты-врачи Лесков и Мартынов немедленно оказывали квалифицированную медицинскую помощь. Затем раненые переходили на попечение медсестер— комсомолки Нерубенко, Речушкиной и Штапель. Внимательный уход значительно облегчал состояние раненых. С большой благодарностью говорят бойцы о коммунистке-медсестре Козловой и о медсестре Пупиковой.

Образцовый уход за бойцами, своевременная медпомощь, отличное питание, помощь раненым в написании писем, читки газет — все это взяли на себя медсестры Ковалева, Давыдова, Чистякова, Амер, Зинкевич, дружинницы Толстякова, Клепикова и многие другие».

Большим уважением пользовалась в медсанбате и старшая терапевтическая сестра Анна Афанасьевна Леденцова. Пожилая женщина, она днем и ночью находилась возле раненых и больных.

Шли тяжелые бои. Операционные не пустовали, хотя автомашины непрерывно увозили раненых в госпитали. Но легко сказать «увозили». Наши шоферы совершали десятки рейсов к передовым позициям и оттуда под вражеским огнем доставляли раненых в медсанбат. Сутками они не покидали кабин, но никто из водителей не просил отдыха, хотя бы короткого.

Особенно запомнилась мне Тамара Нестерюк — одна из пяти женщин-шоферов батальона. Невысокая, коротко стриженная, в длинных, не по росту брюках, она походила на мальчишку. И курила, как малолеток, освободившийся наконец из-под родительской опеки, — часто и с каким-то удивительным смаком.

Тамара Нестерюк погибла поздней осенью: по пути к передовой в ее машину попал снаряд...

Вместе с опытными врачами оперировал Рафаил Шейдин. Не только коллеги, но и дружинницы, несмотря

на командирские «кубики», прикрепленные к петлицам гимнастерки Шейдина, называли его просто Рафа. Ведь он был ровесником многих наших девушек. В самом начале войны Рафаил сдал последние экзамены в 1-м Ленинградском медицинском институте. Чтобы сразу попасть на фронт, он запасся письмом к дивизионному врачу от своего учителя — профессора Э. В. Буша. Известный хирург писал, что «у нашего коллеги Шейдина отличное операторское чутье».

Однако одного «операторского чутья» было мало. Требовались еще и опыт, и твердые навыки хирурга, а у Шейдина их, естественно, тогда не было. Но ему повезло: рядом находились великолепные хирурги и верные товарищи Д. А. Веселовский и И. И. Мартынов. Они помогали, учили советом, личным примером.

Хирурги и медицинские сестры по двое-трое суток не отходили от операционных столов. Время от времени дружинница Валентина Виноградова приподнимала натянутую на лицо врача марлевую маску, совала ему в рот кусочек шоколада «Кола» и неслышно уходила до очередного «кормления».

Передышек в те дни не бывало, если не считать коротких минут редкого затишья. Тогда хирургам удавалось подремать, прислонившись к стойке палатки...

Прооперированных, как правило, нужно было немедленно эвакуировать в полевой госпиталь. Отличалась умелой организацией отправки раненых командир эвакоотделения Антонина Алексеевна Кириллова.

Для эвакуации требовалось много машин, больше, чем имел медсанбат. В самые критические моменты на шоссе командировались наиболее смелые, настойчивые дружинницы. Им поручалось любыми способами задерживать порожние автомашины и заворачивать их в медсанбат.

Это делалось и тогда, когда возникала угроза оказаться в окружении противника. Лучше других в таких опасных ситуациях действовала дружинница Альбина Гантимурова — высокая, стройная, волевая. С шоферами Альбина даже в минуты наибольшей опасности разговаривала с неподражаемым спокойствием.

— Погляди, уважаемый, вон у обочины лежат раненые... Ты же не хочешь, чтобы они попали в руки фашистов?

Бывало, водитель не сразу соглашался свернуть к нам и, не слушая объяснений дружинницы, хватался за «баранку». Но и тут Гантимурову не покидали хладнокровие и выдержка. Не обращая внимания на поведение шофера, она кричала подругам:

— Грузи, девчата!

И, вскочив на подножку кабины, приказывала:

— Помоги! Не видишь, мужиков-то нет.

Однажды ночью случилось и такое. Стрельба — со всех сторон. Батальонный транспорт в расходе, а в палатках еще немало раненых. Нужно как можно скорее сниматься с места. Комбат, деликатнейший Василий Васильевич Кропин, молча вложил в руку Гантимуровой свой пистолет, повернул девушку лицом к шоссе и слегка подтолкнул ее в спину. Вслед сказал:

— Прошу эту штуку использовать лишь в исключительном случае.

К сожалению, на сей раз пришлось Альбине обратиться к «этой штуке». Только один-единственный раз за всю войну. Пригрозила одному «непонятливому» водителю...

Здесь уместно вспомнить молодую черноволосую девушку с яркими голубыми глазами — сандружинницу Марию Бейлину. И ей можно было поручить самое трудное задание, не сомневаясь, что оно будет выполнено.

Действовать «не по правилам» во имя спасения раненых и сохранения батальона нам приходилось не раз. Такие действия диктовались условиями, в которых с первых же фронтовых дней оказался наш медсанбат.

Помнится одна из многих спешных передислокаций. По шоссе уходить нельзя: его оседлали гитлеровцы. Другие дороги нам были неизвестны. Послали в разведку Слеткова. Вскоре он вернулся и доложил:

— Есть только одна дорога, но, чтобы выйти на нее, надо преодолеть минное поле...

Решение предложил сам Василий Павлович. Он заявил, что первым пойдет через начиненный взрывчаткой участок: «Быть может, найду безопасную тропу».

В некотором отдалении от Слеткова двигались дружинницы. Шли след в след. По дороге, с риском для жизни разведанной младшим адъютантом батальона. Когда опасность миновала, Василий Павлович сказал:

— Ничего особенного. Любой из нас бы решился на это.

Он был прав.

Кропин всегда сам решал, где развертывать батальон. И так как он придерживался своего, им самим принятого закона, то наши палатки, как правило, оказывались не далее, чем в двух-трех километрах от передовых позиций.

Это было, конечно, рискованно, и Кропину не раз попадало от начальника штаба дивизии Ивана Михайловича Белоусова. Впрочем, слово «попадало» не совсем подходит к тому интеллигентному разговору, который вел в таких случаях полковник с нашим Василием Васильевичем. Белоусов ругать не умел, назидательных, с металлом в голосе, речей не произносил. В этом начштадив и комбат были похожи. Однако вежливо, но настойчиво требовать Белоусов умел. И добиваться исполнения своих указаний тоже умел.

Однако с Кропиным полковник так ничего и не смог поделать (а быть может, он считал в душе, что комбат прав?). Мы по-прежнему дислоцировались «в пределах видимости» передовых частей. И это не было ни бесшабашностью, ни упрямством Кропина. Не было и недисциплинированностью— он ставил дисциплину превыше всего. Нет, это был риск, оправданный горячим стремлением сохранить жизнь раненым. Ведь недаром у нас не было ни одного случая гибели раненого от потери крови из-за поздней хирургической помощи.

В условиях постоянной близости к передовой линии фронта в бойцах медсанбата вырабатывались смелость, решительность, умение уверенно выполнять свои обязанности в любой обстановке. А на нашем участке фронта она была в те первые месяцы войны особенно сложной.

Скажем, на карте у меня значилось, что в соседнем лесочке занимает позиции одно из наших подразделений. И впереди, на большаке, тоже находились части дивизии. Безоблачный, теплый сентябрьский день. Кропин разрешил нескольким дружинницам пойти за грибами. Собрали, принялись их чистить и жарить. И вдруг выстрелы. Они раздавались в том лесочке, где час назад я разговаривал с командиром нашего подразделения. Теперь, Как оказалось, там уже хозяйничал противник...

Дружинница Людмила Чухломцева отстала от своего взвода: развязались обмотки. Она присела на пенек и, чертыхаясь от досады, стала переобуваться. В этот момент прямо на нее из лесу вышел... немецкий офицер. Встреча оказалась неожиданной для обоих. Чухломцева вскрикнула:

— Ой, девочки!

Фашист кинулся наутек...

Но, поверьте, наши дружинницы, в том числе и Чухломцева, не были пугливыми, не терялись ни при каких обстоятельствах.

Я уже рассказывал про Марину Комарову, которая пришла к нам после боевого крещения под Гдовом. Однажды Марине поручили сопровождать в Ораниенбаум несколько повозок с ранеными. Перед тем как отправиться в путь, ей пришлось подождать, пока снимется с места медсанбат. Комарова с группой дружинниц стояла у опушки леса, когда к ним неожиданно подъехал всадник в красноармейской форме. Он сказал, что разыскивает свое подразделение и, как бы между делом, стал расспрашивать, из какой они части, куда держат путь. Подошел врач, он попросил незнакомца показать документы, но тот злобно огрызнулся и ускакал.

Прошло несколько часов, Комарова с ранеными уже отъехала с десяток километров, как вдруг рядом оказался тот же всадник. Видимо не узнав Марину, он стал задавать ей те же вопросы, что и при первой встрече. Это насторожило дружинницу.

Недалеко находился контрольный пункт какой-то морской части. Полагая, что кто-нибудь из моряков вот-вот покажется на шоссе, Комарова, чтобы не отпускать подозрительного незнакомца, завязала с ним разговор. Она спросила его, как ей дальше следовать с ранеными: направо, от развилки или налево? За полчаса до этого встречные бойцы предупредили Марину, что направо от развилки — немцы и надо держаться только левой стороны.

— Как вам следовать? — переспросил незнакомец. — От развилки свернете направо, там вас ждут санитарные машины.

Комаровой стало ясно, что перед ней враг, пробравшийся в расположение наших войск, и его надо во что бы то ни стало задержать. Она увидела: в ее сторону двинулась группа моряков. И тогда

Марина подскочила к лошади и схватила всадника за ногу.

— Держите шпиона! — крикнула Марина, однако тут же упала от удара в голову, нанесенного всадником.

Лошадь рванулась с места, но ее свалила пуля, посланная одним из моряков. На земле оказался и седок...

Первый перегон своего боевого пути медсанбат завершил в Ораниенбауме. Там закончилась и наша ополченская жизнь: дивизия, в которую мы входили, стала называться 80-й стрелковой дивизией Красной Армии. Впереди были бросок по Финскому заливу в Ленинград, переход через рано застывшее Ладожское озеро к берегам Волхова. Нас ожидали новые походы и новые испытания...

И. Н. ИЛЬИНА

ПАМЯТЬ СЕРДЦА

Сколько себя помню — всегда вела дневник. И в Бобруйске, в школе. И все четыре года в Ленинграде, в Институте имени Лесгафта. И во время войны, урывками. Вот они, почерневшие, наполовину обугленные страницы, — снаряд попал в мою землянку...

Перелистываю институтскую тетрадь — все о друзьях студенческих лет. Но больше всего о самой близкой подруге Калерии Чешейко.

Наша комната в студенческом общежитии была очень дружной. Мы все четверо до самозабвения любили спорт: Галя Кононова — гимнастка, Надя Лебедева— пловчиха, Муся Кирайдт — трехкратная чемпионка Ленинграда по велосипеду, прекрасная лыжница, а мы с Калей увлекались художественной гимнастикой. Но не только спорт сближал нас —и во многом другом были общие интересы: музыка, театр, книги. На

Ильина Ида Наумовна, выпускница Ленинградского института физической культуры имени П. Ф. Лесгафта, в начале войны вступила в 1-ю гвардейскую дивизию народного ополчения. Была командиром стрелкового взвода, служила в медсанбате. Войну закончила в Берлине.

В настоящее время И. Ц. Ильина — врач лечебной физкультуры Военно-медицинской академии имени С. М. Кирова,

билеты в Кировский театр — он ведь был рядом с институтским общежитием — тратили чуть ли не всю стипендию. Выручали Калины посылки — родные с Украины то и дело посылали ей всевозможные припасы, и Калерия, конечно, щедро делилась с нами. Она была очень добрая, все в институте знали и любили ее.

И воспоминание о первом дне войны связано у меня с ней. Июнь сорок первого года застал иас, лесгафтовпев, в Кавголове — мы готовились там к Всесоюзному параду в Москве. Это было наше последнее студенческое лето. Быстро и незаметно пролетели четыре года учебы, осталось сдать госэкзамены — и начнется новая, самостоятельная жизнь. Я, например, уже знала, куда меня пошлют по распределению — в Крым, в Саки. Кто бы мог тогда предположить, что ждет нас впереди!..

22 июня мы с Калей приехали в Ленинград. Повод был серьезный — купить материал на платье для выпускного бала.

Ходили по магазинам, стояли у прилавков — денег, конечно, в обрез, а хотелось на вечере быть самыми нарядными! Купили голубой крепдешин, Каля настояла:

— Получится дешево, потому что сама и сошью...

Она и в самом деле неплохо шила. Как раз в то лето я носила платье, сшитое ее руками.

Вышли мы из магазина с пакетами в руках ровно в двенадцать и сразу услышали:

— Внимание! Работают все радиостанции Советского Союза...

Застыли у репродукторов суровые, напряженно вслушивающиеся в правительственное сообщение люди.

Вот и все. Кончилась наша беззаботная жизнь. Война...

— Калька, — растерянно сказала я, — пойдем сдадим крепдешин, куда сейчас с ним...

— Ничего, — убежденно возразила Калерия, — сошьем и еще поносим. Война быстро кончится.

Разве могли мы думать, что война затянется на столько лет и что Каля погибнет в первые же дни... Так и не успела она поносить голубое платье. А о своем я вспомнила после войны: в институтской камере хранения, куда мы снесли свои вещи, уходя на фронт, я оторвала от чемодана бирочку с адресом —кому переслать в случае гибели, приподняла крышку — в чемодане лежали изгрызанные крысами остатки отреза...

После митинга в институте мы с Калей одними из первых записались добровольцами. Следом за нами к столу подошли Муся Кирайдт, Галя Кононова, Надя Лебедева — вся наша комната.

3 июля был выпускной вечер. Через несколько дней мы прибыли на Куракину дачу, в одну из частей 1-й гвардейской дивизии народного ополчения.

Дали нам кирзовые сапоги, портянки, гимнастерки. Я первым делом обрезала косы, — пилотка не держалась на длинных волосах.

Положение наше было неопределенным: то ли бойцы, то ли инструкторы по физической подготовке. И вдруг приказ явиться в штаб. Решили, что это не к добру. Так и вышло — нам объявили, что выпускников-лесгафтовцев предложено откомандировать из дивизии.

Шум мы подняли невероятный, даже плакали. Оставили нас. Но отправили в медсанбат.

В медсанбате — он формировался в Доме ученых — прошли краткосрочные курсы сандружинниц.

30 июля вышли из города. Шли пешком через весь Ленинград, притихшие, сосредоточенные. Ленинградцы смотрели на нас с сочувствием и надеждой.

Километров через пятнадцать устроили привал. Усталые, уселись на траву. Расположились рядом с опустевшим детским домом — помню, кругом валялись кроватки. Я стащила сапоги, сняла гимнастерку, осталась в спортивной шелковой майке ярко-красного цвета. Погода была чудесная, светило жаркое июльское солнце — лежи и загорай. И вдруг в небе послышалось далекое урчание, появились самолеты, мы тогда не знали, какие свои, какие чужие. Обрадованно вскочили, стали махать руками, что-то кричать, я громче всех. Даже красную майку стянула и стала размахивать, чтобы привлечь внимание летчиков. Тут же совсем близко упала бомба, другая, третья... Мы все забились в одну канаву. Нам «повезло» — целью бомбардировщиков был аэродром, расположенный поблизости.

Самолеты улетели. Пришел начсандив, поздравил с боевым крещением. А обо мне спросил: «Что это за дура бегала с красным флагом и махала фашистам?» Урок, конечно, был хороший...

Под Красным Селом нас опять обстреляли с воздуха. Теперь-то я уже не махала майкой и быстро научилась падать при появлении самолетов.

Минуло несколько дней. Мы заметно изменились. Похудели, и ноги уже были не натертые — наконец-то научились наворачивать портянки. И тут вторично поступил приказ отослать нас в тыл, как специалистов по физической подготовке. Даже место было указано — Алма-Ата!;

Мы не хотели в тыл. Снова требовали оставить нас в дивизии. Плакали хором и по отдельности. Упрашивали, кокетничали, все свои женские чары употребили. Настояли на своем, и направили нас в полки. Но только в разные. Инструкторами физической подготовки.

Вышли мы на дорогу, остановились на развилке и попрощались. Даже толком не поговорили. Да мы и не верили, что не встретимся больше, не верили, что нас может убить. Я даже с Калей не поцеловалась, — не думала, что вижу ее в последний раз...

Надю и Галю мне не довелось встретить на войне. Муся разыскала меня подо Мгой, приезжала. Ее взяли в лыжный батальон, в этом батальоне она была единственной женщиной. Целеустремленная, очень сильная физически, разносторонняя спортсменка, Муся была человеком с твердым характером. В лыжном батальоне очень ее уважали.

Каля погибла в первых боях. Мне рассказывали — снаряд разорвался рядом, Калерию, смертельно раненную, привезли в Ленинград, в Военно-медицинскую академию, но спасти не смогли. Хоронил ее наш институт. Там уже скопилось немало писем от Калиного друга Сергея Антонова, выпускника Военно-морского училища имени Дзержинского. На мою долю выпало первой сообщить ему горестную весть. В ответ от Сергея и от его друзей пришло письмо — они поклялись мстить врагу...

Теперь же, прощаясь на развилке дорог, мы не думали о гибели. Грустно только было, что воевать придется не вместе.

Я попала в первый полк под командованием майора В. К. Бобринского.

В моем предписании было сказано: при соприкосновении с противником откомандировать в распоряжение дивизии.

— Никуда отправлять тебя не буду, — усмехнулся Бобринский, — будешь воевать с нами.

Я была назначена командиром стрелкового взвода. Так началась моя жизнь в полку.

Бойцы ко мне хорошо относились, только вот нет-нет да и назовут дочкой, вопреки всем уставным требованиям. Были среди них рабочие, инженеры, научные работники, и меня очень смущало, что я должна им приказывать. Я не приказывала — просила. А они говорили: «Ты, наоборот, приказывай, ты с нас требуй!» Каждый день я проводила с ними строевую подготовку, учила их, хотя и стеснялась. Рядом с ними чувствовала себя девчонкой.

В отличие от моих бойцов командиры не принимали меня всерьез, посмеивались — чему, мол, она может научить!

Помог один неожиданный случай.

Шли занятия по самозащите. Я объясняла некоторые приемы борьбы невооруженного с вооруженным. Один лейтенант, достаточно крепкий парень, подошел и сказал насмешливо:

— Да будь у вас хоть десять ножей — все равно со мной ничего не сделаете!

И так пренебрежительно он это заявил. Я разозлилась, схватила его за ворот гимнастерки, одновременно дала заднюю подножку — и он всей тяжестью грохнулся на землю.

— Видите,— спокойно сказала я,— лейтенант не учел моих замечаний о внезапности.

Но он не только этих замечаний не учел — он и упал не так, как я учила: стукнулся головой и не сразу поднялся. Я перепугалась. Но лейтенант пришел в себя, поднялся, потирая ушибленное место, недоверчиво покрутил головой:

— Надо же...

Бобринский, оказывается, все это время стоял в стороне, наблюдал.

— Молодец! — негромко сказал он мне потом. — Так держать!

Вскоре нас посадили в эшелон и повезли в сторону Кингисеппа, на фронт.

До Кингисеппа не доехали. Где-то в районе Молосковиц нас обстреляли, поезд остановился, мы выскочили из теплушек и вступили в бой.

Это было ранним утром, в негустом лесу, — мой первый бой.

Впереди шла стрельба. Мы двигались навстречу выстрелам. Бойцы меня оберегали. Связной, немолодой

рабочий, все время был возле меня. Когда окончательно рассвело, стрельба на время прекратилась.

Взвод мой оказался около КП полка, наскоро оборудованного в яме под большим деревом. Бобринский послал меня и еще четырех бойцов в разведку — нужно было выяснить, где противник. Не зная обстановки, мы шли по лесу не очень таясь, в полный рост, и, конечно, тут же нарвались на гитлеровцев.

Впервые я так близко видела врагов. И в первый раз мне стало страшно — встретиться вот так лицом к лицу. Но раздумывать было некогда, — я вскинула винтовку и выстрелила.

После короткой перестрелки мы отошли. Одного бойца легко ранило.

Когда мы вернулись на КП, я увидела, что Бобринскому делают перевязку. Никого из командиров рядом не оказалось, и, когда санитары собрались уносить раненого командира полка, Бобринский приказал мне выполнять обязанности оперативного дежурного на КП.

В чем состоят эти обязанности, я отчетливо себе не представляла. А тут еще вскоре пришел начальник штаба дивизии полковник И. М. Белоусов, попросил доложить обстановку, развернул передо мной карту, но по карте я ничего толком объяснить не могла, стала рассказывать, где примерно идет бой. К счастью, тут же появился начальник штаба полка, он обо всем и доложил.

К вечеру на нас двинулись фашистские танки. Несколько машин артиллеристы подожгли, остальные прорвались и оказались уже в нашем тылу.

Ночью мы снялись с занимаемых позиций. Выходили из окружения под сильным артиллерийским обстрелом, все вокруг горело, пылали ближайшие деревни. С боями пробились к своим.

Мои командирские обязанности кончились. В штабе дивизии, видимо, решили, что не женское это дело — командовать стрелковым взводом. Меня перевели в санчасть. Я была кандидатом в члены партии и выполняла обязанности политрука санитарной роты, Приходилось и самой выносить с поля боя раненых. Было это не легче и, во всяком случае, не безопаснее, чем командовать взводом. Но об опасности некогда было думать — пригнешь голову и ползешь...

Впереди рвались вражеские снаряды. Сзади била наша артиллерия. Грохот разрывов ни на минуту не умолкал. Но нас заботило только одно — как быстрее помочь раненым, никого не оставить. Кончались бинты— рвали свои рубашки и перевязывали. Раненых выносили вместе с оружием, но в пылу боя не чувствовали тяжести: откуда-то вдруг и силы и воля появлялись, храбрость откуда-то бралась — удивительное дело!.. В районе Больших Хатыниц я вынесла с поля боя тридцать шесть раненых с их оружием.

Одна ночь запомнилась на всю жизнь. Поступил приказ отойти на новый рубеж. К вечеру почти все тыловые подразделения ушли, остались раненые, небольшая санитарная группа, врач Полина Суворова и я. Мимо нас, не останавливаясь, проскакивали одна за другой машины. А снаряды ложились все ближе. Что делать с ранеными? С пистолетом в руке выскочила на дорогу. Удалось остановить машину. Уложили в кузове стонущих и кричащих от боли бойцов. Машина тронулась, я стояла на подножке. Вдогонку нам — снаряды, мины. Всю ночь сквозь огонь мы добирались до своих. Не помню, как и где встретили нашу танковую часть. Когда раненых снимали с машины и отправляли в медсанбат, тут-то и напал на меня страх...

На новые позиции мы отходили вместе с транспортной ротой. Там я и познакомилась с Валей Цареградской.

Она была на год моложе меня, но казалась старше— высокая, стройная, очень красивая, всегда с румянцем на лице. На фронт ушла с пятого курса мединститута. Приказу — всем студентам-старшекурсникам вернуться на учебу — она не подчинилась, осталась.

В большом обозе она была единственным санинструктором, ее там очень любили и не отпускали, хотя оНа все время просилась на передний край. С Калей Чешейко мы дружили четыре года, но Валя сразу стала так же близка, хотя знала я ее мало. Впрочем, что значит мало? На фронте иногда три дня — это три года...

Наш полк занял оборону в совхозе Сельцо. Бобринского я не застала, он лежал в госпитале. Командиром полка был назначен бывший комбат, еще зимой 1939/40 года награжденный орденом, старший лейтенант Оку-

ленко, чудесный человек. Он очень хорошо относился ко мне. Подружилась я и с другими командирами. Особенно с Анатолием Савченко, командиром минометной роты.

Не знаю, откуда пришел он в ополчение, но помнится, не был кадровым командиром, хотя в боевых делах и не уступал им. Савченко славился в полку бесстрашием: со своими минометчиками ночью подбирался к позициям противника, забрасывал их минами и тут же перебегал на другое место, а всполошенные гитлеровцы начинали беспорядочную стрельбу по лесу.

И внешность у него была заметная: черноволосый, высокий, брови густые, сросшиеся, глубокие серые глаза...

Шла война — трудная, жестокая. Боевые будни, наполненные заботой о раненых, отнимали много сил и времени. Но мы ведь были молоды и не могли полностью отрешиться от чувств, никак не связанных с войной. Искали встреч друг с другом. Были эти встречи не частыми и очень короткими, — успевали лишь несколькими словами перекинуться. Вперед не загадывали, иногда лишь Савченко, то ли в шутку, то ли всерьез, говорил:

— Кончится война — поженимся.

Валя подружилась с лейтенантом Георгием Спасским, адъютантом командира полка. Изредка мы собирались, строили планы, вспоминали студенческие годы, не такое уж далекое детство.

В первой половине сентября выдалось несколько тихих дней на нашем участке фронта. Меня на сутки отпустили в Ленинград. Валя сказала, что надо бы раздобыть чего-нибудь вкусного.

— Вези побольше, отметим помолвки с парнями.

Не буду подробно рассказывать, как выглядел Ленинград в сентябре сорок первого года. Город посуровел. Но на лицах прохожих не было заметно уныния.

Я шла по улицам и все время вспоминала Калю. Незадолго до этого знакомые девушки из соседнего полка сказали, что она убита, я была ошеломлена, не хотелось верить в это. И сейчас прежде всего помчалась в институт. Оказывается, там и меня считали убитой. Я даже прочитала некрологи на Калю и на себя. Но Кали действительно не было в живых..,

Я не могла задерживаться в Ленинграде, да и желания не было. Думала о Вале, Анатолии. Какое-то беспокойство мучило меня.

Вернулась в полк, оставила в землянке все припасы— конфеты и даже чудом добытую бутылку шампанского. Улучив свободную минуту, пошла к Анатолию (он уже к этому времени стал командиром батальона). Но побыла я у него недолго. Из одной роты сообщили по телефону, что противник начал сильный артиллерийский обстрел и, видимо, готовится к наступлению. Пришлось мне спешно отправляться к себе.

За время моего отсутствия санчасть ушла, мою землянку разбомбило, вокруг валялись фантики от конфет и бутылочные осколки.

— Ползи сюда! — вдруг услышала я Валин голос из кювета.

Оказывается, она поджидала меня с санитарной повозкой.

Я доползла до лесочка, где стояла запряженная в телегу лошадь, сели мы с Валей и поехали к Красному Бору, где заняли оборону наши. Едем — и только взглянем друг на друга, как начинает разбирать нас какой-то неестественный смех. Вокруг грохот, стрельба, а мы хохочем: отпраздновали, называется!

Мы доехали до деревни, где остановилась санчасть. Место выбрали неудачное — деревня стояла на горе, обстреливалась артиллерией. Приказа об отходе не было, начальник медслужбы отправился на КП полка выяснить ситуацию. Ушел и долго не возвращался. Обстрел усиливался. Что делать? Я решила, не дожидаясь разрешения, передвинуться в соседнюю деревню, там мы развернулись и стали принимать раненых.

Каждого пришедшего из батальона Савченко спрашивала: «Жив ли комбат?» Батальон держал оборону на трудном участке, а у него не хватало людей и оружия.

Раненые все поступали и поступали, мы перевязывали их и быстро эвакуировали. К вечеру наконец отправили последнюю машину в медсанбат. Только она ушла, в избу ввалился начальник медслужбы Яков Зак, худой, обросший, рука на перевязи. Сказал:

— Убит Савченко...

И тут же дал команду немедленно сворачиваться и уходить.

Теперь я вспоминаю тот день более спокойно — минуло свыше тридцати лет. Но тогда — записи в дневнике напоминают об этом — я с отчаянием восприняла горестную весть, хотя видела уже немало смертей. Не помню, как вышла на дорогу, вижу — едут на лошадях командир полка и комиссар, а следом шагает Миша Соломко, лучший друг Анатолия.

Я кинулась к комиссару:

— Разрешите мне вытащить Савченко!

Не успел он ответить, как подошел Соломко. Почерневший, перевязанный. Сказал:

— Я с бойцами донес его до дороги, дальше не смогли, танки... Двух бойцов убило, а я — видишь... Вытащил у него из кармана партбилет, пистолет и часы...

Оружие и документы он протянул комиссару, часы — мне.

...Часы во время бомбежки сгорели в землянке. На память о Калерии остались хоть студенческие фотографии, от Анатолия — ничего.

Под Ропшей была убита Валя. Она находилась возле командира полка, когда начался обстрел. Его только ранило, а она погибла. После боя, когда бойцы хоронили убитых, ее никто не признал, так изуродовало снарядом. Даже Георгий. И только увидев на ее руке подаренные им часики, воскликнул: «Ребята, ведь я свою невесту хороню!..»

А я осталась жива. Война продолжалась, до победы еще было далеко. Нужно было пройти много дорог, чтобы победить, потом строить мирную жизнь, учить наших детей ценить то, что сами мы по-настоящему научились ценить только на фронте.

Каля, Анатолий, Валя погибли совсем молодыми. Ничего не успели увидеть, узнать. Но когда я вспоминаю их, я думаю, что война оставляет вместе с тяжким горем и память о чем-то бесконечно дорогом, память о великом человеческом братстве.

Раньше мы мало ценили дружбу, не задумывались о своей жизни. А на войне узнали ее смысл.

Он глубок и прост: в верности своему народу.

Но об этом мы вслух тогда не говорили...

П. N. РОЖДЕСТВЕНСКИЙ

ДОБРОВОЛЬЦЫ С ПЕТРОГРАД ОНОЙ

1

В 1941 году я заведовал кафедрой марксизма-ленинизма в Ленинградском педагогическом институте имени М. Н. Покровского. Были у меня еще и другие обязанности: я работал заместителем директора по учебной части и одновременно читал лекции по философии на партийных курсах при обкоме и горкоме ВКП(б). Это учебное заведение располагалось тогда в городе Пушкине, в бывшем дворце княгини Палей. Там-то и застала меня весть о начале войны.

За окном служебного кабинета, в котором я готовился к очередной лекции, стояла тишина воскресного полдня, блики солнца плясали в листве деревьев старого парка... От мыслей о предстоящем занятии меня оторвал телефонный звонок. Сняв трубку, я услышал взволнованный голос жены:

Рождественский Павел Иванович, преподаватель марксизма-ленинизма, был зачислен инструктором по пропаганде во второй полк 3-й гвардейской дивизии народного ополчения. Позже находился на политической работе в частях и соединениях Ленинградского, Сталинградского, Воронежского и других фронтов. После войны руководил кафедрой марксизма-ленинизма Военно-медицинской академии имени С. М. Кирова.

П. И. Рождественский — гвардии полковник в отставке.

— Включи радио. Война! Уже несколько часов, как на границе идут бои...

Быстро собираю книги, тетради. В голове мелькает: «Вот и кончилась мирная жизнь. Кто знает, когда теперь снова понадобятся лекции по философии?!»

Через тридцать — сорок минут в парке, у главного входа в здание, перед гранитной террасой собрались все оказавшиеся поблизости слушатели курсов — человек полтораста, люди преимущественно молодые — двадцати пяти — тридцати лет. Темпераментно, горячо обсуждали они обстановку, сложившуюся в результате вероломного нападения гитлеровской Германии. Сошлись на том, что надо, не дожидаясь мобилизации, добровольно вступать в ряды защитников Родины.

Я позвонил в обком партии, спросил, что делать слушателям. Мне ответили: все коммунисты должны немедленно выехать к местам работы.

Наутро, в понедельник, общежития, аудитории, кабинеты наших курсов опустели. В тот же день я съездил в Ленинград, оставил в партийном бюро пединститута заявление с просьбой направить меня добровольцем в ряды Красной Армии. Три дня спустя отнес такое же заявление в Пушкинский райвоенкомат. Там сказали:

— Подойдет и ваша очередь. Следует обождать. Вызовем.

К концу июня моя семья перебралась в Ленинград. Мы не думали, что покидаем жизнерадостный Пушкин на целых пять лет и что через каких-нибудь два месяца мне придется уже сражаться на подступах к этбму городу.

3 июля я стал военным человеком, меня направили в только что сформированную часть — второй стрелковый полк 3-й гвардейской дивизии народного ополчения. Службу я начал в должности командира артиллерийской батареи — по военной специальности, которую приобрел на девятимесячных курсах еще в 1930 году. Но не прошло и недели, как комиссар дивизии перебросил меня на другую работу: назначил инструктором по пропаганде в том же полку. Помнится, я возражал против такого перемещения. Но мои протесты не были приняты во внимание. Дивизионный комиссар Д. И. Сурвилло сказал:

— Поможете комиссару полка в организации политической работы. Вы пропагандист со стажем, кандидат

наук, доцент, руководили кафедрой в институте, у вас есть опыт. Думаю, понимаете значение морального фактора в войне, силу большевистского слова. Желаю успеха, товарищ младший лейтенант...

С этим напутствием я и покинул Дом культуры промкооперации (ныне Дворец культуры имени Ленсовета), где временно помещались тогда штаб и политотдел нашей дивизии, и в тот же день приступил к своим новым обязанностям.

Мне еще не раз приходилось потом встречаться с Дмитрием Ивановичем Сурвилло, выполнять его приказы и распоряжения. Не могу сказать, что работать под его руководством было легко. Обычно сосредоточенный, деловитый, сдержанный, он бывал порой резок, а то и суров. Впрочем, для этого всегда имелись веские основания. Обстановка была чрезвычайная, война требовала от каждого советского человека максимального напряжения сил. И наш комиссар был непримирим к малейшей расхлябанности, «мирной» нерасторопности или беспечности. Но вряд ли кто мог пожаловаться, что несправедливо наказан или, с другой стороны, обойден похвалой комиссара, если она заслужена.

Авторитет его был непререкаем. Большевик с марта 1917 года, участник Октябрьской революции и гражданской войны, кадровый военный, он многому научил нас, молодых политработников. Немногословный, спокойный, он как бы олицетворял для всех нас непоколебимую уверенность в конечной победе Красной Армии, несмотря на временные трудности и неудачи на фронте.

Немало обязан я как политработник и своему непосредственному начальнику — батальонному комиссару М. Н. Александрову. Мстислав Николаевич до войны был членом парткома завода «Монетный двор», имел давние и прочные связи с рабочим классом Петроградской стороны. Меня особенно привлекало в нем умение разговаривать с бойцами, мобилизовывать их на решение задач, которые ставило командование. Работа с ним явилась для меня хорошей школой.

Перейдя на казарменное положение, я обосновался в общежитии для начсостава полка. Правда, назвать общежитием (в том смысле, как оно обычно понимается) отведенную нам комнату можно было лишь с большой натяжкой. Нас просто поселили в одном из

учебных кабинетов Электротехнического института инженеров сигнализации и связи. Коек и постельных принадлежностей в кабинете не оказалось, и мы спали на столах, подстилая «для мягкости» старые газеты. Накрывались, естественно, шинелями. Под голову я укладывал полевую сумку, пока не догадался принести из дому (на Дивенской, в двух шагах) подушку-«думку».

В комнате нас было трое, прожили мы вместе около месяца. Моими соседями по общежитию оказались П. Д. Шаргун и Н. И. Исаков. Первый, инженер по образованию, был секретарем партийного бюро, второй, вчерашний студент Электротехнического института имени В. И. Ульянова (Ленина), — комсоргом полка. Сходились мы вместе обычно только по вечерам, дел у каждого было по горло.

Николай Исаков, живой, энергичный, общительный молодой человек, быстро установил контакт со студенческой и рабочей молодежью, которой было много среди бойцов-добровольцев. Он любил комсомольскую работу и, едва надел армейскую форму, горячо принялся за дело, помогал командованию в воспитании и обучении молодых ополченцев.

Коля был по-своему красив: русая шевелюра, выразительные серые глаза — на него заглядывались девушки. Но он ни одной из них не отдавал предпочтения, со всеми держался по-товарищески ровно, будучи целиком поглощен (и по-настоящему увлечен) свалившейся на него большой и, конечно же, чрезвычайно важной работой. П. Д. Шаргун был старше нас по званию и служебному положению. Коренастый, плотный, Петр Данилович держался солидно и разговаривал с нами редко. Мы не обижались, понимая, что ему, человеку, обремененному большой ответственностью, может быть свойственна известная замкнутость. Мы знали, что Петру Даниловичу случается заменять комиссара, составлять, а порой и подписывать политдонесения. Да и вообще партийные заботы — не чета комсомольским или там пропагандистским...

К сожалению, я не знаю, как сложилась дальнейшая судьба моих соседей по кабинету-общежитию, довелось ли им встретить день нашей победы, ради которой они не покладая рук трудились той незабываемой осенью 1941 года.

2

Что представляла собой по составу наша 3-я. дивизия народного ополчения, которой уже при рождении было дано гордое, ко многому обязывающее наименование гвардейской?

Она была сформирована из лучших представителей Петроградской стороны. Костяком этого добровольческого соединения явились рабочие, инженеры и техники предприятий нашего района — заводов «Электрик», «Электроаппарат», «Красногвардеец», имени Макса Гельца (ныне «Полиграфмаш»), «Знамя труда» и других. Около четверти состава дали дивизии вузы района — Электротехнический имени В. И. Ульянова (Ленина), Инженеров сигнализации и связи, Первый медицинский имени И. П. Павлова, Педагогический имени М. Н. Покровского, Химико-фармацевтический.

Жители Петроградской стороны буквально осаждали военный комиссариат, требуя записать их в народное ополчение. Пламенные советские патриоты, эти люди, *независимо от возраста, здоровья,* военной *подготовки,* считали своим долгом в момент смертельной опасности для Родины стать в строй ее защитников.

Активное участие в добровольческом движении приняла ленинградская интеллигенция. В Петроградский райвоенкомат в те дни поступили сотни заявлений от видных ученых, артистов, художников, архитекторов, от учителей, врачей. Подавать такие заявления полагалось по месту жительства. А у нас, на Петроградской стороне, жили Д. Д. Шостакович, Е. А. Мравинский, Н. К. Черкасов, М. М. Ботвинник, директор Института головного мозга Академии наук СССР профессор Г. С. Рогинский, известный математик доктор физико-математических наук А. М. Гешелин, доктор географических наук С. Н. Недригайлов... Работниками военкомата их просьбы, как правило, удовлетворялись, и многие творческие работники — люди без военных специальностей — стали на какое-то время рядовыми бойцами нашей дивизии. Правда, вскоре большинство из них было отозвано различными организациями, с тем чтобы использовать их там, где они могли принести бо́льшую пользу делу защиты Родины своими знаниями и талантами. И все же судьбы некоторых из них оказались

связанными с ополчением. Так, А. М. Гешелин стал помощником начальника разведки нашей дивизии.

Н. К. Черкасов создал в ту пору Театр народного ополчения. Из актеров, режиссеров, писателей, художников и музыкантов, вступивших в ополчение, был сформирован агитвзвод. Он выступал с концертами на призывных пунктах, в армейских клубах, на вокзалах — перед отъезжавшими на фронт. Особым успехом пользовалась сатирическая программа «Прямой наводкой». Драматические спектакли ставились, главным образом, на сцене Театра имени Ленинского комсомола. Помню, какое высокое эстетическое наслаждение доставили зрителям спектакли «В степях Украины» (по пьесе А. Е. Корнейчука) и «Дворянское гнездо» (по роману И. С. Тургенева), как благодарили мастеров сцены наши бойцы и командиры, пришедшие в театр вместе со своими семьями.

Огромное впечатление произвела на ополченцев написанная в те дни Б. Александровым и В. Лебедевым-Кумачом песня «Священная война». Мы услышали ее впервые в концертном зале консерватории в исполнении хора и симфонического оркестра филармонии. Дирижировал Евгений Мравинский. У рояля был Дмитрий Шостакович. Слушатели в едином порыве поднялись с мест. Это было как клятва одолеть «силу темную, проклятую орду», отстоять Отчизну.

Профессор пединститута С. Н. Недригайлов просил использовать его в армии в качестве топографа. Но так как ему шел уже шестидесятый год, в ополчение он не попал, а был зачислен в резерв. Тогда профессор вступил добровольцем в районный противопожарный отряд и немало сделал, чтобы спасти от гибели географическую и ботаническую коллекции своего института и сам учебный корпус. В блокаду Сергей Николаевич, как и другие ленинградцы, недоедал, больше того — голодал, и от крайнего истощения в марте 1942 года умер. Он пал на своем посту, как солдат, до конца отдав всего себя делу защиты родного города.

Высокий пример патриотизма показали в те дни ленинградки. Еще до войны многие студентки и служащие нашего института занимались на военно-медицинских курсах. Все они добровольно вступили в ополчение и приняли на свои хрупкие плечи основную тяжесть работы в нашем медсанбате.

Я хорошо знал старшую лаборантку исторического факультета Серафиму Олешкевич. Высокая, стройная, энергичная девушка, она, несомненно, обладала организаторскими способностями. Особенно заметно они раскрылись в дни обороны Ленинграда. Серафима возглавила группу медсестер и отлично руководила их работой.

Добрая, работящая Ольга Обрант запомнилась мне как одна из самых добросовестных студенток истфака. Перед войной она уже преподавала в средней школе нашего района. В медсанбате Ольга стала работать медсестрой. Раненые сразу прониклись доверием к этой неутомимой, заботливой, можно даже сказать, нежной «сестричке».

В медсанбате трудились аспирантка истфака Зинаида Наумовская (она погибла в августе 1942 года), физик Мария Гусева, моя сестра Мария Рождественская-Туркина (перед войной учительствовала, в конце войны заведовала детским домом в Сибири) и многие другие наши девушки. Их самоотверженности, медицинскому мастерству обязан не один из наших ополченцев — кто быстрым возвращением в строй, кто здоровьем, а кто и самой жизнью.

Но женщины работали не только в «подразделении здоровья». Ольга Богданова, например, стала разведчицей.

В разведке служила и другая замечательная женщина, воевавшая в составе нашего полка, имени которой, к великому сожалению, не помню. Но ее последний подвиг отчетливо запечатлелся в моей памяти, и о нем я еще расскажу.

3

В полку шла напряженная боевая учеба. Добровольцы с Петроградской стороны старательно осваивали азы военного дела, усиленно готовились к тому, что стало главным стремлением их жизни — к встрече с врагом на поле боя, к отпору захватчикам.

Учебный день начинался с утренней гимнастики— зарядки, как она именовалась в расписании занятий. Затем политруки читали по ротам очередную сводку Совинформбюро. С суровыми лицами слушали ее ополченцы. Почти каждый раз сыпались вопросы:

— Когда же нас отправят на фронт? Когда выдадут оружие?

Занимались между завтраком и обедом, а затем и во второй половине дня — девять-десять часов. Бойцы и командиры учились рыть окопы и траншеи (это называлось «зарываться в землю» или даже «врастать в землю»), ползать по-пластунски, метать гранаты в Цель и на дальность, стрелять из винтовки и пулемета, вести рукопашный, штыковой бой. Уроки эти проводились обычно в парке имени В. И. Ленина и на площади Революции, на глазах у жителей Петроградской' стороны.

В конце июля прошли первые стрельбы и тактические учения. Проводились они на окраинах и в пригородах Ленинграда — на Каменном острове, в Кушелевке, Яблоновке, Озерках. В стрелковых батальонах с огневой задачей успешно справились каждые два бойца из трех. В специальных подразделениях — пулемётной, минометной, саперной ротах и во взводе полковой артиллерии, где было больше побывавших в свое вре1Йя на действительной службе, а также милиционеров, — дело обстояло лучше: метко поразили мишени каждые трое из четверых. Стрельбы и учения в целом показали, что ополченцы успешно овладевают основами военной премудрости.

2 и 3 августа командиры вывели полк на ночные тактические учения. Отрабатывалась тема «Полк в обороне». Руководил учениями наш полковой командир — полковник А. П. Могильников, бывший преподаватель военного училища. Действия ополченцев оценивал сам командир дивизии полковник В. П. Котельников.

После серии крупных проверочных занятий в штабах полка и дивизии были сделаны обстоятельные выводы и в свете их спланирована дальнейшая боевая учеба. Это позволило несколько улучшить полевую выучку ополченцев.

В последнюю декаду перед выходом на фронт усиленно велась партийно-политическая и идейно-воспитательная работа во всех ее звеньях. Политические занятия и информации, лекции, групповые и индивидуальные беседы, громкие читки сводок Совинформбюро, сообщений с фронтов и материалов из газет о ходе войны — все использовалось для того, чтобы укрепить моральный дух бойцов, претворить клокотавшую в них нена-

висть к захватчикам в готовность не пощадить жизни ради победы.

По заданию комиссара полка мне приходилось часто выступать перед бойцами ополчения. Особенно запомнилось полковое комсомольское собрание, которое мы с Николаем Исаковым тщательно готовили. Оно состоялось 1 августа. Я был докладчиком. На собрании выступили комсорги рот —А. Ф. Тарасов, член бюро Выборгского райкома и Ленинградского горкома ВЛКСМ, и Я. М. Тверской, член бюро Василеостровского райкома. Помощник начальника политотдела ЛАНО по комсомольской работе Максимов рассказал о боях на Лужском оборонительном рубеже. Его слушали с особым вниманием.

Между прочим, в Ленинградском партийном архиве сохранился листок с записями, сделанными в ходе собрания тогдашним помощником начальника политотдела дивизии по комсомольской работе Г. П. Шатуновым (перед войной — секретарь Петроградского райкома ВЛКСМ). В этой записке отмечено, что на собрании присутствовали все 426 комсомольцев полка, перечислены выступавшие товарищи, а о моем докладе сказано: «Качество хорошее. Использован местный материал, показаны отдельные люди. Задачи, стоящие перед комсоорганизацией, сформулированы четко и ясно. Собранием доклад воспринят хорошо».

Приближался день отправки на передовую. К этому времени заметно укрепились дисциплина и армейский порядок в подразделениях. Ополченцы словно переменились: в их облике явственнее проступили черты строгости, серьезности, деловитости. И хотя требовательность командиров и начальников возросла, улучшилась и исполнительность: бойцы охотно, с видимой готовностью повиновались старшим товарищам, быстро и четко выполняли их распоряжения. Все горели одним желанием: скорее бы на фронт, в бой!

Надо сказать, в ту пору наша дивизия еще не была полностью обеспечена боевым оружием и снаряжением. Пришлось вмешаться в это дело Петроградскому райкому партии. Благодаря решительным мерам, предпринятым райкомом во главе с первым секретарем Антоном Филипповичем Жигальским, в начале августа снабжение ополченцев улучшилось и мы получили почти все, чего нам недоставало.

Наконец ускоренная программа обучения бойцов и оснащение дивизии были завершены. Мы стали готовиться к выступлению на фронт.

8 августа я в последний раз забежал домой, на Дивенскую улицу. Жена готовилась к отъезду из Ленинграда. Ее с детьми должны были эвакуировать через неделю, и за них я не волновался. Они в самом деле вскоре выехали на Урал, в старинный городок Невьянск. В квартире оставались только моя мать — Вера Осиповна Рождественская — и мой брат Николай. Я с ними простился и, как потом оказалось, навсегда. Оба они умерли в блокированном городе.

4

9 августа, около девяти часов вечера, полк покинул казармы и построился в походную колонну на скрещении проспектов Максима Горького и Кировского. У бывшего особняка Кшесинской состоялся короткий митинг, Перед выходом в район боевых действий петроградских ополченцев напутствовали секретарь райкома партии А. Ф. Жигальский, комдив полковник В. П. Котельников, военком Д. И. Сурвилло. Командир полка полковник А. П. Могильников заверил от нашего имени ленинградцев, что ополченцы не пощадят ни сил, ни самой жизни для отпора захватчикам и защиты родного города.

Под марш духового оркестра наша колонна двинулась с места. Мы прошли мимо особняка Кшесинской, мимо знаменитого балкона, с которого в 1917 году выступал перед петроградскими рабочими и солдатами В. И. Ленин и с которого сегодня прозвучали горячие речи наших товарищей и командиров. И каждый из нас поклялся преградить путь врагу.

Наша колонна пересекла площадь Революции, вступила на Кировский мост... Мы прошли по улице Степана Халтурина, по площадям Урицкого, Исаакиевской и Театральной, по улице Декабристов и проспекту Маклина, по проспекту Стачек, мимо Нарвеких ворот и Кировского завода. Каждая улица, площадь, здание, монумент— глава из истории Родины, революции, социалистической стройки. Нет, ни одной пяди ленинградской земли, ни одного камня нельзя отдать врагу!

Нас провожали тысячи ленинградцев. Вслед нам несились возгласы:

— Держитесь стойко! Бейте фашистских гадов без пощады! Домой — только с победой!

Сделав один большой и два малых привала, полк прошел пятьдесят два километра и достиг железнодорожной станции Тайцы.

Двумя днями раньше на передовую отправился первый стрелковый полк, 12 августа — артиллерийский, 14 августа — третий стрелковый. 3-я гвардейская дивизия народного ополчения выступила на фронт. Перед ней стояла задача прикрыть опорные пункты Красногвардейского укрепленного района, расположенные в Старом Петергофе, Стрельне, Ропше, Красном Селе и Г атчине.

Первому полку был указан район Старого и Нового Петергофа, наш, второй, занял позиции по линии Тайцы — Красное Село — Русско-Высоцкое, а третьему предстояло оборонять Стрельну, Урицк и Володарский.

Первую неделю ополченцы усиленно рыли окопы, возводили блиндажи, ставили проволочные заграждения.

Одновременно продолжалось боевое обучение и стрельба в полевых условиях.

Утром 12 августа севернее Красного Села, у деревни Малая Истинка, был оборудован командный пункт полка. Батальоны занялись улучшением своих позиций. Оборонительные работы неоднократно прерывались налетами немецкой авиации. Ополченцы стреляли из винтовок и даже ручных пулеметов. Но фашистские самолеты были недосягаемы для наших пуль. В тот день гитлеровский бомбардировщик появлялся несколько раз. Он обстреливал ополченцев и, видимо, вел разведку. Бойцы досадовали, что ничего не могут поделать с назойливым фашистом. Но вот из-за облаков выскочил советский истребитель. Бой оказался коротким. Меткими пулеметными очередями «ястребок» вогнал фашиста в землю.

Раздались ликующие крики бойцов:

— Сбит гад! Вот здорово!

Это была первая увиденная нами победа. И хотя бомбардировщик был сбит летчиком, все мы чувствовали себя причастными к этому боевому успеху и радовались всей душой.

Экипаж сбитого самолета выбросился на парашютах.

Три белых купола медленно опустились в близлежащий лес. Большая группа ополченцев с винтовками бросилась туда, чтобы захватить парашютистов. Но вскоре они вернулись огорченные: никого не нашли. Оказалось, что вражеские летчики взяты в плен бойцами соседней части.

Этот эпизод, хотя и не был связан с боевыми действиями полка, заметно поднял дух ополченцев. Я слышал, как один боец говорил товарищу:

— Их можно бить в воздухе, можно и на земле...

Гитлеровские самолеты не только бомбили и обстреливали нас, иногда они сбрасывали листовки. Нелепая по содержанию, с грубейшими ошибками в русском языке, фашистская пропагандистская стряпня оказывала на наших ополченцев воздействие, совершенно противоположное тому, на которое рассчитывали ее сочинители. Лживые посулы, перемешанные с угрозами, только усиливали ненависть к захватчикам.

Прошли учебные тревоги. Политруки провели беседы, в которых обобщили опыт, обратили внимание бойцов на имевшиеся недостатки. Мы, политработники, старались, чтобы наша работа всячески способствовала решению конкретных задач, вытекавших из боевых условий.

«Дадим врагу сокрушительный отпор. Ни шагу назад» — таков был главный тезис агитации и пропаганды, которую мы вели в те дни среди наших ополченцев.

19 августа дивизионная разведка обнаружила движение фашистской танковой колонны на направлении Кипень — Ропша. Дивизия вступила в соприкосновение с передовыми частями врага.

В ночь с 21 на 22 августа поступил приказ о перемещении нашего полка на рубеж Слуцко-Колпинского укрепленного сектора. В 4 часа 50 минут утра мы походным маршем двинулись по шоссейной дороге от Красного Села через Николаевку, мимо южных окраин Пушкина, на Павловск. Но и здесь мы пробыли недолго, вскоре передислоцировались на юго-запад, в район Гатчина — Форносово — Ново-Лисино.

5

При столь частой смене позиций особое значение приобретала хорошо поставленная войсковая разведка. У командования полка всякий раз, естественно, возникала потребность как можно быстрее уточнить обстановку на новой местности. Вот если бы достать «языка»!.. Дело это, понятно, непростое да и рискованное. Но как он был бы сейчас кстати, «язык»!

...Еще до выхода на фронт, в начале августа, командование полка приняло меры для укрепления разведывательных подразделений. Во взводы пешей и конной разведки были направлены лучшие ополченцы, преимущественно комсомольцы, из числа молодых рабочих и студентов. Тщательно отбирались люди физически крепкие, уверенно владевшие оружием, умевшие ориентироваться на местности. Так стали разведчиками Анатолий Дмитриев, Иван Воробьев, Николай Голубков, Николай Потапов, Алексей Фурашов, Ибрагим Сулеймандин, Борис Фалис.

Григорий Русанов, рабочий торфозавода из Бокситогорска, возглавил отделение разведки, а на студентов Давида Сапожникова и Юрия Гешелипа легли обязанности переводчиков при штабе, и юношам пришлось мобилизовать все свои знания, чтобы не осрамиться в столь необычной, неожиданной для них роли.

И, что очень важно, командовать нашими разведчиками стали люди, уже имевшие некоторый боевой опыт — участники войны 1939/40 года — сержант Николай Александрович Григорьев, рабочий с Выборгской стороны, кавалер ордена Красного Знамени (он погиб в сентябре, в бою под Малой Пижмой), и женщина, о которой я уже упоминал.

О ней расскажу подробнее.

В нашем полку она появилась уже перед самым уходом на фронт. Я впервые увидел ее во время нашего построения на углу проспектов Максима Горького и Кировского, среди других штабных командиров и политработников полка. Мы заняли отведенные нам места в голове колонны (это было примерно против памятника «Стерегущему»). И вот тут рядом со мной оказался необычный ополченец — коротко подстриженйая, аккуратно затянутая в талии широким командирским ремнем молодая женщина со знаками различия старшего

лейтенанта и орденом на гимнастерке. Большинство из нас, новоиспеченных командиров и политработников, имело по одному, по два «кубика» в петлицах, А туг женщина с тремя «кубарями», да еще с правительственной наградой! Было чему удивиться.

Мы разговорились. И по дороге, во время привалов, она рассказала о себе. Ей двадцать пять лет. Спортсменка, лыжница. Участвовала в боевых действиях на Карельском перешейке позапрошлой зимой. Выполняя задания командования, несколько раз ходила во главе лыжного отряда по тылам противника. В наш полк назначена командиром взвода пешей и конной разведки. Я проникался все большим уважением к моей собеседнице, которая на своем коротком веку уже успела столько повидать и испытать. Это, несомненно, был настоящий боевой командир, обладавший опытом, которого большинству из нас тогда остро недоставало.

Мы прибыли на место. Началась боевая работа. Моя соседка по походной колонне быстро завоевала признание и авторитет у ополченцев. О ее храбрости, находчивости и удачливости ходили легенды. Между собой мы называли ее Лыжницей, Мастером и даже Хозяйкой Кавголовских гор, хотя не могу утверждать, что она в самом деле была мастером спорта или хотя бы чемпионкой каких-либо состязаний. Да это и не так уж важно. Смелая женщина стала для бойцов объектом восхищения, высоким образцом для подражания. И в самом деле, ее внутренней силе, твердости духа, энергии и выносливости мог позавидовать любой из нас. Это была удалая голова, закаленный боец!

Я встретил Хозяйку незадолго до выхода на задание, которое оказалось для нее последним. Мы на ходу перебросились двумя-тремя словами, пошутили, помянули Ленинград и расстались, спеша каждый по своим делам. Больше мне не довелось ее увидеть. В расположение полка Хозяйка не вернулась.

В те дни (это был конец августа) наша разведка вела усиленный поиск в районе деревень Кипень, Малая Пижма, Кобралово, Семрино, Большое Ондрово, Сусанино и разъезда Стекольного. Близ этих пунктов наши подразделения вступили в непосредственное соприкосновение с противником. Надо было во что бы то ни стало получить достоверные сведения о его силах и намерениях.

Стояла пора новолуния, и это затрудняло действия разведчиков. Но все же они выбрали относительно темную ночь и, воспользовавшись минутами, когда луна была плотно закрыта облаками, ушли за «языком». Их было человек десять, включая Хозяйку. Они пересекли поле, тянувшееся в направлении Семрино—Сусанино, вышли к берегу реки Суйды. В полукилометре от ее противоположного берега находилась деревушка, занятая гитлеровцами. Через Суйду — неширокую, но довольно глубокую водную преграду — наши товарищи перебрались па самодельном плоту. Переправа прошла благополучно, но, когда разведчики попытались продвинуться в глубь территории, контролируемой противником, они были обнаружены. Наши бойцы залегли в небольшой впадине, метрах в двухстах от берега. Фашисты пристреляли это укрытие и буквально не давали нашим разведчикам поднять головы. Местность была открытая, и наши бойцы не могли ни двинуться вперед, ни отойти к реке. Не помогла им и следующая ночь, на беду оказавшаяся ясной, лунной (к тому же противник освещал местность ракетами). На выручку к разведчикам попыталась было пробиться группа их товарищей, но из-за интенсивного пулеметного и минометного обстрела ей не удалось приблизиться даже к «своему» берегу.

Безуспешной оказалась и вторая такая попытка — спустя сутки. А горстка бойцов на том берегу изнывала от голода и жажды, но вела неравный бой с врагом.

В один из этих дней мы вдвоем с бойцом, обеспечивавшим в ту памятную ночь, переправу своих товарищей, подползли к краю обрыва. Дальше начинался пологий спуск к реке. Но пробраться к берегу было невозможно: сразу же начинал строчить пулемет.

Мой спутник показал рукой на противоположный берег:

— Видите вот ту ложбинку? Там они и залегли.

Впадина была неглубокой, с пологими скатами. Укрытие не из лучших. Но у наших товарищей не было выбора. И они держали оборону.

В течение двух суток слышались стрельба, разрывы гранат. Иногда с того берега доносились команды, подаваемые звонким женским голосом. На третье утро все стихло. Когда ночью группе наших разведчиков удалось наконец прорваться на тот берег Суйды, во впадине они уже никого не обнаружили. Нашли только остатки окро-

вавленной одежды, бинты, несколько штыков и ножей да груду стреляных гильз. Удалось ли врагу захватить живыми обессиленных, израненных людей или они утащили только их трупы, этого мы так и не узнали. Одно мы знали твердо: наши ребята во главе с Хозяйкой мужественно держались до последнего.

Хозяйка Кавголовских гор... Пожалуй, вернее ее было бы назвать Храброй Разведчицей. Подобно метеору, промелькнула она в нашей жизни — несомненно яркая, замечательная личность — и сгорела... Сгорела, осветив на миг своим однополчанам предстоявшую им долгую и трудную дорогу к Победе.

За четыре года фронтовые дороги сводили и разлучали меня со множеством людей. Не все имена сберегла память, да и сама память с годами слабеет. Не помню я, к великому огорчению, и имени Храброй Разведчицы. Кажется, ее звали Мариной.

6

По дорогам, ведущим к Ленинграду с запада, юга и юго-востока — от Кингисеппа, Луги и Чудова, двигались гитлеровские моторизованные дивизии. Опьяненный временными успехами, враг рвался вперед, не считаясь с тяжелыми потерями. Советские войска, оборонявшие подступы к городу, оказывали захватчикам упорное сопротивление. Оно возрастало по мере приближения линии фронта к городской черте.

Но с каждым днем возрастала и опасность, нависшая над Ленинградом.

Поздним вечером 21 августа в политотделе дивизии была получена газета «Ленинградская правда» с воззванием, подписанным К. Е. Ворошиловым, А. А. Ждановым и П. С. Попковым. Понимая всю важность этого документа, политотдел к утру 22 августа отпечатал в дивизионной типографии шестьсот экземпляров воззвания и разослал во все подразделения. Первые экземпляры были переданы в наш полк перед выходом в Слуцко-Колпинский сектор.

Непосредственное обращение руководителей обороны Ленинграда к его защитникам подняло боевой дух бойцов и командиров. Во время марша, на привалах, политработники зачитывали текст воззвания. Многие ополченцы откликнулись на этот призыв вступлением в ряды

партий и комсомола. Боец шестой роты И. В. Артеменко написал в своем заявлении: «Прошу принять меня в ряды дважды орденоносного комсомола. Обязываюсь с честью носить звание комсомольца и в боях за Родину, за Ленинград показать силу Ленинского комсомола». А вот слова из заявления бойца первой роты Б. Р. Голода: «В сей грозный час смертельной схватки с фашизмом хочу идти в бой членом Ленинского комсомола. Обязываюсь быть передовым бойцом».

Позже оба этих молодых ополченца хорошо проявили себя в ходе боевых действий.

Первый бой наш полк принял у деревни Пижмы, й семи километрах южнее Гатчины, 25—27 августа.

' Я в те дни по заданию комиссара выезжал в полиГотдел ЛАНО и о подробностях этого события узнал позже от товарищей. По Их рассказам, произошло это так.

Подразделения нашего полка были выдвинуты южнее Гатчины с задачей наступать на деревню Пижму. Ранее на этом участке действовали ополченцы 2-й гвардейской дивизии. Деревня находилась на возвышенности, и тот, кто ею владел, получал известные преимущества перед противником. Пижма уже несколько раз переходила из рук в руки. Сейчас в деревне засели фашисты. Под прикрытием домов стояли их орудия, минометы, около десятка танков.

Во второй половине дня 25 августа полк был стянут к лесу напротив деревни. От широкого поля с еще тлевшими снопами ржи тянуло гарью. На опушке леса дымились обугленные деревья. Все напоминало о прошедшем здесь недавно жарком бое.

Атака была назначена на 17.00. Перед ее началом в подразделениях прошли короткие собрания. Их проводили политработники М. Н. Александров, П. Д. Шаргун, Н. И. Исаков, А. М. Александров, А. А. Костромин, П. В. Метелкин и другие.

В небо взвилась красная ракета — это был сигнал,— и полк двинулся в атаку. Третьему батальону, который наносил главный удар, были приданы два орудия на конной тяге и пулеметный взвод. Когда ополченцы вышли к дороге, командир батальона закричал:

— Коммунисты, комсомольцы, вперед! За Родину!

Ополченцы вышли на горелое ржаное поле и короткими перебежками стали быстро продвигаться к де-

ревне. Атаку поддержали бойцы двух других батальонов, которые наступали из леса.

Через все поле тянулся противотанковый ров, выкопанный руками ленинградских женщин. Сюда под сильным артиллерийским и минометным огнем и устремились атакующие. Собралось сотни две. Противник перенес огонь на ров. Появились первые убитые, послышались Крики и стоны тяжелораненых. Атака захлебнулась. Некоторые бойцы стали перебегать изо рва в поле, пытаясь укрыться в кустарнике или за обгорелыми снопами.

Прошла ночь. Под утро ополченцы начали готовиться к новой атаке. Третий батальон сосредоточился за железнодорожной насыпью, где он ночью окопался. Подошли три танка для поддержки наступления.

В 15.00 полк снова пошел в атаку. Третий батальон сумел зацепиться за окраину Пижмы. Два других батальона достигли противотанкового рва и там залегли.

Полк понес значительные потери. Гитлеровцам удалось подбить два наших танка. Многие бойцы были убиты или ранены.

Фашисты предприняли несколько попыток вытеснить ополченцев с окраины деревни. Под вечер на позицию третьего батальона пошли танки. Группа ополченцев седьмой роты, в которой находились лейтенант Алексей Решетников, сержант Николай Григорьев и политбоец Тимофей Иванов, встретила их гранатами. Решетников и Григорьев в этой схватке пали смертью храбрых. Иванов был контужен '.

— Очнулся я на следующее утро в медсанроте,— рассказывает Тимофей Тимофеевич. — Тут же лежали другие раненые ополченцы. Они негромко разговаривали. Еще я услышал голоса командира и комиссара полка. Первый кому-то докладывал о ходе боя за Пижму, а второй называл раненых и каждого кратко характеризовал. Подошли и к моему топчану. Тут я наконец понял, что происходит. В комнате находился К. Е. Ворошилов. Командир полка рассказал маршалу о нашем бое с фашистскими танками, о том, как погибли Решетников и Григорьев, а я получил контузию. Климент [1]

---

[1] **Т. Т. Иванов пришел в ополчение из 81-й средней школы Петроградского района, которую тогда только что окончил и где был секретарем комитета ВЛКСМ. Ныне Тимофей Тимофеевич возглавляет Совет ветеранов нашей дивизии.**

Ефремович наклонился ко мне, крепко пожал руку, спросил: «Сколько тебе лет? Откуда ты?»

Я ответил, что семнадцать и что я комсомолец с Петроградской стороны. К. Е. Ворошилов кивнул и с чувством оказал: «Молодец, комсомолец. Благодарю за храбрость. Выздоравливай. Сражайся с гитлеровцами так же, как во вчерашнем бою».

7

А я эти два дня провел в Ленинграде. Минуло всего две недели с того вечера, когда мы выступили на фронт, а казалось, что прошли по меньшей мере месяцы. Так много событий и переживаний вместили эти недели.

Заметно изменился за это время и наш родной город. В его облике отчетливо проступили черты военной подтянутости, собранности, суровости. На окраинах возникла система оборонительных сооружений. На перекрестках улиц стояли противотанковые надолбы, противопехотные ежи, зенитные установки. Контрольно-заградительные посты придирчиво проверяли документы. Пока я ехал трамваем с Витебского вокзала до Исаакиевской площади, встретилось несколько отрядов девушек-сандружинниц, а также вооруженных рабочих и студентов.

Я побывал' в штабе армии народного ополчения, в Мариинском дворце. Договорился, что второй полк будет получать газеты и всю остальную корреспонденцию через полевую почту соседней дивизии. Затем вернулся в свою часть.

В последних числах августа и в начале сентября наш полк несколько раз перебрасывали с места на место. Мы передвигались то на автомашинах, то пешком. Несколько дней дислоцировались в районе поселков Антропшино и Коммунар, затем в совхозе «Кобралово». 28—30 августа некоторые подразделения полка вели бой в нескольких километрах от совхоза. Мы здесь вырыли окопы, построили блиндажи. Противник обрушил на наши оборонительные сооружения сильный артиллерийско-минометный огонь. Интенсивный обстрел наших позиций продолжался с небольшими перерывами почти двое суток. Очевидно, гитлеровцы готовились наступать. Мы, естественно, ожидали атаки, но ее почему-то так и не последовало. Возможно, на намерения противника

повлияло то, что он встретил с нашей стороны сосредоточенный огонь.

Несмотря на частые перемещения, в полку своим чередом шла боевая учеба, непрерывно велась, все более усиливаясь, массовая политическая работа.

2 сентября я присутствовав на паргийно-комсомольском собрании в третьем батальоне. В тот день несколько передовых бойцов-комсомольцев, хорошо проявивших себя в боях, были приняты в партию. Коммунисты и комсомольцы активно обсуждали вопросы, прявшие в повестке дня, говорили о своей готовности выполнить любую задачу, которую поставит перед ними командование.

Я рассказал о том, как выглядит, как живет и трудится в эти дни Ленинград, сообщил некоторые новые подробности боев на подступах к городу, привел примеры замечательной стойкости и мужества бойцов народного ополчения.

В конце августа наша 3-я дивизия вместе со 2-й гвардейской дивизией народного ополчения была подчинена командованию 42-й армии. Утром 29 августа в расположении нашей дивизии вновь побывал К. Е. Ворддщлов. Маршал еще раз проверил готовность соединения к боям, обещал улучшить снабжение боеприпасами. Он потребовал перебросить второй и часть третьего полка из поселков Разбегай, Коммунар и Владимирская в район железнодорожной станции Ново-Лисино для прикрытия Павловска и Пушкина и подготовки удара в направлении Тосна. В этом районе уже героически сражались бойцы 168-й стрелковой дивизии, которой командовал полковник А. Л. Бондарев.

1 и 2 сентября наш полк на автомашинах был переброшен к Ново-Лисину, где закрепился севернее железнодорожного полотна. Политработники сразу же провели во всех подразделениях партийно-комсомольские собрания, на которых разъяснили директиву главнокомандующего Северо-Западным направлением. Бойцы заявили, что все, как один, готовы сражаться до последнего патрона.

Несколько дней противник не проявлял активности на нашем участке. Командование решило направить во вражеский тыл несколько групп разведчиков для выяснения обстановки и захвата «языка». Одну из этих групп возглавил младший лейтенант Николай Зозуля,

ютр взвода седьмой роты третьего батальона. С ним отправились еще один младший лейтенант (фамилии его я, к сожалению, не запомнил) и четыре бойца, все комсомольцы, в том числе двое—Евгений Богданов и Александр Тарасов — политбойцы. Разведчикам выдали скорострельные десятизарядные винтовки, по шесть гранат-«лимонок» на каждого и двухдневный паек.

С наступлением темноты, сдав партийные и комсомольские билеты политруку, они двинулись в путь. Ползком перебрались через железнодорожное полотно и лесом пересекли линию фронта. Под утро вышли к деревянному мосту через небольшую речушку. Его охранял крупный наряд фашистских солдат с пулеметами и танкеткой. Чувствуя себя в безопасности, гитлеровцы громко разговаривали и смеялись.

Наши разведчики залегли в прибрежных куста* и стали внимательно наблюдать за фашистами. Один из ополченцев хорошо понимал по-немецки, он внимательно прислушивался к болтовне вражеских солдат и шепотом передавал младшему лейтенанту Зозуле названия захваченных противником населенных пунктов, фамилий командиров и т. п. Зозуля все это записывал, некоторые данные наносил на карту.

На вторую ночь гитлеровцы сняли охрану моста. Наши ополченцы перебрались на другой берег реки и скрытно подошли к занятой фашистами деревне. Вокруг нее бродили патрули. Разведчики решили попытаться захватить «языка». Но едва приблизились к деревне со стороны огородов, во дворах залаяли собаки. Патрульные открыли беспорядочный огонь, стали освещать местность ракетами. Ополченцам пришлось снова отойти в лес.

Весь следующий день разведчики наблюдали за интенсивным движением грузовиков по проселочным и лесным дорогам. В лесу несколько раз встречали прятавшихся от гитлеровцев местных жителей. Они дали сведения о расположении вражеских гарнизонов в поселках Семрино, Сусанино, Поги и Апраксин пост, сообщили о появлении фашистских самолетов на временных аэродромах в районе Вырицы.

На третий день группа младшего лейтенанта Зозули благополучно вернулась в расположение полка. За важные данные о противнике разведчики получили благодарность от командования дивизии.

9 сентября был получен приказ провести разведку боем. Решено было осуществить ее силами первой роты первого батальона. За день до выхода в разведку я побывал во всех взводах, побеседовал с ополченцами. Мне не удалось только поговорить с политруком роты Алексеем Мироновичем Александровым, он куда-то вышел, и я оставил ему записку с выражением уверенности, что он и его подчиненные успешно выполнят боевое задание.

Мне нравился политрук Александров. Это был человек прямой, глубоко принципиальный. Он умел свои коммунистические убеждения, твердую веру в победу нашего правого дела внушить тем, кто с ним общался, в первую очередь — бойцам своего подразделения. Первая рота считалась одной из лучших в полку, и в этом, без сомнения, была немалая доля заслуг Алексея Мироновича. Мне очень хотелось именно с ним обменяться мнениями относительно предстоящей вылазки, но, как я уже сказал, мы так и не встретились.

Комиссар полка разрешил мне принять участие в разведке. Я знал эти места. До войны по выходным не раз бродил здесь с ружьем и охотничьей собакой.

10 сентября с рассветом мы двинулись лесом в сторону Ново-Лисина. Со мной было десять человек. Шли тихо, без разговоров. Настроение у бойцов было решительное. Постепенно мы довольно далеко углубились в лес и оказались наконец на территории, занятой противником. Здесь мы шли преимущественно кустарником, быстро перебегали через открытые поляны.

С нами был пулемет «максим». Я приказал пулеметчикам огонь без моей команды не открывать. Гитлеровцы несколько раз нас обстреливали, мы отвечали огнем из винтовок, пулемет пока не использовали.

Примерно через час где-то позади и слева от нас разгорелся бой. Слышалась интенсивная стрельба из винтовок, автоматов и пулеметов. К этому времени гитлеровские автоматчики заметно усилили огонь и по моей группе. Они начали обходить нас справа и приблизились настолько, что мы хорошо слышали их голоса. Я решил, что настала пора подключить к делу пулемет, и дал команду расчету:

— Ребята, а ну-ка поддайте жару фашистам, а затем вслед за нами отходите.

Мы двинулись в обратном направлении. Позади застрекотал «максим». Вскоре пулеметчики догнали нас.

Теперь снова наша группа была в сборе. Я шел справа, шагах в двадцати от своих товарищей. Неожиданно увидел прямо перед собой голову гитлеровца. Он медленно поднимался из высокой травы, собираясь то ли дать Очередь из автомата, то ли бросить гранату. Надо было его опередить. Я как мог резко крикнул:

— Хенде хох!— И направил на него винтовку.

Солдат бросил автомат и поднял руки. К нему подбежали наши бойцы, отобрали оружие, документы.

Позже мы встретили небольшую группу фашистов, вступили с ними в бой, нескольких убили, одного взяли $ плен. Остальные разбежались. Наш отряд потерь не имел.

Вскоре мы соединились с основной группой ополченцев, участвовавших в разведке. И тут я узнал о гибели Политрука роты. Во время боя он находился в первых рядах. Когда под огнем гитлеровцев цепь ополченцев залегла, Алексей Миронович бросился вперед с возгласом:

— За Родину! За Ленинград!

Бойцы дружно поднялись в атаку вслед за своим политруком и опрокинули противника. Но сам Александров этого уже не увидел. Вражеская пуля оборвала его жизнь...

Упорные бои развернулись на участке нашего полка 10—13 сентября.

4 сентября противник начал наступать в районе севернее Ново-Лисина и Красного Бора. Силами 121-й н 122-й пехотных дивизий, при поддержке танков и бомбардировочной авиации, он стремился прорвать оборону 2б0-го и 402-го Краснознаменного полков 168-й стрелковой дивизии. Фашисты рвались к Слуцку (Павловску), Пушкину, Колпину. Мы получили приказ поддержать боевые действия 168-й стрелковой дивизии. Ранним утром после короткой артиллерийской подготовки полк перешел в наступление. Разгорелся бой, который запомнился мне на долгие годы.

Второй и третий батальоны штурмовали вражеские позиции вдоль железной дороги, идущей от Ново-Лисина к разъезду Стекольному. Противник возвел здесь систему блиндажей, использовав при этом наши старые бетонные укрепления. На ополченцев обрушился ураганный артиллерийский, минометный и пулеметный огонь. Мы понесли тяжелые потери. На наших глазах упал

сраженный насмерть командир седьмой роты третьего батальона старший лейтенант Алексей Барышников, был убит вражеской пулей командир первого взвода младший лейтенант Николай Зозуля. Упал с простреленной головой коммунист-ополченец Сергей Ксенофонтович Данчич. Его пытался перевязать комсомолец-политбоец Евгений Богданов, но и он был тяжело ранен. От седьмой роты осталось в строю лишь несколько ополченцев.

Я находился в составе первого батальона. Впереди шел комбат Александр Штейнберг.

Мы двигались сперва лесом, затем вышли к болоту и здесь попали под минометный огонь. Залегли. Вскоре голос Штейнберга замолк. Комбат был или тяжело ранен, или убит. И я крикнул:

— Слушай мою команду! Командование беру на себя!

Несмотря на значительные потери, батальон постепенно продвигался вперед. Ополченцы где перебежками, гДе ползком шли на сближение с противником. Я приказал пулеметчикам вести сосредоточенный огонь по фашистским минометам. А сам с группой бойцов стал перебегать от кочки к кочке в направлении станции.

Но вот одна из мин шлепнулась в нескольких шагах от меня. Я услышал разрыв. И сразу острая боль пронзила затылок. Перед глазами поплыли круги. Я понял, что меня ранило, по-видимому — осколком мины. Достал из кармана перевязочный пакет, разорвал, кое-как перебинтовал голову. Осматриваясь вокруг, заметил, что в боевых порядках батальона появился парторг полка П. Д. Шаргун.

Подполз к нему:

— Петр Данилович, принимай командование. Комбат убит, а меня вот ранило.

Ранение свое я определил как легкое, решил, что до медсанроты доберусь как-нибудь сам, без посторонней помощи.

Шаргун с ополченцами скрылся в мелколесье. А я, оставшись один, долго полз по болоту, временами теряя сознание. Ориентировался по компасу, который захватил еще из дому.

Сгустились сумерки. Я решил переждать ночь в лесу, укрылся за одним из кустов. Пистолет держал наготове, со спущенным предохранителем...

Позже на меня набрели наши ополченцы, отходившие от станции. Наступление на Ново-Лисино не удалось.

Мне сделали перевязку на медицинском пункте, а затем отправили в Ленинград. Лечился я в больнице имени И. И. Мечникова. Уже потом узнал, что наш полк совместно с частями 168-й стрелковой дивизии еще несколько дней оборонял Павловск и Пушкин. Противнику удалось занять эти пункты лишь 18 сентября. В это же время первый и третий полки нашей дивизии упорно оборонялись севернее Красного Села и так же, как и мы, понесли тяжелые потери. В конце сентября 1941 года 3-я гвардейская дивизия народного ополчения была переформирована в 44-ю стрелковую дивизию. Из блокадного кольца ее перебросили на Большую землю, где она вошла в состав 4-й армии, которой командовал генерал армии К. А. Мерецков, и участвовала в освобождении Тихвина от немецко-фашистских захватчиков.

Я же после излечения был направлен в 227-й Краснознаменный отдельный гаубичный артиллерийский полк, в рядах которого сражался за Ленинград до середины декабря 1941 года, до нового, на сей раз более тяжелого, ранения.

Прошло более трех десятков лет. Многие подробности событий той поры стерлись в памяти. Каких-либо записей, следуя строгим правилам военного времени, мы тогда не вели. Многое забылось. Но трудные для нашей армии упорные бои под Ленинградом осенью 1941 года, стойкость и отвага тех, кто сдерживал напор фашистских полчищ, остались одним из самых ярких воспоминаний в моей жизни.

И, конечно, коллективный подвиг защитников города Ленина, совершенный ими в те грозные дни, никогда не изгладится из памяти народной.

А. Ф. КУЗЬМИН

ПЯТЬ ОГНЕННЫХ ДНЕЙ

Я учился в ремесленном училище. Возраст мой был далек от призывного, но я твердо решил — на фронт, С дружком своим Павлом Филимоновым отправились в Октябрьский военкомат. Попросились добровольцами. Первый вопрос:

— Сколько вам лет?

— По шестнадцати, — ответил Филимонов.

— Скоро будет семнадцать,— попытался я прибавить, но подтвердить это не мог, паспорта у меня еще не было: я родился 21 сентября 1925 года.

— Идите домой, ребята. Вам еще рано на фронт,— сказали в военкомате.

От товарищей мы узнали, что идет запись добровольцев в Октябрьскую дивизию народного ополчения. И здесь возраст служил помехой. Пришлось пуститься на обман: предъявили заводские пропуска и сказали,

Кузьмин Альфред Федорович, учащийся ремесленного училища, в июле 1941 года вступил в народное ополчение^ стал бойцом 265-го отдельного пулеметно-артиллерийского батальона. Дважды ранен, инвалид Великой Отечественной войны.

А. Ф. Кузьмин — член президиума Ленинградской секции Советского комитета ветеранов войны.

что паспорта в отделе кадров. Поверили. Нас С Павкой зачислили в батальон, формировавшийся на территории Института физкультуры имени Лесгафта.

Началась военная учеба. Трудились до седьмого пота: ползали по-пластунски, метали гранаты, кололи штыком, изучали оружие. От зари до зари проходили эти изнурительные, но очень пригодившиеся *в бою* занятия.

Батальон состоял в основном из молодежи. Были здесь студенты Института имени Лесгафта, ЛИИЖТа, консерватории, Ленинградского института точной механики и оптики, учащиеся Техникума физической культуры, 10-й средней школы Октябрьского района, рабочие— главным образом судостроители, артисты и сотрудники Академического театра оперы и балета имени С. М. Кирова.

18 июля наша часть, получившая наименование «265-й отдельный пулеметно-артиллерийский батальон», вышла на боевой рубеж.

В четырех боевых ротах и вспомогательных подразделениях к началу боев насчитывалось около 1400 бойцов и командиров. Мы заняли позиции в Красносельском секторе Красногвардейского укрепленного района вдоль противотанкового рва, вырытого трудящимися Ленинграда. На этом участке шириной около пятнадцати километров были сооружены сто сорок три огневые точки— доты, дзоты, пулеметные ячейки. На каждый километр фронта приходилось примерно три орудия и четыре пулемета.

На левом фланге линия обороны проходила южнее деревни Скворицы, на правом — севернее деревни Финно-Высоцкое с выступом на юго-запад в районе деревень Терволово—Пелля—Хюттеля. У Русеко-Высоцкого мы перекрывали Нарвское (ныне Таллинское) шоссе. Здесь огневая насыщенность была выше — до двенадцати орудийных стволов на километр—-и сама оборона более эшелонированной.

Июль и август мы занимались боевой учебой, совершенствовали свои позиции, оборонительные сооружения.

Часто бывал во взводах комиссар батальона И. С. Нестеров. Заходил он и к нам. Интересная у него была судьба. Нам, молодым, он казался человеком из легенды.

Иван Серафимович Нестеров плавал машинистом на «Челюскине», участвовал в челюскинской ледовой

эпопее. Позже возглавлял Арктическое пароходство, руководил операцией по снятию с дрейфующей льдины папанинцев и в мирное время получил высокие награды-ордена Красной Звезды и Трудового Красного Знамени. Мы ведь совсем недавно играли в челюскинцев и папанинцев, а теперь служил« под началом участника этих легендарных событий. Как было не гордиться! Слушали мы своего комиссара с огромным вниманием.

Еще чаще видели мы у себя военинженера 3-го ранга М. А. Краминского. Начальник реставрационных мастерских стал начальником инженерной службы батальона, руководил теперь строительством оборонительных сооружений. Был он уже немолод, участвовал в гражданской войне. Но его энергии могли позавидовать многие молодые.

В конце августа над нашим участком обороны все чаще стали появляться вражеские самолеты-разведчики. Они пытались обнаружить огневые точки. Мы постарались тщательно замаскировать их. Один дот выглядел как сарай, другой был устроен в бывшем жилом доме. Железобетонные купола были присыпаны землей, обложены дерном.

Левее нашего дота стояло зенитное орудие. Во время одного налета фашистской авиации расчет погиб, орудие перебросили на другую позицию. Мы решили сделать деревянный макет пушки и установили его примерно на том же месте, метрах в четырехстах от дота. «Пушка» часто привлекала внимание вражеских самолетов и артиллерии. Мы же в результате этого чувствовали себя поспокойнее.

Первыми начали боевые действия наши разведчики, и они же первыми понесли потери. 27 августа погиб командир взвода разведки студент Кораблестроительного института лейтенант Фарид Субаев, награжденный зимой 1939/40 года орденом Красного Знамени. Через несколько дней был тяжело ранен разведчик Якубов. Часто ходили в разведку О. В. Новгородов-—наш снайпер, В. С. Великанов, Юрий Ауль, Ирина Орехова. Данные, добытые разведчиками, позволили нашему командованию установить силы противника на участке обороны батальона.

Дот, в котором находились мы с Филимоновым, стоял на опушке леса за деревней Русоко-Высоцкое. Сооружение было большое, с несколькими помещениями. Слева

от 76-миллиметрового орудия была оборудована комната, обшитая тесом, по бокам комнаты устроены нары, в центре стоял большой стол. Справа от орудия был расположен отсек, где хранились НЗ, аккумуляторы, аппаратура связи. Ближе к выходу, с правой стороны, в отдельной нише сложены ящики со снарядами.

Командовал гарнизоном дота Лев Антонович Алейников, мастер-судосборщик. Он был старше всех по званию, носил в петличках «кубики». Если память не изменяет, Л. А. Алейников имел звание старшего лейтенанта.

Николая Вахрушева назначили замковым, меня — заряжающим, Уткина — наводчиком. Павлик был пулеметчиком, вторым номером, а когда пулемет вышел из строя, он перебрался в дот и стал подносчиком снарядов.

Рано утром 7 сентября наступил наш час испытаний. На штурм позиций первой роты гитлеровцы бросили вместе с пехотой танки. Мы встретили их прицельным огнем. Оставив четыре подбитых танка и десятки трупов, противник вынужден был отойти.

Затишье длилось недолго. На нас обрушилась артиллерия и минометы, потом отбомбилась авиация и снова— атака. И опять врагу преградили путь разрывы наших снарядов и огонь несколько поредевших стрелковых подразделений одного из полков 3-й гвардейской дивизии народного ополчения.

Так в течение дня повторялось несколько раз. Враг не продвинулся ни на шаг.

Основной удар противник наносил вдоль Нарвского шоссе на участке Пелля—Хюттеля—Русско-Высоцкое. Первыми вступили в бой огневые точки второй роты старшего лейтенанта Белова, расположенные с левой стороны шоссе, ближе к Кипени.

Бесстрашно сражался гарнизон, который возглавлял студент консерватории Яков Бабель. Когда сооружение было повреждено и пушка вышла из строя, герои-ополченцы продолжали вести огонь из винтовок, пока дзот не разворотило взрывом: видимо, снаряд угодил в погреб с боеприпасами.

Бессмертный подвиг совершил студент консерватории Заур Гаглоев. Со связкой гранат он бросился навстречу танку, угрожавшему позициям другого дзота, уничтожил танк, но сам погиб.

Санинструктор роты Валентина Нечаева, фельдшер Елена Шарыгина, сандружинницы Людмила Апыхтина и Александра Прохорова всегда оказывались там, где нужна была их помощь, и под вражеским обстрелом спокойно делали свое дело.

8 сентября противник после сильной артиллерийской подготовки предпринял новую атаку. На позиции, обороняемые взводом лейтенанта Ю. Лещинского, двинулось более десяти танков. Меткий огонь артиллеристов остановил их. Головная машина, окутанная дымом, волчком завертелась у противотанкового рва. Вспыхнул еще один танк. Остальные повернули обратно. Вражеских пехотинцев поливали свинцом наши пулеметчики. Десятки трупов гитлеровцев остались перед огневыми точками на участке Русско-Высоцкого.

Бой продолжался весь день, не прекращаясь ни на минуту. Как только фашистские танки и автомашины появлялись на шоссейной дороге и прилегающей к ней местности, мы ставили перед ними огневую завесу.

Были минуты, когда наш дот так наполнялся пороховыми газами, что становилось трудно дышать. Жаром тянуло от стреляных гильз и орудийного ствола. В критические моменты боя мы не замечали ни духоты, ни жары. Лишь в короткие периоды относительного затишья ощущали усталость и валились на пол там, где стояли, часто заходясь тяжелым кашлем.

Но стоило наблюдателю сообщить о появлении противника, как вновь все оказывались на местах и «отдохнувшее» орудие посылало снаряд за снарядом.

Трудно пришлось расчету Мошникова. К исходу второго дня шрапнельные снаряды были почти полностью израсходованы. Оставалось лишь немного бронебойных. Но вот и ими уже нельзя было воспользоваться: заклинило пушку, прямым попаданием снаряда дот был наполовину разрушен. Наводчик Борис Угаров, накануне подбивший немецкий танк, снял орудийный замок и зарыл его в траншее. Командир роты Соловьев приказал гарнизону покинуть сооружение. Группа смельчаков попыталась прорваться на КП роты, но в живых остался лишь один Борис Сергеевич Угаров, ныне заслуженный художник РСФСР, профессор, член-корреспондент Академии художеств СССР.

9 сентября бой разгорелся с еще большим ожесточением. В исключительно тяжелом положении оказалась

четвертая рота. Гитлеровцы захватили населенные пункты Мутакюля и Тервоне. Командир роты старший лейтенант И. Г. Трофимов был ранен, но продолжал руководить подразделением.

Рота понесла большие потери, много было раненых. Командир приказал младшему политруку В. И. Эккелю эвакуировать раненых в тыл. Делать это пришлось под непрерывным вражеским огнем. Эккель зашел в землянку, где оставались последние пятнадцать тяжелораненых бойцов. В этот момент над позициями батальона появилось свыше сорока бомбардировщиков. Одна из бомб угодила в землянку. В. И. Эккель погиб вместе с ранеными. Накануне в армейской газете «На защиту Ленинграда» была опубликована его статья, в которой младший политрук писал: «Враг не пройдет в Ленинград, за который мы готовы отдать свою жизнь». Он делом подтвердил эти слова.

В той же газете 10 сентября был помещен портрет девушки. Подпись под ним была короткой: «Разведчица Н-ской части народного ополчения, учащаяся техникума физкультуры Ирина Орехова». Когда газета поступила к читателям, Ореховой уже не было в живых. Именно в это утро отважная комсомолка подняла в атаку группу ополченцев, оказавшихся в окружении, и пала, сраженная осколком снаряда.

Стойко держался гарнизон дзота, которым командовал учащийся Техникума физкультуры Виктор Кокарев. Подступы к огневой точке были усеяны вражескими трупами. Но вот фашистский танк подобрался сбоку и стал методически расстреливать дзот.

— Его надо уничтожить. Кто возьмется? — спросил командир.

Вызвался комсомолец Михаил Корнев, отличный спортсмен. Прикрываемый своим товарищем Евгением Кожемякиным, Корнев пополз к гитлеровскому танку. Противотанковой гранатой он сбил гусеницу, а бутылкой с горючей смесью поджег танк. Но ополченец не увидел своей победы: в тот момент, когда он метнул бутылку, его сразила очередь из пулемета. Погиб и Женя Кожемякин.

Редели ряды наших бойцов, все меньше оставалось действующих дотов и дзотов.

У деревни Хюттеля осталась только одна огневая точка, с которой КП второй роты еще имел связь.

Вражеский танк, прорвавшись, оказался вне сектора обстрела нашего орудия и безнаказанно расстреливал дзот. Командир роты Белов видел это, но ничем не мог помочь.

Гарнизон дзота погиб, наводчик орудия Лев Панин был контужен. Он очнулся лишь на вторые сутки, когда над полем боя уже стояла зловещая тишина. Панин приподнялся и увидел вдали группу немецких солдат. Собрав остатки сил, он вогнал в казенник снаряд и дал последний выстрел по врагу. Тут же в дзот заскочил гитлеровец. Удар прикладом по голове вновь лишил Панина сознания.

Лев Геннадьевич Панин — инженер Института растениеводства— оказался в плену. Он вынес все ужасы фашистских лагерей и вернулся в Ленинград. Каждое лето до конца своих дней он проводил в деревне Хюттеля, в домике рядом со своим дзотом, на земле, ставшей для него священной.

10 сентября напряжение боя достигло предела. Враг бросил на позиции батальона до двухсот танков, с воздуха обрушились бомбардировщики. Большинство гарнизонов погибло.

Героически сражался взвод, занимавший позиции на северо-западной окраине Русско-Высоцкого. Наводчик 45-миллиметрового орудия В. Г. Иванов вспоминает:

— Мы увидели, что дот, находившийся ближе к центральной улице села, окружен. Оттуда сообщили по телефону, что гарнизон решил взорвать свое сооружение вместе с фашистами. «Прощайте, товарищи,— донеслось из телефонной трубки,— отомстите за нас...»

Между дотами были устроены скрытые бронированные точки, откуда ополченцы разили врага пулеметным огнем. Их маленькие гарнизоны сражались до последней возможности. Вот что рассказывает боец Митрофан Тр ой и и н:

— Вести огонь из своей огневой точки, оказавшейся в тылу противника, мы уже не могли и вечером перебрались в расположенный рядом окоп. Всю ночь били по немецким пулеметчикам, находившимся метрах в ста от нас. На рассвете десятого сентября командир взвода лейтенант Цветков приказал выдвинуться ближе к селу. Нас было человек десять. Мы прижимали гитлеровцев к земле, не давая им возможности подняться в атаку.

Фашисты отвечали сильным минометным огнем. Пулеметчик Кузнецов был убит, пулемет выведен из строя'. Мы стали отходить к доту, сооруженному на северной окраине села. Там еще некоторое время держались, потом поползли к КП роты. Двести метров, отделявшие пйс от командного пункта, мы преодолевали короткими перебежками весь день. Многие были ранены или убиты, но подобрать их из-за сильного огня мы не могли. К вечеру на КП роты собралось триста — триста пятьдесят бойцов нашего батальона и одного из полков третьей гвардейской дивизии народного ополчения. У Нас оставалось семь пулеметов, артиллерии уже не было. Ночью получили приказ отходить на север...

К исходу 10 сентября противник прорвал нашу оборону на левом фланге й стал продвигаться к Красному Селу. А в Русеко-Высоцком все еще сражались ополченцы нашей роты, не позволяя расширить прорыв. Они наносили ощутимый урон врагу, хотя гарнизоны заметно поредели.

В тяжелом положении оказался дот лейтенанта Юрия Лещинского. Гитлеровцы выкатили на опушку леса орудия и стали расстреливать его прямой наводкой. Сооружение было повреждено. Лещинский сообщил об этом на командный пункт роты. Командир роты старший лейтенант Соловьев разрешил отойти. Лещинский ответил, что бойцы не хотят покидать позиций, решили бить'* ся до последнего. Героический гарнизон погиб. Но гитлеровцам это дорого обошлось: перед дотом остались горящие танки, бронемашины, трупы вражеских солдат.

Вечером 10 сентября мы в последний раз связались с командным пунктом роты.

— Ждите дальнейших указаний,— передали Алейникову по телефону. На этом связь оборвалась.

Командир отправил на КП посыльного — пожилого бойца Василия Ивановича. За храбрость и густые черные усы мы прозвали его Чапаевым. С этой фамилией он и остался в моей памяти.

Хозяйственная струнка и смелость Василия Ивановича не раз выручали нас. Еще накануне, когда стемнело, он пробрался в Русско-Высоцкое, где уже хозяйничал враг (от нас до села было пятьсот метров), и притащил несколько буханок хлеба и котелок с медом. Как он это добыл, не сказал.

С командного пункта роты Василий Иванович не вернулся, и мы остались в полном неведении о сложившейся на участке батальона обстановке.

Связь оставалась у нас только с дотом, расположенным впереди, слева от Нарвекого шоссе. Он был в секторе нашего обстрела и наблюдения. Уцелел и соединявший нас телефонный кабель.

Утром 11 сентября Алейников увидел через перископ, как этот дот тесным кольцом окружили фашисты. Вдруг В телефонной трубке раздалось;

— Братцы, дайте огня! Нас окружили, пушка выведена из строя. Бейте фашистских гадов!..

Через несколько секунд снаряды рвались у окруженного дота. Оставшиеся в живых гитлеровцы поспешили укрыться. Но вот сидевший у перископа Алейников чрыхнулся и приказал коменданту нашего дота, старшие А. И. Капустину выйти наружу, взобраться на купол и корректировать огонь. Оказалось, вражеский снаряд разбил перископ, наш дот стал «слепым». Всего цесколько выстрелов произвело орудие, и через перископную трубу донесся слабый голос Капустина, сообщавшего, что он ранен.

Из соседнего дота снова требовали огня. Наверх отправился другой корректировщик. И его ранило.

— Товарищ старший лейтенант, разрешите мне,— Попросил Павка Филимонов.

Вызвался и я пойти на купол, но Павка сказал, что Мне и здесь дела хватит.

— Правильно, Филимонов, иди! — сказал Алейников.

Павел пробыл на куполе дольше других. С его помощью были рассеяны несколько вражеских групп, пытавшихся подойти к безоружному доту. Но не слышно Стало и Павииного голоса. Он погиб, помогая боевым друзьям.

В наш дот ударило словно гигантской кувалдой. Потом еще, еще. Гитлеровцы выкатили орудие правее Церкви и открыли стрельбу прямой наводкой. Мы не могли отвечать: орудие стояло вне сектора обстрела нашей пушки. И вот вражеский снаряд угодил прямо в амбразуру. На какое-то время наступила тишина. Слышались лишь стоны раненых. Как никогда раньше, ощущалось биение сердца, удары его глухо отдавались в ушах.

Орудия противника не раз принимались бить по нашему доту. На железобетонном куполе появлялось все

больше и больше отметин, но пробить его все не удава' лось. Близко подходить к доту гитлеровцы не рискнули» они уже знали, что наши бойцы подрывают сооружение в тот момент, когда его начинают штурмовать, и вместе с собой уничтожают всех, кто оказывается рядом.

Мы с Уткиным забрались на ящики со снарядами. Я бросил туда тулуп. Сделал попытку пошутить:

— На воздух взлетим без синяков, мягче будет...

Уткин ничего не ответил. Мы задремали.

Нас разбудил старший лейтенант Алейников. Все, кроме раненых, были на ногах. Угнетающе действовала непривычная тишина. Изредка ее нарушали стоны. Я посмотрел на лежавшего у стены старшину, тяжело раненного в живот. Вспомнил, как он меня недавно лечил. Я вернулся из разведки простуженный, с высокой температурой, меня трясло, словно в лихорадке. Старшина собрал у ребят флаконы с одеколоном, слил все в кружку и велел залпом выпить эту бурду. Меня тошнило, преследовали всевозможные цветочные запахи, но зато к утру я уже был здоров. А теперь я ничем не мог помочь старшине...

Пока мы спали, Алейников выходил на разведку и обнаружил, что у дота гитлеровцы — правда, только со стороны амбразуры.

Молча смотрели мы на командира. Алейников низко склонил голову. Потом окинул нас взглядом и произнес:

— Что дальше будем делать?

Было не совсем ясно, задает ли он этот вопрос нам или просто вслух размышляет.

Кто-то предложил:

— Если не пробьемся к своим, будем партизанить...

Алейников повернулся к раненым. Без слов было ясно: взять их с собой невозможно и оставлять нельзя...

Старший лейтенант подозвал меня и Уткина.

— Надо пробраться в Телизи,— сказал он,— разыщите штаб батальона и доложите обо всем, что здесь произошло.

Николай Вахрушев вызвался идти с нами, Алейников ответил:

— Пойдут двое. — На минуту задумался и спросил:— А кто из вас моложе?

Выяснилось, что Уткин немного старше восемнадцатилетнего Вахрушева.

— Самые молодые и пойдут.

Старший лейтенант протянул Вахрушеву карабин, мне противотанковую гранату.

— В случае чего знаешь, что с ней делать!

Он не забыл снабдить нас пайком НЗ и касками.

В доте осталось семь человек, из них четверо раненых. Вооружение — два карабина, две противотанковые гранаты да наган командира. Было еще немного бронебойных снарядов и несколько ящиков снарядов меньшего калибра от старой зенитной пушки. Вот и все...

Командир по-отцовски обнял нас и тихо открыл тяжелую, бронированную дверь... Вспомнилось мне, как еще совсем недавно я разыскивал квартиру Льва Антоновича Алейникова на Большом проспекте Петроградской стороны, чтобы вручить пакет из штаба батальона. Я видел его тогда с дочуркой, которой только что исполнился год...

Уходя из дота, я был убежден, что мы с Вахрушевым получили важное задание. Теперь я не могу с полной уверенностью сказать, была ли в этом необходимость или Алейников просто решил дать возможность нам, самым молодым в гарнизоне, остаться в живых. Вероятнее всего, что наш командир не сомневался в трагической участи остающихся, и ему хотелось, чтобы мы, так мало пожившие на свете, уцелели.

Было еще светло. Мы с Вахрушевым быстро скрылись в перелеске, подступавшем к доту. Вскоре услышали немецкую речь. Притаились под густым кустом. Совсем близко прошла группа гитлеровцев. Я еле сдержался, чтобы не швырнуть гранату. Когда сказал об этом Вахрушеву, он ответил:

— Хорошо сделал, что не бросил. Граната пригодится на крайний случай... для себя.

Мы вновь поползли туда, где должен был находиться штаб батальона. Вот и деревня Телизи. Но что это? Какие-то выкрики на немецком языке. Значит, штаб в другом месте. Повернули в сторону Горелова. На рассвете повстречали ополченцев 3-й гвардейской дивизии. В штабе доложили, откуда мы, и узнали, что батальона нашего уже нет.

...Осенью 1944 года я побывал на местах былых боев под Русско-Высоцким, у своего дота. Толстый железобетонный купол был прогнут в нескольких местах, как

будто от взрывной волны. Особенно там, где стояли ящики со снарядами. Попытался пробраться в боевой отсек, но сделать это не удалось. Внутренняя деревянная обшивка вся выгорела. Из-под толщи железобетона кое-где торчали обугленные бревна...

Наш дог стойко выдерживал бомбы и снаряды даже крупного калибра. То, что я увидел, могло быть результатом взрыва внутри дота. Возможно, гарнизон подвергся атаке огнеметного танка, вызвавшей взрыв боезапаса, а может быть, таким было последнее решение Льва Антоновича Алейникова и всех, кто оставался с ним,— подорвать дот вместе с наседавшим врагом.

Со своим товарищем, с которым вместе уходил из дота, Николаем Вахрушевым после войны я встретился. Но кого-нибудь из других бойцов гарнизона до сих пор не удалось разыскать.

Кусок обугленного бревна из нашего дота сейчас находится в музее 274-й средней школы вместе с реликвиями других частей народного ополчения Ленинграда.

О том, что произошло в последние часы существования батальона, я узнал спустя многие годы.

Гитлеровцы ворвались в Телизи и окружили штаб батальона. Бойцы и командиры заняли круговую оборону. Пулеметным и ружейным огнем они отбивали натиск врага. Потом поднялись в контратаку, гранатами и врукопашную прорвали кольцо. Вышли не все.

Подкосило пулей знаменосца. Командир отделения разведки Василий Смирнов сорвал с древка алое полотнище. Мелькнула мысль: «Во что бы то ни стало пробиться к своим, спасти знамя...»

Близкий разрыв бросил разведчика на землю. Его ранило в руку, в голову. Тяжесть навалилась на плечи, но надо было встать... Сам дошел до медсанбата. Все, кто уцелел при защите штаба, поместились в кузове грузовика. Двинулись в направлении Стрельны. Как только Смирнов вошел в госпиталь, он спросил:

— Кто здесь из командного состава двести шестьдесят пятого батальона?

Смирнова проводили в палату, где лежал политрук второй роты. С. М. Городецкий повернул голову в его сторону.

— Разрешите доложить, товарищ политрук,—негромко произнес Смирнов,— знамя батальона сохранено, вынес его на себе.

— Молодец!..— Политрук сделал передышку.— Знамя сдай... комиссару госпиталя.

В живых остались немногие. Защищая подступы к родному городу, погибли командиры рот Белов, И. П. Пон кин, командир взвода, несшего боевое охранение в районе деревни Скворицы, Дмитрий Богданов и многие другие.

Тяжелые ранения получили командиры рот С. И. Соловьев, И. Г. Трофимов. В госпиталь отправили командира нашего батальона К. И. Рождественского, комиссара И. С. Нестерова.

Батальона не стало, но свою задачу он выполнил. Пять дней ополченцы сдерживали натиск врага. Пять дней, которые, вероятно, что-то значили в планах высшего командования...

21 сентября 1941 года я был ранен. Меня демобилизовали. Поступил на Балтийский завод, занимался ремонтными работами на линкоре «Октябрьская революция». Прошло немного времени, и я снова пошел на фронт. Второй раз добровольно вступил в ряды Красной Армии.

В 1943 году после тяжелого ранения меня вновь демобилизовали по инвалидности. В семнадцать лет я стал пенсионером. Не смог с этим смириться. Скрыв инвалидность, добился зачисления в действующую армию в третий раз.

Но это уже другая история.

Минуло более тридцати лет. Но не забыть нам тех трагических и героических дней. Мы, уцелевшие, нередко собираемся вместе там, где еще сохранились следы окопов и траншей, стоим у дота, на котором укреплена мемориальная доска, ходим по земле, в которой покоятся наши боевые товарищи,— она могла стать и нашей могилой.

Местные жители иногда видят здесь пожилого человека без ноги. Это командир четвертой роты И. Г. Трофимов, чудом оставшийся в живых. Его вынес с поля боя ополченец Г. Л. Бренер. У самого ближнего к шоссе дота можно увидеть бывшего наводчика орудия Бориса Сергеевича Угарова.

Приходит жена Капустина, коменданта нашего дота, надеется, что найдет зарытый в землю дневник мужа,

Медленно ходят по полям бывший политрук роты Сергей Матвеевич Городецкий и бывший разведчик Василий Петрович Смирнов. Встретились они впервые лишь четверть века спустя. Сергей Матвеевич наконец узнал фамилию ополченца, спасшего батальонное знамя.

Бывал здесь секретарь партбюро батальона С. А. Кокотихин, на встречи приезжают помощник начальника штаба по разведке А. В. Гамбиев, М. А. Коваль, П. О. Антонов, В. Г. Нечаева, Ю. А. Тоидзе, В. А. Кокорев, А. Е. Григорьев, О. Ф. Тарасов, А. Д. Шмуклер, Л. Ф. Белый, М. М. Кузнецов, Б. А. Погодин, Г. В. Цывкин, А. В. Лапин, А. С. Погодина, И. Г. Яблоков, И. Г. Кихтенко и другие оставшиеся в живых участники сражения.

Посещают места былых боев матери, жены. Осторожно ступают они по земле, каждый клочок которой мог быть могилой их близких, мнут в руках мокрые от слез платочки...

В последний раз я был здесь с группой школьников. Они собрали букеты полевых цветов и бережно сложили их у дота с мемориальной доской.

Я смотрел на юные лица и вспоминал своих товарищей, которые были немногим старше этих мальчишек и девчонок, средний возраст бойцов нашего батальона не превышал двадцати лет. Кем бы они стали? Квалифицированными рабочими, инженерами, учеными, артистами? Может быть, Яша Бабель, студент консерватории, был бы сейчас выдающимся музыкантом, лауреатом международных конкурсов. А Заур Гаглоев, бросившийся с гранатами под танк, стал бы прославленным композитором. Они отдали свою жизнь ради того, чтобы эти школьники, благоговейно стоящие перед старым, замшелым дотом, могли осуществить любую мечту... Они всегда в памяти современников и идущих за ними поколений!

Л. М. ВИДУЦКИЙ

У СТЕН БЕЛЬВЕДЕРА

Эти заметки основаны не только на личных воспоминаниях. Кое-что я видел сам, но многое из того, что происходило на линии обороны протяженностью около десяти километров, узнал позднее, по рассказам участников боев и из архивных документов...

В институте началась запись в народное ополчение. Я сказал об этом дома. Отец посоветовал:

— Сдай оставшиеся экзамены. Будешь жив — пригодится...

Как он был прав! Будто знал, что после трех ранений я снова окажусь на студенческой скамье.

После экзаменационной сессии я в числе других студентов Ленинградского кораблестроительного института в начале июля стал бойцом 5-го особого пулеметно-артиллерийского батальона.

Видуцкий Лев Моисеевич вступил в 264-й отдельный пулеметно-артиллерийский батальон народного ополчения, будучи студентом первого курса Кораблестроительного института. Воевал под Петергофом, затем на Юго-Западном фронте. В 1944 году после тяжелого ранения демобилизован в звании гвардии лейтенанта. В 1949 году закончил Кораблестроительный институт.

В настоящее время Л. М. Видуцкий работает в журнале «Судостроение».

Не прошло и двух дней, как была создана студенческая рота под командой старшекурсника лейтенанта запаса И. Т. Коренкова. Были среди нас и опытные бойцы—участники зимних боев 1939/40 года: Василий Чураков, Сергей Володин, Леонид Трамбовский, Борис Жириков, Фарид Субаев. А народ все прибывал: рабочие Адмиралтейского завода и завода по обработке цветных металлов, студенты, служащие, добровольцы всех возрастов — от безусых юнцов, как Саша Богданов и Эулохио Гонсалес, до ветеранов труда.

5 июля нас перевели на казарменное положение, мы облачились в новенькую форму. Батальон стал называться 264-м отдельным пулеметно-артиллерийским. Состоял он из четырех рот, а рота — из четырнадцати — пятнадцати взводов. В каждом взводе двенадцать— четырнадцать бойцов и командиров, составлявших гарнизон одной — двух точек. Я попал во вторую роту, в пулеметный взвод, сформированный из адмиралтейцев: младшего лейтенанта запаса П. В. Цикина, бойцов Вассермана, Можжерина, Иванова, братьев Луневых и других. Все они были уже людьми семейными, многие отслужили срочную. Помкомвзвода — старший сержант Мочалин, рослый красивый парень,— прекрасно владел стрелковым оружием. Он был всегда в добром расположении духа и отличался смелостью. Как-то в начале боев у деревни Низино в наш окоп угодил снаряд и не разорвался. Все замерли, боясь пошевелиться, а Мочалин спокойно взял его в руки и отнес в сторону.

Я был назначен радиотелефонистом и вторым номером пулеметного расчета. Однако, пока не было пулеметов и орудий, все осваивали «русскую трехлинейку». Мы усиленно занимались на огневом рубеже в поселке Стрельна. Для того чтобы научить нас меткой стрельбе, патронов не жалели.

14 июля состоялись зачеты по огневой подготовке. За нами наблюдал комбат Михаил Степанович Бондаренко. Он был отличным стрелком и с особым блеском демонстрировал свое искусство.

Подойдя к бойцу, пославшему пулю «за молоком», комбат негромко спросил:

— Что же это вы так?

— Винтовка плохая, товарищ старший лейтенант,— пытался оправдаться ополченец.

— Плохая, говорите? А ну-ка дайте!

Бондаренко быстро проверил прицел, четким движением загнал патрон в патронник и прямо с руки, едва вскинув винтовку, выстрелил.

— Попадание в яблочко! — сообщил наблюдатель.

— Запомните, товарищ боец: плохих винтовок нет,— сказал комбат, возвращая оружие,—тренироваться надо.

Через два дня состоялся прощальный митинг. Вручая батальону Красное знамя, бригадир слесарей-сборщиков, депутат Верховного Совета РСФСР М. Г. Андреев и председатель заводского комитета В. М. Каминский от имени адмиралтейцев обратились к нам с напутственным словом.

На трамвае мы доехали до Стрельны, а оттуда, построившись поротно, с развернутым знаменем тронулись к Петергофу.

Мы остановились биваком в парке Александрия. Вскоре наш хозвзвод раздобыл у местного населения ломы и лопаты, и мы стали рыть котлованы для дзотов. Здесь, на подступах к Кронштадту, мы должны были создать полосу обороны. Она начиналась у платформы «Фонтаны», захватывала Бабигонские высоты, где раскинулись деревни Сашино, Костино, Низино, Санино, а также населенные пункты Марьино и Олино. Мы находились на правом фланге общей линии обороны, начинавшейся у Гатчины. Южнее нас зарывался в землю 277-й отдельный артпульбат.

Напряженный трудовой день начинался спозаранку, а заканчивался затемно. Наша система обороны состояла из дзотов и дотов, в которых рабочие Кировского завода устанавливали на неподвижной опоре пулемет или орудие (калибром 45 и 76 миллиметров), обычно спаренное с пулеметом. Наблюдение за противником велось через амбразуру или перископ. Кроме того, у нас были бетонные литые колпаки, рассчитанные на одного-двух бойцов с ручным пулеметом или винтовками, и так называемые «соты» — скрытые огневые точки. В таких сотах встретили врага пулеметчики студент В. Н. Серов и слесарь-монтажник В. И. Мельницкий, уничтожившие немало гитлеровцев.

По штату батальону полагалось 36 орудий, 68 станковых, 49 ручных пулеметов и 446 винтовок. Видимо, считалось, что всем винтовки не понадобятся. Это ошибочное положение обернулось для нас трагедией, когда многие оказались безоружными перед лицом врага.

Лето выдалось на редкость сухое и жаркое. Рыть котлованы приходилось в плотном, глинистом слое. Неумолимо пекло солнце, мучила жажда, ладони быстро покрывались волдырями. Сняв гимнастерки, мы ожесточенно долбили глину. Нам помогало гражданское население. Тысячи горожан прибыли на земляные работы. Они рыли противотанковые рвы, окопы, землянки.

Вскоре мне дали комсомольскую нагрузку — я стал «по совместительству» ротным библиотекарем. В батальонном клубе, начальником которого был заместитель декана кораблестроительного факультета Н. В. Гаврилов, с помощью Октябрьского райкома ВКП(б) была организована библиотека. Несмотря на большую занятость, ополченцы в минуты передышки читали. За бойцами нашей роты, насчитывавшей около трехсот человек, числилось обычно до пятисот книг. Н. В. Гаврилов шутил по этому поводу: дескать, вторая рота «обчитывает» весь батальон.

Как-то в середине августа я забежал в один арт-взвод с новой пачкой книг. Огневая точка эта находилась справа от дороги, поднимавшейся к Бельведеру. Часть ополченцев рыла траншею. Наравне с ними дружно работали девушки. И вдруг меня окликнули. Смотрю, машет мне одноклассница Юлия Гриценко. Она приехала вместе с подружками — студентками Юридического института к нам на помощь. Вспомнили наш выпускной вечер в сороковом году. Как все это было давно! Наши мальчики, рассказывала Юлия, почти все в армии. Лихачев ушел в ополчение, он под Кингисеппом, Качалов— в авиации, Шишмарев — в военном училище, Артамонов и Петухов — на фронте, Симкин—в Институте гражданской авиации, а двое наших девчат, Таня Крутикова и Люба Аншукова (вместе с отцом — старым чекистом Ф. Ф. Аншуковым), вступили в 1-ю гвардейскую дивизию народного ополчения. По-разному сложилась в дальнейшем судьба моих сверстников. Двое отдали жизнь за Родину: Борис Качалов, умница и весельчак, погиб в воздушном бою на Украине; Женя Лихачев, мой друг, способный художник, скончался в ленинградском военном госпитале. Остальные дожили до светлого дня Победы.

...Выдалась свободная минута. Бойцы расположились кто где, чтобы почитать газету «На защиту Ленинграда». Особое внимание привлекла статья, в которой рассказы-

валось о военной учебе адмиралтейцев, оставшихся на заводе.

— Нелегко теперь нашим: и работа, и военная подготовка,— заметил командир взвода бывший рабочий 10-го цеха В. А. Бобиков, рассматривая фотографию группы адмиралтейцев на военных занятиях.

— Почитай-ка, что о них пишут,— попросил пулеметчик Ф. О. Савинков, много лет проработавший на заводе.

Бойцы внимательно слушали Бобикова, рассматривали фотоснимки. Подошел комиссар батальона — адмиралтеец Михаил Александрович Крысов и, окинув взглядом хмурые лица бойцов, сказал:

■— С нашего завода ушло в армию несколько тысяч человек. Опытных людей осталось мало, а на ремонт приходят боевые корабли. К станкам встают женщины и подростки. Что ждет их в будущем — это теперь зависит от нас, их защитников. Мы должны не только остановить, но и разгромить фашистов.

Последние слова комиссар произнес с особой силой. Они выражали общее настроение.

Утром 8 сентября мне приказали доставить пакет в штаб ЛАНО. Получив увольнительную на сутки, я на поезде добрался до Ленинграда. Более двух часов затратил на путь от Балтийского вокзала до Невского проспекта,— воздушные тревоги следовали одна за другой. Сдав пакет по назначению, решил навестить своих. В городе многое изменилось с тех пор, как мы ушли к Петергофу. Витрины магазинов зашиты досками, памятники укрыты деревянными щитами и мешками с песком. В Екатерининском садике стоит зенитная батарея.

Я зашел в Туберкулезный институт, где отец теперь жил и работал. Потом направился к Жене Башиловой, с которой меня связывала школьная дружба.

Поздним вечером мы стояли на крыше дома по 3-й Советской улице, потрясенные тем, что нам открылось. Большая часть Смольнинского района была охвачена дымом и пожарами. Непрерывно грохотали зенитки. Темное небо рассекали мечи прожекторов. Это был первый крупный налет вражеской авиации, во время которого сгорели Бадаевские склады. Женя состояла в противопожарной команде Юридического института, она рассказала мне, как они борются с «зажигалками».

Утром я уже был в батальоне. Вечером следующего дня, 10 сентября, отнес в штаб батальона строевую записку по второй роте и уже собрался уходить, как послышался шум моторов и два грузовика с пушками на прицепе остановились в аллее у штаба. Через борта легко спрыгивали и строились бойцы. Раздалась команда: «Равняйсь! Смирно!» И вот уже младший лейтенант М. С. Заболотский докладывал комиссару батальона:

— Готовы к выполнению боевого задания!

Комиссар М. А. Крысов немного помедлил и, вглядываясь в лица людей, сказал:

— У Русско-Высоцкого бьются наши товарищи из двести шестьдесят пятого артпульбата. Надо им помочь...

Не прошло и трех суток, как отряд без потерь вернулся в расположение батальона. Вот что рассказал Модест Сергеевич Заболотский:

— К ночи мы добрались до Красного Села. Узнали, что Русско-Высоцкое уже пало. Нам приказали занять позицию здесь. К утру установили орудия на окраине одной из улиц, и вот послышался шум моторов. Вдали показались танки. Они вели огонь на ходу, сзади шла пехота. Я быстро определил данные для стрельбы и подошел к орудиям. Люди замерли в напряженных позах, ожидая команды. Страха на лицах я не увидел. Сосредоточенно склонился над панорамой сержант Петров. Я подал команду. Один снаряд ударил по башне головной машины, открывшей огонь по батарее, танк свернул в сторону. В течение дня мы не раз открывали огонь, отбивали атаки врага. Рядом с нами стрелял армейский артдивизион, морские пехотинцы. Но к исходу двенадцатого сентября враг все-таки занял Красное Село. Мы отступили. Боеприпасы кончились, и нам приказали вернуться в укрепрайон.

16 сентября фашисты прорвались через Урицк на побережье Финского залива и отрезали нас от Ленинграда. Амбразуры наших дотов и дзотов смотрели на запад и юго-запад, а враг подходил с юга и востока. Поэтому пришлось взорвать большую часть огневых точек и срочно копать окопы на юго-восточной стороне укрепрайона. Батальон стал обычным пехотным подразделением, огневая мощь которого состояла из батареи полевых орудий, десятка ручных и станковых пулеметов; и около пятисот винтовок. Комбат приказал организовать сбор оружия у раненых.

Вместе с Костей Кузьминым и Женей Родиным я обходил повозки с ранеными и забирал у них винтовки. Нам удалось собрать для роты несколько десятков винтовок.

Как-то мимо нас к Ропшинскому шоссе прошли, сгибаясь под тяжестью «максимов», ребята из третьей роты: Е. Л. Магунов, М. Г. Басаев, В. П. Ларионов, П. С. Самсонов и другие. Володя Ларионов, бывший студент Ленинградского кораблестроительного института, остановился закурить. Мы отдали ему всю махорку, что у нас была, и фляги с водой. Пулеметчики уходили на помощь 277-му артпульбату, там уже вторые сутки шел бой. Володя — один из немногих товарищей, вернувшихся назад,— рассказывал мне потом:

— У деревни Настолово нас накрыл минометный огонь, но обошлось без потерь. Впереди мы услышали разрывы гранат и стрельбу. Собрали пулеметы и стали продвигаться по дороге к деревне Разбегай. Выслали дозорных. Вот уже показались крайние избы. По канаве добрались до окопа на холме. Стало видно, что вдоль дороги со стороны деревни Горбунки идут немцы. Серо-зеленые фигурки приближаются к нашему холму. Мы установили три «максима» на бруствере окопа и стали ждать, пока цепь подойдет поближе. Гитлеровцы, уверенные в успехе, не торопясь, приближались к нам. Вот уже видны их лица. А команды открыть огонь все нет! Когда они уже были рядом, раздалось: «Огонь!»—и мы ударили. Крепко вцепившись в рукоятки, я стрелял, видя, как падают, словно споткнувшись, фигуры врагов. Внезапность и мощь огня пулеметов решили успех боя. Посоветовавшись, мы решили сменить позицию. И вовремя. Когда мы уже были в центре деревни, на холм обрушилась лавина артиллерийского огня. По дороге мы встретили лейтенанта Лаврова из двести семьдесят седьмого артпульбата. Он сказал, что часть огневых точек уже погибла. Однако дзот младшего лейтенанта Потапова еще обстреливал автоколонну противника, двигавшуюся по дороге от Стрельцы. Наше появление позволило гарнизонам очистить от вражеских солдат ходы сообщения у дзотов. Но и мы понесли потери: появились раненые и убитые. К концу дня пулеметы повредило осколками мин. Боеприпасы кончались. Вечером мы разорвали кольцо окружения и пробились! к своим.

В полдень 20 сентября фашисты обрушились на наш батальон. Волна за волной шли самолеты и пикировали на позиции третьей роты, Бельведер и населенные пункты. Наша стрельба была малоэффективной, ни один самолет не был сбит. Лишь когда самолеты улетели, мы заметили, что идет ожесточенный артиллерийско-минометный обстрел. В полосе обороны батальона наступала 291-я пехотная дивизия немцев. Один ее полк наносил удар в направлении деревень Владимирово — Мишино, другой — восточнее Марьина.

Первый удар приняла на себя третья рота. Ополченцы отбили все атаки врага, нанеся ему значительный урон.

Встретив стойкое сопротивление на Ропшинском шоссе и у Марьина, гитлеровцы после полудня ввели в бой еще один полк. Основной удар нанесли в направлении Владимирово — Мишино, стремясь захватить господствующие над окружающей местностью Бабигонские высоты. Снова началась артподготовка. Особенно сильным был минометный огонь. В воздухе опять появились большие группы вражеских пикирующих бомбардировщиков и истребителей. Взрывы бомб сотрясали землю. От четырехэтажных жилых домов и служебных зданий авиагородка, примыкающего к деревне Мишино, остались лишь груды развалин. Огромные клубы дыма расползались во все стороны, заволакивая низину,— горели склады с горюче-смазочными материалами.

Фашистские автоматчики при поддержке танков смяли боевое охранение ополченцев и ворвались в деревню Владимирово. Под прикрытием стелющегося черного дыма гитлеровцы устремились по проселочной дороге через авиагородок к южному склону Бабигонских высот, где раскинулась деревня Низино. Бойцы взвода младшего лейтенанта Л. Н. Марцинкевича, пытавшиеся остановить движение бронетранспортеров, понесли большие потери и были вынуждены укрыться в развалинах авиагородка. Марцинкевич, раненный в спину, остался в строю, его отправили в госпиталь только поздно ночью.

Итак, противник прорвался в укрепленный район 5атальона в наиболее уязвимом месте —е юга-востока. Вдоль дороги Владимирово—Мишино—Низино главным препятствием для фашистских танков были лишь противотанковые надолбы да редко расставленные мины. На

восточном склоне Бабигоноких высот размещались только землянки взводов и командного пункта четвертой роты, соединявшиеся разветвленной системой траншей и ходов сообщения; основные же оборонительные сооружения находились на западных склонах.

Натиск противника усиливался. Автоматчики вышли к оврагу, проникли в здание школы и отдельные дома на южной окраине Марьина. Положение создавалось критическое.

И вновь отвагу и находчивость проявили артиллеристы. Выкатив орудия на прямую наводку, они в упор били по вражеским танкам, поражали осколочными снарядами немецкую пехоту. Большой урон противнику нанесла батарея зенитных орудий морских пехотинцев лейтенанта Г. Занько, взаимодействовавшая с артиллеристами батальона. Основные позиции зенитчиков находились с восточной стороны Ропшинского шоссе, в полутора— двух километрах от Марьина. Получая данные для стрельбы с наблюдательного пункта третьей роты, которые умело готовил младший лейтенант М. С. Заболотский, зенитчики метко поражали противника.

К вечеру в батальоне стали известны имена героев-артиллеристов — Д. Потехина, М. Заболотского, И. Бойко, И. Крылова, Н. Еремина, А. Сураегина, пулеметчиков взводов Н. П шенко и И. Царева. Они успешно отразили первый натиск врага на позиции третьей роты, подавили батарею и подбили несколько танков.

Было уже темно, когда командир второй роты Ковалев приказал мне доставить пищу и боеприпасы к Бельведеру, где окапывались два наших пулеметных взвода. Я шел с термосами по давно знакомой дороге и не узнавал ее. Прежде густые купы деревьев, перекрывавшие дорогу, были теперь иссечены осколками мин и снарядов. Наконец я очутился на вершине горы. Отсюда были видны горящие избы в Марьине и Низине. Фашисты запускали ракеты и били с колокольни трассирующими очередями по Бельведеру. Где-то здесь находились наши ребята. Присмотревшись, я увидел насыпь и, спрыгнув в окоп, оказался среди своих. В темноте звякали лопаты. Я спросил Николая Субботина, знакомого мне еще по «Корабелке», чем они заняты.

— Роем ход в тыл для выноса раненых. Днем здесь носа не высунешь, все простреливается с колокольни. А вообще уходить не собираемся.

Утром 21 сентября бой возобновился с прежней силой. Гитлеровцы вновь пытались прорваться через Ропшинское шоссе к Петергофу. На позиции третьей роты двинулись немецкие танки, стремившиеся преодолеть противотанковый ров. Но на их пути встали пятеро саперов. Четверо были сражены пулеметным огнем, но пятый сумел метнуть гранату и подорвал головную машину.

Вечером 21 сентября комендант охраны штаба Б. К. Жириков доложил комбату:

— Прибыл связной от Никитина!

Все с нетерпением обернулись к входу: Юра Никитин— один из самых молодых командиров, но он уже успел проявить себя зимой 1939/40 года и был награжден медалью «За отвагу». И вот сейчас его дзот вторые сутки вел жестокий бой. Подступы к амбразуре были усеяны трупами вражеских солдат. Только после гибели соседних огневых точек гитлеровцы смогли окружить героический гарнизон.

В штаб вошел связной, рука его была забинтована. Он сообщил, что почти все в дзоте ранены. Гитлеровцы блокировали ходы сообщения. Чтобы связной смог пробиться к штабу батальона, несколько ополченцев завязали перестрелку с автоматчиками противника и отвлекли их внимание. Помогла быстро сгустившаяся темнота да гранаты, которые пришлось пустить в ход, чтобы вырваться из окружения.

— Как Никитин?

— Ранен в обе ноги.

— Кто пойдет? — спросил Бондаренко, не отрываясь от карты.

К столу молча шагнули Б. К. Жириков и несколько бойцов.

Неожиданно зазвонил телефон.

— Это Никитин,— протянул трубку комбату телефонист.

В наступившей тишине все услышали громкий голос командира дзота:

— Мы окружены! Фашисты бросают гранаты в вентиляционные каналы. Бьемся до конца. Прощайте, товарищи!

В трубке что-то щелкнуло, и связь прервалась. Комбат медленно встал, снял фуражку. Все вокруг стояли с побледневшими, разом осунувшимися лицами. В эту

минуту со стороны Низина раздался глухой взрыв. Гарнизон дзота погиб, но не сдался врагу.

Так оборвалась жизнь комсомольца Юрия Никитина и его товарищей.

В трудном положении оказалась четвертая рота, находившаяся на Бабигонских высотах. На ее позиции наступали гитлеровцы, прорвавшиеся к деревне Низино. Четверо суток шел неравный бой. В ход пошли штыки, приклады, гранаты, бутылки с горючей жидкостью и даже саперные лопаты. Ополченцы, руководимые командиром роты коммунистом Г. А. Куликовым, сражались до конца. Политрук роты К. А. Плахин показывал путь нашим танкистам, находясь в головной машине. Танк был подбит, и К. А. Плахин погиб вместе с экипажем.

Гарнизоны огневых точек, оказавшись в окружении, бились до последнего патрона, до последней гранаты. К вечеру 20 сентября дот № 23 был отрезан от своей роты. Ополченцы заняли круговую оборону и вели бой в течение нескольких дней. Из всего гарнизона уцелели только Николай Башкиров и младший лейтенант Головатый. Тринадцать их товарищей-адмиралтейцев пали смертью храбрых.

Командование батальона, обеспокоенное положением окруженной четвертой роты, пыталось оказать ей помощь. Это было поручено помощнику командира батальона по строевой части старшему лейтенанту Г. М. Михайлову, кадровому командиру.

Собрав командный состав первой роты и объяснив создавшуюся обстановку, он распорядился выделить наиболее опытных бойцов. Им Михайлов сказал:

— Гитлеровцев нужно выбить с высоты. Со стороны Бельведера нас поддержат огнем моряки-зенитчики и пулеметчики второй роты.

Когда ополченцы уже подходили к кирпичным домам у деревни Низино, они попали под сильный вражеский огонь. Пришлось залечь. Впереди, метрах в пятидесяти, разрывы снарядов и мин поднимали фонтаны земли. Вдоль дороги, метрах в восьмистах от ополченцев, появились редкие цепи гитлеровских автоматчиков. В этот момент свое снайперское искусство показали Василий Чураков, Леонид Яцкевич и Федор Макаев. Они заставили замолчать вражеский пулемет, установленный на чердаке небольшого деревянного дома справа от дороги.

Наступила минутная пауза. Взвод В. Л. Маркова стремительным броском успел преодолеть простреливаемое этим пулеметом пространство и укрыться за сараями около кирпичных домов. Однако положение ополченцев и после этого не улучшилось. Сильный автоматный огонь, осколки мин и снарядов выводили бойцов из строя. Выход был только один: сделать рывок вперед, добраться до первых домов — там будет легче.

— Вперед! В атаку! — услышали бойцы сквозь грохот разрывов голос старшего лейтенанта Михайлова.

Одним из первых поднялся старший политрук Л. Н. Постников, рядом с ним были комсомольцы Ф. Погорело®, В. Скворцов, Е. Магунов, А. Свириденко и другие. Слева раздался клич: «За Родину! За Ленинград!» Это увлекал за собой воинов секретарь партийной организации роты Николай Александрович Чистяков. Здесь же был его брат Владимир. С винтовками наперевес шли на врага два брата, два добровольца с Адмиралтейского завода.

Фашисты открыли ураганный огонь по атакующим. Упал раненный осколками мины студент В. Матусовский, автоматная пуля пробила плечо Л. Домбровского. Вражеские снайперы взяли на прицел тех, кто вел бойцов вперед. Почти одновременно пули насмерть сразили Л. Н. Постникова и Н. А. Чистякова. Остальные ополченцы ворвались на окраину деревни Костино. Кровопролитные схватки завязались у каждой постройки.. Казалось, еще одно усилие, и враг дрогнет. Но со стороны аэродрома появились новые группы гитлеровцев. Раздался лязг гусениц. Это шли танки.

И в этот момент произошло нечто невероятное: из кювета с возгласом: «Корабелы не отступают!» — поднялся молодой ополченец. Он вышел на дорогу и, даже не пригибаясь, в полный рост направился навстречу фашистским танкам, сжимая в правой руке противотанковую гранату.

— Женя, назад! — раздался чей-то голос.

Но боец продолжал идти вперед, гордо вскинув голову, перетянутую окровавленным бинтом. Взоры всех в эту минуту были прикованы к нему. Человек в одиночку шел на бронированную машину. Метрах в ста от него головной вражеский танк остановился и медленно развернул в сторону бойца орудие. Первый снаряд просвистел где-то рядом. Но воин продолжал упорно идти

вперед. Никто не слышал второго выстрела, но все видели, как человек упал.

Так героически погиб заместитель секретари комсомольской организации батальона Евгений Константинович Мармур, студент Ленинградского кораблестроительного института. Он ушел в народное ополчение вместе с младшим братом. Евгения зачислили в батальон судостроителей, Ростислав попал во 2-ю ополченскую дивизию. В день гибели Евгения Ростислав сражался здесь же, под Петергофом, в районе Гостилицкого шоссе. Ныне Р. К. Мармур—доктор медицинских наук, работает в знаменитой филатовской клинике в Одессе.

Гибель Евгения Мармура на виду у всех настолько потрясла его боевых друзей, что они, даже не дожидаясь команды, в едином порыве, с возгласами: «Бей фашистов!»—ринулись на врага. До самой темноты в деревне продолжались рукопашные схватки. В этом бою многие пали смертью храбрых, среди них студенты Леонид Строганов, Нисон Нисневич, Борис Перельман, Иван Павлов, Леонид Яцкевич.

Все же попытки ополченцев прорваться к командному пункту окруженной четвертой роты, несмотря на мужество и отвагу, успеха не принесли. Сказался большой перевес в силах противника. Оставшиеся в живых забрали раненых товарищей и глубокой ночью возвратились в расположение первой роты.

Между тем возле командного пункта четвертой роты, находившегося на восточном склоне Бабигонских высот, на стыке деревень Низино и Костино, в шестистах метрах южнее Александровской церкви, шли упорные бои. Неподалеку от КП занимали оборону бойцы взводов, которыми командовали адмиралтейцы Николай Степанович Михайлов и Николай Иванович Монтов. Здесь же собрались многие из тех, кто сумел вырваться из окруженных огневых точек. Бойцы оборонялись в траншеях или прямо на открытых позициях, используя для укрытия бугры, ямы, канавы.

С утра 21 сентября в деревнях Низино, Костино и Сашино возобновились ожесточенные схватки с противником. Командир четвертой роты лейтенант Г. А. Куликов в течение ночи организовал возле КП круговую оборону, умело расставив пулеметные расчеты. Центральную магистраль, идущую вдоль деревни Низино,

контролировали бойцы пулеметного взвода, которым командовал секретарь партийной организации роты Н. И. Монтов. Вперед, к дороге, выдвинулись пулеметчики Воробьев и Соколов со своим «максимом». Ближе к церкви, в траншее и ходах сообщения, возле землянок и КП роты, заняли оборону бойцы взвода старшего сержанта Н. С. Михайлова. Их поддерживали огнем станковые пулеметы адмиралтейца Ивана Пехтерева и дипломанта Кораблестроительного института Македона Утюжникова.

С высоты, на которой находился КП роты, хорошо было видно, как по дороге Настолово — Низино к открытому полю подходят машины с гитлеровцами. Новые группы автоматчиков пытались прорваться через позиции четвертой роты в направлении Александровской церкви. Противник обрушил на ополченцев шквал снарядов, мин и бомб. Отсутствие надежных укрытий вело к дополнительным потерям. Однако каждый раз атакующие цепи фашистов встречал дружный ружейно-пулеметный огонь, и те, не выдерживая его, откатывались назад.

В полдень с южной стороны Низина появились немецкие танки. Они неторопливо поднимались на высоту, не переставая обстреливать позиции обороняющихся. Бойцы видели, как головной танк, сделав остановку, в упор выстрелил по выдвинувшемуся вперед станковому пулемету Воробьева. От разрыва первого же снаряда пулемет был разбит, а командир расчета Воробьев погиб. Находившийся рядом командир взвода Н. И. Монтов получил тяжелые осколочные ранения.

— Приготовиться к отражению атаки! — раздался сквозь грохот боя властный голос командира роты.

Его спокойствие и уверенность передались бойцам. Двое из них — Утюжников и Маланчиков — вышли с противотанковыми гранатами навстречу вражеским машинам. Один из бойцов оказался слева, другой оправа от дороги. Неожиданно два танка резко свернули вправо, направляясь к пулеметным точкам, другие два, сойдя с дороги влево, двинулись в обход прудов, по целине, к деревне Сашино, в район первой роты. Одна из машин прошла невдалеке от Маланчикова. Он высунулся из ячейки, и граната полетела под танк. Раздался взрыв, машина остановилась. Но тут же упал и молодой рабочий-адмиралтеец Маланчиков.

Утюжников заметил на чердаке деревянного дома, стоявшего через дорогу, двух гитлеровских корректировщиков, устанавливавших переносную радиостанцию. Мысль о том, что весь участок обороны роты был у них как на ладони, заставила Утюжникова решиться на отчаянный поступок. На виду у наступавших автоматчиков он перебежал дорогу и швырнул противотанковую гранату на чердак дома. Его оглушило взрывом, резкая обжигающая боль в левой ноге бросила на землю. Он лежал возле дома и слышал голоса фашистов, проходивших совсем рядом, за плетнем. Превозмогая боль в простреленной ноге, Утюжников пополз по кювету к своим.

Между тем центр сражения переместился в район Бельведера, враги обошли КП роты с флангов. Перед М. Д. Утюжниковым предстала страшная картина: разбитые пулеметы, мертвые товарищи. Склонив русую голову, лежал в обнимку с неразлучным «максимом» Иван Пехтерев, несколько поодаль с гранатой в руке — начальник штаба МПВО завода по обработке цветных металлов старый коммунист И. Е. Одинцов, рядом — адмиралтеец А. В. Смирнов. И вдруг Утюжников увидел в углу окопа бойца, который хладнокровно, как на занятиях, стрелял из винтовки. Это был Ваня Живчик (так любовно называли его боевые друзья за веселый нрав и необычайную подвижность). Оставшись один, молодой боец не убежал в панике, а продолжал сражаться. Юный герой так и погиб с винтовкой в руках, сраженный автоматной очередью. К сожалению, фамилия Вани осталась неизвестной.

Бой в расположении четвертой роты продолжался до наступления темноты. Небольшая группа ополченцев под командованием лейтенанта Г. А. Куликова оборонялась у КП и расположенных по соседству землянок. Под покровом ночи можно было бы сделать попытку прорваться в сторону Бельведера, но раненых скопилось так много, что самим, без посторонней помощи, вынести их отсюда не хватило бы сил.

К вечеру 22 сентября вновь появились большие группы немецких автоматчиков. Кто-то на русском языке предложил ополченцам сдаться в плен. Жизнь обещали сохранить.

— Ленинградцы не сдаются!—крикнул командир роты.

Гитлеровцы открыли по небольшому участку обороны роты плотный пулемётно-минометный огонь. Были ранены И. Волков, А. Кнайбенгоф, Г. Куликов. Боеприпасы кончились. Оставшиеся в живых бойцы скрылись в землянке командного пункта. Гитлеровцы начали забрасывать их гранатами через вентиляционные трубы. В переполненной ранеными землянке раздались взрывы...

Глубокой ночью 22 сентября к штабу батальона, находившемуся в Розовом павильоне, прорвались из окружения артиллеристы третьей роты во главе со старшим сержантом П. Г. Петровым. Начальник артиллерии батальона М. П. Черников приказал им занять позицию рядом со штабом. С утра враги повели сильный артиллерийско-минометный огонь по штабу и пошли в наступление от Марьина и Низина. Артиллеристы выкатили орудия на прямую наводку и открыли огонь осколочными снарядами. Наблюдатель боец Н. А. Климушин, находившийся на вышке Розового павильона, докладывал об изменении обстановки на поле боя. Все бойцы и командиры, имевшие оружие, заняли оборону вокруг здания штаба и вступили в бой. Обороной руководил начальник штаба И. Ф. Мягков. Вскоре последняя полуторка, груженная штабным имуществом, покинула Розовый павильон и под огнем противника проскочила к Старому Петергофу. Тем временем автоматчики приблизились к штабу батальона с юго-востока. Меткий огонь снайперов Сергея Володина, Бориса Жирикова, Евсея Заславского, Виктора Рычкина, Алексея Шилова и других задержал наступление противника.

В полдень помощник начальника штаба лейтенант А. И. Буглеев собрал всех находившихся у штаба бойцов и командиров и организовал вылазку в направлении КП третьей роты. И вот уже группа ополченцев с винтовками наперевес и гранатами устремилась вперед. Бойцы Ворланов и Коломаев, лейтенанты Васильев и Царев бежали впереди. В этом бою командир пулеметного взвода младший лейтенант Борис Потапов был тяжело ранен осколком мины. Под пулеметным огнем и минометным обстрелом наша контратака захлебнулась.

Вечером группа разведчиков во главе с Борисом Жириковым снова проникла в этот район. Неожиданно они натолкнулись на Потапова. Вокруг него валялись

трупы врагов. Борис Георгиевич Потапов взорвал гранатой себя и окруживших его фашистов. Так погиб ижевский комсомолец, студент-старшекурсник Ленинградского кораблестроительного института. Посмертно он был награжден орденом Отечественной войны.

В первой половине дня 22 сентября ожесточенные схватки разгорелись на подступах к деревне Сашино и у Бельведера. Деревня несколько раз переходила из рук в руки. Используя каждый дом, каждый завал и окоп, ополченцы отбивались от наседавшего врага. Рядом с ними бесстрашно сражались морские пехотинцы; их счетверенная пулеметная установка стреляла то по самолетам, то по пехоте.

Возле школы в деревне Сашино установили свой «максим» комсомольцы Валерьян Леонтьев и Борис Пейсахович, а на правом фланге вели бой пулеметчики Абдель Таканаев и Семен Каплан.

Вскоре фашисты после минометно-артиллерийской подготовки, прикрываясь броней танков, пошли в «психическую» атаку. Закатав по локоть рукава мундиров, с автоматами наперевес, цепь за цепью шли они на нас с пьяными воплями.

— Хорошая мишень для моряков,— оказал комбат М. С. Бондаренко, рассматривая в бинокль густые цепи гитлеровцев, и, обращаясь к старшему политруку Г. М. Никитину, приказал: — Передайте на корабли координаты. Пусть огоньку подбросят.

В Кронштадт была передана радиограмма с указанием цели. Не прошли гитлеровцы и половины расстояния до наших окопов, как подал свой голос главный калибр корабельной артиллерии. Словно чья-то гигантская рука опрокидывала, сметала цепи вражеских солдат. Разгром довершили пулеметчики взводов М. Д. Колесова и В. А. Бобикова, еще накануне занявшие позиции у Бельведера. Перекрывая винтовочные залпы, ударил спаренный пулемет Анатолия Паллера.

Нелегко было и защитникам КП первой роты. Младший лейтенант С. Дикушин, бойцы-студенты К. Анисимов, А. Н. Сидоренков, Я. З. Моисеев, Е. С. Лепихин и другие с трудом сдерживали врага огнем из трехлинеек. Е. С. Лепихин, З. Я. Аптер и И. Л. Гуревич с группой товарищей ворвались в деревню Сашино, потеснив врага. Однако вскоре И. Л. Гуревич был убит, Е. С. Лепихин и В. И. Чураков ранены. Им оказали пер-

вую помощь их товарищи А. И. Фигичев, Г. Лыжин, З. Я. Апге^..

В конце дня 22 сентября комбат получил приказ стянуть остатки батальона к Старому Петергофу, но пока еще медлил. Из районов, занятых врагом, доносились стрельба и взрывы гранат. Это вели бой в окружении бойцы третьей и четвертой рот. Комбат не терял надежды на то, что, как только стемнеет, они будут прорываться к штабу.

К вечеру гитлеровцы несколько раз наступали на штаб крупными силами со стороны деревень Луизино и Низино. В строю находились все, кто только способен был держать оружие. Во главе с начальником штаба И. Ф. Мягковым, комиссаром М. А. Крысовым, старшиной Б. К. Жириковым бойцы сдерживали натиск врага. Все атаки ополченцы отбили, но и сами понесли тяжелые потери. Медлить с отходом было нельзя. У штаба второй роты собралась большая группа бойцов из различных подразделений батальона и морских пехотинцев. Они напряженно всматривались в сторону Бельведера, где на фоне закатного неба показались гитлеровцы.

— Приготовиться к бою! — раздалась команда.

Защелкали затворы. Но командир моряков, оторвавшись от окуляров бинокля, тихо сказал:

— Свои, братишки.

Это отходил взвод морской пехоты, последним покидавший Бельведер. Напрасно я всматривался в лица людей. Николая Субботина и его товарищей среди них не было. Не оказалось их и среди раненых.

Итак, вечером 22 сентября остатки батальона отошли от Розового павильона и окопались на западном берегу Английского пруда. Рано утром стало видно, как противник расползается по склону Бабигонской высоты.

Вскоре враги от деревень Сашино, Низино и Луизино перешли в наступление. В этот момент ополченцы увидели своего комбата. Легко вскочив на бруствер окопа— словно и не было трех суток непрерывных боев,— он с пистолетом в руке повел бойцов вперед. Следом за ним, увлекая людей, устремились комиссар М. А. Крысов, секретарь парторганизации И. В. Никитин, комсорг С. К. Володин. Ополченцы, измученные непрерывными боями, перевязанные окровавленными бинтами, шли с винтовками наперевес в контратаку, невзирая на сильный заградительный огонь и бомбежку.

Бондаренко бежал впереди контратакующих цепей. Быстро преодолев железнодорожный мост у станции Старый Петергоф и обогнув Английский пруд с правой стороны, бойцы развернулись по обе стороны железной дороги и стали стремительно двигаться к Розовому павильону. В парке завязалась жестокая рукопашная схватка.

Пока все шло, как задумал комбат. Основной удар наносился в направлении Розового павильона. Из-под сильного минометного огня вышли броском на немецкие позиции. Дружное «ура» прокатилось по Английскому и Луговому паркам. Гитлеровцы побежали. Буквально на плечах врагов бойцы врывались на их позиции.

Одной из первых столкнулась с противником группа бойцов, возглавляемая младшим лейтенантом Л. Е. Трамбовским. Пуля сбила пилотку командира, слегка задев голову. Кровь текла по его лицу, но, не обращая внимания на ранение, Леонид смело бросился на врага. Его примеру последовали Аркадий Львов, Леонид Леонов, Борис Берман, Анатолий Сидоренков, Николай Семьянов и другие бойцы.

Вражеский пулеметчик пытался остановить атакующих. Бывшие студенты Федор Макаев и Виктор Рычкин незаметно зашли фашистам в тыл и взяли в плен пулеметчика. Гитлеровцы стали отходить, оставляя на поле боя технику и вооружение. Натиск ополченцев был настолько стремителен, что одна из групп во главе с лейтенантом С. Г. Кирусом ворвалась на позиции вражеской батареи легких орудий. Здесь же боец А. И. Зыскин захватил немецкий пулемет и открыл из него огонь по врагу.

Старший сержант И. Я. Попов, бойцы М. В. Савельев, А. И. Краснобаев и другие, развернув одно из захваченных орудий, тоже стали стрелять по гитлеровцам.

У Заячьего Ремиза фашисты пытались остановить продвижение наших воинов. Укрывшись за сараями и поленницами дров, они вели огонь из автоматов. Ополченцы вынуждены были залечь на открытом месте, прячась лишь за тонкими стволами молодых березок. Усилился и минометный обстрел. А тут еще с деревьев стали бить по нашим командирам вражеские стрелки. Погиб снайпер Е. Заславский. Одной из пуль был убит командир второй роты старший лейтенант В. Т. Ковалев. Его связной Юрий Власов рванулся к командиру, считай,

что тот ранен, но помощь Ковалеву была уже не нужна. Осколками снарядов и мин ранило начальника штаба батальона старшего лейтенанта И. Ф. Мягкова, бойцов А. И. Шляпкина, А. Р. Стрыковского, Г. М. Шостака, Э. И. Шапиро. Число убитых и раненых росло.

В этот момент на правом фланге появился командир. Он неторопливо шел в полный рост вдоль цепи залегших ополченцев и что-то кричал, обращаясь к ним. Те, кто находился подальше, не сразу узнали в нем Трамбовского,— все его лицо было залито кровью. Вид человека, спокойно шагающего под огнем противника, показался невероятным. Он продолжал идти вдоль цепи, поднимая бойцов в атаку. Преодолев минутный страх, ополченцы вновь рванулись вперед. И вот уже мощное «ура» прокатилось по Английскому парку. Но вражеской гранатой был сражен насмерть боевой друг Леонида Трамбовского Аркадий Львов. Осколком той же гранаты перебило левую руку Трамбовского. Однако и после этого младший лейтенант не покинул поля боя. Кто-то из бойцов по просьбе Трамбовского перевязал ему руку. Он руководил боем до тех пор, пока не был тяжело ранен осколками разорвавшейся рядом мины. Потерявшего сознание, его нашла на дне рва отважная медсестра Зинаида Петлицкая. Жизнь Леонида Трамбовского была спасена. Многим воинам в этот день оказали помощь Петлицкая и ее боевые подруги Ольга Янченко, Татьяна Ковальчук, Маша Петрова, Александра Тимофеева, Валентина Горячева и другие.

Ополченцы ворвались в Заячий Ремиз, отбили платформу «Фонтаны». Отдельные группы бойцов вышли к Розовому павильону и деревне Сашино. Впереди показались уже дома Нового Петергофа. Группа бойцов, возглавляемая старшим лейтенантом Г. М. Михайловым, захватила в Заячьем Ремизе немецкую полевую радиостанцию на автотяге, уничтожила пулеметный расчет и азяла пленных.

Другая группа ополченцев во главе с лейтенантом С. К. Володиным выбила фашистов из тира в районе платформы «Фонтаны».

В этом бою комсомольский вожак С. К. Володин получил ранение. Бойцов первой роты вел в бой лейтенант А. Т. Коренков. Рядом с ним сражался начальник химслужбы батальона Г. И. Шелинский. Смело вступили в схватку с легким танком противника адмирал-

тейцы Г. А. Чумаков и Булкин. Первый был тяжело ранен, второй погиб.

Два друга — бывшие студенты из одной группы Кораблестроительного факультета — Леонид Леонов и Борис Берман обнаружили двух гитлеровцев, замаскировавшихся в окопе. Один из них стрелял из автомата, второй корректировал по радио огонь артиллерии. Здесь и пригодилась Леониду ловкость спортсмена: ударом приклада он выбил оружие из рук врага. Передав пленных политруку, друзья вернулись в цепь атакующих.

Ополченцы показали себя верными товарищами. Когда группа воинов, выносившая тяжелораненого парторга И. В. Никитина, попала под прицельный минометный огонь противника и одна из мин разорвалась рядом, комсомолец И. Я. Попов прикрыл Никитина своим телом.

В ходе контратаки батальон продвинулся вперед на два — три километра, уничтожил много гитлеровцев, захватил пленных. Однако успех контратаки закрепить не удалось. От плотного артиллерийско-минометного огня и бомбежки кораблестроители понесли большие потери, особенно много погибло командиров. Перегруппировавшись, гитлеровцы вновь перешли в наступление. Отбиваясь от наседавших автоматчиков, подбирая раненых товарищей, ополченцы вернулись на исходные позиции.

В этот день ленинградские кораблестроители трижды переходили в контратаки. В течение суток враг не сумел продвинуться вперед ни на шаг.

На следующий день, 24 сентября, я вместе с командиром взвода В. А. Бобиковым, бойцами В. А. Пономаревым, А. И. Шейнзоном и другими был направлен в 204-й полк 10-й стрелковой дивизии. Нас сразу бросили в бой против врага, наступавшего со стороны Гранильной фабрики.

25 сентября прибыла еще одна группа наших ополченцев. От них мы узнали, что в бою погибли комбат, комиссар и многие наши товарищи.

В связи с гибелью большей части личного состава батальон был расформирован. Оставшиеся в строю около ста ополченцев были переданы в подразделения 10-й и 11-й стрелковых дивизий. Так закончился боевой путь 264-го отдельного пулеметно-артиллерийского батальона.

Г. N. СЕРЕДИН

ЗАПИСКИ КОМИССАРА

5 июля 1941 года я вступил в народное ополчение. Из добровольцев Куйбышевского района формировался истребительный полк, который должен был вести борьбу в тылу врага. Мы сдали в Куйбышевский райком партии не только партийные и комсомольские билеты и паспорта, но даже записные книжки и фотокарточки. Командиры и политработники должны были знать своих бойцов в лицо.

Однако бойцом истребительного полка я пробыл недолго.

Наш полк состоял в основном из рабочих, преподавателей, артистов, служащих, инженеров. Только один батальон был сформирован из курсантов школы милиции, которые были подготовлены лучше, чем другие ополченцы. Кадровых военных, а тем более с опытом политработы, было совсем мало.

Середин Григорий Иванович, старый коммунист, участник гражданской войны, в прошлом политработник Красной Армии, перед войной работал в городском отделе народного образования. Вступив в народное ополчение, стал комиссаром полка 4-й дивизии. Всю войну находился на политической работе.

Г. И. Середин — полковник в отставке.

Приехал к нам в полк начальник политотдела дивизии. Вызвал меня и говорит:

— Ты же, Середин, академию военно-политическую кончил, попробую я тебя назначить агитатором полка. Нашили мне план работы.

Задание это я выполнил, отнесся к нему серьезно, а опыт у меня был. Не только военный, но и партийный,— с 1935 по 1937 год я работал первым секретарем Кингисеппского окружного комитета партии.

Посмотрел начальник политотдела план, головой покачал:

— Такие люди нам очень нужны. Я поставлю вопрос, чтобы тебя назначили комиссаром полка.

В это время полк еще готовился к действиям в тылу противника.

За несколько дней до отправки на фронт его преобразовали во второй стрелковый полк 4-й дивизии народного ополчения.

20 июля наш полк, состоящий из трех батальонов, направился походной колонной по улицам города к Балтийскому вокзалу. Ленинградцы тепло провожали нас, желали победы и скорейшего возвращения.

На вокзале стоял эшелон из товарных и пассажирских вагонов. Открытые платформы мы загрузили орудиями, на тендерах двух паровозов установили зенитные пулеметы.

Настроение у всех было приподнятое,— мы гордились тем, что идем добровольцами на фронт.

Но вскоре нам предстояло испытание, которого мы вовсе не ожидали. Первым «противником», который вывел из строя, хоть и ненадолго, почти половину полка, оказались... сапоги. А было это так: на рассвете 21 июля наш эшелон прибыл на станцию Котлы. И аэродром и поселок фашисты полностью разрушили с воздуха, но мы добрались спокойно.

Быстро выгрузились и расположились в ближайшем лесу. Замаскировались и стали приводить в порядок оружие, укладывать в вещевые мешки НЗ.

На следующий день полку предстоял двадцатикилометровый переход. Я понимал, что он послужит хорошей проверкой не только для командиров, которые должны обеспечить скрытность передвижения и другие тактические задачи, но и для солдат — выявить их готовность к тяжелой походной жизни. В эти дни стояла жара

тридцать градусов, а бойцы шли с полной выкладкой и оружием, к тому же обуты они были в новые кожаные сапоги фабрики «Скороход» с двойными подметками.

Многие ополченцы ни разу в жизни не надевали сапог и не умели обматывать ноги портянками. Мы перед походом организовали что-то вроде обучения «искусству наматывать портянки», но, видимо, не все бойцы придали этому серьезное значение.

Уже через пять километров полк начал растягиваться, а к двадцатому он растянулся на четыре километра. К концу дня почти половина ополченцев оказалась небоеспособной. Тяжело было смотреть на опухшие, стертые в кровь ноги. Разутые ополченцы сидели на обочине дороги, а санитары и врачи смазывали и забинтовывали им ступни. Некоторых пришлось отправить в медсанбат.

Это послужило серьезным уроком для всех. Бойцов научили правильно обуваться, подгонять снаряжение, укладывать шинели в скатки.

На четвертый день мы подошли к реке Луге и по мосту, сделанному нашими саперами, перешли на левый берег, а оттуда двинулись к городу Нарве. Шли ночью, вдоль колхозных полей, в небе завывали вражеские самолеты— они летели к Ленинграду. Сердце сжимала тревога — там остались наши матери, дети, жены, стояли у станков наши товарищи.

На участке севернее Нарвы мы не вошли в соприкосновение с противником, но приобрели хороший опыт по рытью окопов полного профиля, противотанковых ячеек, ходов сообщения.

Вскоре полк получил приказ оставить позиции у Нарвы и срочно двигаться пешим порядком по маршруту Кингисепп—Молосковицы—Пустошка.

Этот переход прошел легче, чем первый,— кое-чему мы заучились,— но военный опыт накапливается годами.

Командование отдало приказ взять деревню Пустошку, занятую врагом. За нее уже шел бой — там дрались курсанты Пехотного училища имени С. М. Кирова. Именно здесь мы получили боевое крещение. Все трудности, которые мы встретили до сих пор, ничего не значили перед этим первым боем.

До сих пор нам светило жаркое июльское солнце. В этот же день шел мелкий дождик, под ногами чавкала

грязь. Полк принял боевой порядок и напрямик, посевами двинулся вперед. Деревня горела, фашисты стреляли из орудий, а мы, кроме нескольких минометов, артиллерии не имели. Шли побатальонно, цепями, но ополченцы еще не умели ползать по-пластунски, вовремя окопаться—и несли большие потери.

Потери наши связаны были еще и с тем, что наступали мы на Пустошку через открытое поле, без предварительной разведки, не зная сил противника.

Это наступление стало одновременно и разведкой боем и атакой.

Так, то залегая, то делая перебежки и стреляя, мы прошли метров четыреста. Была занята уже половина деревни, когда командир дивизии П. И. Радыгин отдал приказ отойти в лес и двигаться к деревне Морозове.

Взяв раненых (убитых пришлось оставить на поле боя), мы всю ночь шли лесом, болотами и утром вышли восточнее Морозова.

Вначале мы были в недоумении, почему нам приказано отходить. Ведь, несмотря на потери, на противодействие артиллерии противника, бой складывался для нас успешно.

Только потом выяснилось, что, когда наш полк атаковал Пустошку, вражеские танки и пехота на транспортерах перекрыли дорогу на Морозове, отрезав штаб дивизии от баз снабжения. При этом дивизия потеряла артиллерию и машины. Командир решил сосредоточить всю дивизию в одном месте — в лесу северо-восточнее деревни Морозово, которая была уже занята противником.

Удачно совершив ночной переход, полк расположился на отдых прямо в лесу. Доели остатки НЗ, вскипятили чай. Солдаты переобулись и немного вздремнули, а мы с командиром полка Ланским проверили состав подразделения, выяснили наши потери.

В бою был смертельно ранен командир батальона Александр Петрович Приезжев, получил тяжелое ранение в грудь и ногу командир батальона школы милиции Тетюев. Вышли из строя опытные, мужественные командиры.

В это время охранение донесло, что со стороны болота, покрытого мхом и невысокими кочками, в нашу Сторону движется какая-то часть. На всякий случай

полк принял боевой порядок: полукругом вдоль опушки леса.

Вскоре удалось различить солдат в касках, а у наших касок тогда не было. Стало ясно, что это фашисты и подошли они совсем близко. Мы открыли сильный ружейный и пулеметный огонь, и гитлеровцы стали поспешно удирать. Мы перешли в контратаку, захватили пленного и тяжелый пулемет, а одна из рот полка так увлеклась, преследуя врага, что попала в засаду. В небольшой деревушке вблизи Морозова враги окружили ее. В это время из дивизии пришел связной с приказом отходить в лес, в район, заранее оговоренный для сбора дивизии. Мы не могли ввязываться в бой, чтобы поддержать роту,— не зная обстановки, не зная сил противника, можно потерять весь полк. За вырвавшейся вперед ротой были посланы двое связных с приказом немедленно вернуться, но ни связные, ни рота не возвратились.

Мы не имели права больше ждать и начали отходить в лес, захватив трофеи: пленного и пулемет.

К вечеру того же дня, усталые, вымокшие в болоте, мы присоединились к дивизии.

В лесу простояли всю ночь. Допросили пленного. Командир дивизии созвал совещание командиров и комиссаров полков.

Обсуждался вопрос, что делать дальше,— дивизия оказалась отрезанной от основных сил. Мы стояли в густом, прекрасно укрывавшем нас лесу, недалеко от дороги Сабек—Молосковицы. Но дорога находилась в руках врага. По ней двигались машины, танки, была протянута связь — для противника она стала как бы тыловой дорогой.

Решено было рано утром пересечь дорогу и в обход врага выйти в район Волосова, к линии фронта.

18 августа мы закопали трофейный пулемет и бегом преодолели расстояние от леса до дороги. Пересекли ее, перерезав провода связи, и быстро углубились в лес. Наше передвижение фашисты обнаружили, но, когда их артиллерия открыла огонь, мы ушли уже примерно на километр северо-восточнее места перехода и снаряды падали на площадь, где не было ни одного нашего солдата.

Трое суток шли мы болотами, лесами, почти без отдыха, без куска хлеба, по своей родной земле, не

решаясь заходить в деревни, чтобы не обнаружить себя.

Наконец восточнее станции Волосово, ближе к Кикерину, мы встретили регулярные части нашей армии. Здесь была своя, не занятая врагом территория. Мы сдали в штаб 'армии пленного и доложили о положении дивизии.

Усталые, голодные, все в грязи, но не потерявшие в эти дни ни одного бойца, мы расположились на отдых в лесу.

Переход дался нелегко. Многие показали чудеса выдержки и упорства. С нами шел боец (к сожалению, я не помню его фамилии), раненный в районе Морозова в ногу около ступни. Ногу стянули жгутом, сделанным из плащ-палатки. Передвигался он, опираясь на толстую палку, превозмогая боль, но за трое суток мы не слышали от него ни одной жалобы.

Деревня, возле которой мы расположились на отдых, была брошена жителями, По улицам ходил скот, птица. Меч зарезали бычка, сварили обед, накормили бойцов. Силы начали восстанавливаться, люди повеселели.

Нашему полку приказали идти к Гатчине. Третий стрелковый полк направлялся туда же, по другим путем. Идти всей дивизией было опасно — дороги контролировались немецкой авиацией.

Переход прошел благополучно. Сказывался опыт, приходивший буквально с каждым часом войны, правда, опыт, достающийся дорогой ценой.

Полк остановился в лесу севернее Гатчины. Здесь мы простояли двое суток и наконец-то получили горячую пищу и чай. К нам присоединились хозяйственники: помощник командира полка Иванов, начпрод Гозман, начфин Смирнов. Они не попали в окружение у деревни Морозово,— их вовремя предупредили, что она занята противником.

27 августа мы получили приказ перейти в район деревни Лукаши и выбить врага из соседней деревни Пустошки. Хотя название «Пустошка» встречается в Ленинградской области часто, такое совпадение для человека суеверного могло бы послужить дурным предзнаменованием. Мы, конечно, не придали этому серьезного значения, но название и в самом деле оказалось роковым. Впрочем, дело не в названии, а в том, что мы не

учли опыта,полученного у первой Пустошки. К тому же на этот раз полком командовал не полковник Ланской— он остался из-за болезни в Гатчине,— а начальник штаба лейтенант Деев, некадровый офицер.

Как и у первой Пустошки, атака не была тщательно подготовлена, не были разведаны силы противника.

Путь в Пустошку лежал через мелкую речку, а затем вдоль большого противотанкового рва, который простреливался из соседней деревни.

Лейтенант Деев приказал атаковать Пустошку с ходу, продвигаясь вдоль рва. Полк сосредоточился перед деревней и приготовился к броску, но противник заметил наше передвижение, и по бокам рва встали два танка. Они прямой наводкой стреляли вдоль рва. Скрыться там было невозможно. Наши бойцы, выбравшись из рва, попытались укрыться в болоте, но фашисты открыли огонь из орудий. Рвались мины. Били пулеметы. Слышался треск автоматов.

Так и не взяв эту вторую Пустошку, полк отошел в деревню Лукаши. В этом бою было убито и ранено больше ста человек.

Близко разорвавшийся снаряд контузил и меня. От боли разламывалась голова, шумело в ушах, однако руки-ноги были целы, и я не пошел в медсанбат. Только дней десять двигался точно пьяный.

Два дня стоял полк в Лукашах, приводя подразделения в порядок, немного пришел в себя и я.

29 августа прибыло пополнение: около пятисот бойцов, вооруженных винтовками. Большинство — добровольцы и немного кадровых солдат и офицеров, вышедших из окружения.

В районе Лукашей мы впервые увидели наши мощные танки «КВ». Ополченцы с восхищением следили за тем, как легко передвигаются грозные машины, и, несмотря на трудные дни, пережитые полком, в сердцах крепла уверенность в нашей победе.

Отступление по лесам и болотам от Нарвы до Гатчины, два боя у первой и второй Пустошек были трудными, но не поколебали силы духа ленинградских ополченцев.

31 августа полк выступил, как и прежде, пешим порядком, через Гатчину на Пушкин. От Пушкина через Колпино мы должны были выйти к Усть-Тосну, чтобы занять оборону,

До Колпина мы добрались благополучно, но ь„ подходах к нему противник обстрелял нас из минометов. Полк быстро рассредоточился и продолжал свой путь без потерь.

В Колпино мы вступили затемно. Город охраняли отряды Ижорского завода. Все говорило о спокойствии и порядке. Часть ополченцев — бывшие рабочие-ижорцы попросили отпустить их на пару часов к родным.

С Ижорского завода у нас служили коммунист Тимофеев, ставший потом командиром батальона, командир разведки Коростылев и рота девушек-санитарок. Они влились в полк еще в Ленинграде при формировании ополчения. Девушки прошли с полком весь путь и не раз проявляли необыкновенную храбрость и выносливость.

Командование разрешило ижорцам навестить семьи, и точно в назначенное время все вернулись в свои подразделения.

Утром 1 сентября полк в составе трех батальонов направился из Колпина к деревням Новой и Усть-Тосно, занятым противником. Первый батальон комбата Яскина шел на левом фланге, от реки Невы до шоссейной дороги, идущей на Мгу. Второй — комбата Тимофеева — в центре, от шоссейной до железной дороги Ленинград— Мга. Третий — комбата Черноглазова— на правом фланге, от железной дороги до западного берега реки Тосны, в труднопроходимом болоте, чуть поросшем кустарником и деревьями.

После короткого боя мы выбили фашистов из деревни Новой и двинулись на Усть-Тосно. Как и прежде, у Пустошек, мы были без артиллерии: располагали только четырьмя ротными минометами да одним станковым пулеметом.

Без поддержки артиллерии взять с ходу Усть-Тосно не удалось, но мы выбили гитлеровцев из окопов, вырытых ими перед деревней, и заняли их.

С того дня фронт на этом участке стабилизировался, и фашисты не продвинулись к Ленинграду ни на шаг.

Но далось это нелегко. Бои мы вели почти каждый день. Несколько раз переходили в наступление, даже форсировали реку Тосну, однако закрепиться не смогли.

В середине сентября в полк прибыло пополнение — человек сорок, остатки первого полка нашей дивизии. Одновременно нам придали артиллерийский дивизион.

Командиром дивизиона был капитан Сторошев, его заместителем лейтенант Нетреба. Пополнение и артиллерия прибыли весьма кстати.

Днем 17 сентября фашисты предприняли попытку потеснить нас. Открыв ураганный огонь из орудий и минометов, они начали стремительную атаку. На правом фланге второго батальона оборону занимала шестая рота, которой командовал молодой, не участвовавший еще в боях лейтенант. Не выдержав обстрела, он отвел роту на километр в тыл. Противник занял окопы и Стал проникать в глубь нашей обороны, обстреливая из автоматов фланги соседних рот. Положение создалось трудное, и малейшее промедление угрожало позициям всего полка. В прорыв была брошена полковая разведка под командованием лейтенанта Коростылева. Они отбросили гитлеровцев и восстановили линию обороны.

Попытки выбить полк с позиции возле Усть-Тосна фашисты делали неоднократно, но безуспешно.

В этих боях нас уже поддерживала полковая и дивизионная артиллерия, а с Невы — огонь бронекатеров, который корректировали моряки-разведчики, находившиеся в наших батальонах.

С моряками у нас была большая- дружба, которую едва не испортил командир одного из катеров лейтенант Николаев, но об этом я расскажу немного позже.

Благодаря стабильному положению на нашем участке, к нам изредка приезжали делегации ленинградских рабочих. Одно из таких посещений запомнилось тем, что оно стоило многих переживаний, хотя и закончилось благополучно.

Мне позвонил начальник политотдела дивизии А. В. Щуров и сообщил, что в наш полк направляется делегация из Ленинграда, которая хочет встретиться с ополченцами одного из батальонов, находящегося на самом переднем крае. А. В. Щуров просил обеспечить безопасность делегации:

— Проводи их на передний край, пусть посмотрят, как живут бойцы. Но за рабочих ты отвечаешь головой.

Я дал слово приложить все старания, чтобы путешествие обошлось благополучно.

В тот же день в штаб полка, расположенный в овраге недалеко от деревни Новой, приехали трое пожилых рабочих с одного ленинградского завода. Перед тем как

отправиться на передний край, я проинструктировал их, что надо делать, если фашисты начнут обстреливать Дорогу.

До левого фланга наших позиций надо было пройти около километра по открытой местности. Здесь, западнее деревни Усть-Тосно, вдоль оврага разместился первый батальон, которым командовал Василий Ильич Яскин. Комбат Яскин до войны работал на том же заводе, откуда прибыли делегаты. Старые друзья обня« лись, расцеловались. Встреча была неожиданной и оттого еще более радостной и бурной. В ста метрах от окопов противника комбат организовал в блиндаже своеобразный «банкет». На столе появились черный хлеб, мясные консервы, водка.

— Чем богаты, тем и рады,— приветствовал гостей Василий Ильич.

Выпили по стопке, разговорились. Делегаты рассказывали о положении в Ленинграде, о бомбежках, о начинающемся голоде.

Комбат расспрашивал о заводе, о знакомых, которые продолжали там работать, а сам рассказывал, как мы воюем.

— Вот немного закусим, и я познакомлю вас с бойцами, с передним краем нашей обороны,— пообещал он, ио в этот момент в блиндаж вбежал дежурный офицер.

— Фашисты перешли в атаку,— доложил он.

Так неожиданно прервался наш «банкет».

Взяв по ящику гранат, мы с комбатом выбрались из землянки. Он бросился в окопы на правый фланг, я — на левый.

Смотрю в бинокль: прут, дьяволы. Прямо «психическая» атака. Идут густой цепью, во весь рост, орут и беспорядочно стреляют.

Но такие штучки нас уже давно не пугали. Сначала бойцы вели огонь из винтовок, целясь в офицеров, а когда фашисты подошли к проволочным заграждениям, мы открыли огонь из пулеметов и забросали гитлеровцев гранатами. Противник отступил, оставив много убитых и раненых.

Среди наших солдат один был убит по собственной неосторожности — высунулся из окопа — и несколько легко ранены. Все стихло. Постепенно спадало нервное напряжение. Усилив наблюдение за противником, мы

с комбатом возвратились в блиндаж. Там было все в порядке. Делегаты нас ждали.

Я посмотрел на часы: с начала атаки прошло всего тридцать минут. Мы посидели еще около часа, потом рабочие попросили провести их по окопам.

Делегаты осмотрели позиции, поговорили с бойцами. Они убедились, что ополченцы стали опытными воинами.

По сравнению с периодом боевых действий у Котлов и деревни Морозово многое изменилось. Кроме окопов вырыты были блиндажи, ходы сообщения. В то время как часть бойцов стояла на переднем крае, другие отдыхали. Наладили регулярное горячее питание. Мы стали выпускать «боевые листки», в которых рассказывали об отличившихся солдатах. Приезжали к нам корреспонденты дивизионной и армейской газет. Наладили и военные занятия: разборка и сборка оружия на скорость, проверка винтовок. Начали обучать снайперов.

Бойцы рассказали делегатам, что могут теперь помыться в бане, сменить белье. Рабочие поведали о жизни в блокированном городе. А на прощанье сказали:

— Нам, в Ленинграде, трудно, но мы лично убедились, что вы крепко стоите и не пустите врага в наш город.

Начало темнеть.

— Пора нам, товарищи, уходить отсюда,— сказал я,— а то фашисты еще что-нибудь затеют.

Попрощавшись с комбатом и бойцами, делегаты, я и парторг полка Красиков пошли назад, в штаб полка.

Как обычно, в конце сентября часто шли дожди. Грязь была непролазная. Вначале фашисты дорогу не обстреливали, но метров через триста заметили нас и открыли огонь из тяжелых минометов. Мины рвались то сзади, то спереди. Я скомандовал:

— Ложись в кювет!

Закряхтели гости, забираясь в грязь. Потом передвигались ползком и перебегали по одному. Слушались меня беспрекословно.

Когда я привел их в штаб полка, то сам был грязный, а они в своих светлых драповых пальто и ботиночках так выпачкались и вымокли, что просто смотреть нельзя было на людей. Проползти триста с лишним метров нелегко даже тренированному солдату, а каково им, пожилым людям. Вид у делегатов был измученный, но, несмотря на это, я был доволен, что все обошлось

благополучно. Бойды комендантского взвода пошли на Неву, вымыли и высушили одежду наших гостей, потом напоили их чаем.

А начальник политотдела Щуров все время звонил ¡в штаб полка:

— Как там, повел Середин делегатов?

— Повел,— отвечают.

— А что там?

— Да вот бой,—отвечают,— был. Фашисты наступали.

— Ох ты, если бы знал, ни за что не согласился бы отправить их на передний край.

Пришел я, сразу звоню ему по телефону:

— Александр Васильевич, все в порядке.

— Как там?

— Довел до штаба полка. Отмоем грязь, в дивизию их отправим.

— Спасибо, товарищ Середин,— облегченно вздохнул Щуров. — Теперь я могу успокоиться. Признаться, за эти часы я много пережил.

...Наши бойцы находились в постоянном напряжении. Если противнику не удавались «психические» атаки, он применял такие методы, на которые способны были только фашисты.

Так, в один из первых дней октября, часов около четырех вечера, пятнадцать немецких солдат без оружия вышли с поднятыми руками из окопов и с криками: «Рус, не стреляй, сдаемся!» — направились в нашу сторону.

Комбат Тимофеев выслал навстречу десять бойцов. Как только ополченцы приблизились к «сдающимся», те упали на землю и наши товарищи были в упор расстреляны идущими сзади вооруженными гитлеровцами. Так мы поплатились за ослабление бдительности!

В то время наша армия начала проводить агитацию среди фашистских войск.

Однажды, было это в конце сентября, политотдел дивизии прислал листовки, отпечатанные на немецком языке.

Комбату Яскину поручили забросить листовки к противнику. Несколько наших ополченцев проползли ночью под своими заграждениями и разбросали листовки во вражеских окопах.

Наутро мы увидели, что по всему оврагу гитлеровцы поставили рогатки из колючей проволоки. В течение не-

скольких дней после этого противник с высокой стороны оврага беспокоил нас. Командование полка договорилось с командиром танкового соединения проутюжить эту высоту и сам овраг.

Несколько танков на большой скорости неожиданно ворвались в овраг, смяли проволочные заграждения, разрушили вражеские окопы. Часть гитлеровцев была перебита, часть убежала.

Батальон взял эту сторону оврага и захватил одного пленного, по дороге на командный пункт он все говорил: «Гитлер капут». Это была одна из немногих побед того периода, но очень важная.

В начале октября в полку произошли изменения. Командиром назначили капитана Блохина, а комиссаром— старшего политрука Михайлова. Меня перевели в политотдел, а через несколько дней назначили комиссаром штаба дивизии.

Так закончилась моя служба во втором стрелковом полку 4-й дивизии народного ополчения. Но я обещал рассказать о том, как подшутили над нами моряки.

Я уже упоминал, что наш полк взаимодействовал с бронекатерами, которые стояли у левого берега Невы, недалеко от командного пункта полка. Одним из катеров командовал лейтенант Николаев. Он был человек смелый, решительный и часто ходил вместе с нашей разведкой за передний край. Однажды вечером Николаев пришел на командный пункт первого батальона. В тот день разведка взяла «языка» — фашистского офицера. Взять «языка» тогда было трудным делом, и случалось это не часто. Командир батальона Тимофеев доложил о пленном в штаб полка, а штаб полка — в дивизию. Хотя командир сообщил, что отправить пленного у него сейчас не с кем, из штаба полка потребовали, чтобы «язык» был доставлен срочно.

Тогда командир бронекатера Николаев сказал, что он все равно идет в полк и может захватить пленного. Штаб полка дал на это согласие, и Николаев с пленным ушел. Прошло больше часа. Вдруг звонит помощник начальника штаба полка А. А. Колосов и спрашивает, где пленный. Ни артналета, ни минометной стрельбы не было. Куда делся «язык» и его конвоир?

Послали связных проверить тропу, нет ли убитых случайным снарядом или пулей. Никаких признаков. Пошли на бронекатер, Николаева нет и там.

Только утром выяснили, что наш хороший друг привел пленного на катер и доставил его своему морскому начальству, а нам «натянул нос».

Так мы оконфузились перед штабом дивизии. Долго потом смеялись над нами, а сам Николаев шутил:

— Где же еще моряку добыть сухопутного фрица!

17 октября стало известно, что дивизия перебрасывается на другой участок фронта.

Ночью 19 октября мы ускоренным маршем двинулись в Ленинград. Ополченцы надеялись хоть недолго побыть дома, увидеть родных. Но эти надежды не сбылись.

Перейдя Володарский мост, мы направились в Веселый поселок. Там бойцы помылись в бане, поели, отдохнули. В тот же день состоялось совещание командиров и политработников. В конце его А. В. Щуров спросил:

— Кто из работников политотдела помылся в бане?

Оказалось, что возможностью помыться воспользовался только я один.

— Вот видите,— сказал Щуров,— что значит старый солдат. Середин не пропустил случая побывать в бане, остальные не догадались. Теперь неизвестно, когда еще представится такая возможность.

И в самом деле, многие потом сожалели об упущенной возможности. Ведь впереди у нас был Невский «пятачок», и ни о какой бане уже не приходилось даже мечтать.

Формально наша дивизия перестала быть дивизией народного ополчения, но ядро ее по-прежнему состояло из ополченцев и жил в ней боевой дух добровольцев-ленинградцев.

В тот же день, 19 октября, 284-й стрелковый полк (бывший второй) направился через Озерки к Невской Дубровке и к вечеру 20 октября сосредоточился в районе поселка Мокрый Луг. 21 октября провели рекогносцировку. Осмотрели левый берег, переправы и подходы к ним, а назавтра, в час тридцать ночи, переправились на «пятачок». Место это голое, без естественных укрытий. Не было и настоящих блиндажей. Штаб полка расположился на берегу реки в землянке. Солдаты размещались в окопах и в нишах.

До прибытия 86-й дивизии «пятачок» удерживали части 4-й отдельной бригады морской , пехоты и 115-й стрелковой дивизии.

Еще более трудная задача досталась нашей дивизии. Здесь предстояло пережить самое трудное время.

Не буду подробно останавливаться на обороне «пятачка». Расскажу лишь о гибели замечательного человека, политработника Александра Васильевича Щурова.

Фашисты воспользовались апрельским ледоходом 1942 года, который нарушил связь с правым берегом Невы. Они начали сильнейший обстрел. Положение 330-го стрелкового полка, оборонявшего «пятачок», стало чрезвычайно тяжелым. Были разрушены ходы сообщения и окопы, нарушена связь командования полка с батальонами. В штаб дивизии прибыл командующий Невской оперативной группой генерал Бондарев. Он приказал отправить на «пятачок» группу командиров из штаба дивизии во главе с начальником политотдела Щуровым и начальником штаба Козловым. Их с трудом переправили через Неву.

С Ладоги дул ураганный ветер. Лед шел, разрушая все на своем пути. Связь между берегами стала совсем невозможна.

В это время противник перешел в наступление. Полк оказывал героическое сопротивление, но силы были слишком неравными. Фашисты разрезали оборону полка и в нескольких местах вышли к Неве. Каждый батальон дрался самостоятельно. Щуров и Козлов возглавили оборону одного из батальонов. Во время боя оба были смертельно ранены. Тяжело ранило командира полка майора С. А. Блохина. Оставшиеся очаги сопротивления гитлеровцы методически уничтожали минометным и артиллерийским огнем. В штаб дивизии поступали по радиотелефону призывы о помощи, но переправить подмогу через Неву было невозможно.

В один из последних дней обороны я зашел в машину, где помещался радиотелефон. Радист сказал, что вызывает Козлов. Я взял трубку, спросил, кто говорит. Мне ответили, что Козлов, но это был не его голос.

— Как звать вашу жену? — спросил я.

Молчание...

— Какого вы года рождения?

Опять ни слова.

Я понял, что фашисты принудили кого-то говорить от имени Козлова.

Один из батальонов был приготовлен для переброски на левый берег, но из-за ледовой обстановки на Неве и недостатка лодок его отправка задерживалась.

О разговоре с лже-Козловым я доложил генералу Бондареву. Он приказал мне переправить командиру 330-го полка майору Блохину шифр для связи.

я не советовал этого делать, но он настоял.

На переправе подготовили двухвесельную лодку. Ночью я посадил в нее начальника шифровального отделения с двумя гребцами, и они отправились сквозь ледоход на другой берег.

Примерно через полтора часа лодка вернулась, и начальник шифровального отделения доложил, что он не мог выполнить приказ. С огромным трудом преодолев три четверти реки, они услышали на берегу немецкую речь и вынуждены были вернуться. Я доложил об этом генералу.

Стрельба на «пятачке» стихала. Это значило, что враги подавили последние очаги сопротивления.

Одними из немногих, переплывших Неву, были связной А. В. Щурова Лявданский и раненый начальник штаба 330-го полка Александр Михайлович Соколов.

Они рассказали о последних минутах начальника политотдела дивизии. Александра Васильевича Щурова ранило осколком снаряда. Он мучился не только от страшной боли, но и от сознания, что ничего не может изменить. Не желая попасть в плен, он выстрелом из револьвера покончил с собой.

Так закончился первый этап героической обороны Невского «пятачка». В сентябре 1942 года воины 45-й гвардейской и нашей 86-й дивизии вновь захватили этот плацдарм. Оборона его продолжалась еще пять месяцев. В феврале 1943 года наши войска отбили у врага 8-ю ГЭС, и земля бывшего Невского «пятачка» соединилась с коридором, проложенным Ленинградским и Волховским фронтами во время боев за прорыв блокады.

С. И. КРАСНОВИДОВ

ВРАГ ОСТАНОВЛЕН[1]

Вспоминая события 1941 года, я особенно ярко представляю бои на последних рубежах, на которых защитники Ленинграда остановили немецко-фашистские полчища. Под Урицком и на Пулковских высотах в числе других частей противостояла врагу и наша 5-я дивизия народного ополчения, сформированная из добровольцев Выборгской стороны, Василеостровокого и Дзержинского районов города, в которой мне пришлось командовать полком.

За четыре дня перед выступлением на фронт второй полк, командиром которого я был назначен, принял около 1800 человек добровольцев. 5 сентября, вручая мне приказ следовать с полком к станции Саперная,

[1] **Печатается по тексту, опубликованному в сб. «Оборона Ленинграда». Л., изд-во «Наука», 1968.**

Красновидов Сергей Иванович командовал сначала вторым, а затем третьим полком 5-й дивизии народного ополчения. С января 1942 года он начальник отдела боевой подготовки штаба 42-й армии.

Полковник в отставке С, И. Красновидов умер в 1969 году.

командующий армией народного ополчения сказал: «Имейте в виду, что возможен встречный бой. Противник вышел к Ивановским порогам».

Это известие для меня было неожиданным. Двигаясь впереди полка, иногда заезжая вперед, я все время поглядывал на карту и местность, чтобы прикинуть, как развертывать полк в случае боя на том или другом рубеже. К станции Саперная прибыли благополучно. Был хороший, солнечный день. С фронта не доносилось ни одного выстрела. Представитель штаба фронта генерал-майор П. А. Зайцев встретил полк и повел его командиров на рекогносцировку. Он показал нам пункты на правом берегу реки Тосны, захваченные фашистами. Задача полка — выйти к реке и занять оборону по ее левому берегу, заменив стоявший там батальон 4-й ДНО, в состав которой вначале был включен наш полк. «Торопитесь!— сказал генерал.— Немцы могут опередить вас: имеются данные, что они готовятся здесь к переправе».

Уже 6 сентября полку с ходу пришлось вступить в бой, чтобы отбросить за реку вражеских разведчиков, просочившихся сквозь оборону сменяемого нами батальона. Фашисты ответили на это яростным артиллерийским и минометным огнем. Попав впервые под сильный заградительный огонь, когда мины рвались не только на земле, но и в кронах деревьев, многие не обстрелянные еще бойцы не выдержали и побежали назад. Командиры рот со взводными были впереди, где проводили рекогносцировку, и из-за деревьев не могли увидеть, что происходит позади. Командир батальона был вскоре койтужен, здесь же погиб младший адъютант батальона. Организованность была нарушена.

Заметив бегущих назад людей, старший врач полка Р. Шойхет организовала заслон, собрала до сотни человек, поддавшихся панике, привела их в надлежащее чувство и лично проводила до штаба батальона. Военком политрук А. Н. Вихров быстро восстановил порядок и боеспособность батальона, командиром которого он был затем назначен.

На стыке двух батальонов вражеские разведчики, оставшиеся еще на берегу, своим огнем отрезали группу командира полка от места, где остановилась наша пехота. Противник был очень близко. Заметив опасность, угрожавшую командиру полка, командир роты лейте-

нант Титаренко во главе находящихся при нем бойцов с криком «ура!» бросился в атаку. Захватчики поспешно отступили. Находившийся при роте секретарь партбюро политрук Теплов немедленно выдвинул станковый пулемет на опушку леса и заставил фашистов отойти еще дальше к реке. Таким образом была освобождена от грозившей ей опасности значительная группа командиров, выдвинувшаяся к еще не занятому нашей пехотой переднему краю.

В последующем рота лейтенанта Титаренко смелой контратакой сбросила в реку высаженный на наш берег десант. Несколько фашистов утонули, другие же укрылись па противоположном берегу. Сам Титаренко, вскочив на одну из брошенных врагом лодок, пытался со своими бойцами переправиться через реку, но командир батальона вовремя остановил такую попытку.

В долине, почти у самого зеркала воды, на нашем берегу реки находились кирпичные сараи, в которых удалось задержаться значительной группе фашистов. Придя на следующий день в третий батальон, военком полка С. И. Ганичев вместе с политруком Вихровым организовали из бойцов батальона отряд для ликвидации этой группы. Действия отряда, поддержанного минометным огнем, заставили врага отойти на другой берег реки.

Командир первого батальона интендант 3-го ранга А. Н. Чалов, несмотря на сильные огневые налеты врага, сумел в первую же ночь удачно расположить своих людей и обеспечить управление боем.

Чалов пришел в полк еще в первые дни войны, когда он формировался на Васильевском острове (в Академии художеств). Строевых офицеров не было, и Чалов был назначен командиром батальона. Пока полк был вынужден отправлять прибывающих добровольцев на фронт в качестве пополнений для других дивизий народного ополчения, Чалов два месяца усиленно и успешно занимался изучением тактики общевойскового боя.

Поставленный на правый фланг полка взвод Е. Г. Фалько (аспирант Академии художеств) смелыми и решительными действиями очистил перед собой от противника наш берег реки. Заняв указанный взводу район, Фалько организовал разведку вправо и выяснил, что кустарник на фланге взвода кишит разведчиками

противника, свободно переходящими через реку в направлении торфоразработок. Он доложил об этом командиру. Подступы к флангу батальона были заминированы, и в лесу поставлены проволочные заграждения. Полковая пешая разведка оттеснила разведчиков врага, действовавших на нашем открытом правом фланге.

Для разведки в направлении торфоразработки — Никольское был послан конный взвод. Его конные дозоры не смогли обнаружить укрывшихся в кустах автоматчиков врага, и взвод поплатился за такой недосмотр. Насмерть был сражен командир младший лейтенант Иерусалимский — любимец бойцов.

Вечером 11 сентября вступивший во временное командование 4-й ДНО П. А. Зайцев приказал полку сдать участок одному из батальонов дивизии и к утру сосредоточиться у Милицейской рощи для переброски на другой участок фронта.

Утром генерал Зайцев, встретивший меня на пункте погрузки полка, сказал: «Вы разгрузите пехоту в Финском Койрово. Там полку будет поставлена задача. Артиллерию, повозки, конников отправляйте походным порядком через Колпино, Пушкин, Синда, по маршруту автомобильных колонн. Сами поезжайте вперед. За погрузкой мы понаблюдаем с начальником штаба».

Стоял чудесный солнечный день. В Колпине и в Пушкине не ощущалось даже близости фронта. Ни стрельбы, ни самолетов в воздухе.

Расположив уже разгрузившиеся подразделения в лесу около Финского Койрова и выставив охранение, Йы с комиссаром долго искали кого-либо, кто должен был поставить задачу полку.

Работавший около деревни военный топограф сказал мне, что в Пулкове находится штаб 42-й армии. Мы с комиссаром решили ехать туда.

О том, что на участок армии переводится наш полк, командующий 42-й армией генерал-лейтенант Ф. С. Иванов не знал.

Командарм приказал полку находиться в его резерве. Он показал нам на карте линию фронта наших войск. Эта линия проходила через Русско-Высоцкое, Тайцы, Пудость, Павловск и далее через Красный Бор к устью реки Тосны.

В блиндаж вошел начальник оперативного отдела и доложил, что гореловская аэродромная рота с утра ве-

дет бой с противником на аэродроме и просит о помощи.

— Не может этого быть!—.воскликнул командующий. — Неужели авиадесант? — Однако он тут же приказал мне выслать в Горелово батальон, усиленный ротой танков, стоявших в Финском Койрове.

Когда около шестнадцати пасов 12 сентября второй батальон начал выстраиваться для движения, из кустов, окружавших Финское Койрово с юга, раздалась трескотня автоматов. Пули летели в расположение полка. Был ранен командир батальона. Отряд повел в Горелово старший адъютант батальона интендант 3-го ранга М. Г. Шкурин. Каким образом здесь, в тылу наших войск, возле штаба армии, могли появиться вражеские автоматчики, было непонятно. Тем не менее на поимку этих автоматчиков было отправлено несколько дозоров. Вечером около Венерязи две автомашины, перевозившие остатки полка, были атакованы танкеткой противника и сожжены. Бойцы вовремя соскочили с машин и огнем заставили танкетку скрыться в южном направлении. Это было весьма серьезным фактом, и я решил развернуть южнее Финского Койрова целый батальон. Затем все утихло. Ночью нам было сообщено, что дивизия должна занять вторую оборонительную полосу на участке Большое Наккорово, Горелово, Финское Койрово, Венерязи, Синда до Александрович, второму полку приказано оборонять правофланговый участок. В Финское Койрово утром 13 сентября должен прибыть третий полк 5-й ДНО, на левый же фланг будет поставлен нащ первый полк. Артиллерия в район Сосновки, Авиагородка прибудет к вечеру 13 сентября.

С утра 13 сентября из кустарника, южнее и восточнее Финского Койрова, то тут, то там раздавались очереди из автоматов. Одна группа наших разведчиков донесла, что в находившемся впереди противотанковом рву она имела стычку с автоматчиками врага.

Наконец в голове пехотной колонны, подошедшей со стороны Лигова, я увидел командира третьего полка Топчина. Рассказав о положении, стал торопить его принять участок. Пришедший с ним батальон Топчин направил в район Глиняной горки, сам же остался ждать здесь прибытия «стальных двигающихся поэшелонно подразделений. Но в прибытии последних наступила какая-то непонятная и самому Топчину пауза,

Простившись с Топчиным, я направился к своему командному пункту на южной окраине Ново-Панова.

После того как я указал первому батальону его район обороны, во втором эшелоне полка перед Лиговом и Ново-Пановом собралась рекогносцировочная партия командира полка. Когда мы садились верхом, то увидели, что Финское Койрово усиленно бомбардируется авиацией. Бревна разрушаемых бомбами изб летели кверху. Деревня окуталась дымом и пылыо.

Помешать авиации мы не могли, и я подал рекогносцировочной группе команду на движение вперед.

В Константиновке мы обогнали наших телефонистов, проводивших связь к отряду Шкурина в Горелово. Вдруг совершенно внезапно дальнейший путь нам преградила завеса плотного артиллерийского и минометного огня. Мы выскочили на западную окраину Константиновки,рассчитывая пробраться к отряду по склону Гореловских высот. Но открытый и по нашей группе прицельный минометный огонь разметал ее. Мы спешились. Поставив севернее Горелова подошедшую сюда роту, я приказал ее командиру лейтенанту Гринько выслать разведку для связи со вторым батальоном и выяснения обстановки в Горелове.

Вскоре сильный огонь артиллерии и минометов противника обрушился на всю площадь южнее Лигова и Ново-Панова. Целей здесь было более чем достаточно: кроме батареи, двух батальонов, обоза второго полка, из Панова выходила артиллерия третьего полка. В то же время из Сосновки на Паново галопом мчались упряжки какого-то обоза. Бегущие на Паново жители Горелова, Константиновки также заполняли это открытое пространство.

Рекогносцировка срывалась. Отпуская находившихся в рекогносцировочной группе командиров, я приказал принять все меры к приведению в порядок их подразделений и к немедленному самоокапыванию, третьему батальону — выдвинуться в Константиновку.

Выстрелы и грохот рвущихся неприятельских снарядов и мин сливались в один мощный гул, и близко и Вдали вздымались фонтаны поднятой разрывами земли. Перебегая по обстреливаемому полю, мы с военкомом Ганичевым отделились друг от друга. Когда я подошел к Ново-Панову, то увидел, что Ганичев стреляет из сто-

явшего здесь противотанкового орудия по Сосновке. Под прикрытием ураганного огня противнику удалось захватить эту деревню. Оттуда по нашему полю перед деревней была открыта ружейно-пулеметная стрельба.

Моя ошибка в оценке обстановки, заключавшаяся в том, что я еще верил в наличие впереди полка каких-то наших войск, сдерживавших противника, привела к весьма печальным последствиям.

Я никак не мог предполагать, что задача полка заблаговременно занять подготовленные трудящимися города укрепления в районе Наккорова, Горелова уже невыполнима. До самого последнего перед рекогносцировкой момента я не видел отходящих с фронта каких-либо подразделений и отдельных людей. Наоборот, еще в Финском Койрове мимо меня на Константиновну проходили автомашины, груженные колючей проволокой и кольями, предназначенными для каких-то частей впереди.

Канонада дезорганизовала порядок в полку. Подразделения перемешались. Нужно было немедленно контратаковать, чтобы выручить попавших в тяжелое положение отряд Шкурина и другие подразделения.

Разводить рассыпанных по полю бойцов по их подразделениям было просто невозможно. Части общей цепи вели командиры батальона Вихров и Чалов, секретари партбюро и комитета комсомола С. В. Тепло® и С. С. Гладилин, адъютант полка Н. Н. Воронин, переводчик В. В. Дьяконов. Помощник начальника штаба полка капитан М. М. Гузарский, бесстрашно двигаясь вдоль цепи, пытался восстановить порядок, управление и связь с полковой артиллерией как своего, так и третьего полка.

Этому первому эшелону, с которым шел военком полка С. И. Ганичев, удалось вытеснить из Сосновки передовые части противника и приступить к организации там командного пункта.

Войдя в Сосновку, я увидел, что бойцы стали собираться у домов. Сосредоточение в маленькой, в одну улицу, деревне массы людей было недопустимым. Надо было построить боевой порядок для продолжения наступления на Константиновну. Поэтому я здесь задержался.

Встреченные мной раненые показали, что в районе Красного Села и Горелова в окружении дерутся некото-

'рые подразделения третьего полка. Вечером того же дня я был ранен пулей в грудь, и меня увезли в тыл.

Полку под командованием С. И. Ганичева удалось 14 сентября овладеть Константиновкой. Но затем второй полк оказался под ударом главных сил врага, наступавшего со стороны Красного Села и Горелова. Разыгрались особенно ожесточенные бои. Выбыли из строя многие штабные и строевые командиры. Неся большие потери, полк дрогнул и начал отходить.

Тяжелая драма разыгрывалась на южных окраинах Лигова и Урицка. Отбиваясь от наседавших с юга превосходящих сил врага, остатки подразделений полка были атакованы с тыла противником, ворвавшимся в Урицк со стороны Стрельны. Чтобы подойти к нашим пулеметчикам с тыла, фашисты гнали перед собой женщин и детей. В рукопашных схватках нанося захватчикам большие потери, героически дрались в неравном бою пулеметчики, саперы, стрелки.

Командир дивизии полковник Ф. П. Уткин возглавил контратаку на Урицк спецподразделений дивизии, остатков второго и третьего батальонов полка, собравшихся в Шереметьевском парке. Эта контратака не удалась. % п- Уткин и замещавший военкома дивизии батальонный комиссар А. Г. Соломоник, а также начальник оперативной части штаба дивизии И. М. Турьян были ранены. В командование этой группой вступил дивизионный инженер полковник Хализов. На место тяжелораненого командира в 5-ю дивизию прибыл генерал-майор П. А. Зайцев. В это же время задача дивизии была ограничена только обороной Пулковских высот. Поэтому П. А. Зайцев 19 сентября перенес свой командный пункт в район Мясокомбината имени С. М. Кирова. Туда же были уведены и остатки второго полка.

Отражение дальнейших атак противника в направлении па Автово, Дачное и Кировский завод приняла на себя 21-я стрелковая дивизия НКВД, которой командовал М. Д. Папченко. Эта дивизия в начале сентября была поставлена на юго-западных и южных окраинах Ленинграда, на рубеже Шереметьевский парк — Авиагородок—Шушары. Она предназначалась для обороны окраины города на случай, если противнику удастся прорваться. В то время дивизия занимала как бы третью линию обороны. Теперь же, 17 сентября, с захватом врагом Урицка, правофланговые полки этой ди-

визии вступили в непосредственное соприкосновение с врагом.

На некоторое время левее частей 21-й стрелковой дивизии, отражавших атаки врага на участке Шереметьевский парк — Дачное, были поставлены части 7-й ДНО. Левофланговый полк этой дивизии вел бои с противником, занявшим Финское Койрово. Затем части дивизии были сменены полком 21-й стрелковой дивизии.

Обо всем этом я узнал позднее, по возвращении в дивизию.

После выздоровления я решил немедленно ехать в дивизию в надежде встретить там ставших дорогими соратников по первым боям. В большом подвале дома Мясокомбината было много людей. Здесь разместились штаб и политотдел 5-й ДНО. Там я узнал, что на подступах к Пулковским высотам 14—23 сентября происходили весьма ожесточенные бои. У нас большие потери, но и противник истек кровью. Политотдельцы с удовлетворением отмечали хорошее управление войсками со стороны командования и штаба. Большинство инструкторов политотдела и работников многотиражной газеты «Вперед» помогали штабу в передаче приказов, сборе сведений об обстановке, организации снабжения и эвакуации. Им, как и некоторым штабным командирам на передовой, неоднократно приходилось с оружием в руках отражать атаки врага и ходить в контратаки. Меня назначили командовать третьим полком. Командир дивизии Зайцев встретил меня уже как старого знакомого. В своих указаниях он был лаконичен.

— Вот твоя задача: вкопать полк в землю, построить окопы так, чтобы по траншеям можно было ходить из роты в роту, из батальона в батальон, в соседние полки, чтобы каждая рота имела свой ход сообщения с тылом. Пулеметами помогу. Собирайте оружие. Ни шагу назад! Некуда! — пояснил генерал, красноречивым жестом указывая на северную стенку подвала.

Перед рассветом 25 сентября выехал через Каменку на Пески. Далее с провожатыми шли пешком. На Глиняной горке ухали падающие на нее мины. Глухие разрывы доносились и со стороны высоты, где находилась обсерватория. Над расположением полка неслись потоки цветных огоньков трассирующих пуль.

На стыке деревень Нижнее Койрово и Камень я был введен в небольшую, переполненную людьми землянку.

Здесь КП — весь штаб и политчасть третьего полка, офицеры связи, связисты и другие лица. Кроме этой землянки, других укрытий от непогоды и пуль на КП не имелось. Он находился в сфере не только ружейно-пулеметного, но и автоматного огня противника.

Наскоро познакомился с людьми и десятидневной «историей» полка. И вот что я узнал. Полк (третий полк 5-й ДНО) формировался в зданиях студенческого городка по Лесному проспекту, в него в июле была влита часть василеостровцев, на фронт выступил вечером 12 сентября. Сюда в Камень—Кискино командир третьего полка Топчин отправил первый батальон. Другому подошедшему к Финскому Койрово батальону уже с 13 сентября пришлось отбиваться от наседавших на него фашистов. Понеся большие потери в людях, полк в ночь на 15 сентября вышел из угрожавшего ему окружения и через Дачное и Авиагородок направился в Камень. Самим фактом появления батальона у западных склонов Глиняной горки удалось предотвратить захват врагом находившейся на ней батареи морских орудий. 14 сентября здесь развернулись ожесточенные бои. Деревни Верхнее Койрово и Кискино переходили из рук в руки. В этот же день к деревне Камень подошли орудия полковой артиллерии, которые были задержаны боевыми действиями на их пути в районе Ново-Паново—Сосновка. Интересно отметить, что, когда полковая артиллерия третьего полка под Сосновкой ввязалась вместе со вторым полком в бой, две пушки образца 1927 года сразу же отказали в действии. Орудия отправили на Кировский завод, где за несколько часов их исправили.

Батареи полковой артиллерии и 45-миллиметровых пушек были установлены у деревни Камень.

В продолжавшихся боях был ранен командир полка Топчин. Его заменил капитан В. Н. Сальтонс, но душой обороны этого важнейшего подступа к Пулковским высотам явился новый военком полка Н. А. Смирнов (секретарь Выборгского райкома партии). С 15 сентября по прибытии в полк он провел огромную организационную работу во всех областях жизни полка. 17 сентября полк получил благодарность командира и комиссара дивизии за стойкость в боях у деревень Камень и Кискино. Вдохновляя бойцов на подвиги, Смирнов подавал пример личной доблести.

23 сентября гитлеровцы трижды атаковали наши позиции со стороны Кискино. Две атаки были отбиты огнем. Но враг еще раз обрушился на защитников этой важнейшей позиции сотнями снарядов и тысячами мин и вновь перешел в атаку. Фашисты шли сплошной и плотной цепью. Противнику удалось смять наши передовые подразделения и подойти к КП полка. За оружие взялись офицеры штаба полка, связисты, бойцы комендантского взвода. Огонь их винтовок и ручных пулеметов, а также картечь полковых пушек остановили противника.

Тем временем комиссар Н. А. Смирнов из остатков рот и прибывших ночью пополнений организовал ударную группу, связался с ротой присланных на участок полка танков, договорился с артиллеристами о взаимодействии и лично повел группу в контратаку. Противник, не выдержав этого удара, бросился бежать. Положение было восстановлено.

Мне рассказывали о многих героях этого боя, но память сохранила лишь следующее. Связной А. К. Никитин под ураганным заградительным огнем минометов доставил в танковую роту приказ комиссара полка, чем был обеспечен согласованный бросок в контратаку пехоты и танков.

Смелость, умение владеть штыком и прикладом в рукопашной схватке показал старый солдат И. А. Корнилов (рабочий фабрики «Канат»), Сопровождая военкома Смирнова, он нагнал и заколол штыком трех фашистов.

Огнем из ручного пулемета, взятого им у убитого пулеметчика, поддержал действия ударной группы только что прибывший в полк из медсанбата бывший командир батальона второго полка А. Н. Чалов со своим сыиом-связным, юношей, еще не достигшим призывного возраста, но уже воевавшим со своим отцом на реке Тосне и под Урицком.

Танк Леткова ворвался в самую гущу врага, раздавил противотанковое орудие и сопровождавших его фашистов.

Но сам организатор контратаки, бесстрашный большевик военком Н. А. Смирнов, был ранен несколькими пулями в живот и, вынесенный из боя бойцом Корниловым, вскоре скончался.

Из рассказов однополчан можно было установить, что если врагу не удалось столкнуть слабые остатки

полка с занимаемой крайне невыгодной в топографическом отношении позиции у деревни Камень, то решающее значение в этом имели действия комиссара. Именем героя Н. А. Смирнова после войны была названа в Ленинграде улица, где находится Дворец культуры трудящихся Выборгского района.

В жестоких сентябрьских боях на ближних подступах к Ленинграду советские войска принудили врага отказаться от попыток взять город штурмом. Вспоминая эти тревожные дни, нельзя не признать, что большую роль в этом сыграли и защитники Пулковских высот.

Прибыв в полк, я в пер(вый же день обошел расположение всех подразделений. Двигаться пришлось, прикрываясь строениями деревни Камень, перебегая, а кое-где переползая открытые места. На западе, в Кискино, видны были окопы врага. На юге Верхнее Койрово также находилось в руках противника, но что там делалось, нам не видно было из-за перегиба ската.

Тщательно изучил я передний край, побывал и на позициях артиллерии. Выяснил, что на участке полка находилась одна из рот разведывательного батальона дивизии. Рота, ввиду недостатка сил в полку, являлась его резервом и выполняла задачи по разведке. В этой роте находился и зачинатель истребительного движения в дивизии знаменитый Феодосий Смолячков. Совершенно бесспорно, что первые выстрелы Смолячкова прогремели на участке нашего полка. По сформировании в полку новых линейных рот это подразделение было отведено к штабу дивизии. На участке полка я нашел и несколько постов бойцов спецчасти известного собаковода майора П. А. Заводчикова с выдрессированными для истребления танков врага собаками.

Итак, противник «командует» над всей местностью. Иначе говоря, мы внизу, противник выше. На левом фланге переднего края обзор и обстрел на юг ограничены двумя десятками шагов и меньше. Между ротами промежутки. Правый фланг практически открыт. Промежуток отделяет нас и от соседа слева. Траншей и ходов сообщения почти нет. Перед фронтом никаких заграждений. Штаб полка располагался в одной землянке в 300—500 метрах от переднего края, в зоне досягаемости автоматных пуль.

В полку было мало людей и не хватало некоторых подразделений,

Дивизия присылала команды для пополнения прямо на участок обороны полка. Число прибывших бойцов всегда определялось количеством собранного нами на поле боя оружия. «Сколько собрал «палочек»?» или «Сколько у тебя «палочек»?» — спрашивал обычно меня командир дивизии. Когда я понял из этой нехитрой зашифровки, что от меня требуется, и соответственно этому отвечал, то неожиданно в ночь или перед рассветом мне докладывали, что пришло такое-то количество н£>вых бойцов. Позднее мы стали делать все возможное, чтобы в ничейной полосе набрать больше оружия, оставленного убитыми в прошлых боях. Сбор оружия после каждого будущего боя обычно планировался нами заранее. С риском для жизни много людей ползали по ночам в ничейной полосе и собирали его.

Наш передовой пункт медпомощи помещался в Нижнем Койрово. Во время одного боя там собралось некоторое количество винтовок, сданных ранеными. Вечером, после боя, я послал туда офицера учесть оружие. И как велика была моя досада, когда я узнал, что неопытные врачи отдали все оружие приехавшему за ним на подводе оружейному мастеру первого полка. Завязалась самая настоящая «тяжба». Я не знаю, сколько бы она протянулась, сколько бы потребовала она чернил и красноречия, приличествующих каждому более или менее солидному «гражданскому процессу», если бы командир дивизии не сказал мне, что сегодня он вышлет полку пополнение с «палочками». С людьми мы получили и отремонтированные новые винтовки.

Решив несколько неотложных вопросов, я приступил к организации инженерной обороны. Начальника инженерной службы (НИС) в полку не было. Убыл по ранению. В саперном подразделении было всего несколько человек. Вызвав к себе командиров батальонов, рот и других начальников и посоветовавшись с некоторыми из них, отдал Приказания, касающиеся самоокапывания подразделений, постройки ходов сообщения, убежищ и т. д. Сразу же пришлось столкнуться с недостачей большого шанцевого инструмента и отсутствием опытности у командного состава в решении даже простейших инженерных задач.

Пока я заканчивал ознакомление с полком и проводил необходимый инструктаж в связи с поставленными нам задачами, начальника штаба вызвали в штаб

дивизии. Вернулся он поздно вечером и принес переданный ему устно приказ: 26 сентября полку силами двух взводов атаковать Кискино с востока. Это было названо силовой разведкой.

В четыре часа утра началась артподготовка, и по сигналу рота пошла в атаку. Враг встретил наших пехотинцев сильным огнем из пулеметов и автоматов. Был поставлен и заградительный огонь артиллерии. Возле моего наблюдательного пункта ложились тяжелые артснаряды. Рота залегла и не дошла до противника. Отойти на исходное положение она также не могла, так как из-за близости противника и условий местности была бы уничтожена. Бойцы укрылись от огня в многочисленных ямках, канавках. С наступлением темноты рота вернулась в Камень, вынеся с помощью полковых санитаров своих раненых и убитых. Потери, к счастью, были небольшими.

В этих боях значительные потери имели партийная и комсомольская организации полка. В полк пришли несколько политруков и свыше двух десятков коммунистов-добровольцев из коммунистической роты, сформированной Московским райкомом партии из рабочих «Электросилы», завода имени Егорова, обувных и других фабрик района. 27 сентября прибыл в полк и новый военком старший политрук В. П. Фешенко. Он принес «генеральную» установку на постройку укрепленных позиций. И мы развернули постройку оборонительных сооружений и всякого рода убежищ. В итоге к 7 ноября 1941 года сплошная траншея, соединенная с соседними полками, проходила почти по всему переднему краю. ¡Три хода сообщения соединяли траншеи переднего края и вторых эшелонов с районом КП. Все отделения, КП рот и батальонов, батальонные пункты медпомощи были обеспечены землянками и убежищами. Передний край был оплетен проволокой и сильно минирован.

Для укреплений нужны были бревна, доски. Первоначально их не подвозили. Леса на участке полка не было. Единственным на первый раз выходом было бы использование местных построек, но разбирать избы вначале не разрешали. Когда же мы увидели, что враг зажигательными снарядами систематически поджигает каждую ночь по одной избе, устраивая таким образом себе освещение, мы получили разрешение разбирать не только сараи и коровники, но и избы.

Работа по укреплению позиций участка полка в значительной степени определяла и деятельность штаба, и жизнь всего полкового коллектива. Все было подчинено выполнению этой задачи. Наступавшая осень, кроме того, предъявляла особые требования по защите бойцов от холода и сырости. Обо всем этом говорилось на партийных и комсомольских собраниях.

Как-то доставили нам несколько бронированных огневых точек. Эти сделанные рабочими города бронеточки нами были использованы для установки в них ручных, а затем и станковых пулеметов. Впоследствии часть этих бронеустановок с наступлением морозов была покинута, некоторые же слились с дзотами.

Вообще мы реально и во многом ощущали помощь, которую оказывали обороняющимся частям ленинградские рабочие и работницы.

Первое время не хватало большого шанцевого инструмента. Старшина четвертой роты Абдурахман Хусаинов организовал сбор лопат во всех окрестных не занятых противником деревнях и Авиагородке, обеспечил ими свою роту и даже дал кое-что другим. О, это был хороший, рачительный старшина! Он первый стал кипятить воду для чая на месте в окопах, вместо того чтобы поить бойцов охлажденным чаем, принесенным из батальонных кухонь.

Рытье траншей и котлованов для землянок и дзотов было очень трудным. В земле оказалось много валунов. Мешали жестокие морозы, которые в ноябре 1941 года сделали глину крепкой, как гранит.

Однажды при рытье траншеи бойцы нашли в земле кувшин с золотыми и серебряными монетами. Клад был направлен в штаб дивизии, и полк получил квитанцию. В это время нам были даны два станковых пулемета. Когда я доложил генералу Зайцеву, что этого для полка недостаточно, командир дивизии шутя сказал: «Прикажи своим ратничкам найти еще золота! За каждый червонец дам по пулемету».

Инженерные работы сопровождались жертвами. Расположение полка простреливалось даже из автоматов. Днем работы могли вестись только в окопах и котлованах. Поднос материалов в светлое время вообще исключался. С наступлением темноты вышедшие для работы на поверхность земли люди часто рассеивались по окопам минометным огнем. Регулярные, минута в минуту,

минометные обстрелы перемежались с «внеочередными».

В сентябре 1941 года наша 5-я ДНО стала именоваться 13-й стрелковой дивизией, а наш полк—172-м стрелковым полком. Командиром дивизии остался П. А. Зайцев.

Мы в это время не только укрепляли свои позиции, готовясь к отражению наступления врага на город Ленина, но наносили противнику и многочисленные удары. Мы изматывали неприятеля многочисленными нападениями, препятствовали его оборонительным работам. Главной же задачей боев, которые мы навязывали захватчикам непосредственно сразу после того, как оканчивались их атаки, было не дать гитлеровцам возможности перебрасывать от Ленинграда свои силы на другие фронты, где в то время шли большие сражения, в частности под Москву. Это было очень важно, так как, отказавшись от повторения штурма нашего города и сдавив Ленинград кольцом блокады, немецкое командование стало заменять здесь свои войска малоценными в боевом отношении частями.

Осенью несколько наступательных боев пришлось провести и нашему 172-му полку. Эти бои, проведенные различными по составу силами, имели ряд общих черт и приблизительно один и тот же результат. Разведуя силы противника, беспокоя его нашими нападениями, мы атаковали деревню Кискино с востока, с севера и юго-востока. Нанося врагу тот или иной ущерб, мы, однако, были не в силах, ворвавшись в деревню, удержать захваченное.

Неизбежные перегруппировки подразделений перед каждым боем, подготовка к возможности отражения контратаки противника в день боя, вынос раненых и убитых, сбор оружия и в то же время проведение инженерных работ — все это достигалось огромным напряжением всех сил. Был необходим и какой-то отдых.

Трудности позиционной жизни, вызванные недостатком питания, антисанитарными условиями, плохим освещением в землянках, привели нас к мысли о создании в тылу полка, в одной из больших изб Средней Рогатки, дома отдыха на десять человек, куда на двое-трое суток для восстановления сил и санитарной обработки посылались бойцы. Много раз, заменяя роты на позициях другими, мы отправляли их в городские бани. Но в но-

ябре—декабре городские бани «замерзли». В Авиагородке мы первоначально пользовались баней 47-го артполка, но когда ее разбило снарядом, мы там же стали сооружать свою собственную полковую баню. Печурками и лампами для обогревания и освещения землянок мы были обеспечены хорошо. Но проблема топлива и в особенности горючего для освещения разрешалась с большим трудом. Землянки бойцов и даже КП, пункты первой медпомощи погружались с наступлением вечера в темноту. Отпуск малого количества керосина всегда сопровождался условием, что столько-то литров дается для партполитработы. Предприимчивые командиры и старшины в городе доставали карбид, аккумуляторы. Бойцы жгли трофейный и негодный телефонный провод. В Авиагородке наши бойцы нашли разбитый снарядом масляный выключатель и пустили в дело оставшееся в нем масло.

Острый недостаток стали испытывать мы в боеприпасах для артиллерии и минометов. Уже с начала октября повседневное расходование боеприпасов было ограничено весьма жесткими и скудными лимитами: по одному снаряду в сутки на каждый 82-миллиметровый миномет и 76-миллиметровое орудие, по два снаряда на орудия и минометы меньшего калибра. В тягостном молчании пребывали наши 120-миллиметровые минометы и орудия более крупных калибров. Конечно, запас, достаточный для отражения повторных штурмов противника, везде имелся и частенько проверялся инспектирующими.

Вспоминаю о нашем смятении, когда одна из проверявших боеприпасы комиссий вдруг постановила заприходовать накопленные нами снаряды, которыми мы хотели усилить огонь в предстоящем бою или же иметь возможность наказывать дерзость фашистов, осмеливающихся иногда открыто ходить и ездить в ближайшем своем тылу, в расчете на молчание наших минометов и орудий.

Хорошо, что вскоре это взяли на себя наши снайперы-истребители. Они, а также и другие бойцы, вооруженные простыми винтовками, начали «охотиться» за оккупантами. Захваченные нами пленные показали, что наши «охотники» наносили противнику огромный урон. Начавшееся по почину Ф. Смолячкова организованное массовое движение в дивизии стрелков-истребителей

охватило все части армии и фронта. В нашем полку началась подготовка снайперов-истребителей. Первую их группу подготовил начальник штаба полка капитан Рябушев, затем его заменил младший лейтенант Ерошкин. Еще в октябре отличились в полку снайперы Красавин, минометчик А. Иванов (рабочий одного из ленинградских заводов) и другие. Они выползали за передний край обороны и часами лежали и выслеживали цели, меткими выстрелами валили наземь вышедших из траншей или выглянувших из них оккупантов. Это было подвигом добровольцев. Позднее в «охотах» на фашистов приняли участие и повар полка М. Ковалева, телефонистка В. Лавина, конюх З. Анисимова, О. Кузьмина и писарь штаба Е. Иванова-Соколова.

Любители такой «охоты» из числа городских пожарников, милиционеров, санитаров и повозочных, шоферов тыловых дивизионных и армейских частей и учреждений нередко приходили ко мне за разрешением выйти за передний край и «пострелять» в оккупантов.

Декабрь. На подступах к Москве шла великая битва. Большая наступательная операция наших войск развертывалась около Тихвина. На Пулковских высотах и около них тогда же развернулись напряженные и значительные по составу участвующих в них войск бои.

После ряда разведывательных поисков дивизия 20—21 декабря предприняла наступление всеми силами.

Все же надо отметить, что подготовка к этому наступлению была проведена неудовлетворительно. Общая рекогносцировка переднего края, целей артогня и объектов атаки проведена была поспешно, отсутствовала координация действий командиров стрелковых, танковых и артиллерийских частей. Начался бой. Мы надеялись на успех, но он не пришел. Противник отбил все наши атаки.

Обращало на себя внимание, что наши атаки отбивались исключительно плотным ружейно-пулеметным огнем. Артиллерия противника не стреляла. Как было подтверждено впоследствии, в этот день немцы в Красном Селе, в Гатчине вновь разгружали только что погруженные на железнодорожные платформы и эшелоны орудия. Они собирались отправить их на другие участки фронта, но мы им помешали. Значит, наши труды, наши потери, величайший героизм бойцов и командиров не пропали даром.

В этот же день, 22 декабря, мне было приказано отвести полк в Авиагородок, самому же явиться в Каменку, где меня и остальных командиров полков принял новый командир дивизии полковник В. П. Якутович.

Полковник сообщил нам, что волховцы гонят врага к Будогощам и реке Волхов. Нам необходимо продолжать активные действия.

Командир дивизии предложил мне немедленно отобрать в полк бойцов из прибывшего в дивизию пополнения и **быть готовым через день к будущим боям.**

25 декабря был получен приказ: перед рассветом 27 декабря атаковать и овладеть местностью в районе деревни Верхнее Койрово.

Развернулась усиленная подготовка. Полковые саперы разрушали остатки проволочных заграждений, строили стремянки для быстрого выскакивания пехоты из глубоких и обледеневших траншей, щиты — для преодоления наших заграждений. В эту ночь перед фронтом всех наступавших частей работали не только полковые, но и дивизионные и армейские саперы. Передавали о многих случаях героизма саперов, работавших под носом у противника по разминированию. Вспоминая об этой ночи на 27 декабря, многие в армии называли ее впоследствии «саперной ночью».

Все мы сильно волновались. Должны же мы хоть на сей раз сделать что-то большее, чем просто привлечь на себя внимание и огонь противника! Смогут ли наши физически ослабленные бойцы добежать до окопов врага, вступить в рукопашный бой и удержать захваченные траншеи?

Прибывший из Авиагородка полк покормили уже под Глиняной горкой. Время бежало с неумолимой быстротой. Проведены были короткие партсобрания с повесткой дня: прием в партию подавших заявления.

Утром 27 декабря началась артиллерийская подготовка. Роты стали выходить на исходное положение для атаки. Пулеметный огонь обрушился на противника, подавляя его огневые точки. У фашистов также яростно работали пулеметы, автоматы и винтовки. С моего НП была видна почти не имевшая промежутков густая линия огоньков, выбрасывавших потоки пуль. Никогда я еще не наблюдал такой густоты пехотного огня при атаке, как в этом бою. Атаковавшие взводы частично врывались в окопы врага, но были отброшены контрата-

ками. Все залегли. Бывшие при ротах связные не возвращались. Стало ясным, что наступление захлебнулось. Пехота зарылась в снег. Поле казалось пустым. Время шло. Истекал и короткий день, но как хотелось, чтобы он был еще короче! Скорее бы темнота скрыла от противника наших раненых бойцов, к которым нельзя было подойти или даже подползти санитарам.

Наконец обозначились сумерки. Вперед были брошены санитары и на их усиление бойцы комендантского взвода. Начался приток раненых. Возвращались и здоровые бойцы, получившие приказание отойти в траншею.

Вечером Якутович приказал повторить атаку. От артподготовки отказываемся. Только один быстрый бросок, благо дистанция позволяет. Выжидаем время, когда враги перестанут поливать поле огнем, стреляя по раненым и санитарам. Наконец наступил перерыв. Даем полчаса на успокоение противника, и начинается атака без шума и стрельбы. Но опять заговорили пулеметы, автоматы. От ракет на поле стало светло как днем. Цепь опять залегла. Мороз крепчал. Докладываю командиру дивизии и получаю указание вывести батальоны в окопы, оставив в новой траншее боевое охранение.

Несмотря на отсутствие территориального успеха в этих декабрьских боях, бойцы и командиры полка проявили массовый героизм.

Перед Пулковскими высотами фашисты принуждены были поставить свежие части (215-ю дивизию и другие), сменив ими потрепанные соединения и «квислинговские» батальоны.

Не напрасными были наши потери. Войска осажденного Ленинграда прочно сковали силы врага, что облегчило выполнение задач войскам других фронтов, и в частности под Москвой.

И. Ф. РЯБИНКИН

ЛИНИЯ ОБОРОНЫ – У ОБСЕРВАТОРИИ

Формирование подразделений шло к концу. 10 сентября нас, комбатов, вызвал майор А. Ф. Литвинов — командир первого полка 5-й дивизии народного ополчения.

— Получен приказ немедленно выехать в район Пулкова на рекогносцировку.

И вот мы у северного ската Пулковских высот. Литвинов, оглядывая местность и как бы прикидывая, чем могут быть полезны эти холмы, овражки, канавы, определяет нам участки обороны. Моему первому батальону назначен рубеж Пулковская обсерватория — Верхнее Кузьмино. Правее — у Верхнего Койрова — занимает участок обороны второй батальон, а в районе Глиняной горки — третий.

Точными данными о противнике командир полка не располагал; вероятно, их не было и в штабе дивизии. На наши вопросы майор ответил}

Рябинкин Иван Федорович, кадровый военный, был назначен в 5-го дивизию народного ополчения командиром батальона. Затем был заместителем командира, а с февраля 1942 года — командиром полка.

Полковник в отставке И. Ф. Рябинкин умер в 1967 году.

— Впереди еще четыре линии обороны. Хватит времени разобраться, когда займем позиции.

Утром 11 сентября полк получил недостающее оружие, 82-миллиметровые минометы и боеприпасы, а в полдень, после короткого митинга, походным порядком мы отправились на передний край.

Прошли Литейный проспект, Загородный, Международный, затем Среднюю Рогатку и в шестнадцать часов прибыли в деревню Каменку. Здесь устроили привал, накормили людей. По доносившимся звукам канонады было ясно — бои идут где-то недалеко.

В двадцать два часа получили приказ продолжать движение в назначенный район обороны. Установили интервал между ротами 150 метров. Вскоре со стороны Верхнего Койрова послышались трескотня автоматов, винтовочные выстрелы. Как выяснилось, второй батальон вступил в бой. Дружной атакой ополченцы выбили гитлеровцев из деревни и заняли свой рубеж.

Я благополучно довел батальон до Пулковской высоты. Мы остановились на ее северных скатах. Отсюда роты стали расходиться на свои участки. Первая рота старшего лейтенанта Любякина направилась по дороге к пулковской церкви. Вторая — капитана Николаева — оседлала Киевское шоссе возле обсерватории. Третью роту я оставил на развилке дороги Пулково—Пушкин.

Кроме нас на Пулковской высоте занимали позиции еще и подразделения 291-го отдельного артпульбата, которым командовал капитан Каверзнев.

Противник продолжал рваться вперед. 12 сентября гитлеровские войска заняли Большое Виттолово. На следующий день передовые отряды фашистов устремились к Пулкову. Вечером над нашим передним краем обороны появились вражеские бомбардировщики, я насчитал пятнадцать самолетов. Развернувшись над Глиняной горкой, они прошли вдоль наших окопов, обрушив на них бомбы и пулеметный огонь. Всюду поднялись столбы дыма и земли.

Пока я добирался до КП батальона, в моем воображении рисовались картины одна страшнее другой: мне казалось, что от подразделений остались крохи, фашистские бомбы все смешали с землей. Но, как говорят, не так страшен черт, как его малюют. Когда я появился на командном пункте, начальник штаба батальона старший лейтенант В. Г. Тарасов доложил, что в результате

бомбежки мы потеряли только одного человека. Правда, потеря была тяжелая: погиб командир второй роты капитан Николаев.

Весь день 13 сентября не умолкала ружейно-пулеметная пальба правее нашего батальона. Там дрались подразделения второго и третьего полкоз дивизии, 500-го отдельного стрелкового полка, отходившие с боями из района Красного Села. Словом, было ясно, что противник, прорвавшись от поселка Тайцы, стремится выйти на Урицк. И мы с тревогой следили за тем, как развиваются события на правом фланге дивизии.

Используя затишье перед нашим передним краем, мы совершенствовали оборону, вели разведку и помогали эвакуировать имущество Пулковской обсерватории.

После одного из артиллерийских налетов главное здание обсерватории пострадало особенно сильно. Когда мы вошли туда, в глаза бросилась страшная картина разрушения. На полу валялись покрытые толстым слоем красной кирпичной пыли ценнейшие инструменты, книги, звездные каталоги. Несколько сотрудников, преимущественно женщины, готовили оборудование к эвакуации. Но что они могли сделать? По их просьбе я выделил двадцать бойцов, которые за одну ночь помогли все собрать, упаковать и погрузить в машины.

14 сентября на наши позиции стали отходить из-под Красного Села отдельные группы красноармейцев и целые подразделения. Вышли и два батальона 500-го отдельного стрелкового полка, которые затем влились в состав 5-й дивизии народного ополчения.

Все они собирались в подвалах пулковской церкви. Здесь мы кормили, чем могли, этих уставших и измотанных в тяжелых боях людей. Кстати, нас выручил продуктами заведующий поселковым магазином. Он передал нам все, что осталось в магазине, получив соответствующим образом оформленную расписку.

За счет вышедших к нам бойцов других подразделений мы получили неожиданное пополнение. По указанию командования полка я направил часть людей на укомплектование второго батальона капитана Каймука, который понес в бою за Верхнее Копрово большие потери.

На нашем участке обороны оказались и артиллерийские подразделения. У меня собралось семь артдивизионов с материальной частью, боеприпасами. Они здорово

помогали нам своим огнем. У кого-то из командиров родилась мысль создать артиллерийскую группу поддержки батальона. Правда, такая группа никакими штатами не предусмотрена, но в то время было не до формальностей. Против такого использования дивизионов не возражал полковник М. С. Михалкин, командующий артиллерией 42-й армии, в которую вошла 5-я ДНО.

Возглавил группу кадровый артиллерийский офицер капитан Семенов. Ему помогали командиры батарей старший лейтенант С. И. Нарыньян и лейтенант Полыховский. Они разработали систему заградительного огня, организовали наблюдение. Эта группа не раз выручала нас, когда гитлеровцы пытались атаковать Пулковскую высоту.

14 сентября, на рассвете, около тридцати фашистов, пробравшихся по противотанковому рву у перекрестка дорог Киевское шоссе — Верхнее Кузьмино, вышли в тыл нашей минометной роте и начали кричать:

— Рус, сдавайся!

Наши бойцы перебили «агитаторов». В этой короткой схватке отличились командир отделения Семенов, бойцы Михайлов и Гусев, помкомвзвода Егоров. Они ползком подобрались к фашистскому пулемету, уничтожили его расчет и стали бить врагов из их же оружия.

Вскоре противник из деревни Венерязи открыл сильный огонь по нашей третьей роте. Мины рвались у самого переднего края. Командир роты, установив, где находится минометная батарея противника, предложил добровольцам уничтожить ее. Сделать это вызвались старший сержант Толкалин и боец Любашин.

Смельчаки поползли к стогам сена, за которыми укрывались гитлеровцы. Когда осталось несколько десятков метров до цели, бойцов заметили враги и открыли по ним огонь из автоматов. Но ополченцы не повернули назад. Они подобрались к минометчикам и пустили в ход гранаты и бутылки с зажигательной смесью.

Стог сена загорелся. Гитлеровские солдаты бросились врассыпную. В завязавшейся перестрелке смертельно ранило ополченца Любашина. Старший сержант Толкалин один продолжал борьбу. Он поджег еще три стога. Оставался последний. Из-за него строчил вражеский ручной пулемет, Толкалин бросился вперед. Метким бро-

ском бутылки с зажигательной жидкостью ему удалось поджечь стог. Но гитлеровцы тяжело ранили героя. Истекая кровью, Толкалин стал отползать назад. С большим трудом старшему сержанту удалось вернуться к своим. Он доложил о выполнении боевой задачи и тут же потерял сознание.

Весь день то тут, то там вспыхивали короткие ожесточенные схватки. Гитлеровцы поливали наши позиции автоматным огнем. Ополченцы держались стойко. Все попытки врага потеснить нас с занятых рубежей оказались безуспешными.

Не прекращались вражеские атаки и на следующий день. Но, пожалуй, с наибольшей силой бои на нашем участке разгорелись 16 сентября. Противник, стремясь овладеть Пулковской высотой, бросил в бой крупные силы пехоты. Два десятка самолетов бомбили позиции наших рот. Затем почти три часа длился сильный артиллерийский обстрел.

Бойцы выдержали этот огневой шквал, и, как только гитлеровцы поднялись в атаку, их встретил мощный заградительный огонь нашей артиллерии. Под ее прикрытием подразделения ополченцев пошли в контратаку. Первым поднялся политрук роты Филиппов.

— Вперед! За Ленинград! — раздался его боевой призыв.

За ним устремились все бойцы.

Фашисты повернули вспять. Но вскоре они возобновили атаки. Теперь уже в боевых порядках гитлеровцев шло три танка. Добровольцы выдержали и этот натиск врага. Они забросали бронированные машины гранатами и бутылками с горючей смесью. Два танка удалось поджечь, один ушел назад.

Сильная пехотная группа противника 17 сентября снова пыталась занять высоту. Над расположением первой и второй рот и левого фланга третьей роты появилось тридцать вражеских самолетов. В течение нескольких часов рвались мины, снаряды, бомбы. Все потонуло в море огня, дыма. Трудно было дышать, в ушах стоял непрерывный грохот. Такого удара нам еще не приходилось испытывать.

Когда противник перенес огонь в глубину нашей обороны и приготовился к атаке, по его передовым цепям ударили батареи артиллерийских дивизионов. Меткий огонь сорвал вражеский замысел. Фашисты не выдер*

жали и стали отходить. Их преследовали на правом фланге роты третьего батальона во главе с политруком Летавиным.

Критическое положение создалось на левом фланге нашей обороны. Намереваясь выйти к зданиям обсерватории, враги стали пробиваться к северной окраине деревни Коколево. Им удалось потеснить роту капитана Бендеры. Командир роты позвонил мне и попросил прислать подкрепление. Я и сам понимал, как трудно ему приходится в эти минуты, а помочь ничем не мог. Даже стрелкового отделения взять было неоткуда. Пообещал поддержать артиллерийским огнем, но, как нарочно, телефонная связь с ротой прервалась. Видно, снарядом перебило линию. Мы не успели договориться....

И вот в разгар боя на КП батальона, словно из-под земли, появился ополченец Исаев. Он доставил донесение командира роты с достаточно подробным докладом об обстановке. Затем связной проделал обратный путь, принес капитану Вендере приказ во что бы то ни стало удержать позиции. Мы же помогли ему огнем артиллерии.

Рота ополченцев капитана Бендеры почти двенадцать часов вела бой с превосходящими силами противника. Меткий артиллерийский огонь, стойкость ополченцев заставили фашистов отступить. Перед окопами роты они оставили свыше семидесяти убитых.

Потерпев неудачу на этом участке обороны, гитлеровцы решили искать успеха в другом месте. Они начали наступление на стыке между первым и вторым батальонами. Атака противника поддерживалась массированными ударами авиации, артиллерии и минометов. Но и тут фашистам не удалось прорвать нашу оборону.

20 сентября от нас ушло сразу три артиллерийских дивизиона. Они заняли новые позиции. Жаль было расставаться с артиллеристами! Их огневая поддержка помогала нам сдерживать натиск врага. Каждая атака гитлеровцев наталкивалась на мощную огневую завесу. Но командованию было виднее, где лучше использовать артиллерию.

В этот же день на КП батальона явился человек, одетый в штатское. Он отрекомендовался представителем Смольного, предъявил документ, разрешающий ему находиться на передовых позициях, и попросил разъяснить ему обстановку.

— Скажите, — задал он вопрос, — где сейчас больше всего гитлеровцев? Куда лучше всего направить мощный залп артиллерии?

В свою очередь мы поинтересовались, какая у пего артиллерия. Гость несколько загадочно ответил:

— Это вы потом узнаете. Пока не будем терять времени, укажите цели...

Я предложил ему пойти на колокольню пулковской церкви. Там были наблюдательные пункты артиллеристов. Он сразу же отдал распоряжение связистам, прибывшим вместе с ним, тянуть на колокольню линию.

С наблюдательного пункта мы увидели скопление гитлеровцев в районе деревень Новое Сузи и Синда. Они занимались строительными работами, — по-видимому, оборудовали командный пункт, а может быть и новые позиции. Их мы и решили накрыть артиллерийским залпом.

Вскоре подготовка данных для стрельбы была закончена. Товарищ из Смольного спросил:

— Видите проезд под железнодорожной насыпью в районе Шушар?

— Вижу!

— Вот туда и смотрите. На автомашины...

По телефону доложили о готовности открыть огонь. Тотчас последовала команда:

— Залп!

Над железнодорожной насыпью образовалось большое облако. Стоявшие там грузовые машины заволокло дымом. Над нами с необычайным гулом полетели снаряды.

— Теперь смотрите в ту сторону, куда ведем огонь.

Повернув голову, я увидел потрясающее зрелище: мощные взрывы в районе деревень Новое Сузи и Синда следовали один за другим. В воздух поднимались огромные фонтаны земли. Летели доски, бревна, еще какие-то предметы. В расположении противника началась паника. Оставшиеся в живых вражеские солдаты разбегались кто куда. Я попросил гостя дать еще один залп.

— Поздно,— ответил он. — Посмотрите назад, машин уже нет.

Так впервые мне довелось увидеть работу наших прославленных «катюш».

В этот день гитлеровская авиация особенно свирепствовала. В воздухе одна группа бомбардировщиков

сменяла другую. Земля не переставала гудеть и вздрагивать от разрывов бомб. Пулково горело. Едкий, черный дым застлал небо. Поселок и обсерватория превратились в груду развалин.

Последний штурм Пулковских высот гитлеровцы предприняли 21 сентября. После сильной артиллерийской подготовки, при поддержке танков они начали очередную атаку. Снова на высоте бушевал огонь. Но и на этот раз защитники Пулкова выстояли. На южных скатах высоты у деревень Гонгози, Коколево, Венерязи остались сотни вражеских трупов.

Командование фронта дважды объявляло благодарность всему личному составу полка майора А. Ф. Литвинова. Ополченцы выполнили свою задачу — не пропустили врага к городу Ленина.

Ю. Д. ЛОМАН

НА СКЛОНАХ ГЛИНЯНОЙ ГОРКИ

Нас, группу ополченцев Ленинского района, включили в 4-ю гвардейскую дивизию народного ополчения, формировавшуюся на Выборгской стороне. 31 июля, в жаркий, душный полдень, наша колонна, пройдя через весь город, свернула во двор школы на улице Комсомола.

На следующий день меня зачислили в четвертую роту второго батальона первого полка. Я стал пулеметчиком. Еще через день избрали парторгом роты и редактором ротной стенной газеты.

Начались нелегкие будни. Под палящими лучами солнца мы овладевали приемами штыкового боя, бросали учебные гранаты, штудировали методические указания, как бороться с танками подручными средствами. В Удельнинском парке учились окапываться. А вечером, когда ноги ныли от усталости и больше всего

Ломан Юрий Дмитриевич, помощник директора завода «Красный химик», в начале войны стал бойцом народного ополчения. Затем был комиссаром автоколонны на «Дороге жизни», парторгом, позже заместителем командира отдельного дорожно-эксплуатационного батальона. В послевоенные годы находился на хозяйственной работе.

В настоящее время Ю. Д. Ломан — пенсионер.

хотелось растянуться на кровати, мне нужно было идти в политотдел дивизии, помещавшийся в здании райсовета. Там чуть ли не каждый день проводились совещания. То редактор дивизионной газеты Г. О. Набатов, подавлявший нас своими четырьмя «шпалами» полкового комиссара, учил, как выпускать «боевые листки», то инструктор политотдела батальонный комиссар А. Г. Соломоник, известный в городе лектор-международник, инструктировал, о чем беседовать с бойцами, а то и сам военком батальонный комиссар Ф. Л. Казаков проводил совещание. В общем, скучать не приходилось.

Наша дивизия стала запасной, готовила пополнение для других ополченских соединений. Не успеет рота укомплектоваться, как часть бойцов направляется в маршевую команду. Взамен приходили новые люди, менялся и состав коммунистов, а это усложняло работу парторга. Стал я просить, чтобы и меня отправили с очередной командой, но комиссар полка сказал:

— Останешься здесь до тех пор, пока всем полком не пойдем.

Наконец наступил наш черед. Дивизия из запасной превратилась в действующую, получила наименование «5-я дивизия народного ополчения» и выступила на фронт.

12 сентября, в четыре часа утра, первый полк был поднят по тревоге. Привезли оружие. Я получил ручной пулемет — правда, без диска.

Полк вышел на Арсенальную набережную. Впереди оркестр, укомплектованный учениками музыкальной школы при консерватории. По «солдатскому телеграфу» передали: «Идем занимать вторую линию обороны».

Миновали Обводный канал. Многие устали. Я еле волочил ноги. Поясница болела, пулемет давил на плечи. К счастью, нам удалось проехать на трамвае до железнодорожной насыпи.

Несколько часов отдыха в поле за деревней Каменкой, у подножия Пулковских высот. Выдали паек — НЗ, большую банку консервов на несколько человек, — нужно было запомнить «пайщиков».

Построились. Наш второй батальон двигался через аэропорт к Глиняной горке. Казалось, на этом последнем перед Ленинградом рубеже войск должно быть видимо-невидимо. Но под горой увидели только четырехорудийную батарею без пехотного прикрытия. Коман-

дир, заглядывая в книжечку, отдавал команды, и батарея стреляла куда-то через гору. А на горе — никого!

Батальон поднялся вверх, сделал небольшой привал на деревенской улице. Это — Пески. Наполнили фляги водой и двинулись к деревне Нижнее Койрово. Тут-то и попали в переделку. Кругом рвались снаряды. Мы впервые это испытали. Необстрелянный батальон вмиг рассыпался. Правда, ненадолго. Через некоторое время роты собрались.

Нам приказали выбить противника из Верхнего Койрова. С криком «ура» мы ворвались в эту деревню и увидели, что фашисты бегут. Захватили вездеход, склад патронов и мин, исправный крупнокалиберный пулемет.

Начался минометный обстрел. Я оглянулся, ища укрытия, и сердце дрогнуло, — Ленинград отсюда как на ладони. По-настоящему понял слова: «Враг у ворот». Мы стояли на месте, где второй раз за годы Советской власти решалась судьба города. Нет, за эту землю надо драться до последней капли крови!..

Противник открыл по деревне ураганный артиллерийский и минометный огонь. Пришлось отойти. Мы закрепились в траншее между Верхним и Нижним Копровом. За нами, во второй линии обороны, встал третий батальон. Рядом несколько минометов и бойцы с противотанковыми ружьями. Они закрывали спуск с Глиняной горки к аэропорту.

Над нами, на горе, стояли прикрытые маскировочной сетью 130-миллиметровые корабельные орудия. Едва наступил рассвет, как артиллеристы в тельняшках и брезентовых штанах бросились к своим орудиям и открыли огонь.

Начиная с 15 сентября мы ежедневно пытались выбить противника из Верхнего Койрова. Во время первой же атаки вышли из строя командир роты, политрук и все командиры взводов. Пришлось старшему сержанту (фамилия его не осталась в памяти) принять командование ротой, а мне заменить политрука.

Каждый вечер мы получали небольшое пополнение, а на рассвете шли в атаку. К концу дня в траншее у Нижнего Койрова собирались остатки роты. Оставалось нас, как правило, двадцать пять—тридцать человек.

Однажды на рассвете мы были разбужены криком дежурного: «Немцы!» Взялись за винтовки, подготовили

к бою гранаты. Но тревога оказалась напрасной. Это приближались ополченцы-кировцы. Они вырвались из окружения под Лугой, переформировались и оттуда были направлены в район Красного Села. Теперь они снова вышли из окружения и примкнули к нам.

Среди них оказались знакомые. Я работал на заводе «Красный химик» и принимал участие в формировании химроты Кировской дивизии. Туда попал и мой брат Борис, слесарь. И вот теперь я узнал о его трагической судьбе. У реки Оредеж его и еще нескольких ополченцев окружили враги. Брат бросился в воду, но не смог добраться до противоположного берега: пуля настигла его на середине реки.

...Главной силой роты в этих неимоверно трудных условиях были коммунисты. Каждый вечер я собирал их, давал задание: пойти в боевое охранение, первыми подняться в атаку и увлечь за собой бойцов, доставить под непрерывным огнем обед, воду. Поручений было много, а коммунистов мало. Иногда я в ответ слышал:

— На верную смерть посылаешь, политрук.

Мне оставалось только говорить:

— Сами видите, ребята, какая обстановка...

Конечно, коммунисты выходили из строя в первую очередь.

Я испытывал затруднения еще и потому, что посоветоваться было не с кем. Начальство бывало у нас не часто. За две недели в блиндаже побывали: один раз командир батальона Е. А. Каймук — храбрый человек и грамотный военный (в чине капитана он участвовал в первой мировой войне); однажды заглянул комиссар батальона, но на обратном пути был убит; раза три приходил адъютант батальона М. А. Прейдит.

А бойцы хотели знать, что происходит на других фронтах, как живут ленинградцы. Выручал письмоносец А. Гольдберг — студент исторического факультета Ленинградского университета. Какой бы ни был обстрел, он приползал в наш блиндаж. Этот небольшого роста, плотный, румяный паренек ежедневно доставлял нам свежие газеты и письма. Вовек не забуду его!

25 сентября мы увидели, что фашисты окапываются. Значит, перешли к обороне. А на другой день опять — кажется, в двенадцатый раз — мы попытались выбить их из Верхнего Койрова. Во время этой атаки я был ранен. Видимо, пришла пора — и так мне долго везло. Из тех,

кто 12 сентября вышел вместе со мной с улицы Комсомола, остались в строю старшина, писарь и я.

В медпункте под горой за деревней Нижнее Койрово меня перевязали, посадили в грузовую машину. На большой скорости мы проскочили дорогу, простреливаемую немецкими снайперами, спустились на шоссе и довольно быстро добрались до старинного здания бывшей Чесменской богадельни, где разместился наш медсанбат.

Через два месяца я оправился от раны и предстал перед медицинской комиссией. Председатель комиссии только покачал головой. Признанный негодным к строевой службе, я был направлен на «Дорогу жизни». Там начал службу рядовым дорожником, а закончил войну заместителем командира отдельного дорожно-эксплуатационного батальона.

Г. В. ВОДОПЬЯНОВ

ОТДЕЛЬНЫЙ ИЖОРБНИЙ

В середине августа 1941 года гитлеровские войска прорвали Лужскую оборонительную линию. При поддержке авиации враг устремился к Пушкину, Колпину и другим ленинградским пригородам. Колпинцы понимали, что в случае захвата их города противнику будет открыта прямая дорога на Ленинград. Надо было во что бы то ни стало остановить его здесь.

Школьники, домохозяйки, рабочие спешно рыли траншеи и противотанковые рвы. На крышах домов установили зенитки малого калибра. Вокруг Ижорского завода врыли в землю башни танков. Делалось это на случай, если фашисты прорвутся на улицы Колпина. Тогда сражение велось бы за каждый дом, каждый перекресток, за каждый цех.

20 августа на Ижорский завод прибыли секретарь Колпинского райкома партии В. И. Шевцов и райвоен-

Водопьянов Георгий Вениаминович, заместитель начальника отдела реконструкции Ижорского завода, при формировании батальона ижорских рабочих (впоследствии 72-й ОПАВ) был назначен его командиром.

В настоящее время Г. В. Водопьянов — начальник электросталеплавильного цеха Ижорского завода.

ком В. А. Быков. Собрались в кабинете директора. Сюда пригласили членов парткома.

— Разговор будет коротким, — сказал Шевцов.— Надо срочно формировать отдельный батальон. Ваш, ижорский.

— Командиром, полагаю, назначим Водопьянова,— заметил райвоенком. — Товарищ имеет военный опыт, участник недавнего конфликта с финнами.

— Возражения будут? — спросил Шевцов.

На заводе меня, инженера-металлурга, хорошо знали, с предложением все согласились. Начальником штаба был назначен А. П. Еремеев, заместитель главного технолога завода.

Вечером 21 августа в Колпино пришла весть: гитлеровцы заняли станцию Чудово, перерезали Октябрьскую железную дорогу. В тот же день мы срочно приступили к формированию батальона. Уговаривать и объяснять не пришлось. Люди все знали и прекрасно понимали обстановку.

— Чего зря время тратить? — сказал мне кадровый ижорец Никандр Андреевич Шмелев. — Записывай.

Шмелев не молод. В партию вступил в годы гражданской войны. Участник двух войн, он имел немалый военный опыт.

Вслед за ним записались добровольцами Виктор Матвеевич Потемкин, Алексей Тихонович Максимов, Петр Яковлевич Антипов и другие. Шли в батальон и пожилые, и юноши; вступали целыми семьями. Так, в один день были зачислены три брата Матвеевых, отец и сын Александровы, братья Рыбаковы, отец и сын Крутошинские. Петра Ивановича Крутошинского мы назначили командиром третьей роты, а сына его — связистом той же роты. Шли девушки. Одни стали санинструкторами, другие — связистками, и было им по восемнадцать—девятнадцать лет.

Наиболее сложным при формировании части оказалось материально-техническое обеспечение. Питанием снабжал завод, но где взять оружие? Через штаб армии народного ополчения удалось получить винтовки, пулеметы, гранаты, несколько орудий.

26 августа передозые мотомеханизированные части фашистов, заняв Тосно, двинулись к Петрокрепости и Красному Бору, к господствовавшим над Колгшнскнм районом высотам.

В это тревожное время в батальон прибыл уполномоченный штаба фронта по пушкинскому направлению полковник Стрикотенко. По его указанию нам придали роту бронемашин, взвод саперов и взвод пограничников. Эти подразделения были откомандированы из Ленинграда для защиты Ижорского завода.

Ночью с наблюдательных постов были видны пожары в Красном Бору, отчетливо слышались орудийные выстрелы, небо перечеркивали иссиня-белые полосы трассирующих снарядов, ветер доносил в Колпино запах гари.

Утром стало известно, что гитлеровцы захватили станцию Саблино, деревню Поповку и движутся к Ям-Ижоре. Медлить было нельзя. В ночь на 29 августа пулеметная рота, саперы и рота бронемашин заняли южную окраину 3-й Колпинской колонии. Сюда же прибыл отряд колпинцев под командованием председателя исполкома Александра Васильевича Анисимова. Отряд сформировал сам Анисимов из добровольцев — ижорцев, жителей города и работников исполкома.

Правый фланг наших подразделений упирался в кладбище у излучины реки Ижоры, а левый фланг выходил к полотну Октябрьской железной дороги. В четырех километрах от нас был враг, позади — родной завод, наши дома и семьи, а дальше — Ленинград. Мы поклялись держать рубеж до последней капли крови, пока будет жив хотя бы один боец.

В напряженном ожидании прошла ночь. Занимался новый день. Над рекой таял розоватый от первых солнечных лучей туман. Из деревни Ям-Ижоры доносился рокот моторов, а вскоре на шоссе показались мотоциклисты.

Первым открыли огонь по врагу бронемашины. Несколько мотоколясок так и осталось на дороге, а солдаты поспешили укрыться в кустарнике. Увидев, как убегают гитлеровские солдаты, многие наши бойцы готовы были подняться в атаку. Пришлось умерить «наступательный пыл». Мы не знали, какими силами располагает враг, не было известно и его расположение.

Днем гитлеровцы сделали несколько попыток, но прорвать нашу оборону не смогли и, видимо, решили ждать подхода основных сил, чтобы затем обрушиться на нас всей мощью.

Не теряли напрасно часы и мы. Воспользовавшись затишьем, спешно рыли окопы и ходы сообщений, протянули от Колпинского райкома партии линию связи.

В самом начале сентября полковник Стрикотенко поставил перед батальоном боевую задачу: провести разведку боем на участке Ям-Ижоры. В ударную группу вошли бойцы из отряда, созданного А. В. Анисимовым, легкий танк и две бронемашины, а также несколько пулеметных расчетов под командованием С. Ф. Козюченка. Отряд Анисимова уже вошел в состав батальона. Сам он по распоряжению райкома ВКП(б) был отозван в исполком. Военкомом части стал Г. Л. Зимин. В разведку ижорцев повел я сам. Исходил из того, что для большинства это по-настоящему первый бой.

Начали атаку на рассвете. Смяв боецое охранение противника, заняли дзот на кладбище. Первым ворвался в него бывший мастер Ижорского завода А. Орлов. Он быстро проверил трофейный пулемет, убедился в его исправности и, не мешкая ни минуты, открыл огонь по врагу. В ходе боя мы попытались продвинуться дальше, чтобы ворваться в траншеи гитлеровцев, но были встречены яростным минометным обстрелом. Отошли на кладбище.

Вскоре по нему ударила вражеская артиллерия. Снаряды разворачивали могилы, выбрасывая наверх трухлявые доски. Под прикрытием батарей фашистские автоматчики пытались выбить нас с кладбища. Подпустив их поближе, бойцы открывали прицельную стрельбу. Слаженно действовали экипажи бронемашин и танка. Не осрамились и пулеметчики. Попав в зону их действия, вражеская пехота прижималась к земле, не выдерживала и поспешно откатывалась назад, оставляя на поле боя убитых и раненых.

Но и мы понесли потери. Были подбиты наши танк и бронемашина. Я приказал экипажам снять пулеметы. Они сделали это быстро. Вынося раненых и оружие, начали отход.

Разведка боем подтвердила предположение командования о том, что к Ям-Ижоре враг подтянул крупные силы, видимо готовя решительное наступление на Колпино. Первый бой не прошел даром для бойцов батальона. Они воочию увидели, что враг силен и борьба с ним будет нелегкой.

Мы стали укреплять оборонительную линию. Из Ленинграда получили партию стрелкового оружия, пулеметы, минометы. Вооружал нас и родной завод, в спешном порядке перешедший на выпуск боевой техники. В короткий срок ижорцы собрали и передали нам четыре бронемашины.

Всю первую половину сентября правее Колпина части Красной Армии вели ожесточенные бои, в которых участвовал и Ижорский батальон. Особенно жаркие схватки разгорелись за поселком Путролово. Стойко защищали населенный пункт части 168-й стрелковой дивизии полковника А. Л. Бондарева. Мы понимали, что солдатам приходится тяжело. Перевес сил у противника значительный. Посоветовавшись с комиссаром батальона Г. Л. Зиминым, я решил направить на подмогу часть бронемашин.

Утром 14 сентября враг пошел в наступление. На левом фланге поднялся в контратаку один из батальонов 462-го стрелкового полка 168-й дивизии. При поддержке наших бронемашин бойцы опрокинули врага и заставили его отойти на исходные позиции.

А на следующий день ураганный огонь обрушился на окопы ижорцев. Ночью большая группа гитлеровцев двинулась на наши позиции. Смяв передовое охранение батальона, гитлеровцы прорвались в центре нашей обороны, заняли несколько домов на окраине 3-й Колпинской колонии и устроили в них пулеметные гнезда.

Ижорцы попытались контратаковать, но успеха это не принесло. Наступающих прижали к земле перекрестные пулеметные ливни. К вечеру сражение разгорелось с новой силой. В бой были брошены все наши бронемашины и артиллерия. На сей раз мы ударили с двух сторон. Несколько раз сходились врукопашную. Наступила ночь, но сражение продолжалось. Бой длился и днем. Серьезную помощь оказали нам артиллерийские батареи Красной Армии, которые располагались в глубине Колпина. На вторые сутки гитлеровцы были выбиты с захваченной территории с тяжелыми для них потерями.

Многих недосчитались и мы. Погиб командир первой роты лейтенант Рудзит. Когда цепи залегли под пулеметным огнем и всё решали минуты — еще мгновение, и бойцы дрогнут,— лейтенант Рудзит поднялся во весь рост и с криком «За Родину!» рванулся вперед. За ним устремились другие.

Автоматная очередь сразила отважного командира. К нему подбежала санинструктор, но помощь ее уже не понадобилась. Смертью храбрых пали командир взвода Асессоров, рядовые Наровнин, Аничев, Иванов...

Героизм бойцов и обеспечил успех боя. В занятые дома первым ворвался сержант Алексей Болдышев со своим отделением. Где перебежками, а где ползком бойцы подобрались к первому зданию, затем забросали его гранатами. В доме началось замешательство, оттуда послышались стоны раненых. Воспользовавшись паузой, ижорцы ворвались в дом и завязали бой внутри него. За мужество и смелость Болдышев был представлен к медали «За отвагу».

Проявил смекалку и находчивость в ночном сражении комсорг части Георгий Галяс. Внешне неприметный, худощавый, среднего роста, он не был призван в армию по состоянию здоровья. Помню, ему отказывали и мы, а он являлся снова и настаивал, чтоб зачислили в батальон. И добился своего. Галяс в минуты боя пробирался на самые трудные участки. Когда путь наступающим преградил пулемет врага, комсорг подкрался к дому, из которого строчил пулемет, и уничтожил огневую точку гранатами.

Бой показал и слабые наши стороны. Связь стрелковых рот с артиллерийскими подразделениями, взаимодействие между частями были организованы недостаточно четко, что отражалось на ходе боевых действий. Командование батальона приняло меры. Улучшали и систему обороны. Ночами строили блиндажи и доты, на открытых участках проложили траншеи, оборудовали убежища.

Вскоре после этого боя штаб фронта прислал указание командующему 55-й армией о зачислении бойцов Ижорского батальона на все виды армейского довольствия (до этого питание поставлял нам родной завод). Мы получили обмундирование, необходимое снаряжение, несколько новых пулеметов, а также орудия и боекомплект к ним. Численность батальона была доведена до 1300 человек. В него теперь входили: четыре стрелковые роты, бронедивизион, минометный дивизион, артдивизион и пулеметная рота, саперный взвод, взводы разведки, связи, хозвзвод, санитарная часть.

Первые недели боев многому научили нас. Бойцы батальона поняли, что победить врага можно, если

в совершенстве владеешь солдатским мастерством, знаешь тактику противника.

В конце сентября гитлеровское командование несколько раз пыталось прорвать нашу линию обороны, но так и не добилось успеха. Каждый раз ижорцы давали фашистам отпор.

В октябре на нашем участке развернулось снайперское движение. Стрелки не оставляли врага в покое ни днем ни ночью. Первыми в батальоне боевой счет открыли Михаил Васильев, Петр Шаныгин, Василий Жевнеров, Василий Жуков. Мастерами снайперского огня стали Виктор Кононов, Владимир Андреев, Петр Климов, Иван Стрепетов, Дуся Березина. Они выходили на передний край, маскировались и часами выжидали появления подходящей цели.

Однажды ночью Дуся Березина и Василий Жевнеров заняли удобную позицию. Утром увидели гитлеровских солдат. Выстрел — и первый фашист, взмахнув руками, упал. Другой, видимо из любопытства, высунулся посмотреть, кто и откуда стрелял. И тут же свалился с пробитой головой.

Гитлеровцы начали бить по площади, чтобы как-нибудь уничтожить снайперов. Жевнеров и Березина лежали не шевелясь. День был морозный. Холод пробирал до костей.

— Замерзнем, — сказал Жевнеров.

— Терпи. Впервой разве? — ответила Дуся. — Зато еще не одного фрица уложим.

Они открывали огонь и опять замирали, коченея от холода. Только поздно ночью снайперы вернулись в батальон.

Зима не только была холодной. Начался голод. Люди в окопах пухли от голода, едва передвигались. В городе было еще хуже. Там ежедневно умирали от истощения и старые, и молодежь. Умирали матери, жены, дети...

И все равно люди думали не о себе, а заботились о нас, фронтовиках.

Однажды ко мне явились бойцы из взвода разведки и сообщили, что при выполнении боевого задания они обнаружили поле, где осталась неубранная капуста.

— Разрешите ночью сходить,— попросили разведчи-

ки. — Нарежем кочешков и тут же обратно. Провернем без единого звука.

Я дал разрешение. Несколько ночей разведчики носили мешки с кочанами. Мы отправляли капусту в Колпино. Там ее шинковали и квасили. Но вскоре гитлеровцы догадались, а может, заметили наши вылазки за капустой и взяли участок под наблюдение. Они освещали поле ракетами, а обнаружив что-нибудь подозрительное, давали пулеметную очередь. Все равно наши бойцы продолжали вылазки. Мы создали запасы капусты до десяти тонн. Как добавка к обеду она шла раненым и больным, получали капусту и бойцы в окопах. Это нам здорово помогало.

Бои и лишения закалили наши характеры. Из вчерашних кузнецов, слесарей, токарей выросло немало опытных командиров. Например, Сергей Федорович Козюченок стал помощником начальника штаба. Павшего в бою командира первой роты Рудзита заменил А. Прокопчук. Смело и грамотно воевал командир бронедивизиона бывший инженер И. Черненко. Обрели командирские навыки взводные В. Голубев, П. Романов, В. Цисарь.

В суровую зиму многие бойцы подали заявления, в которых была одна просьба: принять в ряды партии. Около двухсот человек получило партбилеты.

Гитлеровцам не давали покоя не только снайперы, но и артиллеристы. Наши расчеты пристрелялись по Ям-Ижоре и Красному Бору. Стоило наблюдателям заметить какое-нибудь передвижение на вражеской стороне, как командиры батарей обращались за разрешением открыть огонь.

В эти неимоверно трудные и голодные месяцы мы по-прежнему поддерживали связь с родным заводом, в цехах которого не прекращалась работа: ремонтировалась военная техника, изготовлялась новая. Нередко в помощь рабочим завода мы отправляли с передовой бойцов и командиров. Ижорцы собрали для нас восемь бронемашин. Теперь в батальоне стало восемнадцать боевых экипажей. Одновременно с этим предприятие оснащало доты и дзоты — и не только на нашем рубеже, но и в других воинских частях — оружием и... печками.

Когда не стало электроэнергии, старые ижорские мастера вспомнили о генераторе постоянного тока, который работал от водяной турбины. Эта старушка

выручала завод в 1919 году. Турбина сохранилась. Ее быстро отремонтировали, провели линии электропередач. Динамо-машина дала ток, станки заработали.

В декабре 1941 года командование 55-й армии поставило перед командиром 125-й стрелковой дивизии генералом С. П. Богайчуком задачу очистить от противника второй противотанковый ров. Гитлеровцы использовали его как огромную траншею и подтягивали по нему свежие силы и технику. В этом рву они оборудовали огневые точки.

В первом эшелоне наступал 676-й полк, которым командовал подполковник А. Варюхин. Он часто бывал у нас в батальоне, уделял особое внимание «работе» наших станковых пулеметов. Варюхин отлично знал пулемет. Этого требовал и от бойцов. Считал, что пулеметные расчеты — самая надежная опора наступающей пехоты. На силу артиллерии уповал не особо. Сказывалось, очевидно, то, что до лета 1942 года у нас не хватало снарядов, их экономили. Это потом, после прорыва блокады, снарядов появилось много.

В штурме противотанкового рва участвовал и Ижорский батальон. Атаковали ночью. Первыми ворвались в расположение врага автоматчики роты лейтенанта А. Забары из 125-й дивизии. За ними — подразделения нашего батальона и 676-го полка.

Гитлеровцы встретили наступающих артиллерийско-минометным огнем, бомбили с воздуха. Битва шла за каждый метр, не утихая ни днем ни ночью. Противотанковый ров несколько раз переходил из рук в руки. Люди дрались в траншеях, во рву и в окопах. В ход шли саперные лопаты, ножи. Наконец мы прочно овладели рвом.

Захват рва позволил батальонам 676-го полка продвинуться в сторону Московского шоссе. Ижорцы поддерживали действия полка не только огнем своих батарей и пулеметов. Смело сражались бойцы третьей роты. Во время вражеских контратак они шли на выручку своим товарищам из 676-го полка и сообща отбрасывали врага, который пытался вклиниться между позициями Ижорского батальона и полка.

В тяжелых боях за выход на Московское шоссе полк А. Варюхина понес большие потери. Был убит военком Д. Яковлев, ранило самого командира полка. На своем НП погиб командир 125-й стрелковой дивизии генерал-

майор С. П. Богайчук. Но, несмотря на это, части вышли на шоссе, угрожая отрезать немецко-фашистские подразделения, которые располагались в Ям-Ижоре.

Наступил 1942 год. Ижорцы, как и все советские воины, отмечали новогодний праздник не за семейным столом, а в окопах и землянках. Ночь выдалась спокойная. В морозном тумане тускло проглядывала луна. Над передовой изредка взлетали ракеты, по света от них не было. Казалось, кто-то чиркнет огромной спичкой, огонек зажжется и вскоре погаснет.

В новогоднюю ночь прибыли гости — рабочие с Ижорского завода во главе с председателем Колпинского исполкома А. В. Анисимовым и секретарем райкома партии В. И. Шевцовым. Бойцы пригласили гостей в блиндажи, разложили свои небогатые припасы и отметили праздник по доброму русскому обычаю.

Весь январь 1942 года прошел в напряженной учебе. Бойцы преодолевали проволочные заграждения, осваивали тактику штыкового боя. Люди поговаривали о том, что пора переходить от обороны к решительным действиям.

Наши части Еели упорные бои в районе Путролова. А мы активными боевыми действиями под Ям-Ижорой стремились отвлечь на себя силы врага. Гитлеровцы яростно обстреливали наши рубежи из орудий. Приходилось ночами крепко работать, чтобы к утру восстановить разрушенные окопы, ходы сообщения, наблюдательные пункты. К рассвету обычно управлялись. Утром противник опять начинал обстрел. Земля ходила ходуном. Глыбы ее поднимались и падали на окопы, засыпая бойцов. Посвистывали осколки. Едкий дым мешал наблюдению.

Из боев не выходили неделями. Не заметили, как потеплело и быстро начал таять снег. Пришла дружная весна. Побежали с горок ручьи, зашумела в ложбинах вода. Весна доставляла нам радость, а вместе с тем и хлопоты. Затопило окопы и землянки, в ходах сообщения была грязь по колено.

Командование понимало, что враг не успокоится, постарается подтянуть свежие силы и поправить положение. Он еще силен, а план захвата Колпина не был снят, ведь за Колпином Ленинград.

К нам поступил приказ о строительстве глубоко эшелонированной обороны с системой долговременных

артиллерийских и пулеметных точек. Большую помощь опять оказал Ижорский завод. Предприятие не только выделило материалы,— в цехах сваривались целые конструкции для дотов и дзотов.

Много выдумки проявили командиры и бойцы батальона. Рабочие, инженеры, они привыкли подходить к делу основательно, продумав его до мелочей. И здесь, на передовой, занимались рационализацией. Например, по замыслу и эскизам ижорцев сделали передвижные огневые установки. Изготовлялись эти установки на заводе бойцами и командирами батальона. Отложив оружие, солдаты становились на время слесарями, электросварщиками.

— Небось отвыкли инструмент держать,— пряча улыбку в белые усы, говорил старый мастер. — Да не жми так шабером, не лопата...

А люди, соскучившись по мирному делу, волновались и допускали промашки. Но постепенно работа налаживалась.

Смотрел на спины солдат мастер, печалился:

— Вот где ваше место, а не там, где сплошь убийство. Ах, подлюги, подлюги гитлеровцы эти. Заставили людей побросать свое привычное ремесло...

— Не горюй, отец. Разобьем фашиста и вернемся.

— Пусть будет по-вашему, сынки. Возвращайтесь все живые. Возвращайтесь...

Установки монтировали на колесах. Их можно было перевозить автомашиной или конной тягой, что позволяло быстро занять новый рубеж. Конечно, основное внимание уделяли созданию опорных пунктов в каждой артпульроте. Оборудовали долговременные огневые точки с сетью ходов сообщения и связью.

В мае 1942 года батальон вошел в состав 14-го укрепрайона Ленинградского фронта и был переименован в 72-й Ижорский отдельный пулеметно-артиллерийский батальон. Четыре его роты имели больше орудий, чем полагалось по штату. Часть располагала тридцатью шестью противотанковыми орудиями и восемнадцатью орудиями бронедивизиона. Кроме того, к подвижному противотанковому резерву относились недавно организованные взводы ПТР (противотанковых ружей). Мы имели также тридцать два станковых и ручных пулемета. Батальон являлся резервом командующего 55-й армией генерал-лейтенанта В. П. Свиридова.

Бойцы и командиры усиленно изучали тактику боя, осваивали новое оружие. В разгар этой работы в часть пришла радостная весть: за успешное выполнение заданий командования большая группа бойцов и офицеров Ижорского батальона удостоена правительственных наград. Ордена и медали вручали нам в Колпине. На торжество собралось много людей. Пришли жены, родители, горожане. Присутствовали также работники райкома партии и исполкома, рабочие Ижорского завода — наши товарищи по труду в мирные дни. Первым получил орден Красного Знамени командир седьмой артиллерийско-пулеметной роты старший лейтенант А. Прокопчук.

Затем ордена и медали были вручены лейтенанту А. Болдышеву, лейтенанту В. Цисарю, с которым в памятном сорок первом я ходил в первую нашу атаку, знатному снайперу части старшему сержанту Петру Шаныгину, водителям бронемашин старшим сержантам Хорькову и Тищенко, санинструктору Ефимовой, политруку Галясу и другим, кто выстоял в минувшие осень и зиму, не отступил ни на шаг.

21 августа 1942 года ижорцы отметили годовщину своих ратных дел. Праздник проходил на заводе, в машинном зале механического цеха. Фундаменты из-под демонтированных машин превратили в большие столы. Их накрыли простынями, поставили цветы. Это придало только что побеленному залу довольно мирный вид. Лишь разрывы снарядов по соседству не позволяли забыть о войне. В зал входили делегации воинских частей и останавливались в нерешительности. За много дней и ночей, которые они провели в окопах и землянках, люди отвыкли от белизны стен и скатертей.

В январе 1943 года войска 67-й армии Ленинградского фронта и 2-й ударной армии Волховского фронта в ожесточенных боях с врагом прорвали кольцо блокады. Это была радостная весть для ленинградцев. От обороны мы переходили к наступлению.

В феврале войска 55-й армии начали продвижение на Красный Бор. В ходе двухнедельных боев частям 125-й стрелковой дивизии удалось овладеть этим населенным пунктом и вбить клин во вражескую оборону. Командование приказало удержать плацдарм. С марта

1943 года оборону на этом участке занимала и наша артиллерийско-пулеметная рота старшего лейтенанта П. Крутошинского. Бойцы окопались как раз на том месте, где был до войны совхоз «Красный Бор». Плацдарм небольшой, но важный. Через него открывался путь на Московское шоссе.

Гитлеровцы настойчиво пытались отбросить наше подразделение. Позиции роты подвергались ожесточенному артиллерийскому обстрелу.

Однако оборону бойцы старшего лейтенанта Крутошинского заняли по всем правилам. Орудийные, пулеметные расчеты, минометный взвод и взвод противотанковых ружей действовали взаимосвязанно.

Во время очередного обхода огневых точек я был тяжело ранен. О дальнейших событиях узнал из газеты «На страже Родины». В роте П. Крутошинского побывал военный корреспондент старший лейтенант Д. Павлов. Его корреспонденцию я прочел в госпитале. Называлась она «Враг отброшен».

«После артиллерийского налета,— читал я,— немцы атаковали позиции подразделения старшего лейтенанта Крутошинского. Наши бойцы и командиры открыли по противнику дружный огонь.

Командир пулеметного взвода младший лейтенант Виктор Серченко косоприцельным огнем прижал фашистов к земле. Без промаха били пулеметчики Соколов, Шакиров, Манонов.

На пулемет Соколова шло около двух взводов вражеских автоматчиков. Пулеметчик выждал, пока они приблизятся, и хлестнул по ним из своего «максима». Гитлеровцы отпрянули, но потом снова двинулись вперед. Два немца с гранатами в руках подползли совсем близко к Соколову. Он развернул пулемет и срезал обоих свинцовой очередью.

Около взвода немцев пыталось обойти Соколова с фланга. На помощь Соколову пришел пулеметчик Манонов. Стреляя из-за бугорка, он убил двенадцать фашистов. Гитлеровцы откатились.

Вскоре враг снова атаковал наш рубеж. Метко бил его пулеметчик Шакиров. Он уничтожил более двадцати бандитов. В разгаре боя Шакиров увидел, что группа гитлеровцев обходит наших минометчиков. Он выдвинулся на запасную позицию и прицельным огнем сразил пятерых фашистов.

Последняя атака немцев была самой ожесточенной. Бой шел около суток. Исключительное мужество проявили взводы пулеметчиков Серченко и Рыбакова. Они ни на шаг не отошли от своего рубежа и нанесли противнику громадные потери. В критические минуты боя огонь вели и командиры. Лейтенант Васильев прямой наводкой бил по вражеским цепям из пушки, пока не был смертельно ранен. Умело управлял боем лейтенант Болдышев, заменивший раненого старшего лейтенанта Крутошинского.

Все атаки гитлеровцев были отбиты. Усеяв поле боя трупами своих солдат, враг откатился на свои позиции.

В этом бою наши бойцы подбили четыре немецких танка. Два танка расстрелял прямой наводкой орудийный расчет старшего сержанта Гвоздева».

Подробности сражения узнал я от замполита Г. Л. Зимина, который навестил меня в госпитале. Георгий Леонидович был возбужден, рука на перевязи — зацепило в бою.

— Стоят наши! — гордо заявил Георгий Леонидович, присаживаясь на край койки.

Палата, в которой я лежал, была большой, на четырнадцать человек. Раненые с интересом слушали Зимина.

— На наши позиции шли четыре танка, а за ними — пехота,— рассказывал замполит. — Артиллеристы подпустили танки ближе и ударили прямой наводкой. Один из танков тут же окутался дымом. Три других попытались обойти наших с фланга, но здесь их поджидал расчет старшего сержанта Николая Гвоздева. Первым же выстрелом расчет снес одному танку башню, второй закрутился на месте с перебитой гусеницей. Тут и ранило Крутошинского. Он как раз перебегал к расчету.

Зимин умолк.

— А дальше что? — спросили его слушавшие.— Дальше как?

— Крутошинский позвал лейтенанта Болдышева и велел принять командование. Лейтенант не растерялся. Танки фашистов поспешно начали отходить, бросив на произвол судьбы пехоту.

На Красноборском «пятачке» вскоре ранило Болдышева. Петр Крутошинский отказался ложиться в госпиталь. Он взял на себя командование. Плацдарм ижорцы удержали. Он был использован для дальнейшего наступления наших частей на участке Поповка—Саблино.

В последующие месяцы, выдерживая контратаки вражеской пехоты и танков, ижорцы вместе с другими частями полностью очистили Красноборские высоты.

Мужество и отвага бойцов были отмечены правительственными наградами. На груди лейтенанта П. Крутошинского засиял орден Отечественной войны. Этой награды был удостоен и старший сержант Н. Гвоздев.

Осенью 1943 года бойцы батальона начали тщательное изучение тактики наступательного боя, особенно в условиях болотистой местности. Наш бронедивизион передали в распоряжение командования танковых войск.

Подготовка к наступательным боям требовала большой работы. Стационарные орудийные установки в дзотах следовало перенести на лафеты. Но где их взять? Наши инженеры создали проект, а на заводе по нему изготовили лафеты. Полигонные испытания показали, что никаких нарушений не допущено, техника может применяться успешно.

К концу года все находившиеся в дзотах пушки были установлены на лафеты. Артиллеристы тренировались в стрельбе прямой наводкой, штурмовые группы учились преодолевать полосы препятствий. Командиры подразделений прошли курс боевой подготовки и отрабатывали с подчиненными тактику наступательного боя.

Начавшееся в январе 1944 года наступление под Ленинградом заставило гитлеровцев отвести свои войска из района Московской Славянки. Им грозило окружение. Обреченные, потерявшие веру в победу, они в бессильной злобе вели беспорядочную стрельбу по Ижорскому заводу. 23 января последний фашистский снаряд разорвался около заводской трубы. Он не причинил повреждений.

Ижорский батальон наступал на высоту «Федоровское». Продвигались с боями, но сопротивление враг уже оказывал не то, что раньше. Это были слабые заслоны отходящего в спешке противника. Сдерживали нас лишь минные поля. Саперы, разминировав участок, натягивали проволоку, вдоль которой и двигались бойцы.

На рассвете с дружным «ура» мы ворвались в третью линию гитлеровских траншей, смяли оборону и вышли на дорогу, которая вела к высоте «Федоровское». Над нами пролетали наши бомбардировщики. В районе города Пушкина стоял артиллерийский гул. Его мы слышали ночью, теперь он отдалился.

Высоту батальон брал вместе с подразделениями 289-го отдельного пулеметно-артиллерийского батальона, которым командовал майор Г. Кащеев. Высота была сильно укреплена, имела фортификационные сооружения, включая доты, бронеколпаки.

Однако досталась она нам сравнительно легко. Причина тому — успешное наступление войск 110-го стрелкового корпуса генерала И. В. Хазова в обход Пушкина, что заставило гитлеровское командование спешно отвести с высоты свои части.

Заняв высоту, мы получили приказ подождать, когда подтянутся тылы. Передышка оказалась очень кстати. Бойцы сушили в немецких блиндажах мокрое обмундирование, походные кухни готовили борщ и кашу. Радисты принимали радостные сводки об успешном продвижении наших войск. Вечером батальон снова был на марше. Путь держали на Вырицу. По дороге видели брошенные повозки, орудия, обмундирование.

— Драпает фашист,— говорили солдаты. — Не сорок первый это.

Вырицу мы заняли без потерь. Не успели отдохнуть, как новый приказ: прочесать район в направлении станций Чаща—Оредеж—Луга. Маршрут тяжелый, нужно идти полями и лесом. Путь обозу прокладывал трактор. Его мы нашли в ближней деревеньке, отремонтировали. К трактору прицепили до десятка саней с боеприпасами для минометчиков.

Хорошую службу в условиях бездорожья сослужили автомашины «ЗИС-6». Благодаря им мы и добрались до станции Чаща в срок, а там по полотну железной дороги направились на Оредеж. Путь, правда, во многих местах фашисты повредили. Останавливались, чинили и двигались дальше.

Поселок Оредеж сильно разрушен. Отступая, гитлеровцы взорвали вокзал и прилегающие к нему здания. В это время бои шли за Лугу. По радио мы получили приказ срочно прибыть на южную ее окраину.

Шли форсированным маршем. Утром были в Луге. Заняли свою полосу обороны. Но не надолго. Нас на автомашинах перебросили на другой участок. Спать бойцам приходилось на ходу, в кузовах машин.

•— Теперь фашиста и на машинах не догнать,— говорили солдаты.

— Под прикрытие торопятся. Здесь им уцепиться не за что, а под Псковом у них линия обороны. Надежду возлагают, что там удержатся.

— Ну уж дудки! И оттуда выбьем.

Батальон сменил одну из частей и занял оборону на пересечении железной дороги Луга—Псков и шоссе на Ригу. Рыли окопы и ходы сообщения. Мерзлая земля поддавалась трудно. К тому же нас беспрерывно обстреливала вражеская артиллерия, минометные батареи. Противник находился метрах в двухстах. Его боевые порядки, охранение можно было рассмотреть и без бинокля.

Наступила весна. По дорогам трудно было не то что проехать, но и пройти. Солдаты запихивали полы шинелей под ремни — так легче шагать.

Работали по колено в воде. Несмотря на трудности, каждое подразделение создало хорошие огневые позиции. Попытки врага помешать нашим действиям ни к чему не привели. Минометчики и артиллеристы быстро заставляли гитлеровцев откатываться назад. Особенно отличилась батарея старшего лейтенанта Потемкина. Она накрыла огнем большой артсклад.

В июле развернулись жестокие бои за Псков. Овладели им наши части штурмом. Ижорский батальон ворвался в город одним из первых. Он лежал в дыму и пламени. Пахло гарью.

В горящих кварталах умело действовали минометчики. Они быстро меняли позиции и точно накрывали засевшего за домами противника. Батальон постепенно продвигался вперед, к реке Великой. Дрались на улицах, в зданиях.

— Работка, елки-палки! — кричал старший лейтенант Потемкин.

Даже в таком аду он был одет по всей форме, застегнут на все пуговицы.

Гитлеровцы били по площадям, у них не оставалось времени на разведку и корректировку огня.

Пройдя с боем через горящие кварталы, ижорцы вышли к реке Великой. Дальнейшее продвижение стрелковых полков сковал огонь врага с противоположного берега. Казалось, наступление будет приостановлено, И тут подбежал старший лейтенант Потемкин:

— Товарищ комбат, разрешите прямой наводкой ударить!

— Действуйте!

Артиллеристы быстро разворачивали орудия. Противник, очевидно, заметил передвижение и начал пристрелку, но наши расчеты уже отвечали огнем. Умолк на том берегу один дзот, полыхнуло пламя на месте второго, а артиллеристы все посылали снаряд за снарядом. Под их прикрытием пехота начала форсировать реку. На лодках, плотах и вплавь преодолевали Великую и ижорцы. И вот уже гремит «ура» в траншеях врага, мелькает алое полотнище знамени.

Солнце тем временем опустилось за стену облаков. Быстро сгустились сумерки. Краски дня поблекли, и только вспышки орудийных выстрелов да огни пожарищ стали ярче.

За освобождение Пскова Ижорский батальон был награжден орденом Красного'Знамени.

А наступление продолжалось. Упорное сопротивление оказал противник в боях за населенный пункт Лести, захват которого командование поручило нашему батальону. Ворваться в Лесги с ходу мешала река. За рекой поднималась высотка, на которой укрепились гитле* ровцы.

В ночь перед штурмом мне не спалось. Обошел роты. Намаявшись за день, солдаты отдыхали в окопах, а то и возле них прямо на траве. Я невольно подумал, что для многих завтрашнее утро окажется последним: победа без потерь достается редко. И снова придется писать ненавистные «похоронки». Обдумывал атаку снова и снова, старался предусмотреть все до мельчайших подробностей, чтобы избежать излишних жертв.

— Что маешься, командир? — спросил, подойдя, капитан Еремеев. — Соснул бы часик. Завтра жарко будет.

— До сна ли? Затаились, гады, примолкли. Ни одного выстрела. Словно и нет их там.

— Молчат, а пойдем — ударят с высоты со всех стволов.

На рассвете, когда заклубился над водой туман, мы попытались форсировать реку. Бойцы спихивали на воду плоты, отталкивались шестами. Враг встретил нас плотным артиллерийским огнем. Наши батареи старались прикрыть наступающих. Сплошной грохот стоял*над рекой, по которой упрямо плыли солдаты. Выбираясь на

берег, бойцы тут же вступали в бой, чтобы облегчить до-
рогу товарищам.

К исходу дня подразделения ворвались на окраину 'Лесги. Ижорцы дрались за каждый дом, не раз сходились с врагом врукопашную. Ночью рота старшего лейтенанта Крутошинского достигла центра. Здесь наступление приостановилось. Гитлеровцы оказали яростное сопротивление. Рота Крутошинского заняла оборону. Несколько часов она сдерживала натиск противника, отбивая атаку за атакой.

Пока рота Крутошинского дралась с гитлеровцами в центре, несколько соседних подразделений перешли реку левее и ударили по врагу с фланга. Это заставило его спешно начать отход.

В этом бою отдал жизнь лейтенант Серченко, который первым со своей штурмовой группой ворвался на улицы Лесги. Тяжело ранило капитана Еремеева.

Заняв Лесги, ижорцы тут же получили приказ следовать берегом Чудского озера на соединение с десантом, который в это время дрался во вражеском тылу.

Батальон преследовал отступающего врага вдоль побережья Чудского озера. Завязывались короткие бои, но серьезного сопротивления гитлеровцы не оказывали. Правда, за поселок Выпсу мы дрались несколько часов. Ночью рота Крутошинского незаметно форсировала речку и ударила с фланга. Этот маневр заставил фашистов отступить.

Выполнив задачу, мы получили новый приказ: пробиваться к городу Тарту. Ижорцы оторвались от пехотных частей, и действовать приходилось с учетом обстановки. Не раз мы спешно создавали из бронебойщиков и солдат вспомогательных взводов группы автоматчиков, чтобы выбить фашистов из деревни или поселка. На дороге лежали мертвые лошади. Их было очень много, здоровых ездовых коней. Гитлеровцы застрелили животных, чтобы не оставить их русским. Имея таких лошадей, мы, конечно, двигались бы еще быстрее.

Тяжелые бои разгорелись за поселок Мыза Кастро. Батальон находился на правом фланге наступающих частей. Тесня противника, мы вышли к реке Эмма-Йыги, широкой и судоходной. Противник не ожидал активных действий с этой стороны, полагая, что река послужит надежной защитой. Седьмая артиллерийско-пулеметная

рота капитана Прокопчука форсировала Эмма-Йыги ночью и заняла плацдарм в полкилометра по фронту.

Опомнившись, гитлеровцы решили отбросить ижорцев назад. Надо было удержаться до подхода стрелковых частей дивизии, иначе другим ротам не удастся избежать больших потерь при переправе. Я связался по телефону с Прокопчуком.

— Зарывайтесь в землю и стойте! — кричал я ему, перекрывая грохот.

— Понял, командир! — послышался спокойный голос.

Прокопчук *хладнокровно действовал* в любой *обстановке,* берег людей и зря не любил рисковать. На сей раз ему пришлось туго. Небольшой плацдарм сильно обстреливала артиллерия. Я связался с батареей старшего лейтенанта Потемкина.

— Левый берег хорошо видишь?

— Так точно, товарищ командир! Тяжело Прокопчуку...

— Прикрой огнем.

— Есть прикрыть огнем! — ответил Потемкин.

Вслед за этим дружно ударили молчавшие до этого орудия. На поле боя встали султаны разрывов. Пехоту прижали к земле огнем минометчики.

Гитлеровцы понимали, что обречены, и дрались до последнего. Особенно напряженная обстановка сложилась на второй день, когда противник ввел в бой свежие резервы.

Казалось, после артналета ничто не может уцелеть на том квадрате, по которому били наши орудия, но поднималась пехота, и на перепаханном плацдарме вновь раздавались выстрелы. Выдержим ли? Должны. Обязаны выстоять.

После очередной атаки я решил поблагодарить за службу бойцов роты капитана Прокопчука. Вызвал его на связь. И вдруг услышал:

— Капитан Прокопчук тяжело ранен в живот. Только что... Он умирает...

— Срочно послать «эмку»! — крикнул я, как будто это могло что-то изменить.

Присел на пустой снарядный ящик. Ах, Прокопчук, Прокопчук... Как же это? Столько воевал, и на тебе...

В эти дни смертью храбрых пали лейтенант Пузанокий, комсорг части Шувалов и другие бойцы батальона.

Вскоре на наш участок подоспели полки 2-й ударной армии. Генерал-полковник И. И. Федюнинский прибыл на мой НП.

— Начинаем бои за Эстонию,— сказал он. — Завтра ударим по Тарту.

Город взяли штурмом.

Освобождали мы также города Вильянди и Мустла. Гитлеровцы сдавались в плен батальонами. Сопровождать их не было времени. Отыскивали среди пленных знающего русский язык и приказывали ему вести колонну в тыл. Тот послушно выполнял приказание. Тем более что враги и сами прекрасно понимали, что война окончательно проиграна.

В декабре 1944 года командование перебросило наш батальон из Прибалтики на границу с Финляндией. Поезда шли медленно, часто останавливались на станциях, где все было разрушено и сожжено. С печалью смотрели на развалины ижорцы, тяжело вздыхали.

— Когда восстановим? — горевал пулеметчик Данилов.

— Отстроим. Русский человек, он к работе привычен,— успокаивал друга сержант Карпов.— Вон на взгорке, видишь? На месте деревни лишь печные трубы, а рядом уже новые срубы поднимаются. Строит кто? Бабы да дети. Дай срок, отвоюемся и сообща возьмемся.

— Да мы-то отвоевались.

Часть расположилась в пограничном селении. Ижорцы несли боевую службу по охране района. Здесь мы встретили долгожданную весть о победе над фашизмом.

В сентябре 1945 года бойцов и офицеров, ушедших в ополчение с Ижорского завода, демобилизовали. Бывшие токари, фрезеровщики, слесари, сталевары возвратились в Колпино на свой родной завод.

После войны батальон расформировали. Боевое знамя части отправили в Центральный музей Советской Армии.

Снайперы В. Жевнеров, Н. Залесских, М. Данилов вновь заняли свои рабочие места, стали зачинателями социалистического соревнования. Фасонно-сталелитейный цех возглавил С. Козюченок.

У мартеновских печей на трудовую вахту встали сержанты запаса Д. Лобозов, И. Каничев. К прокатному стану вернулись старший сержант Н. Гвоздев и лейтенант М. Гижевский. Уже в шестидесятые годы к их

боевым наградам прибавились ордена Ленина за доблестный труд.

Лучшими модельщиками завода вновь называли отца и сына Александровых. С боевых машин на обычные, транспортные пересели М. Суханов, А. Ершов, М. Васильев.

Председателем заводского профсоюзного комитета ижорцы опять избрали Г. Л. Зимина.

В Колпине, на бульваре Свободы, стоит памятник воинам отдельного Ижорского батальона, живым и павшим. На гранитной стеле, освещенной вечным огнем, золотыми буквами начертано:

Орден Красного Знамени —
знак его воинской славы,
Благодарность Отчизны
за доблесть в сраженьях с врагом,
И высокой наградой ижорцы
гордятся по праву,
И сияет сквозь годы она
лучезарным огнем.

В. Н. ЗОТОВ

БЫЛИ МЫ САПЕРАМИ

Моя встреча с войной произошла раньше, чем я стал ополченцем. В самом начале июля 1941 года из числа архитекторов, не подлежащих по разным причина, мобилизации, создавались специальные группы для проектирования, строительства оборонительных сооружений и маскировки военных и промышленных объектов. В одной из таких групп оказался и я.

Первый свой экзамен в необычной для себя роли держал на Обводном канале, где мне поручили замаскировать Газовый завод и смежную с ним электростанцию. Задача оказалась сложной — у нас не было ни инструкции, ни личного опыта по маскировке крупных промышленных объектов. Знали только, что фашистские летчики-даблюдатели, благодаря специальным приспособлениям, расшифровывали маскировочные щиты с нарисованными тенями. Учтя это, мы не ограничи-

Зотов Владимир Николаевич, архитектор, в августе 1941 года вступил в 6-ю дивизию народного ополчения, командовал саперной ротой. После тяжелого ранения в 1942 году вернулся к профессии архитектора. Он соавтор проекта восстановления Большого Петергофского дворца.

До ухода на пенсию В. Н. Зотов двадцать лет работал районным архитектором Выборгского района.

вались раскраской зданий полосами и пятнами, искажающими очертания. В дело пустили металлические стойки, ранее применявшиеся для лесов при ремонте фасадов. Обшивали их фанерой, рисовали окна, двери, и из таких вот «конструкций» создавали вокруг объектов целые кварталы с ложными улицами и дорожками, посыпанными песком.

Вражеской авиации не удалось «нащупать» Газовый завод и электростанцию на Обводном канале. Не берусь утверждать, что главную роль тут сыграла маскировка. Но я тем не менее радовался, видя после бомбардировок свои объекты невредимыми.

Вместе с архитекторами Г. Е. Александровым, С. т'. Евдокимовым, А. Н. Колесовым, В. И. Бутом довелось мне маскировать и батареи тяжелых морских орудий, снятых с боевых кораблей. Там, под Кингисеппом, в одну из ночей я впервые услышал доносившийся издалека гул артиллерийской канонады.

Работали мы по шестнадцать часов в сутки, и задание выполнили досрочно. Командир батареи поблагодарил архитекторов, отметил наши командировочные предписания и с добрыми словами проводил в обратный путь.

Дорога стала дополнять наши представления о войне. Нам то и дело приходилось обгонять группы усталых людей — женщин, детей, стариков. Захватив самый необходимый домашний скарб, они уходили из родных мест, спасаясь от лютого врага. А вскоре в небе мы увидели зловещего вестника фашистского нашествия. Самолет с черными крестами (тогда я еще не знал, что это был «мессершмитт») на бреющем полете атаковал наш грузовик. Водитель резко затормозил, солидные архитекторы с удивительной легкостью выскочили из кузова и врассыпную кинулись в придорожный ивняк. Фашист сбросил несколько мелких бомб, со второго захода дал пулеметную очередь и скрылся. К счастью, никто не пострадал, остался невредимым и грузовик.

Поздно вечером добрались мы до Красного Села, с трудом втионулись в переполненный поезд на Ленинград.

Мы возвратились из командировки в конце июля, а в начале августа я уже шагал в рядах народных ополченцев. Первоначальную военную подготовку мы проходили в классическом здании гениального градо-

строителя Карла Росси, в том самом здании, где после окончания института начиналась моя трудовая жизнь и где вот уже свыше сорока лет находится Главное архитектурно-планировочное управление Исполкома Ленгорсовета. В те далекие дни здесь, во внутренних дворах, с утра до вечера звучали военные команды. В нашем строю были архитекторы Александр Афонченко, Василий Бездельников, Федор Гусев, Александр Гончаров, Вано Мецхварашвили, Юрий Прибыловский, Михаил Поспехов, Александр Соколов, Борис Частухин и другие мои товарищи по работе, которых война оторвала от интересных проектов. Вместе с нами учились быстро заряжать винтовку, осваивали приемы штыкового боя, упражнялись в метании гранат видные зодчие — Александр Иванович Гегелло и Игорь Иванович Фомин — будущие академики архитектуры.

Конкретнее определилась моя служба несколько позже, в первом стрелковом полку 6-й Октябрьской дивизии народного ополчения. Одетые в новую военную форму, мы еще не сразу узнавали друг друга, а нам уже объявили приказ о назначении на должность. Я стал командиром саперной роты. Очевидно, решающую роль в моем назначении сыграло то, что в зимних боях 1939/40 года я командовал взводом в отдельном дорожном батальоне. Совсем малое родство с профессией сапера! Но по тем тревожным временам грешно было даже намекать, что должность не по твоему профилю. Раз назначили, значит есть в этом необходимость, значит надо действовать. Наверное, так же рассуждали и мои коллеги по прежней работе — Л. Гуревич, ставший полковым инженером, и В. Белокуров, назначенный моим заместителем.

Нашим полком командовал майор В. Деденев.

— Разрешите узнать,— обратился я к нему,— как мне принимать саперную роту?

Помню, улыбнулся майор и сказал:

— Дорогой товарищ, нет пока роты. Ее нужно еще формировать. И делать это будете вы вместе со своим заместителем. Узнайте у начальника штаба, какой штат, и приступайте к делу. Важно, — подчеркнул командир,— чтобы в саперной роте было побольше мастеровых, трудолюбивых людей.

Обходя ряды ополченцев, мы с Белокуровым интересовались плотниками, кузнецами, строителями. Имел

человек трудовые навыки — предлагали ему идти в саперную роту. Жизнь потом подтвердила, что поступили мы правильно.

С ротой успели провести несколько занятий, ознакомили ополченцев лишь с азами саперного дела (сами еще хорошо его не знали) и глубокой ночью 16 сентября отправились на фронт. К полудню наш полк занял позиции на левом фланге дивизии, которая встала на защиту последнего перед Ленинградом укрепленного рубежа, простиравшегося от Мясокомбината имени С. М. Кирова до Невы. Совсем не так, как предполагали, начались будни наших саперов. Многие из них стали инструкторами на оборонительных работах. Копать землю лопатой — немудреное, кажется, дело. Но и тут нужно иметь сноровку, чтобы работа шла споро и мозолей на руках было поменьше. Как правило, создавали оборонительные сооружения женщины, и полезные советы мастеровых, привычных к физическому труду, оказывались кстати.

Почти месяц вместе с трудящимися Ленинграда мы дополняли рубеж обороны все новыми и новыми заграждениями. Отрыли противотанковый ров. На перекрестках дорог установили «ежи», сваренные из обрезков рельсов, пирамидальные железобетонные надолбы из металлических балок. Все это должно было преградить путь фашистским танкам, если они вдруг прорвутся к городу.

В конце сентября наша дивизия стала кадровым соединением Красной Армии. Полку присвоили другой номер, но по уровню военной подготовки, опыту мы пока Оставались ополченцами. Предстояло в боях доказать, йто мы достойны оказанной нам чести. Навстречу этим боям в ночь на 31 октября и выступила наша дивизия. Она выдвигалась на ключевые позиции города Ленина — на Пулковские высоты.

Оборонительный рубеж нашего теперь уже 864-го стрелкового полка проходил по северной окраине деревни Большое Кузьмино. За спиной у нас чернели руины знаменитой Пулковской обсерватории.

На новых позициях мы столкнулись с множеством срочных задач. В первый же день саперы построили блиндаж для штаба полка, а на скатах насыпи Вар-

шавской железной дороги, у ее пересечения с шоссе Пулково—Пушкин, соорудили землянки для себя. Работать приходилось круглосуточно. Днем отрывали траншеи и ходы сообщения полного профиля, оборудовали командные и наблюдательные пункты. А темными осенними ночами ставили проволочные заграждения. Ходы сообщения, ведущие к переднему краю обороны противника, перегораживали колючими «ежами» и рогатками.

Дел прибавилось, когда к нам поступили противопехотные мины. Своими деревянными продолговатыми коробочками они напоминали пеналы. Мы быстро изучили инструкцию по установке мин, и первые группы саперов с солидным грузом «пеналов» отправились под прикрытием ночи минировать подходы к нашему переднему краю.

Гитлеровцы, разумеется, не позволяли свободно действовать на нейтральной полосе. При малейшем шорохе открывали огонь из пулеметов и автоматов. А часто и без всякого повода начинали пальбу и беспрерывно освещали местность ракетами. Стреляя так, на всякий случай, фашисты, очевидно, просто себя успокаивали.

В подобных ситуациях наших саперов выручало хорошее знание местности. Нейтральную полосу они успели промерить и шагом, и по-пластунски вдоль и поперек и свободно ориентировались, где можно укрыться от обстрела — в воронке или в старой траншее.

Кстати, о нейтральной полосе. Думаю, все знают, что это участок местности, разделяющий позиции двух враждебных сторон. Однажды один из бойцов роты назвал нейтральную полосу «ничейной землей». На сапера набросились с упреками:

— Родную землю называешь ничейной, сам ты ничейный....

Пришлось заступаться за бойца. А сам он чуть ли не просил извинения:

— Да поймите же, ребята, и мне дорога наша земля, просто случайно сорвалось это слово «ничейная».

А я про себя подумал: оговорка сапера — чистая формальность. Передо мной, прямо за рекой Кузьминкой, на нейтральной полосе лежало в развалинах рус-

ское селение Большое Кузьмино. Называй мы его «нейтральным» или «ничейным» — это сути не меняло, все равно больно было сознавать, что там, в Большом Кузьмине, хозяйничает война.

В предвоенные месяцы я разрабатывал проект планировки, застройки и развития города Пушкина. Фашисты, захватившие этот изумительный по своей красоте город, занимали на его северо-западной окраине Федоровский городок, построенный академиком В. А. Покровским в стиле древнерусской архитектуры. Мы видели, что там по утрам из труб валил дым: оккупанты топили печи, как у себя дома.

Сильный, коварный враг был перед нами. А у нас еще не хватало многого, чтобы дать фашистам настоящий бой. Не хватало вооружения, боеприпасов, опыта. Мы знали: все это потом придет. А пока нужно было вести борьбу средствами, которыми мы располагали.

В те дни на нашем фронте стали привычными бои местного значения. В одном из таких боев участвовала и саперная рота. Действовала она как стрелковое подразделение. Была ли в этом острая необходимость, — затрудняюсь ответить. Командир полка майор С. И. Воробьев рассуждал, наверное, так: «Не сидеть же саперам в окопах и наблюдать, как другие идут в атаку. Пусть и они пройдут боевое крещение».

Полку было приказано провести разведку боем и, в случае успеха, овладеть деревнями Верхнее и Редкое Кузьмино. Забыл уже многие подробности той атаки, но хорошо помню, что по сигналу все мы дружно выскочили из окопов и бросились вперед. Гитлеровцы открыли огонь из пулеметов и автоматов, а затем начали минометный обстрел. Бойцы залегли. В эту критическую минуту поднялся политрук Николай Николаевич Шишкин. Его боевой клич: «За мной, товарищи!» — оторвал бойцов от земли. Мы сделали рывок к вражеским проволочным заграждениям и таким образом вышли из опасной зоны. Политрук наш воевал еще на фронтах гражданской войны и хорошо представлял себе, что произойдет, если мы попадем в «вилку». Не будь рядом этого смелого человека, оказались бы мы под следующим минометным залпом...

Нам не удалось ворваться во вражескую траншею. Командир полка приказал отойти на свои позиции.

Ведь это была прежде всего разведка боем. И она, КО» нечно, обогатила командиров нужными сведениями о противнике. Что же касается нас, саперов, то мы тоя$е не остались в проигрыше: потерь не понесли и боевые действия вести научились.

Наша рота вела и свою, инженерную разведку. Почти каждую ночь отправлялись саперы к переднему краю обороны противника. Ежеминутно рискуя попасть под вражеский огонь, они определяли системы противопехотных препятствий, засекали огневые точки. Однажды группу саперов повел в разведку сержант Талызин. Им удалось добыть очень денные сведения. Но гитлеровцы обнаружили группу, обстреляли ее. Сержанта Талызина тяжело ранило. Возвратившись с бойцами в роту, он, превозмогая мучительную боль (ранение в нижнюю челюсть не позволяло даже слова произнести), все же сумел составить схему заграждений и расположения огневых точек противника. И только после этогб Талызин согласился отправиться в госпиталь.

Ополченцы становились воинами. В ноябре 1941 года наша саперная рота была уже довольно хорошо сколоченным, дружным боевым коллективом. Пусть бойцам недоставало еще профессионального опыта, слишком ограниченным был арсенал саперного вооружения, но то, что могли, мы старались делать как можнб лучше.

В условиях фронтовой обстановки, с ее опасными ситуациями, с частыми вражескими обстрелами, бомбежками, люди быстрее узнавали друг друга, понимали, кто на что способен.

Вместе с политруком роты я отмечал каждый случай взаимовыручки, поощрял бойцов, проявивших смекалку, инициативу, ставил в пример тех, кто охотно делился с другими своим скромным опытом.

Но опыта, повторяю, всем нам недоставало. Я просил начальника инженерной службы дивизии майора Мальцева как можно скорее прислать хоть какие-нибудь учебные пособия. Случилось, однако, так, чтр первый наш основательный урок по саперному делу прошел при весьма неожиданных обстоятельствах.

В то время к югу от Пулкова располагалось целое созвездие деревенек, названных одинаково: Большое, Среднее, Малое, Верхнее и даже Редкое Кузьмино. Все они были заняты врагом. Но в ноябре 1941 года 864-й

стрелковый полк умело организованным огнем все-таки вынудил фашистов оставить Верхнее Кузьмино. Уходя, они густо заминировали территорию населенного пункта и подходы к нему, предполагая, что наши подразделения вряд ли рискнут войти туда, где на каждом шагу их подстерегает смерть.

Командир полка майор Воробьев вызвал меня на наблюдательный пункт стрелкового батальона, откуда хорошо просматривалось все созвездие деревенек. Майор протянул руку в сторону Верхнего Кузьмина и сказал:

— Там сегодня вечером будет наш полк. Будет, если твои саперы разминируют деревеньку...

Так я получил первую задачу на разминирование. Нам, саперам, предстояло профессиональное боевое крещение. От его результатов многое зависело. Все пройдет успешно — и наши бойцы, заняв Верхнее Кузьмино, положат пусть самое скромное, но начало освобождению родной ленинградской земли.

Был полдень, когда я вместе с командиром взвода лейтенантом Бухариным отправился в путь. Мы вели на опасное задание отделение саперов и группу прикрытия. Следуя по маршруту, который определил командир полка, скрытно подошли почти к самой деревне. Каких-нибудь полсотни метров отделяли нас от первых строений, а точнее от фундаментов разрушенных домов, когда мы услышали свист фашистских пуль. Группа прикрытия, возглавляемая бывшим студентом Ленинградского университета Бобровым, открыла ответный огонь. Продвигаться дальше пришлось по-пластунски.

Первым обнаружил вражескую мину лейтенант Бухарин; он заметил проволоку, натянутую поперек придорожной канавы. Плоский диск противотанковой мины напоминал большую перевернутую сковороду. Я вытащил из кармана плоскогубцы. Мягко откусив натяжную проволоку, осторожно извлек из корпуса мины боковой взрыватель. За каждым моим движением напряженно следили саперы. Красная риска центральной» взрывателя совмещалась с красной точкой на кольца в середине корпуса. Значит, нужно повернуть центральный взрыватель от красной точки к белой, которая, очевидно, обозначала безопасность. Все облегченна вздохнули, когда я наконец поднял мину с земли. И вог

тут-то мы, можно сказать, с ужасом увидели, что внизу мина имеет еще одно отверстие для установки донного взрывателя. Окажись он на месте, трагично мог бы окончиться мой показательный урок.

«Утихомиренная» мина была нашим первым боевым трофеем. Ее тут же отправили со связным в тыл.

Имея представление, как нужно обращаться с опасными предметами, саперы смелее начали поиск мин. Находили их и под огнем противника обезвреживали. Там, в Верхнем Кузьмине, на редкость самоотверженно действовали лейтенант Бухарин, помкомвзвода Волков, бойцы Иглин и Ездаков.

Но работать под вражеским обстрелом становилось все труднее и труднее. Мы несли потери. Пали смертью храбрых Бобров и Давиденков, санинструктора Ермакова тяжело ранило. На плащ-палатке его унесли в тыл.

Обстановка осложнялась. Меня тревожила мысль, что засветло мы не успеем выполнить боевую задачу. И тогда я пошел на риск: приказал взрывать обнаруженные мины. Длинными тросами, взятыми на всякий случай, мы зацепляли натяжные проволоки и, лежа, тянули их на себя. В то же мгновение раздавались взрывы.

При участии вражеской артиллерии, усилившей обстрел деревеньки, мы устроили здесь настоящую канонаду.

Приказ командира полка был выполнен. Наши саперы первыми в дивизии побывали в землянках, в которых еще совсем недавно хозяйничали фашисты. На полу валялись грязные одеяла, пустые бутылки.

Вечером, когда стемнело, мы с радостью встретили прибывших на смену нам бойцов стрелковых подразделений. Верхнее Кузьмино стало первой пядью ленинградской земли, освобожденной от немецких оккупантов. В те далекие дни даже эта маленькая победа казалась большим событием. Она вдохновляла бойцов на новые бои с захватчиками.

Образцы вражеских мин были отправлены в инженерный отдел армии. В ту же ночь при тусклом свете коптилки я сделал описание трофейных мин и системы их установки, изготовил необходимые чертежи и рисунки. Все это тоже отослали в штаб армии,

Через несколько дней я получил отпечатанную на стеклографе специальную инструкцию по обезвреживанию немецких мин. В инструкции я увидел и свои кустарные иллюстрации.

Вот так наживали мы боевой опыт.

В феврале 1942 года я был назначен командиром роты отдельного саперного батальона нашей дивизии. Это перемещение не поднимало меня по служебной лестнице: командовал ротой и ротным пришел в батальон. И все-таки новое назначение я воспринял как доверие, признание моего опыта {хотя сам считал его весьма скромным).

О боевых делах дивизионных саперов говорили у нас часто. Это их руками были созданы многие долговременные сооружения на Пулковском рубеже. Это они здорово выручали нас своими самодельными минами. Обрубки металлических труб, начиненные толом, обладали большой поражающей силой. Первыми в армии дивизионные саперы открыли счет уничтоженным вражеским огневым точкам. Словом, я пришел в боевой коллектив, в послужном списке которого было много славных дел.

Знакомство с новой ротой оставило у меня самое хорошее впечатление. Народ бывалый, обстрелянный, дружный. Мой заместитель комсомолец лейтенант Матвей Старовойтов слыл великолепным знатоком минного дела, отлично владел всеми видами огнестрельного оружия. Любили его бойцы. В сложной боевой обстановке с ним было как-то спокойнее: смел, находчив, выдер* жан. И саперы старались подражать ему. В минуты фронтового затишья Старовойтов снимал с гвоздя гитару, настраивал, и в землянке звучал его негромкий, приятный голос. В такие минуты нельзя было даже пошевельнуться: сразу же сердитым взглядом остановили бы — не мешай, дай послушать.

Взводами в роте временно командовали сержанты Середа и Нескошев. Но это «временно» было условным понятием. Лейтенантов-саперов не присылали, и сержанты командовали взводами постоянно и, надо сказать, справлялись с этим неплохо. И Середа, и Нескошев вместе со своими подчиненными не раз выполняли очень сложные боевые задания.

Войти в курс дела, верно определить подход к бойцам (для новичка это очень важно) мне помог политрук Михаил Драгунов. Уже немолодой человек, прошедший хорошую школу в рабочем коллективе, он умел разбираться в людях, скорее других определял, кто па что способен.

В ту пору, а она была чрезвычайно тяжелой, мы с политруком старались быть как можно ближе к бойцам. Когда заботы дня оставались позади, саперы возвращались в свои землянки и при тусклом огоньке фронтовой коптилки начинали обмениваться новостями, читать и перечитывать письма от родных и знакомых. Мы с политруком шли на этот огонек. Шли не только потому, что по рангу, по служебному долгу нам полагалось вести воспитательную работу с людьми, давать ответы на их вопросы. Мы сами испытывали душевную потребность быть в гуще бойцов. Ведь их тревоги в равной степени волновали и нас.

В теплой землянке за кружкой кипятка (чай тогда был роскошью) мы вспоминали довоенные годы, бурно спорили, пытаясь определить, когда враг будет отброшен от стен родного Ленинграда. О его героических буднях говорили часто. Одна такая беседа запомнилась мне особенно.

Морозным февральским вечером я заглянул в землянку, в которой располагался взвод сержанта Нескошева. Мне нужно было повидать командира отделения Петра Лабутина. Ему предстояло рано утром выполнить серьезную задачу, И я решил лично проинструктировать Лабутина. Ну, а затем собирался посидеть с людьми, ознакомить их с фронтовыми новостями и, как в таких случаях водится, потолковать о делах наших насущных. Но получилось так, что инструктаж пришлось отложить напоследок. Бойцы говорили о Ленинграде. Об этом я догадался по обрывкам фраз, которые услышал, переступив порог землянки. Когда вошел, беседа прервалась.

— Продолжайте, товарищи,—сказал я.

Саперы потеснились, давая мне место.

— Говорим о блокаде, товарищ старший лейтенант,— услышал я. — Во всех письмах, что сегодня получили, одно и то же: голод, холодная зима.

И тут же прозвучал другой голос, и слова мы услышали совершенно неожиданные;

— А моя Анастасия Ивановна с дочерьми, представьте себе, ни слова о своих бедах, хотя знаю, что и голод и холод не миновали их.

Все повернулись к говорившему. Это был Петр Лабутин.

Он продолжал:

— Вот пишут мне, — Лабутин развернул солдатский треугольник и прочел: — «Наверное, холодно там, в ваших землянках, сквозняков остерегайся, ты ведь в один миг заболеть можешь...» Тут война идет, а они: «сквозняков остерегайся»... «Очки, — пишут, — береги, не оставь где-нибудь по рассеянности. Новые заказать в городе невозможно, сам понимаешь, тут не до очков».

Вроде бы простые слова услышали бойцы, а лица их просветлели, подобрели. И что удивительно: почти каждому из них, как выяснилось, в письмах из дому были разные пожелания, добрые советы, подобные тем, о которых говорил Петр Лабутин. Понятно, что фронтовая обстановка порой не позволяла следовать этим советам. Но сам факт был примечателен: ленинградцы, испытывавшие неимоверные трудности, всевозможные лишения, душой болели о защитниках родного города.

Я долго был под впечатлением услышанного разговора, а к Лабутину после того вечера проникся особым уважением. Как все-таки просто сумел он вызвать перемену в настроении людей. Вот, оказывается, почему комиссар батальона Кузнецов считал Лабутина способ» ным агитатором, поручал ему беседы с бойцами пополнения.

Шли дни. Фронтовая жизнь становилась все более напряженной. Почти каждую ночь группы наших саперов вместе с разведчиками отправлялись на боевые задания. Каждому такому выходу предшествовала кропотливая работа. Для подрыва проволочных заграждений заряды тола монтировались на обыкновенны^ досках. Для уничтожения вражеских огневых точек и землянок мы готовили большие заряды, обшитые мешковиной. Идя на задание, саперы получали гранаты, противопехотные и противотанковые мины.

Все эти хлопоты, связанные с подготовкой бойцов к ночным рейдам, входили в круг обязанностей старшины роты Махоркина. Ему же приходилось заниматься и уймой дел другого плана. Тут и приготовление горячей пищи, и ремонт обуви, обмундирования, доставка

топлива. Махоркин сумел даже организовать сбор мерзлых кочанов капусты на нейтральной полосе— все-таки прибавка к несытному обеду. Однажды старшина, обратившись ко мне, сказал:

— Товарищ старший лейтенант, трудновато стало со всем справляться одному. Мне бы помощника толкового...

Штатным расписанием у нас была предусмотрена должность писаря-каптенармуса. Но мы ее пока держали свободной: людей не хватало. Теперь я сам понимал: кого-то нужно назначить в помощь старшине. Стал размышлять, кого. А что, если Лабутина? Жалко, правда, командир отделения он толковый, в саперном деле свободно разбирается. Но ему ведь под сорок, к тому же не хватает двух пальцев на левой руке. Вспомнил, что политрук рассказывал: вначале Петра Ивановича не хотели даже брать в ополчение из-за руки. Но он так допек своими просьбами военкома, что тот сдался. Да, пусть Лабутин будет при старшине. Хоть и беспокойная там работа, но все-таки легче, чем быть командиром саперного отделения.

Объявил Петру Ивановичу о своем решении, а он вдруг говорит:

— Это как же вас понимать, товарищ старший лейтенант? Отставку, что ли, мне даете? Вроде справляюсь с занимаемой должностью. И на тебе — на хозяйственную работу...

Я постарался как можно убедительнее обосновать необходимость перевода Лабутина в подчинение старшины роты. Ни слова, конечно, о руке.

— Надо, — говорю, — Петр Иванович, помочь Махоркину. Он ведь сам попросил вас к себе в помощники, и я тоже считаю, что более подходящей кандидатуры нет.

— Так тому и быть, раз нужно, — согласился Лабутин, но попросил: — Не забывайте только меня как сапера, на боевые дела посылайте — не подведу.

Все бойцы вскоре отметили: у Махоркина помощник что надо. И работящий, и заботливый, всегда внимательно выслушает и совет даст толковый. Время от времени Лабутин напоминал и о своей просьбе, настаивал, чтобы его взяли в разведку или послали с группой, которой предстояло проделать проходы в проволочном заграждении противника. Иногда ему разрешали. С Ла-

бутиным саперы охотно шли на самое опасное задание. Он нравился им своей способностью сохранять самообладание в критические минуты боя, находить выход из самых сложных ситуаций.

Однажды потребовались люди для исключительно рискованной операции. Командир батальона капитан Хаев решил послать добровольцев. Петр Лабутин оказался в списке первым. Вычеркнул комбат его фамилию. Но Лабутин был не из тех, кто быстро принимает решение и с такой же быстротой соглашается с другой точкой зрения. Петру Ивановичу удалось добиться своего, и капитан Хаев оставил его в списке добровольцев.

Ночью отдельная разведрота под командованием старшего лейтенанта Халтурина и старшего политрука Ходкевича при поддержке группы автоматчиков 864-го стрелкового полка и дивизионных саперов начала дерзкую боевую операцию на северном берегу реки Кузьминки. Умело маскируясь, смельчаки незаметно подползли к переднему краю вражеской обороны и сосредоточились для броска в атаку. Она начнется сразу же, как только саперы проделают проходы в минных полях и проволочных заграждениях. Старшему сержанту Середе, сержанту Короткову, красноармейцу Лабутину и их товарищам надо было проявить настоящее искусство, чтобы, обезвреживая мины, разрезая колючую проволоку, не обнаружить себя. Все прошло хорошо. Разведчикам дан сигнал: путь свободен.

Выполнив свою главную задачу, саперы присоединились к группе захвата и вместе с ней атаковали фашистов. Внезапность обеспечила разведчикам успех. Действуя автоматами и гранатами, они истребили сорок гитлеровцев, взорвали три вражеские землянки, дзот, захватили три тяжелых пулемета, несколько автоматов.

Начинал брезжить рассвет, когда наши бойцы, отстреливаясь, начинали отход от вражеских позиций. Неожиданно прозвучал чей-то голос:

— Слева гитлеровцы.

Чуть согнувшись, фашисты бежали по открытому полю, пытаясь преградить путь разведчикам. И в этот же момент с правого фланга противник открыл пулеметный огонь из дзота. Наши бойцы залегли. После первой минуты замешательства Петр Лабутин, не сказав ни слова, пополз к дзоту. Полз, плотно прижимаясь к земле. До огневой точки оставались считанные

метры. Выждав момент, когда пулемет на миг умблк, Лабутин метнул гранату к амбразуре. Бросил туда и вторую, последнюю. Фашистский пулемет замолчал, но ненадолго. У амбразуры снова замелькали огоньки. И тогда Петр Лабутин вскочил, сделал рывок к дзоту и своим телом закрыл его бойницу. Разведчики уничтожили вражеского пулеметчика. Павшего героя товарищи принесли на руках в расположение батальона.

Сколько лет прошло с тех пор, забылись многие подробности былых сражений. Но никогда не забудутся имена героев. Ныне имя славного ополченца Петра Лабутина, посмертно награжденного орденом боевого Красного Знамени, носит одна из улиц в Октябрьском районе Ленинграда. Свято чтут память отважного сапера в 256-й школе, где его имя присвоено пионерской дружине.

И. И. ОСЛОВ

ПО ЗАДАНИЮ РЕДАКЦИИ

ПЕРВАЯ КОМАНДИРОВКА

— Выходи строиться! — подал команду наш курсовой командир.

Быстро занимаем свои места. По привычке равняемся на грудь четвертого.

— Слушай приказ! Полагать досрочно окончившими курсы младших политруков.,.

Я чуть вздрогнул, услышав свою фамилию: «Все, Михаил! С чем тебя и поздравляю...» А через некоторое время, в новенькой гимнастерке, с двумя зелеными, полевыми, «кубарями» в петлицах, стоял перед представителем отдела кадров Политуправления фронта.

Он спросил меня:

— До армии кем работали?

— Кинооператором!

— Отлично! — Представитель заглянул в свой блокнот.—Поедете в шестую дивизию народного ополчения, фотокорреспондентом газеты.

Орлов Михаил Михайлович был фотокорреспондентом газеты 6-й дивизии народного ополчения «За Родину», затем литературным сотрудником и заместителем редактора. После войны работал на студии «Ленфильм».

М. М. Орлов был ответственным секретарем Совета ветеранов народного *ополчения Октябрьского района.* **В январе 1975 года умер.**

— Но я никогда не работал в газете...

— Неважно! Теперь многие делают то, что раньше никогда не делали. Научитесь...

По тону, каким говорил кадровик, я понял: объяснять разницу между кинооператором и фотокорреспондентом не имеет смысла. Решил, что все выяснится на месте. Перекинув через плечо вещмешок, я отправился в политотдел дивизии.

Штаб и политотдел 6-й дивизии народного ополчения в те дни находились й Невском районе, на Канатной улице. А полки занимали рубеж обороны от Мясокомбината имени С. М. Кирова до села Рыбацкого. Обстановка такова, что можно было ожидать в любой момент прорыва гитлеровских войск, и ополченцы были готовы драться за каждую улицу, за каждый дом.

После короткой беседы в политотделе меня направили в редакцию дивизионной газеты «За Родину». Приятной неожиданностью оказалось, что редактором газеты вот уже несколько дней работает Яков Сухотин, недавний выпускник тех же самых курсов младших политруков, которые мы в шутку называли «академией».

Сухотин искренне обрадовался встрече.

— Иван! В нашем полку прибыло, — сообщил он тут же секретарю редакции политруку Ивану Хренову. — Еще один «академик» появился!

Затем Сухотин познакомил меня с третьим сотрудником многотиражки Сашей Михайловым.

Шумный, подвижной, как истовый газетчик, Михайлов не любил сидеть на месте. Его постоянно куда-то тянуло. Ходить с ним на задания было и интересно, и мучительно. На каждом шагу он встречал знакомого. И обязательно останавливался, чтобы перекинуться с ним хотя бы парой фраз. Зато он был в курсе всех событий, мог организовать любой материал.

Когда я прибыл в редакцию, газета еще не выходила: не было своей типографии. Ее оборудование находилось в Петропавловской крепости и в спешном порядке^устанавливалось в фургоне трехтонного грузовика. Основательно закреплялась походная печатная машина «американка», монтировались реалы, кассы, завозились шрифты.

За всем этим хозяйством рачительно и придирчиво следил наш начальник типографии, он же печатник,

Александр Михайлович Бочин. Ему помогали наборщик Иван Тягунов и шофер Дмитрий Герасимов.

Неугомонный характер нашего редактора не позволял ему долго мириться с отсутствием полиграфической базы. У него уже родился план первого номера нашей «дивизионки». После бурной редакционной летучки каждый получил задание организовать материал. Дошло дело и до меня.

— Младший политрук Орлов!—официально обратился ко мне Сухотин, как бы желая подчеркнуть важность того, что он сейчас скажет. — Вам необходимо сфотографировать передовой орудийный расчет ополченца Сергеева. Пойдете вместе с политруком товарищем Хреновым.

Но до конца редактор не сумел выдержать «начальствующей» ноты:

— Вы уж постарайтесь, ребята... Дайте сюжетик с изюминкой...

Мне очень хотелось побыстрее отправиться в первую редакционную командировку. Старался мысленно представить себе, какой нужен «сюжетик».

Иван Егорович Хренов хорошо знал дорогу. Он уверенно вел меня через какие-то проходные дворы, мимо Наборов. Потом заборы кончились. Мы шли глухими переулками с деревянными домами. Большинство из них были пустыми. Этот район подвергался обстрелу, и жители эвакуировались.

Затем начались огороды. На грядках копошились женщины и ребятишки. Они выбирали оставшиеся картофелины, свеклу, морковь. Ленинград уже снабжался по сокращенной норме, и люди добывали дополнительное питание.

Орудийный расчет встретил нас приветливо. Ополченцы показали свой дзот. Это был один из многих, сооруженных ленинградцами у стен города. Укрытие сделано прочно и добротно. Понравился нам и порядок в нем. Бойцы сумели за несколько дней обжить свою крепость. Оружие, боеприпасы, немудрящие солдатские пожитки — все было размещено обдуманно, по-хозяйски.

Иван Хренов беседовал с бойцами этого небольшого гарнизона. Командир расчета старший сержант Сергеев оказался несловоохотливым. Он рабочий. Участвовал в зимних боях 1939/40 года. Был ранен. Теперь

добровольцем пошел на фронт. Словом, биография обычная, характерная для многих ополченцев.

Пока Хренов разговаривал с бойцами, я прикидывал, как сделать снимок. Очень жалел, что нет магниевой вспышки или хотя бы переносной лампочки. Освещения в дзоте было маловато, и я попросил Сергеева выкатить орудие на открытую площадку. Он согласился. Дружными усилиями расчета пушка была поставлена рядом с укрытием, как бы для ведения огня с открытой позиции.

Расчет занял свои места. А я выбирал точку, откуда делать снимок. И в этот момент начался артиллерийский обстред.

— Орудие в укрытие! — скомандовал Сергеев.

Пушка снова была водворена в дзот.

— Это он «крещение» гостям устроил! — обращаясь к нам, сказал старший сержант. — А так тихо у нас. За день раза дв^-три брОСИТ тяжелыми и молчит.,,

Новый бЙШД уд&рйл 8 основание дзота, но не разорвался. Тонкие струйки песка и земли, словно ручей* ки, потекли пб бревенчатому срубу укрытия. Мы с Ива* ном переглянулись. «Ничего себе „тихо“»,— подумал я.

— Товарищ политрук, долго мы стоять здесь бу* дем? — скручивая цигарку, спросил наводчик орудия Ивана Хренова.

И снова, будто и не было обстрела, завязалась беседа.

Я не стал вторично просить Сергеева выкатывать душку. Решил дать побольше экспозицию и сделать несколько дублей.

Бойцы расправили гимнастерки. Подтянули ремни. Поправили шапки-ушанки. Словом, приобрели молод* цеватый вид и встали по своим местам.

— Орудие к бою! — подал команду Сергеев.

Заряжающий взял снаряд, чуть подался вперед, изображая движение. Иван Хренов был у меня за осветителя. Мы сделали отражатель из листа бумаги, чтобы усилить таким образом освещенность дзота.

Я щелкнул раз, другой... Дал бойцам передохнуть и сделал еще несколько дублей. А вечером в своей так называемой лаборатории — полуподвальной сырой комнатушке — проявил пленку и стал печатать.

С трепетом опустил я глянцевый листок бумаги в ванночку. Смотрю, как она тускнеет и медленно проступают первые контуры снимка. Вот появились лица

бойцов. Справа — командир орудия Сергеев. Рядом — замковый... Волнение мое достигает предела. Но торопиться нельзя. Наконец вынимаю отпечаток. Ура! Первый «блин» не комом!

Вновь чувство радости я пережил, когда увидел свой снимок на полосе нашей «дивизионки», пахнущей свежей типографской краской. И сегодня среди моих снимков этот, из первой командировки, занимает самое почетное место.

ПУЛЕМЕТЧИК ГРИГОРЬЕВ

Командир пулеметного расчета старший сержант Петр Григорьевич Григорьев был уже немолод. Он многое повидал. Кадровый питерский рабочий, в гражданскую он воевал на Украине. Потом снова вернулся в Ленинград. Последнее время перед войной работал бригадиром проходчиков в Ленметрострое. Тогда в нашем городе это была новая, только рождающаяся профессия. Как многие метростроевцы, Григорьев имел броню и мобилизации не подлежал. А тут война. Петр Григорьевич долго добивался «разбронирования» и наконец был зачислен пулеметчиком во второй стрелковый полк нашей дивизии.

В те осенние дни сорок первого года, когда дивизия вышла на передний край, опытных, обстрелянных солдат в полках насчитывалось немного. Большинству только предстояло пройти первые испытания, и такие, как Петр Григорьев, пользовались среди бойцов особым авторитетом.

Помню, как-то понадобилось мне сделать снимок: бывалый солдат передает свой опыт молодым ополченцам. Я отправился к пулеметчикам. Вместе с командиром пульроты мы собрали молодых бойцов, пригласили Григорьева. Пока я возился с фотоаппаратом, Петр Григорьевич о чем-то говорил с ополченцами, потом подошел к пулемету.

— У меня готово! — крикнул я.

— Подождите, товарищ младший политрук! А ну-ка, хлопец, показывай свою машину! — обратился он к молодому бойцу.

Григорьев ловко откинул крышку пулемета и приступил к осмотру. Он хмурил брови, неодобрительно покачивал головой, потом негромко произнес:

— В восемнадцатом стояли мы, помнится, у станции Унеча. Тишина вокруг, хлопцы и про войну забыли. И вдруг беляки! Мой напарник Иван Чехов бросился к «максиму». Та-та-та... и стоп! Что такое? Иван дерг, дерг рукоятку... Оказывается, замок заклинило.

Петр Григорьевич показывает молодому бойцу тряпочку со следами грязи:

— Понял, почему? И тебя грязный пулемет может подвести...

Ополченец краснеет. Стыдно ему и перед «батей», как называли пулеметчики Григорьева, и передо мной, представителем газеты. При нас же он начинает исправлять свою оплошность.

На лице Григорьева появляется улыбка.

— Чуток подождем, товарищ младший политрук,— говорит он, глядя, как ополченец старательно драит «максим».

И я думаю: такой урок запомнится молодым ополченцам. Им есть с кого брать пример.

Пулемет в руках Григорьева действовал безотказно. Помню такой случай. Однажды к немецким блиндажам шла подвода. Рядом шагали три гитлеровца. Расстояние до них — метров восемьсот или побольше. Наблюдатель указал Григорьеву на цель.

— Некуда торопиться, милок,— спокойно ответил Григорьев. — Вот поднимутся из лощинки на пригорок, тут мы и прочешем...

— Смотри, промажешь...

— Не беспокойся! Уложу, как надо...

Проходит несколько напряженных минут. Так-так-так — застрекотал, словно отбойный молоток, «максим». Фашистские солдаты бросились назад, в лощину. Но поздно, пули снайпера-пулеметчика настигли их.

В другой раз гитлеровцы решили под покровом ночной темноты вклиниться в наши позиции. Они обрушили на нас шквал артиллерийского и минометного огня и затем перешли в атаку.

Фашистам удалось преодолеть проволочные заграждения. До наших окопов оставалось совсем немного.

— Старший сержант, фрицы рядом! — крикнул, подбежав к Григорьеву, боец Шапошников.

Григорьев развернул пулемет и дал неколько очередей по гитлеровцам. Завязалась перестрелка. Шумихой

решила воспользоваться другая группа противника. Враги попытались зайти во фланг. Пулеметчик вовремя обнаружил уловку врага. Он выкатил «максим» из дзота на открытую площадку, развернул его и начал стрелять. Ярко-красными угольками потянулись к фашистам очереди трассирующих пуль.

Гитлеровцы не выдержали. Оставив на поле боя десяток убитых, отошли.

Словом, Петр Григорьев был настоящим мастером снайперского пулеметного огня. И когда в феврале 1942 года командование дивизии решало, кого послать на фронтовой слет истребителей, в числе лучших была названа фамилия Петра Григорьева.

На слете член Военного совета Ленинградского фронта А. А. Жданов вручил Григорьеву орден Ленина. А вскоре ему присвоили звание младшего лейтенанта и назначили командиром пулеметного взвода. Питерский рабочий, пулеметчик Петр Григорьев стал замечательным офицером. В бою он был для солдат примером мужества и отваги.

В одной из жарких схваток с врагом Григорьева ранило. Его эвакуировали в госпиталь. Я долго ничего не слыхал о нем. И вот в редакцию пришло письмо: «Привет вам, дорогие товарищи! Сейчас я нахожусь в госпитале. Залечиваю раны. Но я постоянно слежу за вашими делами...» Дальше Петр Григорьевич спрашивал: как растут ряды снайперов-истребителей, как воюют его боевые друзья Владимир Краснов, Василий Куташкин, Василий Парфенов и другие.

Письмо мы опубликовали в нашей газете «За Родину». А я, когда сумел выбраться в Ленинград, навестил Григорьева и сделал еще один снимок своего боевого друга.

Он не дожил до победы. Погиб в бою. Уже после войны я разыскал его дочерей. Старшая, Антонина, медик, работает в городе Выборге. Екатерина плавает на судах Океанрыбфлота радиотехником. Младшая дочь Евгения — инженер строительного управления ордена Ленина Ленинградского военного округа.

Дочери свято чтут память об отце. Они поддерживают с нами, однополчанами Петра Григорьевича, постоянную связь, бывают на наших традиционных встречах, рассказывают об отце молодым ленинградцам...

Когда на послевоенных встречах я видел пожилую женщину с открытым лидом и глазами, в которых еще не потухли задорные огоньки, в памяти моей вставала стройная, бойкая на язык Ниночка-мотоциклистка. И на ум приходили строки из гоголевских «Мертвых душ»: «И какой же русский не любит быстрой езды?» С этой лихой езды и началось мое знакомство с Ниной Семеновной Максимовой.

...Я находился в 891-м стрелковом полку. Вдруг меня позвали к телефону. Срочно вызывают в редакцию. С грустью посмотрел я на часы. Времени в обрез. Ехать не на чем, ни одной попутной машины не предвиделось.

Комиссар полка дал добрый совет!

— Товарищ Орлов, здесь мотоциклистка из штаба дивизии. Может, она подвезет...

Обрадованный, выскочил я из комиссарской землянки и бросился разыскивать мотоциклистку. Возле штабного блиндажа увидел мотоцикл. Рядом с ним — девушка в солдатском ватнике. На лбу у нее огромные пылезащитные очки.

— Вы связная? — спросил я девушку.

— Да. А вам передать что-то надо?

— Нет. Мне самому необходимо срочно явиться в штаб... Я из редакции.

— Что ж, место есть. — Кивком головы она показала на заднее сиденье.— И если не боитесь быстрой езды, поехали!

Я ответил ей, что очень тороплюсь, естьсрочное дело. Нина улыбнулась, в ее глазах сверкнули озорные искорки:

— Со мной не опоздаете. Только держитесь покрепче!

Нет необходимости описывать, что представляли собой фронтовые дороги переднего края. Изрытые воронками, выщербленные гусеницами танков, перекрытые надолбами, они были почти непроходимы. Езда по ним требовала незаурядного мастерства. Наш мотоцикл то прыгал, как мячик, то заваливался набок. Нина то резко тормозила, и мне казалось, что я вот-вот перелечу через ее голову, то давала газ на всю «железку», и мотоцикл срывался с места, как бешеный конь.

На ровных отрезках дороги она оборачивалась ко мне и, сверкая белозубой улыбкой, кричала:

— Держитесь, товарищ политрук!

Я лишь кивал головой и мысленно клял своего начальника— зачем он так срочно вызвал меня? — и эту озорную девчонку, решившую вытрясти из меня все внутренности. Впрочем, я не только не опоздал, но страшно удивил редактора, когда доложил ему о прибытии за час до назначенного срока.

После я долго не встречался с Максимовой. Слышал, что она продолжала все так же лихо ездить на своем мотоцикле. А когда и для него невозможно стало во всей дивизии достать бензина, Нина доставляла пакеты в полки пешком.

Это было трудное дело. Дистрофия — страшная блокадная болезнь — свирепствовала в голодную зиму 1942 года не только в городе, но и на фронте. Пройти десяток километров было так же нелегко, как и подняться под пулями в атаку. Выручала Нину прежняя спортивная закалка. До войны она увлекалась мотоциклетным спортом, по тем временам мало распространенным среди женщин. Ей не раз приходилось защищать на мотогонках флаг спортивного общества «Буревестник».

Занятия спортом помогли девушке выработать нужные волевые качества: смелость, решительность, упорство— закалить себя физически. Все это помогло ей легче переносить трудности боевой обстановки.

В 1944 году наша дивизия вела наступательные бои в Прибалтике. Один из стрелковых полков, стремительно преследуя противника, потерял связь со штабом. Необходимо было срочно установить его местонахождение, уточнить обстановку. Начальник штаба дивизии решил послать в полк подполковника Гудзенко и капитана Загребельиого.

Везти офицеров приказали Максимовой. Теперь у нее мотоцикл был с коляской.

— Не боитесь? Всякое может быть... — испытующе посмотрел на девушку подполковник.

— Раз надо, значит надо!

— Мотоцикл надежный?

— Уверена, как в самой себе!..

— Хорошо! Едем.

Взметнув облако снежной пыли, мотоцикл скрылся

из виду. Нина и ее спутники мчались туда, где не затихало сражение и черным облаком висел дым.

Нина выжимала из своего трофейного «БМВ» все, что только можно. Стрелка спидометра подрагивала около цифры 100! Колючий ветер тысячами игл впивался в лица.

Впереди показались жилые строения. Максимова с ходу влетела на окраину поселка и остановилась возле одного из крайних домов. Офицеры и она соскочили на землю и направились к калитке. В тот же миг справа от них раздались выстрелы. Над головами засвистели пули.

— Засада! — крикнул подполковник Гудзенко. — Назад, к машине!

— Товарищ подполковник, ползите по кана^ве вперед! Я прикрою...

— Не выдумывай!

— Ползите... Иначе фашисты не дадут развернуть мотоцикл. Перестреляют...

Офицеры поняли, что задумала Максимова. Нужно отползти от мотоцикла подальше и огнем отвлечь гитлеровцев. Так и поступили. Пока они ползли, Нина вступила в перестрелку с фашистами. Одного или двух ей удалось сразить.

И вот противник оставил ее в покое. Теперь он стал стрелять левее, откуда вели огонь подполковник Гудзенко и капитан Загребельный. Девушке было достаточно нескольких секунд, чтобы кошкой вскочить на мотоцикл, круто развернуться назад.

— Быстрее! — крикнула она офицерам, притормозив машину. И на глазах гитлеровцев вместе со своими пассажирами умчалась из поселка.

В дивизию они вернулись на следующий день, выполнив боевое задание.

За мужество и храбрость, проявленные при выполнении заданий командования, Нина Семеновна Максимова была награждена несколькими правительственными наградами. Мне посчастливилось сделать снимок, когда она получила первую свою награду — медаль «За отвагу».

Помню, возвращался я тогда в редакцию расстроенный. За весь день ни одного удачного снимка. И вдруг услышал трескотню мотоцикла. Отскочил на обочину. Гляжу — Максимова. Она тоже узнала меня. Остановилась.

— Подвезти, товарищ политрук?

— Спасибо! Дойду пешком. — И тут я заметил на ее комбинезоне серебристый кружочек медали «За отвагу».— С наградой можно поздравить? Когда же получили?

— Вчера. Комиссар дивизии вручил.

Я решил сделать фотоснимок. Вот такой, какой я видел ее в эту минуту. В шлеме, из-под которого выбиваются непокорные локоны. Крепко сжимающей руль сильными руками. Но больше всего мне понравилось ее лицо. Оно было удивительно выразительным. Губы, глаза — все его черты говорили о смелом, решительном и твердом характере этой девушки.

Нина было запротестовала: деокать, не причесана, в комбинезоне и тому подобное — чисто женские доводы. Но мне она нужна была именно такой: не остывшей от быстрой езды, устремленной вперед, готовой встретить любые опасности, перенести любые трудности.

...После войны Нина Семеновна Максимова работала на одном из ленинградских предприятий. Она активно участвовала в военно-патриотической работе. Но трудные годы войны сказались на здоровье: в сентябре 1974 года Нина Семеновна Максимова скончалась.

В СНАЙПЕРСКОЙ ЗАСАДЕ

Передо мной еще одна фотография. Я сделал этот снимок на Пулковском рубеже. На нем изображен молодой парень — боец второго стрелкового полка Иван Андреев. Скромный, серьезный, он был из тех людей, которые <не любят говорить о себе, о своих заслугах. На все мои вопросы Иван обычно отвечал двумя словами: «да» или «нет».

Его немногословность была, вероятно, профессиональной чертой. До войны Андреев работал водолазом. А в июне сорок первого года выполнял какие-то специальные работы в области.

Мужественная профессия водолаза, как известно, к разговорам не располагает. Опустился человек в подводное царство, и связывает его с внешним миром только сигнальная веревка. Действует один, на свой страх и риск.

В первые дни войны водолазные работы были прекращены. Иван подал заявление с просьбой отправить его на фронт. Но когда в районе начали формировать истребительный отряд, Андреев стал просить, чтобы и его зачислили туда. Просьбу водолаза уважили.

Два месяца отряд находился в тылу врага. Партизаны совершали дерзкие и смелые рейды, вели разведку, вступали в ожесточенные схватки с противником. Затем часть бойцов вошла в действующую армию. Андреев: оказался под Ленинградом, в нашей дивизии.

Его назначили наводчиком миномета. Он быстро освоил свою новую солдатскую специальность. И вскоре стал сержантом, командиром минометного расчета. В это время наша дивизия уже находилась на Пулковоком рубеже, она стала 189-й стрелковой дивизией. Второй стрелковый полк, в котором служил Андреев, теперь стал 880-м.

В обороне минометчикам работы хватало. Их огонь причинял фашистам немало неприятностей. Мины накрывали гитлеровцев в любых укрытиях. Противник тоже не жалел огня для подавления наших минометов. И вот тогда, чтобы фашисты не успевали их засекать, и был разработан метод стрельбы из кочующих минометов.

Дело это вроде нехитрое: отстрелял — и меняй быстрее позицию. Но на самом деле все было непросто. Стрельба из кочующего миномета требовала от расчета не только сноровки, ио и умения быстро готовить данные для стрельбы, точно вести пристрелочный огонь, вносить поправки. Расчету сержанта Андреева в этом отношении почти не было равных. Его называли снайперским.

Однако боевые успехи не радовали Ивана. Ему хотелось драться с врагом лицом к лицу. К этому времени в нашей дивизии, как и в других частях фронта, стало широко распространяться движение снайперов-истребителей.

Немало желающих выйти на передний край со снайперской винтовкой появилось и в 880-м стрелковом полку. И командиру полка майору Никифорову, чтобы отобрать лучших стрелков, пришлось устроить своеобразный «конкурс».

Недалеко от командного пункта полка был устроен импровизированный тир. В нем, на расстоянии двести

метров, установили стандартные мишени. Затем коман» дир собрал в тире желающих показать свое искусство.

Каждому бойцу предстояло сделать четыре выстрела, результаты оценивались по количеству очков. Естествен* но, каждый стремился не ударить в грязь лицом. Буду* щие снайперы заметно волновались. И вот прозвучал последний выстрел. Все направились к мишеням.

Одни радостно улыбались, видя отличные результаты стрельбы, другие смущенно отходили. Дошла очередь и до Андреева. Майор не стал подсчитывать очки, вынул из кармана спичечный коробок и приложил его к черному «яблочку». Все четыре пробоины оказались закрытыми!

— Мастерски стреляешь, минометчик,— похвалил Ивана командир полка. — Где ж ты так научился?

— А я еще до войны одним из первых получил в нашем районе значок «Ворошиловский стрелок». С тех пор и полюбил стрелковый спорт.

Довольный вернулся в батальон сержант Андрее®. Доложил о результатах испытания командиру.

— Молодец! — выслушав сержанта, сказал капитан В. Тараканов. — Завтра получишь снайперскую винтовку. На первых порах научу тебя, как с ней обращаться... Уверен, дело у тебя пойдет. Ты парень настойчивый, своего добьешься.

Начались дни напряженной учебы. Каждую свободную минуту Иван использовал для того, чтобы освоить стрельбу из винтовки со снайперским прицелом. Изучал правила маскировки, учился определять расстояние до цели, вносить поправки на ветер, на температуру. Оказалось, что для меткой снайперской стрельбы знать надо многое.

В начале января командир батальона проверил, как сержант подготовился к выходу на передний край. Результатами остался доволен.

— И вот наступил день,— рассказывал мне Иван Андреев,— когда командир разрешил пойти в снайперскую засаду. Мороз был такой, аж дух перехватывало. В маскхалате, соблюдая меры маскировки, я выполз на нейтральную полосу. На первый раз задача у меня была ограниченная — изучить передний край противника, наметить ориентиры, подготовить основную и запасные позиции. На это ушло четверо суток...

На пятые сутки капитан Тараканов и сержант Андреев вышли на «охоту». День прошел безрезультатно. То же повторилось и на следующий раз. То ли был очень крепкий мороз, то ли гитлеровцы стали осторожными, но ни одного фашиста не было видно. Передовая словно вымерла.

И вновь сержант Иван Андреев ранним утром занял свое место в засаде. Прошло четыре невероятно томительных, долгих часа. От холода коченели руки и ноги. Все тело сдавливало невидимым прессом. Слезились глаза.

И когда, казалось, истощилось всякое терпение, снайпер увидел двух фашистов. Они шли прямо на него. Беззаботно о чем-то болтали, размахивали руками. Андреев прильнул к окуляру прицела.

— Не спеши! — предупредил капитан. — Стреляй второго, а первый никуда не денется.

В морозном воздухе сухо щелкнули один за другим два выстрела. И снова тихо на передовой. На ослепительно белом снегу остались лежать два гитлеровца. Так начал свое опасное единоборство с врагом один из прославленных снайперов нашей дивизии сержант Иван Андреев.

В его боевой биографии было немало всяких случаев. День ото дня росло снайперское мастерство солдата. Он становился зрелым бойцом. Знал уловки врага, умел разоблачать его хитрости, видел на передовой то, что другой бы и не заметил.

Однажды фашисты решили покончить с русским снайпером. В тот день, как обычно на рассвете, Иван Занял свою ячейку. В траншее противника показался «солдат».

— На приманку, как карася, ловят! — усмехнулся Иван, разглядывая в бинокль фашистскую куклу. — Что ж, посмотрим, кто хитрее!

Он сделал по «солдату» три прицельных выстрела. Кукла исчезла. Вероятно, гитлеровцы осматривали пробоины.

Андреев быстро покинул позицию, перебрался на запасную и стал продолжать наблюдение. Фашисты, решив, что им удалось определить место, где засел русский снайпер, открыли минометный огонь.

Более полусотни мин выпустили они. В воздух летели комья земли, обломки досок, бревна, Иван

с сожалением смотрел, как гитлеровцы размолотили его снайперское гнездо, которое он с таким трудом устроил.

Затем огонь прекратился. Враги были уверены, что теперь от нашего снайпера и костей не собрать. Один из гитлеровцев решил полюбопытничать, посмотреть на свою работу и высунулся из траншеи. Этого мгновения было достаточно сержанту Андрееву, чтобы на его счету появился еще один гитлеровец.

Вскоре имя Ивана Андреева стало известно всей дивизии. О нем не раз писалось в «дивизионке». А когда он уничтожил более ста фашистов, фамилия сержанта появилась на «Доске почета», которую вела наша газета «За Родину».

Боевые успехи Ивана Андреева были отмечены правительственными наградами. Ему было присвоено звание младшего лейтенанта. Он стал командиром минометного взвода. Авторитет Андреева у подчиненных был непререкаем, люди знали, что их командир сам испытал все трудности солдатской службы.

...После войны наши дороги с Иваном Дмитриевичем Андреевым не разошлись. Мы стали часто встречаться. Он работает машинистом компрессора. И трудовая слава бывшего ополченца, защитника города Ленина, не хуже его боевой славы.

НАРОДНОЕ ОПОЛЧЕНИЕ В БИТВЕ ЗА ЛЕНИНГРАД

(Краткая хроника)[1]

22 июня 1941 года **(1-й день войны)**

Вероломное нападение фашистской Германии на Советский Союз. Начало Великой Отечественной войны.

Указом Президиума Верховного Совета СССР в Ленинграде и Ленинградской области, как и в других прифронтовых местностях страны, введено военное положение,

23 июня **(2-й день войны)**

В ночь на 23 июня в Ленинграде объявлена первая воздушная тревога. Отбит налет фашистской авиации на Кронштадт. Зенитным огнем уничтожен первый вражеский самолет. Началась мобилизация запасных.

24 июня **(3-й день войны)**

Ленинградский военный округ преобразован в Северный фронт. Командующим фронтом назначен генерал-лейтенант М. М. Попов.

15 июня **(4-й день войны)**

Ленинградский обком и горком ВКП(б) приняли постановление о формировании истребительных батальонов для борьбы с воздушными десантами и диверсионными группами противника. К началу июля создано 168 батальонов численностью свыше 36 тысяч человек.

Финляндия объявила войну Советскому Союзу.

26 июня **(5-й день войны)**

Началась героическая оборона советской военно-морской базы па полуострове Ханко.

27 июня **(6-й день войны)**

Состоялось совещание в горкоме партии у А. А. Жданова, посвященное вопросам усиления обороны Ленинграда. Наряду с другими неотложными мерами решено сформировать армию добровольцев в составе семи стрелковых дивизий.

28 июня **(7-й день войны)**

Ставка Верховного Главнокомандования утвердила план ор« гаиизации в Ленинграде семи добровольческих дивизий. [11]

---

[11] **Составлена канд. ист. наук 10. Н. Яблочкиным,**

29 июня **(8-й день войны)**

День рождения Ленинградского народного ополчения.

Райкомы партии Ленинграда приняли постановление о формировании добровольческих частей и подразделений. Созданы районные комиссии по отбору добровольцев.

На предприятиях и в учреждениях началась запись добровольцев.

30 июня **(9-й день войны)**

Началось зачисление в армию добровольцев Ленинграда, которая с 4 июля стала называться Ленинградской армией народного ополчения (ЛАНО). К концу дня в 16 районах, включая Пушкинский, комиссии отобрали 10 890 человек. Каждый второй — коммунист или комсомолец.

Образованы Военный совет, штаб и политотдел армии. Командующим назначен генерал-майор А. И. Субботин, помощник начальника штаба Северного фронта; членами Военного совета: Л. М. Антюфеев—заведующий отделом горкома ВКП(б) и бригадный комиссар Н. И. Жмакин. Политотдел возглавил И. А. Верхоглаз, заведующий военным отделом горкома партии.

1 июля **(10-й день войны)**

Создана чрезвычайная Комиссия по вопросам обороны Ленинграда. В ее состав вошли: секретарь ЦК ВКП(б), Ленинградского обкома и горкома партии А. А. Жданов (председатель), секретарь горкома В КП (б) А. А. Кузнецов, секретарь обкома ВКП(б) Т. Ф. Штыков, председатель облисполкома Н. В. Соловьев и председатель горисполкома П, С. Попков.

2 июля **(11-й день войны)**

В армию добровольцев зачислено по городу 45 183 человека. Больше всего — 5808 человек — отобрано в Кировском районе. Военным советом армии разработан «План организации двухсоттысячной армии добровольцев г. Ленинграда», предусматривающий формирование 15 стрелковых дивизий (по количеству городских районов).

3 июля **(12-й день войны)**

По радио выступил Председатель Государственного Комитета Обороны И. В. Сталин. В заключение своего выступления он сказал: «Трудящиеся Москвы и Ленинграда уже приступили к созданию многотысячного народного ополчения на поддержку Красной Армии. В каждом городе, которому угрожает опасность нашествия врага, мы должны создать такое народное ополчение, поднять на борьбу всех трудящихся, чтобы своей грудью защищать свою свободу, свою честь, свою Родину— в нашей Отечественной войне с германским фашизмом».

4 июля **(13-й день войны)**

Горком партии принял постановление о создании в Ленинграде двухсоттысячной армии народного ополчения (ЛАНО). Каждый городской район должен выставить по дивизии, а Колпинский, Пушкинский, Петергофский и Кронштадтский — укомплектовать три полка. В основу формирования положен производственный принцип. Областной комитет партии одобрил инициативу Новгорода, Боровичей, Порховского, Кинги-

сеппского и других районов и городов области, которые начали у себя организацию ополченских подразделений. Дальнейшее их формирование обком ВКП(б) возложил на горкомы и райкомы партии, а также на местные военкоматы.

Военный совет ЛАНО принял ряд постановлений: о спешном формировании из числа ополченцев 14 отдельных пулеметно-артиллерийских батальонов (ОПАВ) для укрепленных районов, о подготовке трех дивизий народного ополчения к отправке на Лужский оборонительный рубеж, о вооружении личного состава ополчения.

Во второй половине дня начался перевод на казарменное положение формируемых в Ленинграде частей и подразделений ополчения.

К вечеру количество зачисленных в Ленинградскую армию народного ополчения достигло 77 413 человек. Первое место по числу отобранных добровольцев по-прежнему занимал Кировский район. За ним шли Красногвардейский, Володарский, Свердловский и Московский районы.

Передовые части 4-й танковой группы противника пересекли границу Ленинградской области и вторглись на Псковщину.

В июля **(14-й день войны)**

После двухдневных боев советские войска оставили город Остров. Вместе с частями Красной Армии город обороняли островский истребительный батальон и отряд местного партийного актива. Это было первое боевое столкновение с врагом добровольческих формирований Ленинградской области.

6 июля **(15-й день войны)**

Вышел первый номер ежедневной газеты Ленинградской армии народного ополчения «На защиту Ленинграда». Последний номер газеты датирован 7 октября 1941 года.

Численность Ленинградского ополчения возросла до 96 776 человек. Партийно-комсомольская прослойка среди ополченцев превышала 40 процентов.

7 июля **(16-й день войны)**

«Правда» опубликовала сообщения о массовых формированиях частей и отрядов народного ополчения в Москве, Ленинграде, Калинине и других городах Советского Союза.

8 июля **(17-й день войны)**

В гитлеровской ставке состоялось совещание, на котором, в частности, говорилось о предстоящем наступлении фашистских войск на Ленинград. Начальник штаба сухопутных войск генерал Гальдер записал в своем служебном дневнике: «Непоколебимо решение фюрера сравнять Москву и Ленинград с землей, чтобы полностью избавиться от населения этих городов... Это будет „народное бедствие, которое лишит центров не только большевизм, но и московитов вообще“».

9 июля **(18-й день войны)**

Вражеские войска захватили Псков.

10 июля **(19-й день войны)**

Образовано главнокомандование Северо-Западного направления. Главком — Маршал Советского Союза К. Е. Ворошилов, член Военного совета — А. А. Жданов.

Вражеские танковые и моторизованные дивизии группы армий «Север», захватив Остров и Псков, повернули на север и северо-восток. Завязались бои на дальних подступах к Ленинграду. Началась героическая оборона города Ленина.

Из Кронштадта на пополнение дивизий народного ополчения прибыл 331 доброволец. Большинство кронштадтцев зачислено во 2-ю ДНО.

Ночью в Ленинград пришел эшелон с 901 ополченцем Колпина. В их числе 114 самокатчиков с велосипедами. Среди прибывших — в основном рабочих Ижорского завода — 85 коммунистов и 250 комсомольцев. Ижорский завод выделил ополченцам 200 комплектов шанцевого инструмента. Колпинцы включены в состав дивизии, формировавшейся в Куйбышевском районе.

Поздней ночью из Ленинграда на Лужскую укрепленную позицию стала поэшелонно убывать 1-я (Кировская) дивизия народного ополчения. Ее формировали из трудящихся Кировского и Дзержинского районов, насчитывала она в своих рядах 12 102 бойца и командира, в том числе 2273 коммуниста и комсомольца. Командир дивизии — комбриг В. А. Малинников, его заместитель по политчасти — полковой комиссар П. А. Иванов.

11 июля (20-й день войны)

«Будьте достойными сынами великого города Ленина, свято храните боевые традиции питерских рабочих» — под таким заголовком опубликовано в газете «На защиту Ленинграда» письмо старых рабочих Кировского завода бойцам-кировцам, всем воинам Ленинградской армии народного ополчения.

Во время выгрузки подразделений 1-й ДНО на станции Батецкая начался массированный налет фашистской авиации. На станционных путях загорелся вагон с боеприпасами. Группа ополченцев во главе с воентехником 1-го ранга Н. Н. Сафроновым, работником Кировского завода, бросилась расцеплять вагоны, чтобы уберечь станцию от взрыва. Станцию удалось спасти, но Сафронов погиб. Его похоронили в пристанционном сквере. Это была первая боевая потеря Ленинградского ополчения. К исходу дня, совершив большой пеший переход, первый полк 1-й ДНО достиг населенного пункта Глухой Бережок и занял оборону в полукилометре от станции Передольская, вдоль шоссейной дороги.

12 июля (21-й день войны)

В район Слуцка (Павловск) из Ленинграда выступил 274-й ОПАБ, сформированный из рабочих и инженерно-технических работников Балтийского завода имени Орджоникидзе. Командир батальона — старший лейтенат А. С. Медведников, комиссар — Л. С. Волчегорский.

13 июля (22-й день войны)

Ленинградский горком ВКП(б) принял постановление о создании и военном обучении резервов для армии народного ополчения. Общее руководство обучением возлагалось на штаб ЛАНО, в районах — на райкомы партии.

По указанию главкома Северо-Западного направления Маршала Советского Союза К. Е. Ворошилова с утра во всех

районах Ленинграда приступили к спешному набору добровольцев в истребительные полки, которые предназначались для действий в ближайших тылах противника. Было сформировано четыре полка: первый из ополченцев Куйбышевского района, второй — из добровольцев Дзержинского района, остальные два — из бойцов истребительных батальонов и пограничников.

Вечером в Смольном собрались все командиры и комиссары полков. К. Е. Ворошилов и А. А. Жданов кратко рассказали собравшимся об обстановке на фронте, поставили боевые задачи. Ночью первый и второй полки отбыли к Гдову.

1-я ДНО в полном составе прибыла на отведенный ей участок и заняла рубежи в восточном секторе Лужской позиции. Около полуночи из Ленинграда на Лужскую укрепленную позицию стали уходить эшелоны с частями 2-й (Московской) дивизии народного ополчения. Дивизия была укомплектована добровольцами Московского и Ленинского районов. В ее рядах находилось 9210 бойцов и командиров, 2947 из них — коммунисты и комсомольцы. Командир дивизии — Герой Советского Союза полковник Н. С. Угрюмов.

14 июля (23-й день войны)

Рано утром авангарды вражеского 41-го танкового корпуса, использовав подразделения диверсионного полка «Бранденбург», овладели мостом через Лугу и проникли в село Ивановское.

Днем головной отряд 1-й танковой дивизии врага ворвался в Осьмино. Оборону районного центра возглавил секретарь Осьминского райкома партии И. Г. Калабанов. Поднимая коммунистов в контратаку, он геройски погиб в неравной схватке.

Утром в Веймарн пришел первый эшелон 2-й ДНО. В нем находились два батальона первого стрелкового полка и два дивизиона артиллерии. Пролетавший над станцией советский самолет-разведчик сбросил вымпел с запиской, в которой указывалось, что вражеские танковые авангарды захватили село Ивановское. В 10 часов утра к селу Ивановскому отправилась группа разведчиков под командованием Ф. П. Узелкова, ополченца из Кронштадта. Разведчики добыли необходимые сведения о противнике. Через час после выгрузки в район вражеского прорыва двинулся первый полк. В 16 часов ополченцы вступили в бой.

На станцию Замогилье (у Гдова) прибыли первый и второй истребительные полки особого назначения. Они установили связь с командованием 118-й стрелковой дивизии, которая вела оборонительные бои на этом направлении.

В торжественной обстановке 5-му (264-му) ОПАБ вручено знамя коллектива Адмиралтейского завода.

Из ополченцев Свердловского района сформирован пятый, а из ополченцев Петроградского района шестой истребительные полки особого назначения.

В течение 14—18 июля войска Северо-Западного фронта нанесли в районе Сольцов сильный контрудар по наступавшим вражеским частям 56-го моторизованного корпуса генерала

Манштейна. Теряя людей и *боевую* технику, противник откатился на 40 километров.

15 июля (24-й день войны)

Форсировав реку Лугу, части 41-го танкового корпуса генерала Рейнхардта захватили правобережный плацдарм у деревни Большой Сабек.

Секретарь обкома партии М. Н. Никитин направил срочные телеграммы в 24 горкома и райкома ВКП(б) области: «Подготовьте народное ополчение к отправке в Ленинград». Около 7 часов утра девять фашистских танков, выйдя из Ивановского, прорвались к Среднему Селу. Политрук батарея П. Д. Бархатов выкатил на прямую наводку пушку и подбил два немецких танка. Остальные поспешно ушли, захватив на буксире подбитые машины. Захлебнулась и атака автоматчиков.

Командиром первого полка 2-й ДНО назначен майор А. Секолов.

Утром из Ленинграда на северную окраину Среднего Села, где оборонялись ополченцы 2-й ДНО, прибыл на машина«: четвертый истребительный полк особого назначения (командир— И. В. Татаринов, комиссар — С. Т. Хорсун). Едва успев выгрузиться, полк вступил в бой. Во второй половине дня по приказу К. Е. Ворошилова полк выведен из боя и направлен в деревню Мануйлово для подготовки к действиям в тылу противника. В этот же район боев прибыла часть бойцов и командиров третьего истребительного полка особого назначения.

Выгрузившись из эшелона, второй полк 2-й ДНО, которым командовал В. С. Лифанов, совершил марш-бросок к Юркам и после боев у деревни Забелье совместно с некоторыми подразделениями третьего полка освободил этот населенный пункт.

Батальоны третьего полка (командир — майор П. И. Бедрицкий) 2-й ДНО вступили в деревни Малые Пелеши и Пустошку, вышли на правый берег реки Луги у впадения в нее реки Вруды и установили контакт с курсантами Пехотного училища имени С. М. Кирова, которые оборонялись в районе Большого Сабека.

В течение дня в распоряжение 2-й ДНО прибыли 519-й корпусной артиллерийский полк резерва Главного командования, танковый батальон бронетанковых курсов усовершенствования командного состава, саперный батальон и другие части. Днем в боевых порядках 2-й ДНО побывали главнокомандующий Северо-Западным направлением Маршал Советского Союза К. Е. Ворошилов и командующий Северным фронтом генерал-лейтенант М. М. Попов. Они помогли командованию дивизии организовать оборону и контратаки.

После полудня подразделения первого полка 2-й ДНО, поддержанные танками, продвинулись вперед и закрепились на южной окраине Среднего Села. В этом бою участвовали почти все политработники дивизии. Они поднимали ополченцев в атаки, шли в первых цепях. Геройски погибли комиссар первого полка А. С. Константинов, парторг В. Г. Наумов, комсорг М. А. Косорымов.

«День 15 июля стал кондом периода быстрого продвижения 4-й танковой группы на Ленинград», — писал после войны бывший начальник штаба этого механизированного объединения генерал В. Шаль де Болье.

По приказу командования первый и второй истребительные полки особого назначения заняли боевые рубежи у деревень Великие Луги, Сельцы и Остров и включились в оборонительные бои за город Гдов. Часть ополченцев направлена во вражеский тыл.

В район Красного Села — Петергофа (Петродворец) походным маршем выступила из Ленинграда 3-я (Фрунзенская) дивизия народного ополчения, сформированная из добровольцев Фрунзенского, Приморского и Выборгского районов. Она насчитывала 10 094 бойца и командира. 2425 ополченцев были коммунистами и комсомольцами. Командовал дивизией Герой Советского Союза полковник А. П. Нетреба, его заместителем по политчасти, а затем комиссаром стал Д. Н. Соболев, бывший заведующий военным отделом обкома ВКП(б).

Состоялись митинги бойцов и командиров пятого и шестого истребительных полков особого назначения. На митинге шестого полка присутствовал секретарь ЦК, обкома и горкома партии А. А. Жданов. Перед личным составом пятого полка выступил секретарь горкома ВКП(б) А. А. Кузнецов. Ночью полки отправились с Витебского вокзала в Новгород, в распоряжение командования Северо-Западного фронта.

16 июля **(25-й день войны)**

Указом Президиума Верховного Совета СССР в Красной Армии введен институт военных комиссаров.

В Ленинград прибыло свыше 800 ополченцев из Сестрорецка, Шлиссельбурга (Петрокрепость) и Красногвардейска (Гатчина). Они пополнили дивизию, формировавшуюся в Дзержинском районе.

17 июля **(26-й день войны)**

Одна из рот четвертого истребительного полка особого назначения совершила рейд в ближайший тыл врага и около Поречья (2,5 километра южнее села Ивановского) разгромила штаб полка 6-й немецкой танковой дивизии. Были захвачены важные документы. Одновременно другая рота вышла на коммуникации противника, ведущие из Ивановского в деревню Долгую.

Перейдя фронт, начали действовать во вражеском тылу южнее Луги подразделения третьего истребительного полка особого назначения.

488 ополченцев Слуцка (Павловск) и Слуцкого района прибыли в Ленинград, они были включены в дивизию, создававшуюся в Куйбышевском районе.

После ожесточенных боев на подступах к Гдову и на улицах города он оказался в руках врага.

18 июля **(27-й день войны)**

Газета «На защиту Ленинграда» впервые опубликовала материалы о боевых действиях ленинградских ополченцев.

Во 2-ю ДНО прибыло 19 кадровых командиров, присланных штабом фронта. Среди прибывших были Г, Л. Арсенов,

М. Г. Лупенков, И. С. Миров, В. Н. Сергеев, А. С. Климов и другие командиры, отличившиеся в последующих боях. Комиссаром дивизии назначен полковой комиссар П. Т. Тихонов. В военном дневнике оперативного управления генерального штаба сухопутных войск вермахта указано, что для противодействия наступлению 41-й танковой группы на Ленинград советское командование выдвинуло к Луге «охрану ленинградских заводов». Так враг отметил начало боевых действий ополчения Ленинграда.

В частях и подразделениях 1-й ДНО прошли партийно-комсомольские собрания, на которых стоял один вопрос: «Оборона занятого рубежа и задачи коммунистов в борьбе с вражескими танками».

Военный совет Л АНО постановил создать 1-ю и 2-ю гвардейские дивизии народного ополчения. На позиции Петергофского оборонительного узла из Ленинграда выступил 264-й ОПАВ, сформированный из судостроителей-адмиралтейцев, студентов Кораблестроительного института и рабочих завода по обработке цветных металлов. Командир батальона— старший лейтенант М. С. Бондаренко, комиссар — М. А. Крысов.

Южнее Красного Села занял позиции 265-й ОПАБ. Командир— старший лейтенант К. И. Рождественский, комиссар — И С. Нестеров.

В город Пушкин выступил 266-й ОПАБ. В нем было около 1150 добровольцев Куйбышевского района Ленинграда. Командир батальона — И. Я. Хламов, комиссар — В. П. Северюхнн.

19 июля **(28-й день войны)**

На базе восьмого, девятого и десятого истребительных полков создана 4-я (Дзержинская) дивизия народного ополчения. Личный состав 4-й ДНО — 4267 бойцов и командиров, треть из них — коммунисты и комсомольцы. Командир дивизии — полковник П. И. Радыгин, комиссар — старший батальонный комиссар И. А. Степанов.

«В 1-й ДНО мужество и самоотверженность показали мл. лейтенант Трепелов, мл. командир Гальперин, бойцы Виноградов и Степанов. Во время бомбардировки неприятельскими самолетами ст. Батецкая возник пожар. Охваченные огнем цистерны с горючим были прицеплены к двум вагонам со снарядами. Эти товарищи, не щадя своей жизни, бросились к горящим вагонам, отцепили вагоны со снарядами и откатили их от горящих цистерн, предотвратив таким образом неминуемый взрыв. За проявленную решительность приказом по полку смельчакам объявлена благодарность» (из донесения политотдела Лужской опергруппы фронта).

Фашистская ставка приказала временно прекратить наступление на Ленинград и возобновить его «лишь после того, как 18-я армия войдет в соприкосновение с 4-й танковой группой, а ее восточный фланг будет обеспечен силами 16-й армии».

20 июля **(29-й день войны)**

Постановлением Военного совета Л АН О штаб Ленинградской армии народного ополчения преобразован в орган руководства военным обучением трудящихся Ленинграда.

Выступил на фронт первый полк 3-й ДНО. Он занял боевые рубежи на правом берегу реки Луги, между деревнями Муравейно и Гостятино. Командир полка—майор Раевский, комиссар — Павлов.

Пересекли линию фронта и начали рейд по ближним тылам гитлеровцев батальоны и взводы пятого истребительного полка особого назначения (командир — К. Н. Волович, комиссар — Н. Ф. Сенкевич). На следующий день у деревни Мараморки, на шоссе Псков — Ленинград, они провели боевую операцию, уничтожив охранение фашистского штаба.

На петрозаводское направление отбыл седьмой истребительный полк особого назначения под командованием Н. В. Алмазова.

Теа^р народного ополчения под руководством народного артиста РСФСР Н. К. Черкасова сдал политотделу ЛАНО свою первую программу—театрализованное обозрение «Прямой наводкой».

20—27 июля тремя отдельными батальонами четвертый истребительный полк особого назначения углубился на 20—35 километров в тыл противника и нанес серию ударов в районе деревень Крупа, Ариновка, Загорье, Киноши, Муравейно.

21 июля **(30-й день войны)**

Ночью части 2-й ДНО провели решительную атаку села Ивановского. Первый полк ворвался в село и захватил его северную окраину. Однако к утру под ураганным огнем противника ополченцы вынуждены были отойти из Ивановского. В ночном бою геройски погиб инструктор политотдела дивизии Я. А. Дворян, бывший секретарь парткома фабрики № 1 «Пролетарская победа».

Бойцы третьего полка 2-й ДНО Б. С. Норкин, Л. К. Вертоусов, И. Г. Клинов, будучи в разведке, захватили двух немецких летчиков с подбитого фашистского самолета. Это были первые пленные, взятые ополченцами 2-й ДНО.

Фашистская газета «Фолькишер беобахтер» поместила статью «В борьбу вступает советская охрана заводов».

22 июля **(31-й день войны)**

Первый полк 4-й ДНО на автомашинах переброшен в город Нарву. Он поступил в оперативное подчинение 191-й стрелковой дивизии и занял позиции по реке Нарве.

23 июля **(32-й день войны)**

Приказом начальника ленинградской МПВО с 12 часов на всех крышах и чердаках городских зданий установлены круглосуточные посты.

24 июля **(33-й день войны)**

В Смольном состоялось собрание партийного актива Ленинграда, посвященное неотложным задачам обороны города. Выступая перед собравшимися, Маршал Советского Союза К. Е. Ворошилов сказал, в частности, о 2-й ДНО: «Хорошо дерется Московская дивизия!»

Военный совет ЛАНО принял постановление о создании 3-й гвардейской дивизии народного ополчения.

Закончилась деятельность штабов формирования ополченски* дивизий и полков в Куйбышевском, Смольнинском, Выборгском, Приморском, Василеостровском, Октябрьском, Ленинском и Красногвардейском районах Ленинграда.

Ночью из Котлов в Крикково, на рубежи обороны в Кингисеппском секторе, выступили второй и третий полки 4-й ДНО,

июля (34-й день войны)

Ленинградский обком и горком партии приняли совместное постановление о формировании партизанских отрядов. Решено создать 230 отрядов в Ленинграде и 70 — в области. Ответственность за выполнение постановления возложена на военные отделы обкома и горкома ВКП(б), а также на Военный совет Л АНО.

Первый полк 4-й ДНО, занимавший позиции на левом берегу реки Нарвы, вступил в бои с противником, продолжавшиеся до 2 августа. Ополченцы потеряли 18 человек, в том числе комиссара полка П. Я. Кузнецова.

На стадионе Кировского завода состоялись первые занятия с резервами народного ополчения.

26 июля (35-й день войны)

С боями продвинувшись до линии населенных пунктов Раглицы — Голубково — Югостицы, авангарды вражеского 56-го моторизованного корпуса вошли в боевое соприкосновение с частями 1-й ДНО.

Первый батальон второго полка 1-й ДНО в течение полусуток вел бой с противником. Несмотря на сильный огонь артиллерии, минометов и пулеметов врага, ополченцы, которыми командовал старший лейтенант В. Н. Мараев, прочно удерживали свои рубежи. Геройски пал в бою комиссар батальона старший политрук В. Н. Балакин (с завода имени Жданова). Спасая командира, погибла дружинница А. В. Алексеева, работница Кировского универмага.

Поднятая по тревоге, 3-я ДНО (без первого полка) выехала на фронт, за реку Свирь.

27 июля (36-й день войны)

В тылу вражеских войск, южнее реки Луги, самолеты Северного фронта разбросали листовки с обращением «К населению советских районов, занятых фашистскими войсками». Руководители обороны Ленинграда К. Е. Ворошилов и А. А. Жданов призывали трудящихся: «Организуйте партизанские группы и отряды, захватывайте оружие и боеприпасы у врага, беспощадно уничтожайте его днем и ночью, из-за угла и в открытом бою».

Приказ по ЛАНО о создании 4-й гвардейской дивизии народного ополчения.

Артиллерийский полк 1-й ДНО начал регулярные огневые удары по скоплениям вражеских войск у разъезда Кчеры и у реки Мшаги, на стыке с 237-й стрелковой дивизией. Командир артполка — майор Б. Г. Дубов, комиссар — П. В. Дмитриев, бывший секретарь парткома завода имени Жданова.

Из Ленинграда в Красногвардейский укрепленный район начали выходить полки 1-й гвардейской дивизии народного ополчения. Она была сформирована в Куйбышевском районе.

Вошли в нее добровольцы из других районов города и области. В дивизии насчитывалось 10 815 бойцов и командиров, в их числе были 2850 коммунистов и комсомольцев. Командир 1-й гвардейской ДНО — полковник И. М. Фролов, комиссар — полковой комиссар К. Д. Иванов.

Взрывом фашистского склада боеприпасов в деревне Подгорье (Псковский район) начал боевые действия за линией фронта батальон Скородумова из шестого истребительного полка особого назначения.

В 4-ю гвардейскую ДНО вступил бойцом каменщик с Выборгской стороны Ф. А. Смолячков — будущий зачинатель снайперского движения на Ленинградском фронте, Герой Советского Союза.

28 июля **(37-й день войны)**

Совет Народных Комиссаров СССР принял постановление «Об обеспечении добровольцев, вступивших в части войск действующей Красной Армии». Добровольцы, в том числе и ополченцы, удовлетворялись всеми видами довольствия по штатным должностям, на которые были назначены.

Возвратившись из тыла противника, батальоны четвертого истребительного полка особого назначения соединились у деревни Большое Кленно. По приказу командования они заняли боевой рубеж по северному берегу реки Луги, на стыке 2-й ДНО и 191-й стрелковой дивизии.

29 июля **(38-й день войны)**

Два дивизиона артполка 3-й ДНО (командир полка — капитан Конюшкин, позднее — военинженер 2-го ранга М. С. Сорокин) заняли позиции возле устья реки Тулоксы. Они стали оказывать постоянную огневую поддержку 3-й бригаде морской пехоты и другим частям Южной оперативной группы, которые оборонялись на этом направлении.

Третий батальон второго полка 1-й ДНО отбил несколько атак противника. Поднимая бойцов в штыковую атаку, был смертельно ранен политрук роты М. А. Трескунов, коммунист с завода имени Жданова.

Открыв меткий огонь, бойцы взвода младшего лейтенанта А. Покинь-Вербы из третьего полка 2-й ДНО подбили фашистскую бронемашину, появившуюся на противоположном берегу реки Луги. Посланные на вражескую сторону разведчики достали из подбитой машины документы и оружие.

Активные боевые действия в тылу врага развернул сводный отряд В. Савченко из шестого истребительного полка особого назначения.

На пополнение 2-й гвардейской ДНО штаб фронта прислал 46 лейтенантов — выпускников военных училищ.

30 июля **(39-й день войны)**

Начался переход на позиции в Красногвардейском укрепленном районе частей 2-й гвардейской ДНО. Основу дивизии составили добровольцы Свердловского района. В ней насчитывалось 11 326 бойцов и командиров, 27 процентов личного состава—коммунисты и комсомольцы. Командир дивизии — Герой Советского Союза полковник В. А. Трубачев, военком— старший батальонный комиссар П. И. Герасимов.

Разведывательная рота первого полка 1-й ДНО, совершая поиск в тылу врага, дерзкой атакой уничтожила механизированный отряд противника. Ополченцы захватили фашистские танки, мотоциклы, противотанковое орудие. Командовал ротой В. И. Бескончин, токарь-зуборез Кировского завода. Вместе с ополченцами действовали бойцы Уторгошского истребительного батальона.

31 июля **(40-й день войны)**

Перешли в наступление финские войска на Карельском перешейке.

Успешный бой разведотряда 3-й ДНО с отрядом финских войск. Смелой атакой ополченцев в районе деревин Сяндебы противник был обращен в бегство. На поле боя враг оставил 27 велосипедов, много убитых солдат и оружие.

Возвращаясь из разведки у разъезда Кчеры, группа ополченцев первого полка 1-й ДНО оказалась окруженной превосходящими силами противника. Более суток взвод разведчиков-кировцев отважно вел неравный бой. Особенно отличились помкомвзвода П. Сорокин, комсорг П. Пташкин, пулеметчики В. Вербицкий и В. Везико, семнадцатилетняя дружинница Елена Иванова.

1 августа **(41-й день войны)**

Комсомолец И. Андреев, боец первого полка 1-й ДНО, набрав ручных гранат, проник во вражескую огневую точку и, пожертвовав собой, взорвал изнутри дзот, который долго и сильно досаждал подразделениям полка.

2 августа **(42-й день войны)**

Ночью на участке обороны второго полка 2-й ДНО, у деревни Муравейно, противник численностью до двух взводов переправился через Лугу и атаковал позиции ополченцев. Его встретили дружным ружейно-пулеметным и минометным огнем. Гитлеровцы поспешно убрались на «свой» берег, оставив шесть убитых и раненых.

Разведвзвод первого полка 3-й ДНО, углубившись на оккупированную врагом территорию за рекой Лугой, устроил засаду неподалеку от поселка Осьмино и захватил трех «языков».

Сорвав неоднократные попытки врага форсировать реку Лугу, четвертый истребительный полк особого назначения контратаковал противника и занял на южном берегу реки деревню Малое Кленно.

3 августа **(43-й день войны)**

Батальоны третьего полка подполковника К. И. Квятковского (3-я ДНО) атаковали финские войска у деревни Верхний Конец и прервали их связь с гарнизоном в населенном пункте Сяндеба.

4 августа **(44-й день войны)**

Под прикрытием сильного артиллерийского огня противник предпринял наступление на деревню Сяглы. Ополченцы 2-й ДНО вместе с бойцами 34-го инженерного батальона отбили все атаки врага.

Огнем артиллерии 3-й ДНО уничтожено скопление вражеских

войск и боевой техники в районе деревни Верхний Конец. Командовал батареей лейтенант П. А. Кальм.

На фронт, в город Лугу, отправлен 274-й ОПАБ. Он поступил в оперативное подчинение 177-й стрелковой дивизии.

5 августа (45-й день войны)

Группа разведчиков 2-й ДНО во главе с помощником командира взвода П. И. Пьянковым подобралась к окопам гитлеровцев под селом Ивановским и забросала их гранатами. Разведчики корректировали огонь нашей артиллерии. В завязавшемся бою П. И. Пьянков погиб.

6 августа (46-й день войны)

К 19 часам второй полк 3-й ДНО, которым командовал майор К- В. Зубцов, овладел деревней Сяндебой, за которую шли многодневные упорные бои. Первой в деревню ворвалась рота лейтенанта Измайлова, павшего смертью храбрых. Инициативу и отвагу проявила военфельдшер А. А. Павлова. Приняв на себя командование ротой после гибели командира, она подняла ополченцев в атаку и увлекла их на штурм Сяндебы. Деревню взяли, но Павлова погибла в бою. 2-й ДНО дан приказ готовиться к решительному наступлению на вражеский плацдарм у Ивановского и Поречья. Наступление назначено на 8 августа.

В период подготовки к наступлению в дивизий было подано пятьдесят заявлений о приеме в партию и тридцать — в комсомол.

На пополнение 2-й ДНО прибыл маршевый батальон (991 человек), укомплектованный ополченцами 4-й гвардейской ДНО. 6—8 августа подразделения третьего полка 3-й ДНО (командир полка — подполковник К. И. Квятковский) вели бои за высоту 40.0, контролировавшую важные дороги в ближайшем тылу финских войск.

7 августа (47-й день войны)

Началась оборона Таллина и островов Моонзундского архипелага.

8 августа (48-й день войны)

В 4 часа утра было отменено ранее намеченное наступление 2-й ДНО. Выдвинувшиеся вперед подразделения возвратились на исходные рубежи.

В 10 часов утра, после сильного огневого удара по окопам ополченцев, перешли в наступление вражеские танки и пехота 41-го танкового и 38-го армейского корпусов. Полки 2-й ДНО и поддерживающие дивизию части упорно отражали натиск врага. Только на правом фланге противнику удалось вклиниться в нашу оборону на 3—5 километров. Первый полк отошел за Среднее Село к эскарпу и удерживал позиции до 12 августа. Гитлеровцам удалось потеснить подразделения второго и третьего полков, но прорвать фронт они не смогли.

В 23 часа 30 минут штаб 41-го немецкого танкового корпуса донес по команде: «После начального упорного сопротивления в полевых укреплениях противник после обеда перешел в сильные контратаки (вероятно, вновь подошедшими силами) против 36-й моторизованной и 6-й танковой дивизий,

причем эти атаки удалось отбить, только введя в бой все силы 6-й танковой дивизии. Продолжение наступления (несмотря на успехи 1-й танковой дивизии у Сабека и 1-й пехотной дивизии северо-западнее Поречья) невозможно из-за сильных контратак врага против 6-й танковой дивизии и ожидаемых еще более сильных вражеских атак».

9 августа (49-й день войны)

Упорная борьба по всей линии обороны частей 2-й ДНО. Дивизия и ее соседи стойко сдерживали все удары вражеского 41-го моторизованного корпуса. Только 1-й немецкой танковой дивизии ценою больших потерь удалось пробиться к селениям Извоз и Устье и соединиться с батальоном 36-й моторизованной дивизии, окруженным накануне ополченцами у Пустошки.

Зону боев 2-й ДНО посетил А. А. Кузнецов, секретарь Ленинградского горкома ВКП(б), член Военного совета фронта. 266-й ОПАВ занял огневые позиции на западном берегу реки Нарвы, южнее Кренгольмской мануфактуры, фронтом на восток.

10 августа (50-й день войны)

Пехотные и моторизованные дивизии группы фашистских армий «Север», поддержанные 8-м бомбардировочным авиакорпусом, перешли в наступление на лужском и новгородском направлениях.

Начались яростные бои по всему фронту обороны 1-й ДНО. Стойко удерживали свои позиции бойцы первого полка. Высота Безымянная, которую они обороняли, трижды переходила из рук в руки. Второй батальон вел смертельную схватку за деревню Малое Войново.

У деревни Закибье гитлеровцам местами удалось захватить окопы второго полка. Вечером подошли курсанты полковой школы под командованием старшего лейтенанта Г. И. Шуваева и восстановили положение.

Из записной книжки убитого фашистского солдата, наступавшего на лужском направлении: «Наша пехота не может преодолеть вражеской линии укреплений. Мы несем тяжелые потери. Сегодня мы должны отступить, так как здесь пройти нельзя. Пехота остается позади. Отступление самое тяжелое, которое нам пришлось пережить».

Продолжались сильные, но безуспешные атаки врага на всем участке, обороняемом 2-й ДНО.

Огнем своих орудий артполк 3-й ДНО активно поддерживал наступление советских войск на видлицком направлении. В район Ропша — Кипень — Русско-Высоцкое вышла из Ленинграда на боевые рубежи 3-я гвардейская дивизия народного ополчения. Ее костяк составили добровольцы Петроградского района. В составе дивизии было 10 345 бойцов и командиров, каждый четвертый—коммунист или комсомолец. Командир дивизии — полковник В. П. Котельников, комиссар — полковой комиссар Д. И. Сурвилло.

И августа (51-й день войны)

1-я ДНО вела оборонительные бои у деревень Большие и Малые Угороды и Сосенка. В Угородах дело дошло до рукопашной схватки на улицах.

2-я ДНО отражала сильные танковые атаки врага на деревню Выползово.

Просочившись на фланге, противник окружил третий полк 2-й ДНО, оборонявшийся у впадения в Лугу реки Вруды. Начались бои полка в окружении.

На станцию Волосово прибыли эшелоны с частями 1-й гвардейской ДНО. Первый полк получил приказ сосредоточиться в районе Котино — Рагулово, третий полк — в районе Кряково — Выползово. Вечером прямо с марша третий полк вошел в боевое соприкосновение с противником.

12 августа **(52-й день войны)**

Ночью отдельная разведрота 1-й гвардейской ДНО совместно с артдивизионом выбила противника из деревни Остроговицы. Закончились бои за Среднее Село. Первый полк 2-й ДНО отошел на новые позиции. Были тяжело ранены командир полка Лукин и военком Никифоров. Выбыло из строя много рядовых бойцов.

Батальон капитана М. Г. Лупенкова из второго полка 2-й ДНО отбил у деревни Юрки 16 атак противника.

В борьбу с врагом включились первый и второй полки, а также артполк 1-й гвардейской ДНО.

Боевое крещение у деревень Муликово, Лопец, Пустошка получили второй и третий полки 4-й ДНО.

В первом полку 3-й ДНО, занимавшем рубежи по реке Луге, побывали секретарь Фрунзенского райкома партии и председатель райисполкома. Они встретились с ополченцами, вручили им подарки, письма от родных и товарищей по работе.

13 августа **(53-й день войны)**

Почти полсуток в неравной борьбе удерживал участок дороги на Лугу первый стрелковый батальон первого полка 1-й ДНО. Ополченцы подбили несколько фашистских танков в районе деревни Ожогин Волочек и отразили все атаки вражеской пехоты. Но и сами понесли немалые потери. Тяжелое ранение получил комбат-1—старший лейтенант С. Ф. Сикорский, токарь Кировского завода.

Как отмечалось в дневнике боевых действий верховного командования вермахта, впервые с начала августовского наступления 56-му моторизованному корпусу генерала Манштейна удалось захватить «ограниченный участок». До этих пор в районе обороны частей 1-й ДНО все попытки корпуса продвинуться вперед кончались неудачей.

Тяжелая борьба третьего полка 1-й гвардейской ДНО у деревни Кряково. Противник бросил на ополченцев танки, мотопехоту, авиацию. Ему удалось окружить полк, но ленинградские добровольцы продолжали вести бой, пробиваясь к своим. Второй полк сдерживал натиск врага у поселка Лятцы.

4-я гвардейская ДНО переведена на положение запасной. Ее цель — пополнять действующие части и соединения ЛАНО.

14 августа **(54-й день войны)**

Ленинградский горком ВКП(б) принял постановление о мобилизации с оборонных предприятий и учреждений тысячи коммунистов и комсомольцев, имевших военную специальность

артиллериста или пулеметчика. Срок мобилизации — два дня. Кровопролитные арьергардные бои первого полка 1-й ДНО у деревни Любино Поле.

Бой у хутора Холмино курсантов полковой школы и стрелковой роты политрука А. П. Григорьянца (третий полк 1-й ДНО) с крупным отрядом гитлеровцев, который двигался па Косицкое, к штабу ополченского полка. Противник был раз* громлен и обращен в бегство. Захвачены трофеи и опера* тивные документы.

Смертью героя в бою у деревни Оттурицы пал начальник политотдела 1-й ДНО Д. А. Подрезов, бывший председатель завкома Кировского завода.

Фашистским танкам 41-го корпуса удалось прорваться к железной дороге Кингисепп — Красногвардейск.

15 августа **(55-й день войны)**

Ударная группа ополченцев из роты Е. А. Гавриленко (274-й ОПАБ) атаковала высоту 62.5, с которой гитлеровцы контролировали железную дорогу и шоссе Псков — Луга. Стремительным броском ополченцы ворвались на высоту и забросали гранатами окопы врага.

Прорвав замыкавшееся кольцо окружения западнее деревень Доскино и Остров, подразделения третьего полка 1-й ДНО соединились с отходившими частями 70-й и 237-й стрелковых дивизий и начали совместный путь в направлении Новгорода. Утром 2-я ДНО вела бои у деревень Ополье, Онстопель, Зз-горицы.

В деревню Новое Кудрино прибыл на пополнение 2-й ДНО маршевый батальон из 4-й гвардейской ДНО (1500 бойцов). Его включили в состав второго полка.

Политическое управление фронта прислало во 2-ю ДНО 20 выпускников Военно-политического училища. Молодые политработники были назначены комиссарами батальонов и политруками рот.

Окруженная группа первого полка 1-й гвардейской ДНО (командир полка — майор В. А. Бобринский, комиссар — М Н. Николаев) контратаковала противника и пробилась к своим. Вражеский 56-й моторизованный корпус, направленный на усиление немецких войск, прорвавшихся к железной дороге Кингисепп—Красногвардейск, у озера Самро получил приказ повернуть обратно. Он должен был прибыть к станции Дно, чтобы включиться в борьбу с советскими войсками, перешедшими в наступление под Старой Руссой.

16 августа **(56-й день войны)**

Днем в оборонительном бою на окраине Кингисеппа крещение огнем получил 266-й ОПАБ. Роты лейтенантов А. А. Домошедшего и А. М. Попова отбили семь вражеских атак.

На батальонном наблюдательном пункте был тяжело ранен командир 3-й ДНО полковник А. П. Нетреба. Командование дивизией принял полковник 3. Н. Алексеев.

Командиром 2-й ДНО назначен генерал-майор И. М. Любовцев. 2-ю ДНО посетила делегация трудящихся Московского района. Делегаты привезли ополченцам приветственное письмо от районного партактива.

В части 2-й гвардейской ДНО влились 236 политбойцов — добровольцев из Новосибирской области и Красноярского края. 2-ю гвардейскую ДНО посетил член Военного совета фронта, секретарь горкома партии А. А. Кузнецов, он провел совещание командного и политического состава.

4-я гвардейская ДНО отправила на фронт еще два маршевьо батальона— 1850 бойцов и командиров.

Немецко-фашистские войска ворвались в Новгород и захватили западную часть города.

1- я танковая дивизия врага пробилась в поселок Волосово.

16— 20 августа 2-я ДНО вела непрерывные оборонительные бои в районе деревни Куты на Кингисеппском шоссе. В составе дивизии успешно действовали маршевые батальоны, прибывшие на подкрепление.

17 августа (57-й день войны)

После кровопролитных боев ночыо части 1-й гвардейской ДНО отошли на новый рубеж обороны к деревням Губаницы, Роговицы, Волгово. В дивизии к этому времени оставалось 50 процентов первоначального состава.

2- й ДНО приданы батальон 43-й танковой бригады и батальон моряков-балтийцев.

Артиллерия 3-й ДНО помогла морской пехоте сорвать вражескую попытку переправиться через реку Тулоксу.

Вечером на станцию Батецкая ворвались передовые отряды фашистских войск.

17— 19 августа части 3-й гвардейской ДНО, заняв боевые рубежи, усиленными темпами отрывали окопы, сооружали огневые точки.

17—20 августа шли упорные бои за Кингисепп. Помимо армейских частей и формирований морской пехоты, в атаках участвовали первый полк 4-й ДНО, 266-й ОПАВ и Нарвский рабочий полк.

18 августа (58-й день войны)

Отошедшие к поселку Оредеж части и подразделения 1-й ДНО, а также других соединений, оборонявшихся в восточном секторе Лужской оборонительной позиции, объединены в боевую группу полковника А. Г. Родина, заместителя командира 24-й танковой дивизии (впоследствии он стал генерал-полковником танковых войск, Героем Советского Союза). Ополченцы-кировцы заняли боевые рубежи: первый полк — южнее станции Оредеж, второй полк — у озера Белое, третий полк — в Больших Сокольниках и западнее. На этих позициях бойцы 1-й ДНО держались до 21 августа.

Героический поединок батареи старшего лейтенанта В. П. Кузанова (артполк 1-й гвардейской ДНО) с 24 танками противника. Артиллеристы-ополченцы подбили 11 вражеских машин. Остальные повернули вспять. В этом бою отличился орудийный расчет старшего сержанта Маркелова.

В боевое соприкосновение с врагом вошли подразделения 267-го ОПАБ (Куйбышевского района), защищавшего подступы к Красногвардейску (Гатчина).

Части 2-й гвардейской ДНО выступили в район боев и заняли позиции: первый полк — Салузи, Корпиково, Парицы, Пу-

стошка; второй полк — Пелля, Большая Пудость, по реке Ижоре; третий полк — Малые Тайцы, Большая Ивановка, Голодуха.

На пополнение 2-й ДНО прибыл 806-й стрелковый полк.

19 августа **(59-й день войны)**

В 18 часов подразделения 2-й ДНО завязали бои с противником в районе деревень Лисьи Горы, Миккино.

19—23 августа в составе боевой группы полковника Авакумова борьбу с противником в районе Чудова вели 68-й, 70-й и 82-й истребительные батальоны, укомплектованные добровольцами Авиационного института, «Электросилы» и Адмиралтейского завода.

20 августа **(60-й день войны)**

В Смольном состоялось собрание партийного актива Ленинграда. Обсуждались чрезвычайные меры, которые следовало немедленно принять в связи с вражеской угрозой, нависшей непосредственно над городом Ленина.

Совместным постановлением бюро Ленинградского горкома партии и исполкома Ленгорсовета, а также приказом главнокомандующего Северо-Западным направлением создан Военный совет обороны Ленинграда. Штаб ЛАНО реорганизован в Штаб обороны Ленинграда. Для непосредственной обороны города решено сформировать по территориально-производственному принципу 150 отрядов народного ополчения (рабочих батальонов), численностью 600 человек каждый. В отряды разрешено включать на добровольных началах женщин; и подростков. Командный и политический состав выборный. Для комплектования и вооружения создаваемых отрядов в районах образованы районные штабы, на предприятиях и в учреждениях — специальные тройки.

21 августа **(61-й день войны)**

Опубликовано обращение ко всем трудящимся Ленинграда главнокомандующего Северо-Западным направлением Маршала Советского Союза К. Е. Ворошилова, секретаря Ленинградского городского комитета партии А. А. Жданова и председателя исполкома Ленгорсовета П. С. Попкова. Указав, что над городом Октября нависла непосредственная угроза, руководители обороны Ленинграда призывали жителей города:

«Создадим в помощь действующей Красной Армии в Ленинграде новые отряды народного ополчения, которые будут готовиться к обороне Ленинграда с оружием в руках.

Выделим в ряды этих отрядов народного ополчения лучшие свои силы, самых смелых и отважных своих товарищей рабочих, служащих, интеллигентов.

Отряды народного ополчения должны немедленно приняться за изучение военного дела, быстро овладеть винтовкой, пулеметом, гранатой и подготовиться к защите города.

Все трудящиеся Ленинграда должны окружить отряды народного ополчения могучей поддержкой.

Женщины! Вдохновляйте ваших мужей, сыновей и братьев на боевые подвиги! Молодежь! Вступай в ряды отрядов народного ополчения!»

Газету «На защиту Ленинграда», которую до сих пор распространяли только внутри ополченских частей, начали расклеивать по Ленинграду. Она стала общегородской военной газетой.

На Ижорском заводе приступили к формированию рабочего батальона. Командование батальоном поручено инженеру завода, лейтенанту Г. В. Водопьянову.

Немецкие войска заняли поселок Оредеж.

21— 23 августа в боях на подступах к Красногвардейску (Гатчина) участвовал 60-й истребительный батальон из Красногвардейского района Ленинграда.

22 августа (62-й день войны)

Фашистские войска повели наступление на город Лугу. Бои носили яростный характер. Наступавшая там полицейская дивизия СС понесла такие потери, что, по признанию западногерманского историка Вернера Хаупта, уже 25 августа не в силах была продолжать атаки.

Жестокая, кровопролитная борьба подразделений первого и третьего полков 1-й ДНО на северном берегу реки Оредеж, у поселка Торковичи и деревни Петрушина Гора. Прикрывая отход раненых, геройски погиб комиссар батальона А. Д. Сивохо — секретарь цеховой парторганизации Кировского завода. Тяжело ранен командир первого полка майор В. Г. Шумилов. В бою у моста через реку Оредеж медицинская сестра из первого полка 1-й ДНО Вера Пискунова, заменив раненого командира роты, с гранатой в руке повела бойцов в контратаку. Несмотря на ранение, она не вышла из боя до тех пор, пока не эвакуировала в тыл всех раненых бойцов.

Напряженные бои у деревень Лемовжа, Хотнежа, Корячи первого полка 3-й ДНО с противником, наступавшим с северо-запада и юго-востока.

Ночью бойцы первого полка 2-й ДНО смелой атакой отбили у врага селения Саккала и Лялицы.

В деревне Кайболово местные колхозники организовали приемный пункт для раненых 2-й ДНО и обеспечили его дополнительным питанием из своих запасов — молоком, яйцами, птрцей, ягодами. Пленум Кайболовского сельсовета постановил форсировать уборку урожая и в счет госпоставок передать часть продуктов питания 2-й ДНО.

Второй полк 3-й гвардейской ДНО отбыл в Слуцко-Колпинский укрепленный сектор.

Ленинградский горком партии принял постановление об организации снабжения внутригородских отрядов народного ополчения бутылками с горючей смесью для уничтожения танков противника.

Фашистское командование усилило 16-ю армию, наступавшую через Новгород вдоль Московского шоссе, 39-м моторизованным корпусом генерала Шмидта, который был переброшен с западного направления советско-германского фронта.

22— 23 августа первый батальон третьего полка 2-й гвардейской ДНО, поддержанный ротой танков и артиллерийской батареей, предпринял настойчивые атаки против гитлеровцев, засевших на территории совхоза «Войсковицы». Ополченцы потеснили врага, нанеся ему значительные потери в живой

силе и технике. В бою погиб комбат-1 коммунист Грунев, бывший начальник штаба МПВО Балтийского завода.

23 августа **(63-й день войны)**

Ставка Верховного Главнокомандования разделила Северный фронт на два — Карельский и Ленинградский. Командующим войсками Ленинградского фронта назначен генерал-лейтенант М. М. Попов.

Вместе с войсками упорно оборонял родной город (Приозерск) Кексгольмский истребительный батальон. Его организатором была секретарь горкома партии Е. Н. Никифорова.

23—25 августа 2-й Латышский рабочий полк (командир — Ф. Пуце, комиссар — А. Деглав) вел бои у деревни Кошкино, обеспечивая выход из окружения советских артиллерийских частей. Затем латышские ополченцы отошли к деревне Крикково.

24 *августа* **(64-й день войны)**

Вечером подразделения первого полка 1-й ДНО вместе с батальоном курсантов Ленинградского авиатехнического училища имени Ленинского комсомола дерзкой атакой отбили у противника деревни Гобжицы и Баньково на берегу реки Оредеж. Был разгромлен фашистский штаб, захвачены оперативные документы, мотоциклы, велосипеды, много оружия. Двое суток удерживала боевая группа А. Г. Родина эти деревни, препятствуя соединению вражеских 50-го и 28-го армейских корпусов.

39-й моторизованный корпус врага захватил станцию Чудово и перерезал железную дорогу Москва — Ленинград.

25 августа **(65-й день войны)**

Ленинградский горком партии принял постановление о превращении учебных винтовок и пулеметов в боевое оружие Бой подразделений первого полка 3-й ДНО у станции Берест. 25—27 августа подразделения второго полка 3-й гвардейской ДНО (командир полка— А. П. Могильников, комиссар — М. Н. Александров) несколько раз атаковали деревню Пижму.

26 августа **(66-й день войны)**

Ленинградский обком и горком ВЛКСМ приняли решение о формировании комсомольского полка по охране революционного порядка в Ленинграде. 25 сентября полк (2160 человек) переведен на казарменное положение.

Ночью подразделения второго полка 2-й ДНО атаковали противника севернее населенного пункта Кикерицы. Гитлеровцы отступили к Кикерицам. Захвачены пленные и орудия.

4-я гвардейская ДНО отправила на строительство оборонительных сооружений на ближних подступах к Ленинграду 2800 бойцов и командиров.

27 августа **(67-й день войны)**

После бомбового удара гитлеровцы атаковали позиции 274-го ОПАБ у железнодорожного моста в Толмачеве. Ополченцы держались до вечера, потеряв почти половину своего состава.

Лишь затем они отступили к Шуваловскому переезду и деревне Долговке.

Подразделения первого полка 3-й ДНО с боем прорвались у деревни Муравейно через вражеское окружение.

2-я ДНО отошла на новые рубежи в районе Велькота, Кайболово, Горка, Ратчнно.

В течение 27 августа — 14 сентября боевая группа полковника А. Г. Родина вела непрерывные ожесточенные бои южнее поселка Дивенского. Действовала она в составе войск Лужской оперативной группы, которая отходила на север, к Ленинграду.

28 августа **(68-й день войны)**

Бои с гитлеровцами у деревни Велькота третьего полка 2-й ДНО (командир полка — майор Микитей).

Бронетанковый батальон 2-й ДНО очистил от вражеских автоматчиков деревню Лоузно.

Возглавляя контратаку своего подразделения, у деревни Унатиды геройски погиб комбат-3 второго полка 2-й ДНО капитан М. Г. Лупенков.

Тяжелый бой подразделений 4-й ДНО у деревни Пижмы под Красногвардейском (Гатчина).

Флагманский артиллерист Кронштадтской морской базы КБФ выделил для огневой поддержки первого полка 3-й гвардейской ДНО боевой корабль (пять 130-миллиметровых орудий и 500 снарядов).

Враг занял Tocho.

29 августа **(69-й день войны)**

Узнав, что фашистские войска приблизились к Ям-Ижоре, штаб обороны Колпина спешно перебросил в ночь на 29 августа на окраину 3-й Колпинской колонии батальон Г. В. Водопьянова. Следом туда же подошла вооруженная группа ижорских рабочих, которую привел прямо из цехов председатель Колпннского райисполкома А. В. Анисимов.

Третий полк 1-й ДНО, который вышел из окружения в районе станции Батецкая, получил боевой приказ: спешно выдвинуться к станции Мга и преградить путь наступавшим подразделениям 39-го моторизованного корпуса врага. Фашистские войска захватили станцию Мга, перерезав Северную железную дорогу.

Отбив у врага разъезд Стекольный, группа полковника И. И. Лебединского (1-я ДНО) прочно удерживала его до подхода второго батальона 402-го полка 168-й дивизии. В боях отличился комиссар полка рабочих-кировцев Н. С. Капралов.

29—31 августа 402-й стрелковый полк 168-й дивизии разгромил во встречном бою в районе поселка Tocho **один из полков 121-й пехотной дивизии врага.**

80 августа **(70-й день войны)**

Корабли отряда под командованием капитана 1-го ранга В. С. Черокова, войдя в Неву, впервые открыли огонь по гитлеровцам, вышедшим к Ивановскому (Отрадное).

Головные дивизии 16-й немецкой армии, внезапно свернув с шоссе, ворвались в Усть-Тосно и Ивановское и вышли

к Неве. Таким образом враг перекрыл последние (прямой водный и железнодорожный) пути сообщения Ленинграда со страной.

Днем эшелон третьего полка 1-й ДНО прибыл на платформу Саперная. Дальше нельзя было двигаться: Ивановское оказалось в руках врага, Мга пала.

Финские войска взяли Выборг.

31 августа (71-й день войны)

Подразделения 2-й ДНО совместно с батальоном курсантов Военно-политического пограничного училища имени Ворошилова дружной контратакой выбили гитлеровцев из деревня Ирогоши (под Копорьем). Были захвачены трофеи.

В боях у Пухтолы— Горы и на подступах к Териокам (Зеленогорск) участвовал 104-й (Териокский) истребительный батальон.

Получив новый приказ штаба фронта, третий полк 1-й ДНО прибыл на Карельский перешеек и занял оборону по линия деревня Медный Завод — станция Белоостров.

31 августа —2 сентября на оборону правого берега Невы, от Порогов до Ладожского озера, из Ленинграда выступили 1-й, 2-й, 4-й и 5-й истребительные батальоны.

1 сентября (72-й день войны)

Выступив утром из Колпина, второй полк 4-й ДНО быстро выдвинулся к Неве и с ходу атаковал противника в прибрежной деревушке Новой, После короткого боя немецкие передовые группы откатились к Усть-Тосну. На этом участке фронт надолго стабилизировался.

Вооруженный отряд сестрорецких рабочих под командованием А. И. Осовского (120-й истребительный батальон) выступил навстречу вражескому танковому авангарду и остановил противника. Бойцы — рабочие завода имени Воскова подбили финский танк, истребили группу неприятельских солдат. Они заняли оборону по Ржавой канаве, которая на все месяцы обороны Ленинграда стала непреодолимым рубежом для врага.

Командующий Ленинградским фронтом приказал спешно сформировать еще две дивизии народного ополчения — 5-ю и 6-ю. На пополнение частей 3-й ДНО, сражавшихся на олонецком направлении, прибыли бойцы с Алтая и из Сибири.

Переведен на казарменное положение Комсомольский полк противопожарной обороны Ленинграда. Он был создан в начале августа по решению Ленинградского горкома ВЛКСМ и насчитывал в своих рядах 1614 студентов, учащихся, молодых рабочих и служащих.

1—2 сентября подразделения второго полка 3-й гвардейской ДНО на автомашинах переброшены к Ново-Лисину, где оин заняли оборонительные рубежи севернее железной дороги. Здесь вел также упорные бои 402-й Краснознаменный стрелковый полк 168-й дивизии (командир дивизии — полковник А Л. Бондарев, командир полка — полковник Я. С. Ермаков).

2 сентября (73-й день войны)

«Не отдадим родного Ленинграда» — так озаглавлена передовая газеты 1-й ДНО «За Советскую Родину». В ней гово-

рилось: «Пусть великим гневом загорится твое сердце, товарищ боец! Пусть заговорит в нем горячий голос родного города. Пусть память о славных делах отцов умножит твои силы, наполнит тебя мужеством, решительностью, упорством! Ты — Ленинградец! В твоих жилах течет кровь славных путиловцев, бесстрашных красногвардейцев Выборгской стороны, стойких московцев, василеостровцев, дзержинцев. Будь достоин имени города, вскормившего и вырастившего тебя!»

Второй полк 1-й ДНО, наскоро деформированный после выхода из окружения, занял позиции по реке Ижоре в районе деревень Ала-Пурсково — Юля-Пурсково, перекрывая врагу путь к поселку Тайцы. Оперативно полк подчинялся

3- й гвардейской ДНО. Командир полка — майор М. И. Супагин, военком — А. С. Ермолаев, бывший заместитель секретаря парткома завода имени Жданова.

В Ленинграде произведено первое снижение норм продовольственного снабжения населения.

3 сентября **(74-й день войны)**

После массированного бомбового удара по переднему краю обороны третьего полка 3-й гвардейской ДНО в Большом Ондрове в 18 часов противник начал разведку боем в направлении Малого Ондрова. Огнем ополченцев вражеские атаки были отбиты. Только на правом фланге под напором фашистских автоматчиков, поддержанных танками и бронемашинами, восьмая рота к полуночи вынуждена была отойти в Переярово.

Проведена рокировка боевых порядков третьего полка 1-й ДНО, поступившего в оперативное подчинение 291-й стрелковой дивизии. Полк стал занимать рубежи от станции Белоостров до бывшего погранзнака № 16 на берегу Финского залива. Под ураганным огнем противника, стремительно форсировав на лодках и бревнах реку Тосну, подразделения третьего полка 4-й ДНО на рассвете ворвались в деревню Покровскую и захватили ее. Впереди атаковавших ополченцев шли командир полка старший лейтенант Н. И. Чугунов и комиссар И. С. Турчин.

4 *сентября* **(75-й день войны)**

Группа ижорских ополченцев под командованием лейтенанта Г. В. Водопьянова провела разведку боем у северо-восточной окраины селения Ям-Ижора. Действия группы поддерживали огнем две бронемашины и танк.

Фашистская тяжелая артиллерия начала систематический обстрел Ленинграда и Шлиссельбурга.

Финские войска возобновили наступление на олонецком направлении. Прорвав фронт, они двинулись через Олонец к Свири, окружая основные силы 3-й ДНО и другие части.

4— 11 сентября 168-я стрелковая дивизия в районах Ново-Лисино, Красный Бор, Ям-Ижора, Федоровское героически отражала натиск противника, стремившегося прорваться к Колпину. Ижорский батальон тесно взаимодействовал с 462-м полком 168-й дивизии.

5 сентября **(76-й день войны)**

Командование Ленинградским фронтом принял Маршал Советского Союза К. Е. Ворошилов.

Первый полк 1-й гвардейской ДНО прямо с марша вступил в бой у деревни Новый Бор, на пути к Дятлицам. В течение дня ополченцы отбили три вражеские атаки.

Неподалеку от платформы Вырица группа выходивших из окружения бойцов и командиров 274-го ОПАБ сделала попытку пробиться через вражеские цепи. Большая часть ополченцев прорвалась. Комбат А. С. Медведников был смертельно ранен.

Отступавшие из-под реки Тулоксы артиллерийские подразделения 3-й ДНО приняли активное участие в арьергардных боях в районе Олонца.

Жестокий бой второго и третьего полков 3-й ДНО у деревни Нурмолицы. Потерпев неудачу с попыткой вырваться из окружения на этом участке, дивизия в ту же ночь свернула с дороги и начала многодневный поход через карельские леса и болота.

6 сентября (77-й день войны)

Сводный отряд, в который входили отступавшие ополченцы и воины 41-го стрелкового корпуса, атаковал ночью врага на станции Слудица. Возглавлял атаку комбат первого полка 3-й ДНО капитан Степанов.

35 ополченцев разведгруппы 267-го ОПАБ, совершив под командованием политрука А. С. Тригорина внезапный налет на деревню Малое Замостье под Красногвардейском (Гатчина), наголову разгромили большой отряд противника.

На помощь поредевшим частям 4-й ДНО, оборонявшей участок по правому берегу реки Тосны, прибыл из Ленинграда второй полк 5-й ДНО (командир полка — полковник С. И. Красновидов, военком — батальонный комиссар С. И. Ганичев). С ходу вступив в бой с фашистской разведкой, полк занял боевые рубежи.

6—8 сентября 100-й (Подпорожский) и 101-й (Вознесенский) истребительные батальоны отбили несколько попыток финских войск форсировать реку Свирь вблизи Подпорожья и Вознесенья.

7 сентября (78-й день войны)

На подступах к Красному Селу втянулся в яростные бон 265-й ОПАБ, созданный из рабочих, служащих и Студентов Октябрьского района.

Части 3-й ДНО, вырвавшиеся из вражеского окружения, с боем пересекли шоссейную дорогу Лодейное Поле — Петрозаводск и форсировали реку Олонку.

Заняв оборону по левому берегу Свири, 99-й истребительный батальон города Лодейное Поле, пополненный местным партийным и комсомольским активом, в течение трех дней отбивал все попытки вражеских войск переправиться через реку. Бойцы-истребители вели сдерживающие бои с противником до подхода частей Красной Армии.

Севернее поселка Володарского занял оборону у деревни Новое Село и приготозился к боям отдельный Латышский добровольческий батальон. Он был сформирован из остатков 1-го Латышского рабочего полка, эвакуированного из Таллина в Кронштадт. Командовал батальоном старший лейтенант

Ж- Фолманис (впоследствии известный латышский писатель Жан Грива), комиссар — К. Васкис.

8 сентября (79-й день войны)

Ранним утром на платформе Дунай, недалеко от станции Шлиссельбург, выгрузились подразделения 266-го ОПАБ. До 13 сентября батальон занимал рубежи по правому берегу Невы, в районе Черной речки.

Немецко-фашистские войска захватили город Шлиссельбург (Петрокрепость).

Недавний студент Горного института, боец 5-го отдельного истребительного батальона В. Н. Пчелиицев открыл в районе Невской Дубровки личный счет истребленных гитлеровцев. В феврале 1942 года этот прославленный снайпер Ленинградского фронта был удостоен звания Героя Советского Союза. Упорная борьба за Ропшу, во время которой поселок неоднократно переходил из рук в руки. Защищали Ропшу части 1-й гвардейской ДНО, 191-й и 118-й стрелковых дивизий. Ядро обороны составлял ополченский третий полк, которым командовал майор В. Ф. Маргелов (впоследствии генерал армии, Герой Советского Союза). Бои продолжались до 13 сентября.

9 сентября (80-й день войны)

В решительное наступление перешел 41-й танковый корпус и другие вражеские войска из группы армий «Север». Противник наносил главный удар в общем направлении на Красное Село, по рубежам, которые занимали части 3-й гвардейской ДНО, 2-й гвардейской ДНО, 265-й ОПАБ, 267-й ОПАБ и другие ополченские формирования. Первый день наступления не дал противнику никаких существенных результатов. В районе деревни Порожки смертельно ранен военком 2-й ДНО полковой комиссар П. Т. Тихонов.

Решением Колпинского райкома партии и штаба обороны Колпина батальон Водопьянова, группа Анисимова и истребительный батальон Кудрявцева объединены в отдельный Ижорский рабочий батальон. Командиром вначале был назначен В. С. Кудрявцев, вскоре его сменил Г. В. Водопьянов. Военкомом стал политрук Г. Л. Зимин, председатель завкома Ижорского завода.

В Рождествено прибыла 2-я пехотная бригада СС, направленная под Ленинград Гиммлером. Она состояла из 300 «добровольцев» голландского фашистского легиона «Нидерланды» и эсэсовских подразделений. Бригада была специально прислана для борьбы с окруженными под Вырицей частями 41-го стрелкового корпуса.

Личный состав артполка 3-й ДНО, вырвавшись из окружения на реке Тулоксе и под Олонцом, переправился на подручных средствах через Свирь и 11 сентября вышел в район Лодейного Поля.

10 сентября (81-й день войны)

«Ленинградская правда» вышла под лозунгом: «Ленинградцы! Все мы — бойцы фронта!»

Незыблемую верность долгу и высокую самоотверженность проявил гарнизон дота 265-го ОПАБ. Два дня артиллери-

сты-ополченцы неустанно наносили смертельные удары по танкам и автоматчикам врага, рвавшимся к. Русско-Высоцкому. Когда же гитлеровцам удалось вплотную подобраться к доту, его командир коммунист Ю. А. Лещинский, пришедший в ополчение из Ленинградского института инженеров железнодорожного транспорта, вызвал огонь на себя. Ополченцы погибли, но не сдались.

В поселке Тайцы принял неравный бой с гитлеровцами ополченский 268-й ОПАБ, сформированный из трудящихся Вы-, боргской стороны. Борьба шла до утра следующего дня. Прямым попаданием вражеского снаряда в командный пункт третьего полка 3-й гвардейской ДНО были серьезно ранены командир полка капитан Н. В. Курсин и работники штаба. Управление подразделениями было нарушено.

По словам фашистского генерала Рейнхардта, командира 41-го танкового корпуса, наступавшего на Русско-Высоцкое — Красное Село, этот день был самым тяжелым днем борьбы *за* Ленинград. «Борьба шла с переменным успехом, — писал Рейнхардт, — несмотря на помощь авиации, приносила лишь очень медленное продвижение и требовала все возраставших потерь, особенно в 6-й танковой дивизии, которая в этот день лишилась всех своих четырех командиров.

Московский райком партии направил во 2-ю ДНО рабочую делегацию в составе 15 человек.

Упорные бои второго полка 3-й гвардейской ДНО и подразделений 402-го полка 168-й стрелковой дивизии в районе станции Ново-Лисино, продолжавшиеся до 13 сентября.

11 сентября (82-й день войны)

В командование Ленинградским фронтом вступил генерал армии Г. К. Жуков.

Перейдя в наступление, подразделения первого (командир — майор Соболев) и второго (командир — майор Г. Л. Арсенов) полков 2-й ДНО выбили противника из деревень Зрекипо, Перелесье и Варвароси, вплотную приблизившись к Гостилицам. Бои на этом участке не затухали пять дней.

После трехдневных сдерживающих боев в районе поселка Тайцы второй полк 1-й ДНО отошел к населенным пунктам Новое Сузи, Синда, Редкое Кузьмино, Александровская, заслоняя подходы к Пулковским высотам.

Батальон старшего лейтенанта В. И. Шувалова был переброшен к Урицку. Вместе с бойцами морской пехоты и ополченцами 3-й гвардейской дивизии он участвовал в контратаках под Красным Селом, а затем в обороне Урицка.

Днем в боевых порядках 3-й гвардейской ДНО побывал Маршал Советского Союза К. Е. Ворошилов. Он участвовал в организации и проведении контрудара 1-й бригады морской пехоты на деревню Михайловку и был легко ранен.

Дерзкая атака группы ополченцев третьего полка 1-й гвардейской ДНО на вражеские позиции в Ропше. 25 саперов и связистов во главе с майором В. Ф. Маргеловым обратили гитлеровцев в бегство.

Ночью на берегу реки Стрелки в Ропше заняли исходные позиции для атаки латышские стрелки из 76-го отдельного полка (2-й Латышский рабочий полк). Оперативно они были

подчинены третьему полку 1-й гвардейской ДНО и вместе с ним вели дальнейшую борьбу за поселок Ропшу.

На юго-западную окраину Екатерининского парка города Пушкина и на станцию Александровская выдвинулся боевой отряд, состоявший из ополченцев первого полка 1-й ДНО и бойцов 237-й стрелковой дивизии, которые вышли из вражеского окружения и были собраны в Пушкине.

Вечером второй полк 5-й ДНО получил приказ передать свои позиции 4-й ДНО и подготовиться к переброске на другой участок.

12 сентября (83-й день войны)

Ленинградский горком партии принял постановление о мобилизации в двухдневный срок еще 3 тысяч коммунистов, комсомольцев и беспартийных активистов для пополнения действующих войск. Часть мобилизованных была влита в ополченские формирования.

Упорные бои третьего полка 2-й гвардейской ДНО на рубеже реки Ижоры, в районе Романовна — Горки.

В 19 часов, несмотря на упорное сопротивление ополченцев, фашистские танки прорвались к дороге Красногвардейск — Красное Село. Бок о бок с бойцами Красной Армии защищал город 92-й (Красносельский) истребительный батальон.

К исходу дня противник занял Красное Село.

Командование вражеского 50-го армейского корпуса, наступавшего на красногвардейском направлении, в своем донесении так характеризовало советские войска: «Многие воинские соединения, то ли по убеждению, то ли под давлением комиссаров, сражаются очень хорошо и сопротивляются до полного их уничтожения».

Второй полк 5-й ДНО прибыл из-под Колпина к юго-западным склонам Пулковских высот и занял позиции до Лигова и Ново-Панова. Во второй половине дня неподалеку от Финского Койрова и Венерязи произошли первые столкновения ополченцев с просочившимися автоматчиками противника.

Рабочая делегация посетила части 1-й гвардейской ДНО. Делегаты встретились с командованием, беседовали с ополченцами.

В Ленинграде произведено второе снижение норм снабжения продовольствием.

13 сентября (84-й день войны)

В ночь на 13 сентября прибыли из Ленинграда и включились в борьбу с врагом основные силы (первый и третий полки)

5-й ДНО. Командир дивизии — полковник Ф. П. Уткин, военком— батальонный комиссар Ф. Л. Казаков. Первый полк (командир — майор А. П. Литвинов, комиссар — Возжин) занял позиции на юго-западных склонах Пулковских высот. С марша вступив в бой, батальон капитана Е. А, Каймука атаковал противника в деревне Верхнее Койрово и окопался у подножия Глиняной горки. Левее батальон капитана И. Ф. Березкина вступил в бой за населенные пункты Гонгози и Венерязи. Прикрывая высоту с обсерваторией и Восточную высоту, занял окопы батальон капитана И. Ф. Рябинкина. На этих же рубежах стоял 291-й ОПАБ капитана Каверзнева.

Третий полк (командир — подполковник Топчнн, военком — батальонный комиссар М. Я. Камышников) вышел на рубежи между Пулковскими высотами и Лотовом. Первый батальон закрепился у деревень Камень, Кискино, другое подразделение с ходу ввязалось в бой с фашистскими солдатами, проникшими в Финское Койрово.

Группа бойцов 267-го ОПАБ вела последние бои на улицах Гатчины. В память об этом событии здесь, на угловом доме по улице 25-го Октября (№ 27/29), установлена мемориальная доска: «В этом доме 13 сентября 1941 года отряд ополченцев под командованием политрука Андрея Тригорина насмерть бился с врагом, прикрывая отход советских войск из Гатчины». Именем А. С. Тригорина названа одна из улиц этого города. В 519-м гаубичном артполку 2-й ДНО прошли митинги-встречи бойцов с делегацией рабочих Московского района.

14 сентября **(85-й день войны)**

Второй полк 5-й ДНО под командованием комиссара С. И. Ганичева выбил головные отряды противника из селения Константиновна. Но удержаться там не удалось. Стрелковая рота лейтенанта Кренстрема (аспирант Ленинградского университета) из третьего полка 5-й ДНО заняла окоп неподалеку от деревни Кискино и 36 часов подряд вела жестокий бой, сдерживая натиск врага. Особенно отличился старый боец-коммунист И. А. Корнилов, пришедший в ополчение с фабрики «Канат». В решающий момент боя он бесстрашно поднялся во весь рост и с криком: «За нами Ленинград! Вперед!»— увлек за собой бойцов в контратаку.

Бои у поселка Володарского подразделений 3-й гвардейской
ДНО.

На окраине Александровского парка в оборону города Пушкина включился местный истребительный батальон под командованием И. А. Яковлева. Пушкинцы заняли боевые позиции у зданий бывших Пенсионных конюшен. Оперативно батальон подчинялся командиру сводного ополченского отряда полковнику И. И. Лебединскому.

Бронемашины Ижорского батальона поддержали огнем контратаку подразделений 168-й стрелковой дивизии полковника А. Л. Бондарева у деревни Путролово. Враг был отброшен на исходные позиции.

Готовилась к боям 7-я дивизия народного ополчения. Командир дивизии — полковник И. С. Кузнецов, военком — бригадный комиссар Ф. В. Конончук. 30 сентября 7-я ДНО, став уже 56-й стрелковой дивизией, заняла оборону в районе Автова.

Ополченцы первого полка 1-й гвардейской ДНО и латышские стрелки 76-го отдельного полка два дня обороняли деревню Михайловскую на высоте около Ропши.

Непрерывные ожесточенные бои у Кискина третьего полка 5-й ДНО, продолжавшиеся до 23 сентября. В ходе борьбы деревня неоднократно переходила из рук в руки.

15 сентября **(86-й день войны)**

Ленинградский обком и горком ВЛКСМ приняли постановление о создании комсомольских групп для вылавливания вражеских ракетчиков.

462-й стрелковый полк 168-й стрелковой дивизии во взаимодействии с подразделениями 7-го истребительного батальона по левому берегу реки Ижоры, недалеко от линии Октябрьской железной дороги под Колпином, в течение двух дней сдерживал атаки противника и неоднократно переходил в контрнаступления. 7-й батальон состоял из трудящихся Колпина. Командовал им политрук И. С. Грищенко, комиссаром был политрук Н. И. Егоров.

16 сентября **(87-й день войны)**

«Ленинградская правда» вышла с передовой статьей «Враг у ворот!».

К железной дороге между станциями Таржеполь и Ладва вышли из лесов подразделения 3-й ДНО. После неудачного прорыва у деревни Нурмолицы они без транспорта и пищи одиннадцать суток двигались по тылам противника. Было пройдено свыше 150 километров. Дивизия сохранила боеспособность, бойцы вышли с личным оружием, вынесли раненых, важнейшие документы.

На окраине деревни Разбегай геройски бился гарнизон дота младшего лейтенанта А. С. Маслова (277-й ОПАБ) — аспиранта-математика Ленинградского университета. Несмотря на сильный обстрел противника, бойцы не покинули своих боевых постов и вели меткий огонь по фашистской батарее в Ропше до тех пор, пока вражеский снаряд не взорвал дот.

На участке от села Рыбацкого до Мясокомбината оборону во втором эшелоне заняла 6-я дивизия народного ополчения, созданная в Октябрьском районе Ленинграда. Командир — полковник К. А. Антонов, военком — корпусной комиссар А. А. Булышкин.

Прорвавшись через Красное Село—Горелово, гитлеровские войска вышли на дорогу Стрельна — Ленинград. В результате этого 8-я армия Ленфронта, в том числе и некоторые ополченские формирования (2-я ДНО, 1-я гвардейская ДНО и др.), оказалась отрезанной от Ленинграда. Началась история Ораниенбаумского плацдарма («пятачка»).

Финские войска захватили поселок Подпорожье.

Отбив атаки вражеских войск на 3-ю Колпинскую колонию, бойцы Ижорского батальона вытеснили гитлеровцев из селения. В контратаках их поддержали радведчики 83-го ОПАБ под командованием лейтенанта Е. Г. Григорьева.

17 сентября **(88-й день войны)**

Военный совет Ленинградского фронта отдал строжайший приказ во что бы то ни стало удержать рубеж Лигово — Кискино — Верхнее Койрово — Пулковские высоты, а также районы Московской Славянки, Шушар и Колпина — ключевые позиции обороны южной и юго-восточной части Ленинграда. «Ни шагу назад! — требовал приказ. — Не сдавать ни одного вершка земли на ближних подступах к Ленинграду!»

Утром вражеские автоматчики под прикрытием танков пошли в наступление на развалины деревни Венерязи, которую оборонял батальон капитана И. Ф. Березкина из первого полка 5-й ДНО. Контратаку ополченцев возглавил политрук Ле-

тавин. Броском бойцы достигли окраин деревни, выбив оттуда гитлеровцев.

Батальон капитана Чернедских (500-й полк) оттеснил противника к деревне Туйполово. Атаковавших поддержал огнем 291-й ОПАБ.

Возглавляя контратаку на Урнцк спецподразделений дивизии и остатков второго полка, собранных в Шереметьевском парке, были тяжело ранены комдив 5-й ДНО полковник Ф. П. Уткин, замещавший военкома дивизии батальонный комиссар А. Г. Соломоник и начальник оперативного отделения штаба дивизии И. М. Турьян. Командование группой принял дивизионный инженер майор Хализов.

Два стрелковых батальона, а также штаб второго полка

1- й ДНО прибыли из-под Пулкова к Урицку. Соединившись с батальоном В. И. Шуваева, они включились в ожесточенные бои. Полк вошел в состав 3-й гвардейской ДНО.

Выдержав плотный артиллерийский огонь противника, ополченцы 266-го ОПАБ отразили все вражеские атаки у деревни Павкули, южнее Петергофа. В бою отличилась санитарка батальона А. Я- Савельева — студентка Педагогического института имени Герцена.

2- я ДНО, передав свои рубежи 2-й бригаде морской пехоты, совершила 40-километровый ночной марш к селению Владимирово.

Ленинградский горком ВЛКСМ принял решение спешно подготовить из числа комсомольцев тысячу артиллеристов и минометчиков. Обучение должно было проходить без отрыва от производства.

Фашистский генерал Шмидт, командовавший 39-м моторизованным корпусом, который захватил Шлиссельбург и находился на южном побережье Ладожского озера, доносил Гитлеру, что «большевистское сопротивление своей яростью и ожесточенностью намного превзошло самые большие ожидания».

18 сентября **(89-й день войны)**

Постановление Ленинградского горкома ВКП(б) о срочной мобилизации на фронт 5 тысяч коммунистов, комсомольцев и лучшей части беспартийных ленинградцев. Многие из этих мобилизованных пополнили поредевшие ополченские части. Начальник штаба сухопутных войск фашистского вермахта генерал Гальдер отметил в своем служебном дневнике: «На фронте группы армий „Север“ для наших войск сейчас сложилась очень напряженная обстановка». Швейцарская газета «Национаь цейтунг», ссылаясь на военного обозревателя в Берлине, писала, что борьба за Ленинград требует «хладнокровия и презрения к смерти», как ни в одной из прежних военных операций, «здесь испытываются нервы».

¡8—21 сентября 2-я ДНО предприняла наступательные действия, нацеленные во фланг вражеской группировки, действовавшей на красносельском направлении.

19 сентября **(90-й день войны)**

Форсировав Неву, подразделения 115-й стрелковой дивизии образовали левобережный плацдарм у Московской Дубровки. Через два дня сюда переправилась 4-я отдельная бригада

морской пехоты. Началась многодневная борьба на легендарном Невском «пятачке».

20 сентября (91-й день войны)

Содействуя войскам, штурмовавшим Белоостров, подразделения третьего полка 1-й ДНО с боем заняли рощу «Колбаса» на берегу реки Сестры, у перекрестка шоссейной и железной дорог на Выборг.

120-й (Сестрорецкий) истребительный батальон атаковал высоту Безымянную.

Группа бойцов отдельного Латышского добровольческого батальона, которая после боев в Стрельне отошла к Ленинграду, зачислена в 3-ю гвардейскую ДНО. Позднее она составила седьмую роту 708-го стрелкового полка и принимала участие в боях за Урицк.

Вышедшие из окружения части 3-й ДНО, усиленные девятым (Ивановским) мотострелковым полком, атаковали финский гарнизон на станции Токари и овладели станцией. Командовал ополченцами-фрунзенцами в этих боях генерал-майор Ф. П. Судаков. В результате захвата станции Токари 7-я пехотная дивизия финнов, нацеленная на Поденное Поле, вынуждена была повернуть на север, против 3-й ДНО. На занятых рубежах у станции Токари ополченцы и мотострелки находились до 1 октября, а затем, вновь оказавшись в окружении, стали пробиваться к своим, в сторону реки Свири.

Начались упорные двухдневные оборонительные бои 264-го ОПАБ на подступах к Петергофу — у Бельведера и Розового павильона, деревень Марьино, Сашино, Луизино и других. Совместно с частями 23-й армии в наступательных боях у станции Белоостров принимал участие 87-й (Парголовский) истребительный батальон.

Оперативно подчиняясь командиру 10-й стрелковой дивизии, борьбу за Петергоф в течение трех дней вели 78-й и 79-й (Петергофские) истребительные батальоны, а также группа латышских добровольцев.

21 сентября (92-й день войны)

Поздним вечером, когда гитлеровцы окружили у деревни Санино дот 264-го ОПАБ, в котором осталась горстка раненых ополченцев, его защитники взорвали свое сооружение, чтобы не попасть в руки врага. Командовал дотом лейтенант Ю. Г. Никитин — студент Кораблестроительного института.

21—22 сентября в штурме Белоострова участвовал ударный батальон 291-й стрелковой дивизии, большинство командиров и политработников которой — московские ополченцы. Душою батальона был его комиссар И. П. Лобачек. В одной из атак его тяжело ранило, он попал в плен и был зверски замучен. Именем московского комиссара-ополченца И. П. Лобачека названа одна из улиц столицы.

21—23 сентября происходили массированные налеты фашистской авиации на Кронштадт и стоявшие там корабли Краснознаменного Балтийского флота.

22 сентября (93-й день войны)

На подходах к железнодорожному мосту у Петергофа вел бои 79-й истребительный батальон, которым командовали

М. Д. Гомулнн и П. С. Кошман. В схватках с врагом отличились пулеметчики Владимир и Глеб Гаркушенко. Они геройски пали у стен родного города. После войны именем братьев Гаркушенко названа одна из улиц Петродворца.

23 сентября **(94-й день войны)**

Утром после двухчасовой артиллерийско-минометной и авиационной подготовки фашистские войска перешли в наступление на всем протяжении фронта от Пулковских высот до Финского залива. Главный удар наносился на участке Кискино—Галлерово, который оборонял третий полк 5-й ДНО. Враг стремился любой ценой пробиться в тыл советских частей, стоявших на Пулковских высотах. Наступавших встретил плотный огонь наземной и корабельной артиллерии. Каждая атака гитлеровцев наталкивалась на стойкое сопротивление ополченцев. Бойцы 5-й ДНО сдержали натиск врага. Так закончилась последняя крупная попытка фашистского командования в сентябре 1941 года прорвать фронт у стен Ленинграда.

Возглавляя контратаку ополченцев, в бою у деревень Кискино и Камень смертью героя пал военком третьего полка 5-й ДНО Н. А. Смирнов, бывший секретарь Выборгского райкома партии Ленинграда. Его именем названа улица в Выборгском районе Ленинграда.

Дивизии Ленинградского народного ополчения реорганизованы в соединения Красной Армии.

Закончилась почти стодневная героическая история народного ополчения Ленинграда.

СОДЕРЖАНИЕ

ОПОЛЧЕНЦЫ

Составитель Б. Е. Столпнер

Редактор В. П. Иванова
Художник К. А. Левизе
Художественный редактор А. К. Тимошевский
Технический редактор А. И. Сергеева
Корректор Л. М. Ван-Заам

Сдано в набор 27/V 1974 г. Подписано к печати 14/11 1975 г.
Л1-26061. Формат 84Х108'/за. Бумага тип. № 2. Уел. печ. л. 25,2+2,52 вкл.
Уч.-изд. л. 25,97+2,1=28,07. Тираж 100 000 экз.
Заказ № 608. Цена 1 р. 24 к.

Лениздат, 191023, Ленинград, Фонтанка, 59
Ордена Трудового Красного Знамени
типография им. Володарского Лениздата,
191023, Ленинград, Фонтанка, 57

О61 Ополченцы. Л., Лениздат, 1975.

480 с.+иллюстрации.

На обороте тит. л. сост.: Б. Е. Столпнер.

В сборнике помещены воспоминания участников обороны Ленинграда, повествующие о мужестве воинов-ополченцев и боевой деятельности соединений и частей Ленинградской армии народного ополчения.

О $\frac{11202-176}{М\ 171\ (03)-75}$ 54—75 9 (С) 27